

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

КНИГА 3-я

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1976

Составитель И. И. Шмелев

Чекисты рассказывают. Книга 3-я. М., «Сов. Россия», 1976.

На обороте тит. л. сост. И. И. Шмелев.
416 с.

Первая и вторая книги «Чекисты рассказывают» были тепло встречены читателями и прессой. Новый сборник как бы продолжает этот рассказ. На страницах сборника авторы правдиво и ярко пишут в основном о героических подвигах советских людей в борьбе с гитлеровской разведкой в период Великой Отечественной войны и с происками реакционных сил НАТО в послевоенное время. Среди авторов сборника — ветераны-чекисты В. Востоков, Е. Зотов, Н. Прокopenко, Л. Тамаев, В. Шевченко и другие.

Ч $\frac{70300-080}{M-105(03)76}$ 110—76

Р2

ВЛАДИМИРСКИЕ «ЯКОБИНЦЫ»

Владимирская губернская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем с 26-го июля переведена из дома бывшего губернатора в помещение Рождественского монастыря.

«Известия» Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Владимирской губернии. 28 июля 1918 года

Лето 1918 года. Город Владимир на Клязьме. Под мрачными сводами Рождественского монастыря появились новые хозяева. Об этом известили красные флаги, закрепленные на башнях, и часовой у ворот.

Никогда раньше здесь не было так шумно. То в одном, то в другом конце двора раздавались отрывистые команды, громко ржали строевые кони. В кельях забились напряженная беспокойная жизнь первых владимирских чекистов.

...Положив голову на стол, дремал Николай Рагозин. Выбраться бы домой да хоть раз выспаться за недельку как следует. Маму повидать. Вот собирался сегодня, и снова не хватило времени...

Резкий звонок заставил Николая подскочить. Схватил трубку.

— Да-да, я. Слушаю вас, товарищ Лешко!

Он прибавил в лампе фитиль, по привычке взял карандаш и подвинул к себе лист бумаги.

— Понятно... Да... Дальше...

Карандаш бегал по листу, оставляя торопливые строчки.

— Командир пулеметной команды Катов? Знаю. Та-а-ак! Втягивают в заговор? Минутку, минутку, товарищ Лешко. Где он сейчас? Отправили домой? Зачем?!

Трубка протрещала несколько фраз.

— Ну, хорошо. Знаю, знаю, где живет. Спасибо, до свидания.

Некоторое время он продолжал сосредоточенно смотреть на исписанный лист.

— Товарищ Рагозин!

Николай оглянулся и увидел стоявшего у порога парня.

— Николай? Ты ко мне? Проходи.

— Вот паек комендант прислал.— Тощий сверток был перетянут бечевкой.

— Спасибо,— улыбнулся Рагозин.

Этот парень работал здесь всего неделю. Приехал по направлению Судогодского военкомата, новичок, держался пока робко. Не беда, освоится.

— Ты сейчас чем-нибудь занят? — спросил Рагозин, собирая бумаги.

Николай отрицательно мотнул головой.

— Тогда подожди-ка меня здесь. Вернусь, и вместе поедим...

Последние слова он проговорил уже у двери: нужно срочно идти к Евстафьеву.

— Разрешите, Алексей Иванович?

Евстафьев оторвался от чтения:

— А-а, Коля. Давай, давай.

Рагозин прошел по огромному залу. Сел в старинное кресло у стола.

— Вот что у меня, Алексей Иванович... Вам известно что-нибудь о «Владимирском офицерском батальоне»?

— «Офицерский батальон»? А что это такое?

— По-видимому, какая-то контрреволюционная организация. Сейчас звонил Лешко. К нему приходил командир пулеметной команды, некто Катов. Он заявил, что неизвестные люди предлагали ему вступить в этот батальон. Заговорщики в ближайшее время якобы намереваются свергнуть в городе Советскую власть.

— Ну-ну, и что же? — потянулся за кисетом Евстафьев.

— Пока все. Катов больше ничего не сказал, он был очень взволнован. Лешко его несколько успокоил и отправил домой. Сказал ему, что мы скоро приедем, пусть ждет нас.

— Та-а-ак,— затаился крепчайшим самосадом Алексей Иванович.— А ты Катова знаешь?

— Знаю, и давно... Кадровый офицер. Он несколько

раз к отцу приходил. По-моему, человек порядочный.

— Что будем делать?

— Сюда привезу, а там увидим.

— Добро. Только без шума, чтобы никто ни-ни. А в доме его не худо было бы засаду оставить.

— Понял.— Николай встал.— Разрешите?

— Давай.

Рагозин вернулся в кабинет. Николай ждал его.

— Знаешь, друг, есть нам некогда. Придется нам с тобой поехать не очень далеко...

Короткая летняя ночь гасила фонари. Улицы были серы и безлюдны. В этот близкий к рассвету час город словно берег последние мгновения сна. Пара вороных, выехав за ворота монастыря, рассыпала дробь копыт. Обогнув Золотые ворота, бричка помчалась по Большой улице к Студеной горе. На передке легкой щеголеватой брички сидел красноармеец из батальона охраны ЧК, а сзади — два Николая.

Лошади завернули за угол Мальцовского училища и остановились. Дальше чекисты пошли пешком. Деревянный домик, спрятавшийся в густых зарослях старого сада, стоял на отшибе.

Рагозин толкнул калитку — она легко подалась. Входная дверь почему-то была открыта. Вошли в крохотную переднюю, и из нее — дверь настежь. Заглянули в одну комнату — никого, в другую... На ковре в луже крови лежал человек. Чуть поодаль валялся маленький вороненый браунинг.

— Катов, — сказал Рагозин скорее самому себе.

— Вот гад! Сдрейфил перед ЧК и застрелился, — отозвался его тезка.

— Ну, это еще следует доказать. Никогда не спеши с выводами. — Рагозин внимательно разглядывал труп. — Сейчас бы сюда медэксперта да криминалиста опытного. Да где его взять... Постой, постой! Один мой знакомый врач... Ты, Николай, оставайся и жди меня здесь.

Скорее к Евстафьеву! Бричка проделала обратный путь на предельной скорости.

— Ничего себе история! — вздохнул Евстафьев, выслушав доклад Рагозина.

Он расхаживал по кабинету, попыхивая «козьей ножкой».

— Рассчитаться с Советской властью... Ты, Николай, понимаешь, куда они гнут?

— Думаю, что да, — ответил Рагозин. — В Мурманске уже англичане, Японцы — во Владивостоке, а эти, русская контрреволюция, — здесь, у самой столицы.

— Вот-вот, удар в сердце, — прервал его председатель ЧК. — Надо принимать меры... На гарнизонные подразделения рассчитывать нельзя: контра вербует его командиров. Наш батальон не в счет: на хороший взвод людей не наберешь. Других силенок в городе нет... Придется в Москву докладывать. Может, подожмут стрелков... — Евстафьев не договорил: дверь открылась, и на пороге появился Николай.

— Что случилось? — вскочил Рагозин. — Почему ты ушел? Я же приказывал дожидаться меня там.

— Вскоре, как вы ушли, я услышал шорох в сениях. — Губы у Николая еще тряслись — никак не мог прийти в себя от страха. — Я туда, гляжу: какой-то тип. И наутек от меня, в сад. Все обшарил я — никого. Вернулся в дом, а покойника нет... Вот я и сюда...

Рагозину хотелось кричать от досады, но он сдержался:

— Тоже мне чекист. Из-под самого носа труп украли. А с уликами теперь как? Храбрец!

— Вот что, Николай, — сказал Евстафьев. — Иди к себе в отдел и расскажи все, как было. Кто нарушает революционную дисциплину, тот помогает врагу. Пусть случившееся послужит тебе уроком — первым и последним. — Он повернулся к Рагозину: — А ты готовь телеграмму в ВЧК. Как вернусь из губкома, тут же ее и отправим.

ЗАГОВОРЩИКИ

Товарищи! В Москве раскрыт заговор белогвардейцев, которые хотели из пулеметов и пушек обстрелять Кремль. Будьте бдительны! Следите за всеми проходимцами у себя на местах.

«Известия» Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Владимирской губернии. 28 августа 1918 года

Вечерняя служба в кладбищенской церкви подходила к концу. Низенький, невзрачный на вид дьякон, добросовестно окурив «святым» благовонием потускневший иконостас и редкие ряды прихожан, собрался покинуть амвон. Перед тем как уйти, он еще раз бросил взгляд в сто-

рону главного входа. Увидев там мужчину в чесучовой паре, дьякон облегченно вздохнул и скрылся в алтаре.

Верующие покидали храм.

Под опустевшими сводами церквушки в разных местах, стоя на коленях, продолжали молиться несколько мужчин. Церковный староста, не обращая на них внимания, закрыл на засов входную дверь и двинулся в привычный обход: тушить свечи. Церквушка наполнилась запахом перегоревшего воска, он усиливал и без того густой полумрак.

На амвоне вновь появился дьякон. Он осмотрелся кругом, убеждаясь, что нет никого постороннего, и пробасил:

— Господа, прошу всех в алтарь...

Последним проследовал туда бывший штабс-капитан царской армии Прокопович, респектабельный мужчина, появившийся в конце службы.

— Господа офицеры! — обратился он к собравшимся. — Мы были вынуждены пригласить вас на экстренное совещание в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Назначенное в ночь на послезавтра вооруженное восстание отменяется!

Все недоуменно переглянулись. Пронесся над головами шепот: как, почему?

— Предлагается, — Прокопович повысил голос, — сегодня же, как только разойдемся, немедленно оповестить через связных свои «пятерки» об отмене сбора в Марьиной роще. До особого сигнала...

— Да в чем дело?

— Объясните причины...

— Ничего не понимаю!

Прокопович повернулся в сторону молодого человека с надменным выражением лица, сказал:

— Блестящая работа Василия Николаевича Рагозина. Ему и слово.

Тот, на кого он указал, стоял прислонясь к стене. Будто впервые видя сообщников, он ощупывал каждого холодным взглядом. Минуту-другую помолчал. Наконец он заговорил. Слова звучали резко, чувствовалось, что этот человек не терпит возражений:

— О наших планах по свержению власти во Владимире стало известно в Чека...

— Как! — не выдержал кто-то.

— Подпоручик Балашов, — продолжал оратор, — решил привлечь в свою «пятерку» красного командира Катова.

Худой высокий блондин еще плотней прижался к стене. Говоривший жестко смотрел ему в глаза.

— А дальше последовало то, что и следовало ожидать. О предложениях Балашова стало известно их военному и... за монастырской стеной. Пока удалось избежать провала — Катова больше нет. Но чекисты насторожились. В город прибыли латышские стрелки.

Шепот волной донес вопросы:

— Достоверны ли эти сведения?

— Может, провокация?

Прокопович поспешил заверить: информация абсолютно точная. Он хотел даже кое-что уточнить, но Рагозин перебил его довольно бесцеремонно:

— Сообщите лишь то, что находится в вашей компетенции...

Потом он предложил закрыть совещание, так как длительное пребывание людей в церкви после службы может навлечь подозрения.

Прокопович был обескуражен грубостью Василия Николаевича. Он отступил в тень и еле слышно объявил:

— Господа, я вынужден временно покинуть вас и Владимир... До моего возвращения возглавлять «батальон» поручено подполковнику Малиновскому.

Прокопович сделал жест в сторону грузного лысого старика, который небрежно поклонился. После минутной паузы Прокопович закончил:

— Итак, прощайте, господа! До лучших времен! Будем расходиться по одному, сейчас главное — конспирация...

«Шут гороховый», — подумал Рагозин, а вслух заметил:

— Вот именно, конспирация! Многие из нас недооценивают чекистов, считают их необразованной матросней. А зря. Конечно, кадетских корпусов и военных академий они не кончали, опыта в разведке не имеют. Но, — он снова пронзил взглядом Балашова, — кое-чему они успели обучиться. Не забывайте об этом, господа, если хотите сберечь свои шкуры.

— Ну, вы несколько преувеличиваете силы Чека, уважаемый Василий Николаевич, — снисходительно улыбнулся седеющий брюнет с безупречной выправкой кадрового офицера. — Не так страшен черт...

— Нисколько, уважаемый гражданин Тихомиров, — заметил Рагозин. — С конспирацией у нас не лады. К при-

меру, зачем вы, занимающий ответственный пост у большевиков, шастаете по божьим храмам? Об отмене выступления вы знали, «пятерок» у вас нет...— Рагозин повысил голос: — Что же вы приперлись сюда?

— Позвольте!

— Не позволю!

— Господа, господа,— примирительно проворковал Прокопович.— Перестаньте.— Он придержал Рагозина, пытавшегося еще что-то сказать, но тот выдернул руку и полез за портсигаром.

Кто-то не удержался:

— Курить в алтаре?

— А, черт! — Рагозин метнул злой взгляд на говорящего и пошел к выходу.

Его догнал Прокопович. Несколько шагов они прошли молча, затем Прокопович заговорил:

— Ах, Василий Николаевич! Зачем так горячиться? И эта грубость... Право же, она вас не украшает. Я виноват, понимаю, чуть не сболтнул о Николае...

— Да замолчите вы,— опять взорвался Рагозин.— Стены имеют уши, а здесь и стен нет.

— Ну, молчу, молчу. Пардон. Только, ради бога, не волнуйтесь, дорогуша. Ей-ей! Меня очень беспокоит, как вы тут будете без меня эти две-три недели?

— Бросьте притворяться! Мне-то хоть не лгите, я же вас насквозь вижу. Кроме собственной персоны, вас никто и ничто не беспокоит. И не уезжаете, а бежите. Вот только неведомо мне: к англичанам или к япошкам?

— Боже! Да вы просто несносны, мон шер! — воскликнул Прокопович.

— Уж каков есть! Честь имею.— Рагозин вскинул два пальца к фуражке и быстро пошел в сторону ворот...

Широкой аллеей старинного кладбища брели еще двое собеседников — Балашов и Тихомиров. Безмолвный мрамор могильных надгробий глухо внимал их беседе.

— Я-то, грешным делом, подозревал, что наш Василий Николаевич вполне может сболтнуть своему братцу-чекисту что-нибудь этакое,— говорил Балашов.— Вот и помалкивал о Катове. Однако сегодня...

— Что же сегодня? — полюбопытствовал Тихомиров.

— Сегодня мне здорово досталось от этого сумасбродного мальчишки. Стоило бы обидеться, а я ничуть. Наоборот, проникся к нему уважением. Подумать только, в Чека проник. Ловко!

Шаги были почти не слышны, казалось темень глушила всякие звуки.

— Никого,— вдруг оглянулся Тихомиров.

— Конспирация,— снова вспомнил Балашов и улыбнулся.— Конспирация...

— Так вот, в Рагозине я ошибся, признаю,— продолжал он.— Смелый и по всему видать — умница...

— Весь в убиенного братца Дмитрия, царство ему небесное.— Слова Тихомирова прозвучали проникновенно.— Знавал я этого офицера, ох и свирепый же был командир, но храбр!

— Догадываетесь, о чем я сейчас подумал? А не от своего ли брата Ники выуживает сведения Василий Николаевич?

— Вы полагаете?

А откуда же такая точная информация? Ники у них не в рядовых чекистах ходит. И почему Василий Николаевич так бестактно прервал нашего начштаба?

— Не-ет, невозможно. Николая Рагозина иначе как владимирским Робеспьером не называют.

— Полноте, дорогой мой! — перебил Балашов.— А порода Ники? Зов крови — это, знаете ли, силища.

Тихомиров рассеянно слушал собеседника. Ведь он-то хорошо знал, кто снабжал «штаб» заговорщиков ценной информацией. И вдруг шевельнулась мысль: а не использовать ли «умозаключения» Балашова против Рагозина?

Додумать Тихомиров не успел. Сзади раздался хруст обломившейся ветви. Оба резко обернулись: в лабиринте могильных оград мелькнул силуэт — женщина.

— Да вы не из храбрых,— невесело пошутил над спутником Тихомиров.— Не бойтесь: монахиня задержалась на могилке. Увидела двух бравых мужчин и струхнула. Ха-ха-ха!..

БРАТЬЯ РАГОЗИНЫ

Разлом в семье Рагозиных произошел не вдруг. Как льдина, давшая трещину, еще некоторое время не распадается на части, так и в доме Рагозиных, несмотря на учащавшиеся между братьями ссоры, оставалась видимость семейного мира.

Они были такими разными: старший Дмитрий, средний Николай и младший Василий... Наследуя от отца военную профессию, Дмитрий стал исправным офицером, верным царю и отечеству.

Баловнем родных подрастал Василий. Как чаще всего случается с младшими, он был ласков и предупредителен, по-девчоночьи капризен. Он завидовал мундиру старшего брата и представлял себя то в бою, то на параде — в зависимости от того, в какую ситуацию ставила его пылкая мальчишечья фантазия. Отец, подполковник, улыбался, слушая болтовню любимца. И иногда жалел, что нет этого ребячества в среднем сыне, серьезном, отчасти даже диковатом. Что ж, у Николая другие увлечения — постоянно он возится с птицами, кошками, собаками (бог знает, скольким из них оказывал он свое «покровительство»).

— Пусть мальчик занимается тем, что любит. Хватит в доме военных, — оправдывала сына мать.

Казалось, роли между братьями были распределены. А так как у каждого был свой круг друзей, то из-за чего бы возникать ссорам? Однако в особняке не все было так благополучно, как казалось с первого взгляда.

Начало разлада было положено в тот день, когда Николай и Василий, возвращавшиеся из гимназии, столкнулись на перекрестке с еще не старым слепым человеком.

Мужчина стоял, неуверенно протянув вперед палочку, и не решался ступить на мостовую. Голоса мальчиков привлекли его внимание. Он повернулся в их сторону и рукой задел Василия.

Тот отшатнулся в сторону.

— Помогите, мальчики, — сказал слепой. — Что-то никак не перейду...

Последние слова он произнес с улыбкой.

Николай взял слепого под руку. Василий, хихикнув, наблюдал, как они перешли мостовую, потом слепой пожал мальчику руку выше кисти и о чем-то спросил его. Николай ответил. Они разговаривали, а Василий, которому надоело стоять, крикнул:

— Ну, пойдем же...

— Иди, я догоню сейчас, — махнул рукой брат.

Вечером Василий рассказывал в гостиной о том, как Николай переводил слепого через улицу. Он паясничал,

и мать, ласковая, добрая женщина, даже прикрикнула на него:

— Перестань, таких людей нужно жалеть.

— Почему же жалеть? — вдруг отозвался Николай. — Это солдат, он просто не знал дорогу. Он мне сказал, что ослеп в японскую войну. Ему помочь надо...

— Подумаешь, — сказал Василий. — Может, он тебе врал, а ты и уши развесил! Калека он, а не солдат.

Николай покраснел. Ему было обидно за нового знакомого и противен весь этот разговор. Он хотел что-то сказать брату, но в разговор вступил Дмитрий.

— Ну, что вы ссоритесь, мальчишки? Война всегда оставляет калек, да и убитых на войне немало. Ничего особенного. Помог калеке, ну и ладно. Хотя всех не пожалеешь...

Николай, ни на кого не глядя, вышел из гостиной.

— Строптив, — бросил ему вдогонку Дмитрий.

Может, именно эта сцена припомнится Николаю, когда он получит известие о гибели старшего брата? Может быть, вдруг вспомнил он спокойный голос и равнодушие, сквозившее в словах: «Война оставляет калек, да и убитых на войне немало...» Он не поехал на похороны, не увидел, как торжественно продвигалась к кладбищу похоронная процессия, как перед катафалком вели белую кавалерийскую лошадь в черной попоне. Не часто с фронтов первой мировой войны привозили погибших, чтобы похоронить дома, тело Дмитрия привезли. Он был верным своему долгу офицером, но слишком уж был предан старший брат той войне, которую возненавидел Николай.

...С солдатом мальчик подружился. Он убегал к нему вечерами. В низком, неприглядном домике неподалеку от железнодорожной станции слушал рассказы про бои русских и японцев. И, странное дело, военная служба представлялась теперь Николаю совершенно не такой, как он привык думать о ней после отцовских рассказов. Никогда не говорил отец о том, как наказывают солдат. Как офицер может избить солдата до потери сознания.

— Э, брат, служба — не мед, — говаривал новый знакомый. — В походе и офицерам достается, но солдатская доля тяжелей намного. Это какой командир еще будет... Вот твой отец, он небось хороший?

— Хороший, — кивал головой Николай.

— Так и о каждом из них думаешь. Но одно дело дома, другое — на войне. Почем зря гибнут солдаты.

— Как это — «почем зря»? — переспросил мальчик. — За царя и отечество гибнут...

— Да, если бы за отечество...

Солдат всегда разговаривал с мальчиком как со взрослым. Однажды он попросил Николая почитать ему вслух книжечку, принесенную одним знакомым.

— Только я хочу тебя вот о чем спросить: ты умеешь хранить тайну? — сказал он прежде, чем достал книжку.

— Конечно! — выпалил мальчик. Тайна! Уж у него ее никто не разведает.

— Я верю тебе, парень. Читай. Может, и сам что поймаешь.

И Николай прочел о том, что война, которую царь вел с японцами, не нужна была народу. Слова волновали, они казались немыслимыми, но после рассказов солдата Николай чувствовал, что есть в тех словах правда.

С тех пор вечерние разговоры чередовались с чтением.

— Ты редко бываешь дома, — заметил как-то за ужином отец.

— Да у него дружок есть закадычный, — съехидничал Василий.

Николай метнул сердитый взгляд на брата. Тот смолк, но отец уже заинтересовался.

— Что за дружок? Скажи-ка.

— Один бывший солдат, — опять вставил Василий.

— Не тебя спрашивают, — прервал его отец. — Так ты у какого-то солдата бываешь, Николай?

— Никуда я не хожу. Просто гуляю на улице, весна ведь.

Объяснение, кажется, успокоило родителей. Но разговор возобновился, когда Николай снова задержался допоздна и, тихонько пробираясь к себе в комнату, столкнулся лицом к лицу с отцом.

— Иди спать. Поговорим утром.

— Так о чем вы разговаривали с солдатом? — за завтраком спросил отец.

— Так, обо всем. Про русско-японскую войну, например: он же ослеп на ней... О службе рассказывает. Разве не интересно? — Николай понял, что отговариваться бессмысленно, что отцу от Василия многое известно, и решил вести беседу как можно равнодушнее.

— А про что ты рассказывал мальчишкам? Думаешь, не знаю? Ты говорил про какую-то революцию, плохо отзывался о царе, мне один из вашего класса все передал. —

Василий, видимо, решил насолить брату и навлечь на него гнев отца.

— Неправда! Ты врешь,— крикнул Николай, вдруг испугавшись.

— Нет, правда! И это все твой солдат. Я знаю! — Василия словно кто-то подгонял: он говорил, что солдата нужно сдать в полицию, что таким место только в тюрьме.

— Ты с ума сошел! Ничего не знаешь, а выдумываешь! Что тебе плохого сделал этот человек? — Николай так волновался, что даже не слышал своего голоса. Как он ненавидел в эту минуту брата! Как боялся, что с солдатом может стрястись беда!

Спустя некоторое время после ссоры в столовой Рагозиных кто-то донес на слепого солдата. Николай узнал об этом от одного из друзей по гимназии. Тот предупредил, что за домом солдата следят.

И хотя Николай не имел оснований считать Василия причастным к аресту слепого, он уже не мог относиться к брату по-прежнему, чувствовал в нем своего врага, и ни ласковость, ни его подлизывание не могли заставить Николая забыть их ссору. Прежде молчаливый, он еще больше замкнулся, много читал, допоздна просиживал за письменным столом. Это уже не была обида подростка. Вырабатывался характер юноши. Может быть, именно годы разногласий между братьями «слепили» такого Николая, которого запечатлел более поздний снимок: упрямые губы, резкий, исподлобья взгляд. Даже беглое знакомство с фотографией скажет, что перед нами человек, имеющий свою точку зрения, волевой и, наверное, по характеру нелегкий.

Разрыв готовился годами, и, когда братьев уже ничто не связывало, они разошлись разными дорогами.

В то время Дмитрий был на фронте, и с Николаем ему больше не суждено было встретиться. Николай окончил гимназию и уехал учиться дальше. Василий ушел добровольцем на войну. Стал офицером.

Но спустя время братья вновь встретились в родительском доме. Два молодых человека с вполне укрепившимися взглядами на жизнь. Разными взглядами...

Василий делал вид, что его вовсе не интересуют дела Николая. Николай тоже не рвался к общению. Правда, не нравилось, что Василий завел каких-то подозрительных знакомых. Чем он занимался, чем жил — то было

Николаю неведомо. По разговорам матери лишь знал: дружки младшего брата из бывших офицеров.

Ссора вспыхнула как-то за ужином.

— Что думаешь дальше делать? — спросил Николай брата, глядя ему в глаза.

— А тебя это очень волнует? — вежливо огрызнулся тот.

— Ну, не так, чтобы очень, но хотел бы предупредить...

— О чем?

— Друзья твои не внушают доверия. А ты сразу среди них своим стал.

— За своими друзьями приглядывай! А мои — не твоя забота.

— Я предупредил, — сухо сказал Николай. — А там как знаешь.

— Еще неизвестно, кто кого предупреждать должен, — вспылil Василий. Вошла мать, и братья замолчали.

С того дня они не встречались. Николай ушел из дома, поселился на квартире вблизи от места работы. Теперь одна лишь ниточка связывала его с прошлым: телефон. Николай просил оставить аппарат для разговоров с матерью — единственным человеком из семьи Рагозиных, которого он продолжал нежно и крепко любить.

Пути братьев разошлись окончательно. Никому не рассказывал о конфликте Николай. Лишь иногда, вспоминая Василия, думал: «Образумится... Только бы не впутался в какую историю».

ЛЕОНИД ИСАЕВ

— Вот уже сколько на месте толчемся, — говорил Евстафьев, перекладывая папку на край стола. — Выйти бы на главарей, но пока — никак...

— А сообщение «монашки» о подслушанном на кладбище? — спросил его собеседник.

— Уж очень оно для проверки трудное. Темно было на кладбище, могла что-то и спутать...

Леонид Григорьевич Исаев, только что назначенный председателем губернской ЧК, принимал дела от своего заместителя — Алексея Ивановича Евстафьева. Несмотря на молодость — девятнадцать лет, — Исаев обладал доста-

точным жизненным опытом. С четырнадцати лет Леонид Григорьевич работал на заводе Михельсона. Бороться с врагами его учили в отряде замоскворецких красногвардейцев, а природный ум и неутомимость выдвинули его в шеренгу опытных чекистов. Евстафьеву с самого начала он понравился. В дело он входил не торопясь, задавал много вопросов, давал время подумать, внимательно читал документы, дотошно расспрашивал о сотрудниках.

— Анонимка... — протянул Исаев, знакомясь с очередным документом. — Что ты думаешь по этому поводу, Алексей Иванович?

— Не верю! Чтобы Рагозин предатель? Не допускаю! — заволновался Евстафьев. — Преданный революции человек. Себя не щадит.

— А происхождение, связи?

— Да, он из офицерской семьи. И этого никогда не скрывал. Но с семьей порвал давно, до революции. Кроме матери, вроде бы ни с кем не встречается. Нет, что-то тут не то...

— Может, враги специально подбросили, чтобы скомпрометировать?

— Я об этом думал. Хотел порвать ее, да есть тут у нас один, требует вынести анонимку на рассмотрение коллегии. Ты человек новый, поговори о Рагозине с людьми, мнение Круминя послушай — он старый подпольщик, у него на людей чутье отличное.

— Раз настаивают, придется говорить на коллегии. — И Леонид Григорьевич отложил в сторону бумагу.

А в это время ничего не подозревавший об анонимном письме Николай Рагозин был по другую сторону монастырской стены — на живописном холме, высоко поднимавшемся от реки. С ним Марина. Недавно в ЧК появились две девушки — Марина и ее подруга Тоня. Быстро свыклись они с суровым бытом ЧК, освоились с работой. Одна занималась почтой, другая печатала на машинке. Все свободные минуты Николай Рагозин стремился проводить с Мариной, чаще всего ходили они на холм или бродили по аллее молодых липок.

До революции в теплые вечера здесь всегда было оживленно, прогуливались молодые люди из «состоятельных» семейств. Ныне же среди обитателей города расползлись слухи об «ужасах» ЧК, и гуляющих почти не стало. Николаю и Марине никто не мешал.

Сегодня Марина была грустной и, как показалось Рагозину, чем-то встревоженной.

— Что с тобой? — спросил он ее, но девушка отмалчивалась, лишь крепче прижималась к его руке.

— Нет, ты определенно что-то скрываешь от меня, — с оттенком обиды сказал Николай.

— Нет-нет, — быстро проговорила Марина. — Ничего плохого не думай. Но... мне страшно за тебя, ой как страшно! Ведь кругом враги, и они знают тебя.

Николай улыбнулся: «И только-то». Вслух же сказал:

— Не надо бояться, Марина. И у революции врагов немало, сразу с ними не покончишь...

— Но ты из их среды, а отступничество они не прощают...

Она не договорила. Вздрыгнула, услышав быстрые шаги за спиной. Рывком оглянулась. И в то же мгновение раздался выстрел. Охнул, схватившись, за лицо, Николай... А человек, стрелявший в него, кинулся к склону и кубарем скатился вниз. Лишь мгновение видела его лицо Марина.

Николай опомнился. Он выхватил наган, хотел было броситься за стрелявшим, но Марина удержала — погоня была уже бесполезной.

...Перед заседанием коллегии Леонид Григорьевич Исаев со своими ближайшими помощниками — Евстафьевым и Круминым — решил обменяться мнениями по делу «Владимирского офицерского батальона». Евстафьев, став заместителем Исаева, возглавил работу по борьбе с контрреволюцией.

Почти два месяца Евстафьев, Круминь и Рагозин расследовали загадочное убийство командира пулеметной команды Катова. Упорно продвигались они по едва заметным следам деятельности владимирских контрреволюционеров. И не безрезультатно. Некоторые сведения уже были в их руках. Но кто главари, по каким каналам идет связь заговорщиков, кто входит в «общество» — на эти вопросы чекисты еще не могли дать ответ.

Причины затянувшегося следствия наводили на мысль: кто-то узнавал о действиях ЧК, о планах ее сотрудников. Кто-то поставлял заговорщикам информацию из-за монастырских стен. Кто же? Об этом и нужно было поговорить на заседании коллегии.

— Нам предлагают начать аресты известных заговорщиков,— рассуждал, поглядывая на членов коллегии, Исаев.— Арестуем мелочь, а крупная-то рыба уйдет, и связи с ней уплывут... Вот что меня тревожит.

— Так, так, товарищ Леонид,— поддакнул Круминь.— Правильно говоришь...

— Правильно-то правильно,— вставил Евстафьев,— да ведь надо же что-то и предпринимать. Сидим словно на пороховой бочке, а контра лезет во все щели... Мы же все расследуем! Враг среди нас находится!

— Но кто же, кто? — раздражаясь, перебил его Исаев.— Ты знаешь? То-то, молчишь.— И продолжал спокойнее: — Пока у нас одни подозрения. Без доказательств не имеем права сажать людей. И без того обстановка в Чека нервозная. Кто-то слушок пустил, кто-то анонимку подбросил. Мы вот об этой анонимке и говорить-то не хотели, но... настаивают на разбирательстве. Пришлось ознакомить с нею членов коллегии.

— Ну и обсудим все спокойно,— завершил разговор Евстафьев.— Пора на заседание, пошли!

Второй час шло заседание губернской Чрезвычайной комиссии, а до основных вопросов все не могли добратся. Пропускали дела, не таившие в себе опасности затяжных дебатов.

— Что, Миша, следующее там у тебя? — спросил Исаев у секретаря комиссии Каширина.

— Доклад коменданта.

— Давай, товарищ Мокеев,— обратился Леонид Григорьевич к коренастому парню, сидевшему в дальнем углу стола.

— Плохи дела с кормежкой,— поднимаясь, начал комендант.— Сотрудники голодают, а у нас на складе реквизированные у буржуев и спекулянтов продукты. Надо бы взять немного для поддержания товарищей.

— Насчет взять, ты это брось! — резко ответил Исаев.— Все, что конфисковано, принадлежит Советской власти. Самовольно ничего не имеем права брать.

— Да ведь ребята голодают...— извиняющимся тоном возразил комендант.

— Правда, чекисты истощены: и от изнурительной работы, и от недоедания,— продолжал Исаев.— И поддержать их продуктами необходимо... Вот что, обратимся с этим вопросом в губком партии. Попросим выделить нам

малость из реквизированных продуктов. Верно? Кто за это, товарищи? Единогласно... Что дальше?

Протививший пенсне Каширин быстро оседлал ими нос и, взглянув в бумагу, ответил:

— Вопрос об учебе. Докладывает товарищ Евстафьев. Исаев кивнул.

— Говорить сейчас об учебе трудно, но надо, — начал Алексей Иванович. — Враги меняют тактику, и если не научимся распознавать контру — не одолеем ее. В Москве по-иному начали вести борьбу с врагами и нас хотят научить. На днях оттуда приедут товарищи Уралов и Артузов. Вот и учеба. Спасибо им, что время для нас выбрали. Хотя у них свободных минут еще меньше. У меня все.

— Вопросы к Алексею Ивановичу есть? — спросил Исаев, обводя глазами лица присутствующих. — Нет. Тогда и с этим покончено. Кроме членов коллегии — все свободны. Товарища Рагозина прошу остаться.

В кабинете зашуршали самокрутками. Вверх потянулся дым крепчайшего самосада.

— Продолжим...

— Заявление товарища Круминя, — начал читать Каширин, но его перебил Исаев:

— Подожди, Миша. Пусть Карл Янович сам расскажет... Выкладывай свою заботу, товарищ Круминь.

Резко отодвинув стул, Круминь встал. Чувствовалось, что он долго готовился к этой минуте, но сильно волновался и говорил с паузами.

— Считаю, у меня нет никакого морального права быть начальником следствия... Я беспартийный... Раньше примыкал к анархистам, но всегда был революционер... Теперь такой пост в Чека должен занимать большевик... Так считаю...

Евстафьев жестом остановил его:

— Да нам все это известно, Карл Янович. Мы помним ваше появление у большевиков по выходе из владимирской тюрьмы. — Он глянул в сторону членов коллегии: — Круминь немало посидел в тюрьме за свою борьбу с царизмом. И хотя в партии он не состоит, я верю — он коммунист. Ручаюсь за него. Предлагаю оставить Круминя в прежней должности...

Исаев одобрительно кивнул головой:

— Присоединяюсь к предложению Алексея Ивановича. А заявление Круминя примем к сведению. Оно лишь

подтверждает его принципиальность и честность перед партией. Кто за предложение Евстафьева? Против? Нет. Тебе, Карл Янович, пора и организационно связывать себя с большевиками. Хватит вспоминать об анархистах.

Круминь согласно кивнул головой. А Исаев продолжал:

— Ну вот, теперь надо покончить с одной историей, и перейдем к оперативным вопросам. На днях нам подбросили анонимку. Содержание ее вам знакомо.

Последние слова председателя были встречены настроенной тишиной. Одни опустили головы, другие отвернулись, тем самым как бы отмежевываясь от участия в этом неприглядном деле.

Исаев поднял лист бумаги:

— Вот эта писулька. Здесь обвиняется в предательстве товарищ Рагозин. Мое мнение — это гнусная клевета. Николай Николаевич порвал со своим классом еще до революции, а теперь беспощадно расправляется с врагами Советской власти. Думаю, на этом и покончим с разбирательством...

— А у меня есть к Рагозину три вопроса, — отозвался один из членов коллегии. — Первый: с кем из родственников встречаешься?

Рагозин, сохраняя спокойствие, подошел к столу.

— Встречаюсь с матерью. Правда, видимся редко. Чаще говорим с ней по телефону. Поэтому и просил оставить в ее доме аппарат...

— Да, было именно так, — подтвердил эти слова Евстафьев.

— Вопрос второй, — продолжал член коллегии. — Что делает твой брат и где встречаешься с ним?

— Я же сказал, что, кроме матери, ни с кем не вижу, — вспыхнул Николай. Потом взял себя в руки: — Я предупредил брата, давно, когда видел его в последний раз: если в чем будет замешан — пусть не ждет пощады.

Рагозину не успели задать третий вопрос. Круминь, стукнув кулаком по столу, прервал этот разговор:

— Мне претит это разбирательство! Что касается жизни Рагозина — я отвечу на все вопросы. Контрреволюция стремится очернить нашего товарища, выбить оружие, которым он разит врагов так метко...

На этом выступление Карла Яновича и оборвалось. Со всех сторон слышались возгласы, заглушившие его слова:

Правильно!

— Рагозину верим!

— Спокойней, спокойней! — забарабанил какой-то железкой председатель. Глаза Исаева подобрели: он был доволен реакцией сотрудников. Исаев коснулся плеча Рагозина и как ни в чем не бывало сказал:

— Садись-ка, Николай. Сейчас займемся «офицерским батальоном»...

Телефонный звонок звучал настойчиво и резко. Исаев взял трубку: «Да, слушаю...»

Спустя минуту он положил трубку на рычаг и обратился к членам коллегии:

— Возникли новые обстоятельства — мне нужно ненадолго отлучиться. Перекурите пока.

И, подтянув ремень, он вышел...

ГОВОРИЛИ ПО ТЕЛЕФОНУ ЧК...

...Товарищи! Довольно быть безучастными зрителями последних событий. Каждый сознательный коммунист, каждый сознательный работник должен приложить все силы, старания для оказания помощи Советской власти в момент борьбы с контрреволюцией.

*«Известия» Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов
Владимирской губернии.
8 августа 1918 года*

Ночная смена выдалась спокойной. Телефонистки, приспустив наушники, переговаривались. Уже не раз были перебраны «четки» городских новостей. Наряды и кинематограф, дружок, который расстроил вчерашнее свидание, — мало ли какие темы всплывали в болтовне.

Настойчивый сигнал вызова привлек внимание одной из телефонисток.

— Да, соединяю...

Чаще других в такое время выходили на связь номера, принадлежавшие губернской ЧК. Анна, соединив абонента с требуемым номером, замешкалась, и так уж получилось, что подслушала...

То, что услышала, было ошеломляюще. Анна старалась не выдать подругам своего интереса. По ее безучастному лицу не догадаешься, что услышанная новость завладеет спустя несколько часов всеми ее мыслями, что

новость эта будет требовать от Анны решительного действия.

Разговор окончился. Анна разъединила собеседников и вдруг почувствовала, что пропала сонливость.

Принимать решения в острый момент Анна научилась рано. Тогда, когда осталась в семье за старшую, проводив отца на войну и выхаживая больную мать. Малышей — четверых братишек и сестренку — нужно было и накормить, и хоть малость одеть. Анна знала, что такое беда...

Отец погиб, так и не дожив до революции. Мать, хоть и была слаба, встала на ноги. Зажилось легче. А потом Анна переехала во Владимир, поступила на телефонную станцию. Работая здесь, имела возможность даже помогать семье.

То, что она слышала из разговора, было враждебно власти, рожденной революцией. Понимала ли это молодая телефонистка? Да. Теперь она знала: в городе есть заговорщики. Они против Советов, против большевиков. А большевиком был и ее муж.

Рослого, широкоплечего солдата Анна встретила здесь, в городе. Они полюбили друг друга и, хотя солдат наотрез отказался венчаться в церкви, стали мужем и женой.

Василий, как всегда после ночной смены, встретил Анну у подъезда телефонной станции.

— Ты что-то беспокойная? — почти утвердительно спросил Василий.

— Устала...

Он взял ее под руку. Женщина доверчиво прижалась к мужу.

— Слушай, да что с тобой?.. — остановился Василий. Такой растерянный он ее еще не видел.

— Пойдем, пойдем домой, — словно очнувшись, затопилась Анна. — Я расскажу, только быстрее...

Дома, выслушав рассказ жены, Василий тоже заволновался.

— Вот что, — сказал он наконец, — надо непременно сообщить в Чека.

— Но ты понимаешь! — У Анны перехватило дыхание. — Я же главное не успела сказать: один из них говорил с телефона Чека!

— Так-так-так! — изумился Василий.

— И я знаю, чей это номер, ведь не первый день работаю.

Василий задумался. Но вдруг его осенило:

— Слушай, мы пойдем в Чека и скажем только самому главному начальнику. Я знаю... на конференции голосовал за него.

На том и порешили.

— Вы хотели видеть начальника, — сказал Леонид Григорьевич. — Я председатель губчека...

— Солдат первого добровольческого Владимирского полка Василий Виноградов, — одним духом выпалил Василий, резко отстранив руку женщины. — А это моя гражданская жена, Анна Ивановна Яковлева. Она телефонистка. Имеет срочность доложить важные сведения о контриках.

— Тогда, — мягко остановил Исаев солдата, — пойдемте-ка в другую комнату, там и потолкуем.

Усевшись на широкой скамейке рядом с солдатом, молодая женщина торопливо и несколько вразброд стала рассказывать... О том, как под утро на городской телефонной станции подслушала она разговор двух мужчин. Из всего ими сказанного лишь поняла, что в скором времени белогвардейские офицеры собираются поднять во Владимире мятеж... Конечно, она все хорошо запомнила. И называвшиеся фамилии, и место, где хранится оружие, и номера телефонов. Нет, Анна Ивановна ничего не спутала. Один из абонентов говорил из ЧК.

Телефонистка смолкла и вопросительно посмотрела на Исаева. Тот встал, протянул женщине руку и крепко, по-мужски пожал ее.

Ну что ж, Анна Ивановна... За проявленную пролетарскую бдительность от имени Чека выношу вам благодарность. А сейчас, — председатель несколько помедлил, — пришлю товарища, вы ему все подробно и расскажите. Он запишет. Если при разговоре с ним у вас возникнут какие-нибудь вопросы, потом все скажете мне. Об этом разговоре никому... Добро?

Анна кивнула. Исаев обратился к Василию:

— Домой ни вы, ни жена не ходите. Отсюда — прямо по этому адресу. — Он черкнул несколько строчек на листке бумаги. — Там сегодня и заночуете... Ты, доброволец Виноградов, от своей жены ни на шаг. Понял? В твой полк мы сообщим...

Решив, что сказал все, Исаев попрощался, но уже на лестнице оглянулся:

— Анна Ивановна, завтра утром позвоните мне, прямо с телефонной станции.

Исаев медленно шел в свой кабинет. Подозревать председатель теперь мог лишь одного человека. А что, если ошибается?

Он приоткрыл дверь к дежурному и распорядился, чтобы сообщение Яковлевой запротоколировал Николай Судогодский (так звали того самого чекиста, которому «не повезло» с охраной труп Катова).

Исаев вернулся в кабинет и, прерывая затянувшийся перекур, направился к председательскому месту. Бегло перелистал дело, лежавшее на столе. И неожиданно для членов коллегии заявил:

— Говорить об офицерском подполье сейчас не будем. Вернемся к этому вопросу через пару дней. Товарищей Евстафьева, Круминя и Соколова прошу остаться. Остальных не задерживаю.

С этими тремя Исаев мог говорить начистоту. Он в подробностях передал им разговор с телефонисткой и свои подозрения. Тут же наметили ряд неотложных мер.

— Окончательно план отработаем утром. Я почитаю протокол допроса Яковлевой, созвонюсь с ней... Обязательно следить за квартирой телефонистки. Обязательно! Кто-то, да выйдет на охоту!

Оставшись один, Исаев долго курил, листал документы «офицерского батальона», думал. Если подозрения его оправдаются, то это станет известно завтра утром. У телефонистки хорошая память. А то, что «контрик» сидит в стенах бывшего монастыря, теперь это уже не подозрения, а факт. По телефонам ЧК шла утечка оперативной информации.

Постучавшись, вошел Круминь.

— Хорошо, что зашел, Карл Янович,— обрадовался Исаев.— Посоветоваться хотел.

Круминь внимательно глядел в глаза Исаеву, слушая размышления председателя. Чекисты взвешивали все «за» и «против»...

СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ БУДЕТ

Василий Рагозин догнал Тихомирова у церквушки, стоящей на глухой улочке. Здесь, на безлюдье, можно было и поговорить. Заговорщики строго соблюдали конспи-

рацию, назначая встречи на улице, и то лишь в самых необходимых случаях.

— Здравствуйте,— пожал Рагозин протянутую ему руку.

— Какие новости? — спросил Тихомиров.

— Неважные,— незамедлил с ответом Василий.

Он остановился и, повернувшись спиной к ветру, зажег папиросу.

— Неважные? Что так? — встревожился Тихомиров, но Василий не торопился с ответом.

Он думал о том, что все было так тщательно продумано. И вот тебе — не учли, что телефонный разговор может «включить» в себя и третьего собеседника. «И на старуху бывает проруха...» — горько улыбнулся он. Вслух же сказал:

— Непредвиденное случилось. Наш с Николаем разговор подслушала телефонистка. И как это — ума не приложу! Ведь телефоны Чека вне всяких подозрений.

— Телефонистка? А откуда это известно?

— Все тот же источник — Николай.

— Когда он сообщил?

— Сегодня. Потому-то я вас срочно и вызвал. Говорит, что о показаниях телефонистки знает пока одно начальство и почему-то выжидает...

— Так-так.— Тихомиров повертел в руках тросточку.

— А что за телефонистка? Известно ее имя?

— Анна Яковлева. На всякий случай Николай сообщил ее адрес.— Василий протянул собеседнику бумажку. Тот бегом взглянул на листок и вернул его.

Минут пять они шли молча. Теперь их путь лежал вниз, где жались к крутому спуску деревянные домишки и где дорога была пробуравлена быстрыми потоками недавнего грозового ливня. Василий, которому новость уже не жгла язык, молчал, предоставляя Тихомирову принять решение.

— Ну, и ваш вывод? — вдруг резко обернулся к Василию Тихомиров.

— Убрать ее нужно, что еще придумаешь! И дело с концом. Пусть чекисты ищут улики...— Василий над этим предложением не раздумывал, оно им было выношено, и он знал, что Тихомиров думает так же.

— Правильно.— Тихомиров взял Рагозина за рукав.— А сделать это придется вам.

— Почему мне? — прищурился тот.

— Ну, подумайте, кому можно доверить столь ответственное дело? — И Тихомиров стал перечислять заговорщиков, по одному отмечая каждую кандидатуру. — Я не вижу человека, вернее вас. Сошка одна... В массе, когда нужно будет действовать всем вместе, они сыграют свою роль. Как стадо баранов... — Он усмехнулся. — Но человек, выходящий на борьбу один на один, должен быть талантлив. Как вы.

— Благодарю за столь лестное мнение, — иронически поклонился Рагозин. — Но я предпочел бы...

— Вот так всегда: когда действовать нужно — каждый умыл бы руки... У вас же опыт такой, Василий Николаевич! Помните, как ловко с Катовым получилось, да еще кое у кого, пока живого, отметина ваша.

Рагозин дернул плечом и, чтобы кончить затянувшийся разговор, сказал:

— Ладно. Вечером попробую что-либо предпринять.

На железнодорожных путях пронзительно загудел паровоз, они стояли почти у полотна. Тихомиров кивнул и ушел. Василий долго слушал стук колес, потом уже не стук, а лишь едва слышное гудение рельсов...

К домику, где снимала комнату Анна Яковлева, он подошел около десяти вечера. Время, нужно сказать, для визита неудачное, но для любовника, за которого собирался выдать себя Василий, час как нельзя более подходящий.

Хозяйка долго не открывала. Затем в сенцах зашлепали босые ноги, и сиплый голос спросил:

— Чего там еще?

— Мне бы Анну... — тихо сказал Василий.

— Нету ее. И не будет, — сразу же ответила старуха. Однако любопытство взяло верх, и, не собираясь открывать, она спросила: — А кто такой будешь?

— Да... — Василий сделал вид, что замялся. — Видишь ли, мы с ней, как бы тебе объяснить-то...

— Знакомый аль кавалер? — пришла на помощь старуха.

— Скорей, кавалер. Давно не видел ее, соскучился. Вот и пришел.

— Пришел, да опоздал, милоч. Муж у ей есть, солдатик. Невенчанные они, да разве ныне разбирают, как оно должно быть.

— Значит, нет ее дома? Али на смене? Дождаться мне ее, что ли? — словно раздумывал Василий.

— Какой там дождешься! Днем забегали с солдатом. Сказывала Анна, чтобы в ночь ее не ждала — у мужа будет. А он-то ее все водит под ручку...

Бабка стряхнула сон и не прочь была через запертую дверь поболтать с Анниным «кавалером». Но тот, поняв, что Анны действительно нет, тихо пошел от порога. Краем уха уловил еще старухино бурчанье:

— Что им бог да обычай! Одно слово — нехристи. Невенчаннные.

План Рагозина и Тихомирова по ликвидации свидетеля пока зашел в тупик.

«Завтра, — думал Василий, — завтра любыми способами нужно ее убрать. Как бы нас не обошли чекисты! Один свидетель... Правда, она не знает, кто звонил, да и голоса наши вряд ли ей запомнились... Но без свидетелей спокойней».

А в густых зарослях возле дома старухи другой человек думал о том же: «Клюнул-таки».

...Анна спала плохо. Она ворочалась с боку на бок. Без конца повторяла услышанное, пыталась вспомнить голоса. Волнения дня не улеглись, они были взвихрены новыми впечатлениями, новыми раздумьями.

«Нет, это точно его голос. Не могла я спутать...»

Анна тихонько повернулась к Василию и увидела, что и он не спит.

— Ну что тебя мучает? — шепотом спросил муж, глядя Анну по плечу. — Хватит волноваться. Все обошлось. Правильно мы сделали, что к начальнику пошли.

— Да не о том я. — Анна приподнялась и глянула через голову Василия на дверь, словно боялась, что их кто-то слушает.

— Не о том, не о том, — пробурчал Василий, укладываясь поудобней. — Неужто не знаю, что беспокоит тебя. Не о том...

— Васенька, слышишь? Не спи же, — вновь зашептала Анна. — Узнала я его.

— Кого?

— Голос узнала, что из Чека говорил.

— Неуж-то? — изумился солдат.

— Точно он. Ты же знаешь, какая я внимательная. А тут как услышала, так внутри екнуло: знаю этого человека. А потом догадалась.

— Да кто ж такой?

— Записывал, что я рассказывала. Начальник его прислал.— Анна села на кровати и заторопилась: — Идти нужно сейчас же к начальнику. Сказать ему...

— Угомонись ты! — дернул ее за руку Василий.— До утра ждать надо. И начальник приказал звонить ему утром. Слышь, поспи малость.

Рассвет Анна встретила в полудреме. И лишь стало светло, заторопилась. Василий тоже встал: ему ведь приказали в ЧК ни на шаг не отходить от жены. Они направились к телефонной станции. В вестибюле на табуретке сидел... Исаев.

Он тоже провел беспокойную ночь. Прилег в кабинете на кушетке, намереваясь поспать. Но уснуть так и не смог. «Не вкралась ли ошибка?» Снова и снова во всех подробностях восстанавливал в памяти и рассказ Анны, и то, что было потом записано с ее слов. «Да,— убеждался Исаев,— между тем и другим есть незначительная, но все-таки разница. Значит, нет ошибки...»

— Здравствуйте, Анна Ивановна,— поднялся Исаев навстречу женщине. И такое ожидание было написано на его лице, что Анна, забыв о приветствии, одним духом выпалила:

— Он! Узнала его.

Это сообщение телефонистки не требовало разъяснений.

Проводив ее по коридору и снова приказав Василию быть при жене неотлучно, Исаев распрощался с ними. День предстоял трудный, но он внес в дела чекистов существенные прояснения. Нужно было торопиться к товарищам.

Вернувшись, Исаев сразу же вызвал к себе Евстафьева и Круминя. Он не успел еще отдышаться от быстрой ходьбы, как, один за другим, оба появились в кабинете председателя.

Евстафьев прямо с порога заговорил о ночном наблюдении за квартирой телефонистки Яковлевой.

— Вечером пришел-таки один. Гад, он и есть гад. Предлог же себе какой придумал — будто хахаль ее прежний... Ну, а хозяйка, как мы и просили ее, дескать забегала барышня с солдатиком и сказала, что ночевать не придет, у солдата будет...

— Кто же этот тип? — с нетерпением спросил Исаев.

— Рагозин. Василий Рагозин...

— Опять Рагозин? Ну что ж, будем считать показания телефонистки Яковлевой достоверными. Теперь можно ставить последнюю точку. Остается сомкнуть кольцо вокруг вражьего клубка, а распутать клубок будет уж нетрудно,— уверенно заключил Исаев и, обращаясь к Круминю, добавил: — А выходит, Карл Янович, твоя-то «монашка» тогда ухватила на кладбище правильную ниточку. Зря ты сомневался в ее наблюдениях.

— Первое, товарищ Леонид, она давно уже не «монашка». С тех пор как мы поженились,— улыбнувшись, ответил Круминь.— Правда, на другой день после свадьбы нас арестовали жандармы. Мы долго не виделись, хотя и сидели в одной тюрьме. Но это к делу не относится... Второе — сомневался. Она могла ошибиться. На кладбище было темно, а подойти поближе к тем типам боялась. А вдруг бы они с ней заговорили, спросили что-нибудь? По-русски жена говорит плохо, с акцентом. Могла бы все провалить...

— Ну-ну,— согласился Леонид Григорьевич. Он прошел к столу, сел в кресло. Жестом пригласил сесть остальных.— Теперь ближе к делу. Да, еще Рагозина нужно позвать.

Николай Николаевич явился тотчас же.

— Все, кто нужен, в сборе. Вот как обстоят дела, товарищи...

Исаев коротко сообщил о фактах, которыми располагали чекисты.

— И поступим мы так. Карл Янович, Смирнов и я отправляемся в Судогду. Евстафьев обеспечит тайну нашего выезда. А чтобы успокоить заговорщиков, спутаем их карты: Николая Николаевича «отстраняем» от должности — телефонистка «узнала его голос»... И опять же, анонимка... Пусть порадуются враги, узнав, что по ложному следу пошли... Ясно?

— Ясно,— отозвался Рагозин.— О моем «освобождении» узнают мой тезка, а потом и брат...

— Так точно, товарищ Рагозин! Разыграй из себя оскорбленную невинность. Вопросы есть? Нет. Тогда в час добрый... И вот еще что: в газете повторить объявление о сдаче оружия.

СУДОГОДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

После коротких сборов ночью они покинули Владимир. Оперативную группу возглавлял Леонид Григорьевич. В нее входили четверо: Карл Янович Круминь, начальник иногороднего отдела Александр Константинович Смирнов и два красноармейца из батальона охраны Владимирской губЧК, которым командовал брат Исаева — Василий Григорьевич.

В Судогду прибыли, когда солнце уже взошло. Видавшая виды бричка, не привлекая внимания местных жителей, проскочила по главной улице вдоль торговых рядов и скрылась за углом.

Остановились у дальнего родственника Леонида Григорьевича. Хозяин дома — дюжий бородатый старик — встретил гостей приветливо, охотно согласился помочь Советской власти.

Но вначале, по русскому обычаю, он пригласил всех к столу, где пыхтел самовар. За чаем разговорились...

Исаев расспрашивал родича, как живут местные мужики. Спросил и о Соколове, судогодском леснике. Словоохотливый хозяин рассказал, что Соколов — человек богатый, из эсеров, в уезде был политической фигурой: все носился с учредилкой. Теперь притих... Промышляет самогоном, негласно торгует им, а иногда устраивает и тайные вечеринки.

Вот это были сведения! То, что и требовалось чекистам, приехавшим для обыска усадьбы лесника. По сообщению Анны Ивановны, именно тут, у Соколова, главари «офицерского батальона» организовали тайный склад оружия. Не зная подробностей о связях лесника с заговорщиками, оперативной группе надлежало так провести обыск, чтобы до поры до времени и «комар носу не подточил».

И в этом им помог хозяин дома: подсказал подходящий предлог для посещения Соколова.

Среди дня Исаев вместе со своим родичем отправился к леснику.

— Вы тут отдохните малость, — сказал он товарищам, закрывая дверь. — Дело предстоит нелегкое...

Вернулся Леонид Григорьевич в отличном настроении.

— Ну, все в порядке, — с порога крикнул он. — Собирается «состоятельная компания» на пирушку. Уговорили Соколова «кутнуть» с нами.

— И легко поддался? — спросил Круминь.

— Да выпить он не прочь всегда... Родича моего знает. Почему бы с дружками известного ему человека и не повеселиться...

У Исаева до вечера были еще дела. Нужно было сходить в уездный военкомат, договориться о помощи.

Завечерело.

— Что ж, пора, — сказал Исаев и протянул руку своему родичу. — Спасибо за подмогу и тепло, с которым нас встретил. Будь здоров!

Распрощались с гостеприимными хозяевами и выехали со двора.

Богатая усадьба лесника располагалась на живописном пригорке, вдалеке от проезжей дороги. Рядом — сосновый бор. К дому Соколова подъехали лихо, с цыганской, похожей на таборную песней. А затем прикатил тарантас с местными дружками. Гулянка началась.

Гости делали вид, что всю глушат самогон. Лесника и еще двоих мужиков из его компании удалось спить довольно быстро. Чекисты приступили к обыску. Без особого труда, в одном из амбаров, обнаружили тайник, где хранилось много оружия и боеприпасов. Оружие было уложено бережно, со знанием дела.

Пока несколько человек обыскивали территорию усадьбы, Исаев и другие товарищи продолжали «гулять» с Соколовым и его собутыльниками. Сильно захмелевший лесник доверительно шепнул, что, мол, во Владимире скоро Советскую власть «прикончат».

Чекистская операция уже подходила к концу, когда случилось неожиданное. Один из дружков лесника — задиристый верзила — вероятно, что-то заподозрил и попытался улизнуть. Первым кинулся за ним паренек из батальона охраны губЧК, потом красноармеец Судогодского военкомата. Все это произошло в считанные мгновения, и никто толком не успел ничего понять, как во дворе раздалась выстрелы.

Все схватились за оружие.

Исаев бросился к выходу, дверь перед ним распахнулась, и на пороге появился боец военкомата. Он прижился к груди окровавленную руку.

— Вот, гад, — едва перевел раненый дыхание, — убил вашего хлопца... Ну, да я его, вражью силу, прикончил...

В доме оставили охрану. Остальные тронулись в обратный путь. Оружие, боеприпасы, мертвецки пьяных

участников «пирушки» и сына лесника забрали в ЧК.

Возвращались молча. Только сейчас, когда можно было расслабиться, пришла боль за погибшего товарища... Он был первым из тех, кого владимирские чекисты потеряли при ликвидации «офицерского батальона».

Круминь приступил к допросу Соколова. Благо, лесник протрезвел и с ним можно было разговаривать.

— Никакого отношения к оружию не имею, крест святой...— клялся лесник.

— Чье же? Кто же мог хозяйничать в вашем доме? — допытывался Карл Янович.

— Павлушка окаянный. Брат мой двоюродный! Говорит, не дашь амбар, прирежу. Ну я и испугался, шальной он, Павлушка...

— А разговор за столом? Насчет того, что новой власти во Владимире конец приходит?

— Ну что верить выпимшему человеку? Все это я с пьяных глаз наболтал. Чепуха это...

О связях брата Павлушки лесник, по его словам, понятия не имел. Второй задержанный не в счет — его дружба с лесником объяснялась самогонным увлечением. Вот тот, убитый, возможно, кое-что и знал...

Решили брать Павлушку и устраивать ему очную ставку с лесником.

Соколов, узнав о намерении чекистов, уперся. Категорически заявил, что ничего при Павлушке не подтвердит. Чувствовалось, что лесник здорово боится брата.

И тогда чекисты пошли на хитрость. Леснику посоветовали обо всем случившемся написать брату...

Но как написать?

Письмо должно быть передано тайно сыном лесника, которого чекисты пообещали освободить и отправить домой. Пусть только Соколов напишет... После такого письма Павлушка будет далек от мысли, что лесник добровольно согласился оказать чекистам помощь.

Соколов сразу уловил в предложении Карла Яновича большую выгоду. Он не стал долго раздумывать, и письмо было отправлено.

Сын лесника вернулся в Судогду с поручением от отца. В тот момент, когда он передавал письмо дяде, оба были задержаны с поличным и направлены во Владимир.

Павлушка поверил в легенду, составленную чекиста-

ми. Он не мог успокоиться, так его бесила выходка лесника. Он не стеснялся в выражениях, проклиная тот день, когда связался со своим кретином братом, додумавшимся послать ему откровенное письмо.

Однако всех возмущений у Павлушки хватило ровно на сутки. А потом брат лесника стал давать правдивые показания. Конечно, многое и он не знал — конспирация у заговорщиков была налажена, но Павлушка имел связь с одним из главарей «офицерского батальона», о котором сообщил весьма ценные сведения.

Теперь следствие располагало неопровержимыми материалами на Михаила Тихомирова. Бывший штабс-капитан царской армии, опытный и убежденный контрреволюционер, входил в руководство «Владимирского офицерского батальона». Скрыв свое происхождение и ловко замаскировавшись, он пристроился на работу в советское учреждение.

Павлушке предъявили несколько фотографий. На одной из них он уверенно опознал младшего брата Тихомирова — Николая. О нем Павлушка рассказал, что до мировой войны Николай учился в кадетском корпусе, после революции вернулся на родину, в Судогду, откуда в конце мая уехал...

В руках чекистов уже было достаточно материалов для того, чтобы вплотную приступить к ликвидации «офицерского батальона».

Исаев собрал у себя в кабинете ответственных сотрудников губЧК.

— В отношении главарей все ясно, — сказал он, — но есть люди, вовлеченные в заговор обманым путем. Как быть с ними?

Встал Круминь.

— Можно скажу? — Он встряхнул газетой и показал на первую страницу. — Вот давали приказ о сдаче оружия... Многие принесли. Когда арестуем главарей, надо дать в газету публикацию о расстреле банды южских мятежников... Думаю, многие рядовые из местных заговорщиков призадумаются и придут с повинной. Надо немножко ждать...

Карл Янович вопросительно взглянул на председателя.

— Есть в твоих словах смысл, товарищ Круминь, есть, — отозвался Исаев. И, будто размышляя, продолжал: — Обманутые, втянутые в заговор силой, могут пор-

вать с прошлым, будут работать, приносить пользу народу...

Он поднял голову, обвел глазами лица присутствующих товарищей. Увидел, что они ждут от него решения.

— Что ж, предложение Карла Яновича принимаем. Только придут ли? Придут! — убежденно поставил он «точку».

Чекисты приступили к ликвидации заговора.

КОНЕЦ «ОФИЦЕРСКОГО БАТАЛЬОНА»

Официально

От Владимирской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности. В 12 часов с 13 на 14 сентября 1918 года по постановлению Президиума Чрезвычайной Комиссии от 12 сентября сего года были расстреляны гр.: Цветков Сергей Васильевич, Зимин Иван Николаевич, Гаврилова Леонтина Антоновна, Голиков Алексей Иванович и Чернов Василий Григорьевич. Все вышеуказанные граждане являлись инициаторами контрреволюционного выступления в селе Южа, Вязниковского уезда.

Президиум.

«Известия» исполнительных комитетов Владимирского губернского и уездного Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 15 сентября 1918 года

— Все ясно? — спросил Исаев у коменданта, заканчивая разговор. — Тогда присылай его сюда...

Леонид Григорьевич посмотрел в сторону Круминя.

Карл Янович сидел за длинным столом. На вопросительный взгляд председателя он лишь кивнул головой: мол, готов к допросу.

И вот в кабинете Николай Судогодский. Новенькая гимнастерка, галифе, поскрипывающие хромовые сапоги. Уверенно направился он к председателю.

Исаев наблюдал за вошедшим. И когда тот подошел и собирался доложить, Леонид Григорьевич резко скомандовал:

— Оружие на стол!

Николай от неожиданности замер. Потом, пожав плечами, спросил:

— Не понимаю, товарищ председатель?

— Сейчас поймете,— сдерживая себя, ответил Исаев.— Я не товарищ... предателям!

Николай побледнел. Вспышка гнева председателя испугала Николая. Трясущимися руками он хотел достать оружие, но руки не повиновались. Исаев обезоружил его.

— А теперь — все по порядку. Фамилия? Только настоящую выкладываете!

Николай вдруг понял, что помощи ждать неоткуда и ловчить бесполезно. Обхватив голову руками, он упал в кресло и заплакал.

— Тихомиров я, Тихомиров,— слышалось сквозь рыдания.— Все расскажу... Я не хотел. Меня заставили...

Подошел Круминь. Брезгливо взглянув на Николая, протянул ему платок и спокойно проговорил:

— Перестань реветь. На вот, вытри лицо. Садись и рассказывай.

Тихомиров сидел на краешке стула, жалкий, подавленный разоблачением.

В начале 1918 года с помощью брата Михаила по подложным документам он устроился на работу в Судогодский военкомат. Михаил был старшим в семье. Николай, преклоняясь перед братом-офицером, старался во всем походить на него.

— Ныне надо думать о своей шкуре,— говорил бывший штабс-капитан, когда братья встретились после Февральской революции.— Надо бороться с большевиками.

— Но как бороться? — спросил Николай, которого покоряла решимость брата, тем более что привязанности к новой власти младший брат тоже не испытывал.

— Как? — Михаил говорил четко, видимо, план действий был им обдуман и выношен.— С твоей помощью. Нужно пролезть к врагу, чтобы знать, чем он живет, чем дышит. Соображаешь?

И Михаил выложил план, согласно которому Николай и попал на службу в военкомат. Старший брат тоже стал сотрудником советского учреждения.

В мае по заданию Михаила Николай добился направления во Владимирскую ЧК. В городе его познакомили с главарем контрразведки «офицерского батальона» Василием Рагозиным, под руководством которого Тихомиров-младший стал работать.

Информация о делах владимирских чекистов поступала врагам из «первых рук». Это он, Николай Тихомиров, из кабинета Рагозина сообщил по телефону своему ше-

фу — Василию Рагозину о поступке командира пулеметной команды Катова.

Допрос Николая был не из легких. Он пытался доказать, что его силой заставили поставлять информацию. Он выпрашивал снисхождения, обещал быть лояльным к новой власти и во всем помогать ей...

— А сообщение телефонистки Анны Яковлевой переврал с какой целью? — спросил Круминь.

— Боялся разоблачения...

Первый допрос закончился. Он помог уточнить план ликвидации «офицерского батальона».

На очередном совещании был рассмотрен порядок ареста и допросов главарей заговора. Разошлись по своим кабинетам готовиться к операции Евстафьев, Круминь, Соколов, Аверьянов, Воробьев. Только Николай Рагозин остался в кабинете председателя.

— Пойми, Коля, нельзя тебе участвовать в аресте брата. — Исаев по-дружески положил ему руку на плечо. — Мы не отстраняем тебя, а оберегаем. Многого ведь еще не знаем...

— Я понимаю, — тихо ответил Николай.

— Не мучай себя. Ты же для матери, с доброй целью просил оставить телефон, а он, гад, против нас использовал его... Всякое бывает. Иди звони сейчас матери, уведи ее из дома. Избавь от лишних переживаний.

И последний участник совещания покинул кабинет.

...Небольшой особнячок, принадлежавший Рагозиным, утопал в зелени разросшегося сада. Его и днем-то едва увидишь за деревьями, а в такую темень и вовсе не разглядеть.

Группа чекистов бесшумно проникла во двор и сад, но у самого крыльца их подстерегало неожиданное препятствие. Что-то грохнуло, и сразу же раздалась выстрелы.

Евстафьев и Смирнов бросились к двери. И в тот же миг со второго этажа через окно друг за другом выпрыгнули два человека. Исаев и Круминь бросились за ними в сад, стреляя в темноту. Беглецы устремились в конец сада. Оттуда защелкали выстрелы — стреляла расставленная Исаевым засада.

Один из беглецов шмыгнул в кусты и скрылся. Другой кинулся туда же, но сильным ударом его оглушили, за-

тем связали. Пойманным оказался Михаил Тихомиров.

А чекисты здесь его и не ожидали, они намеревались арестовать Василия Рагозина...

Василий же выбрался из сада через потайной ход, вылез у дуба, где в детстве они с братом любили играть.

«Вот ты и послужил мне снова, тайничок», — подумал, переводя дыхание, Василий.

Осталось лишь перейти дорогу и укрыться в домике церковного старосты, но вдруг совсем рядом он услышал хорошо знакомый голос:

— И я не забыл этот ход...

В следующий момент братья уже катались по земле. Кто знает, чем закончилась бы эта схватка, не подоспей вовремя чекисты!

Николай Рагозин не случайно оказался здесь. После разговора в кабинете Исаева отправился к матери, которая была в то время в гостях у знакомых, но в гостях не засиделся. Его мучило какое-то предчувствие, словно что-то не предусмотрели чекисты, что-то упустили. И Николай вспомнил о потайной калитке. Его даже в дрожь бросило. Вот оно! Ведь чекисты о ней не знают...

Вот тогда, уговорив мать остаться до его возвращения у знакомых, Николай нарушил приказ не вмешиваться в арест брата. И стал действовать на свой страх и риск...

На допросе Василий Рагозин вел себя вызывающе. Он отказывался давать показания и вообще не желал разговаривать с чекистами. Следствию было ясно: Василий матерый враг.

Другое дело Михаил Тихомиров. Он тоже был из «убежденных», но нервишки имел послабее, чем Рагозин.

Чекисты сразу это заметили и решили использовать трусость арестованного в интересах дела.

В одном углу кабинета сложили оружие, изъятое у лесника, в другом — груды конфискованного офицерского обмундирования. На письменном столе так, чтобы хорошо было видно, разложили протоколы с показаниями Николая Тихомирова.

Круминь встал у двери, изображая из себя рядового охранника. Николай Рагозин, который ввел Михаила Тихомирова, посадил его возле стола, потом небрежно обратился к Круминю и велел покараулить арестованного до прихода «начальства».

Они остались вдвоем: Тихомиров и Круминь. Чувствовалось, что Тихомиров нервничает, хотя старается этого не показать. Он внимательно осмотрел помещение, задержал взгляд на оружии и обмундировании, потом посмотрел на стол... Желая определить осведомленность «охранника», спросил:

— А скоро придет начальник?

Круминь пожал плечами. Тихомиров, вытянув шею, стал разглядывать бумаги, разложенные на столе. Прочитал кое-что из показаний брата, забеспокоился, забарабанил пальцами по столу, а вскоре обратился к Круминю с требованием немедленно вызвать начальство.

— Пожалуйста,— сказал «охранник». Он подошел к столу: — Гражданин Тихомиров, я и есть тот следователь, который будет вас допрашивать. Надеюсь, вам понятно, что многое за эти полчаса я увидел, да и вы зря время не теряли. Кое-какие материалы вам уже знакомы, не правда ли?

Тихомиров был обескуражен. Он попытался справиться с растерянностью, ему не удалось. Тогда он задал вопрос, которого Круминь не ожидал так быстро услышать.

— Какие гарантии предложите мне в обмен на сведения о «Владимирском офицерском батальоне»? — спросил Тихомиров.

Конечно, никаких гарантий контрреволюционеру Круминь выдать не мог. Да и нелепо было бы давать обещания Тихомирову, обвиняемому в тяжких преступлениях против Советской власти.

Об этом Круминь, не скрывая, и сказал Тихомирову. Тогда арестованный попытался уклониться от показаний. Он лгал, валил все на сообщников. Но от прямых улик ему уж было не уйти.

Вскоре Михаил Тихомиров признался в том, что был одним из главарей «офицерского батальона». Рассказал о подрывной деятельности контрреволюционеров. Дал показания Тихомиров об убийстве командира пулеметчиков Катова и о похищении его трупa. Представляло интерес для следствия и то, как начинал Тихомиров свою контрреволюционную деятельность.

Было это весной 1918 года. Во Владимир приехал однополчанин Михаила Тихомирова поручик царской армии Орлов.

— Приехал по поручению Бориса Викторовича Са-

винкова, — доверительно сказал он Тихомирову. — Бывших офицеров нужно привлечь в «Союз защиты родины и свободы».

Орлов изложил собеседнику задачи контрреволюционной организации — Тихомиров был лицом проверенным и надежным. И вскоре «Союз» получил владимирский «филиал», названный «офицерским батальоном». Во главе его стали Тихомиров, Прокопович и Малиновский.

Главари заговора готовили батальон для выступления одновременно с контрреволюционерами Ярославля, Костромы, Муромы и ряда других городов.

Следствие по делу «офицерского батальона» разворачивалось, и тогда на помощь владимирским чекистам приехали товарищи из специальной следственной группы ВЧК, которой руководил Михаил Сергеевич Кедров, один из соратников Феликса Эдмундовича Дзержинского.

С самого вечера моросил тоскливый ноябрьский дождь вперемешку с мокрым снегом. В нетопленных помещениях монастыря было сыро, холодно и неуютно. Кутаясь в кожанку, Николай Рагозин сидел в кресле. Его знобило. Да и мысли были невеселые...

Утром коллегия губернской ЧК рассмотрела следственные материалы на одного из главарей «Владимирского офицерского батальона» — Рагозина Василия Николаевича. Неопровержимыми фактами следствие доказало террористическую, диверсионную и шпионскую деятельность Рагозина. Обвиняемого приговорили к расстрелу.

Тяжко думать о брате. Но как ни ворошил память Николай, как ни выискивал факты, оправдывающие Василия, — ничего найти не мог. Раздумья прервал голос дежурного:

— Товарищ Рагозин, там какая-то барыня вас спрашивает...

— Что? — не понял Николай.

— Говорю, мадам пришла к вам...

— Пригласи, пусть заходит.

Дверь открылась, и на пороге появилась мать Рагозина.

В кабинете председателя, нещадно дымя самокрутками, вели разговор Исаев и Круминь. Говорили о Рагозине.

— Говоришь, мать к нему пришла? — переспросил Исаев.

— У него сейчас...

— Трудно, ох как трудно ему, что ни говори, ведь брат.

— Испытание тяжкое,— согласился с Исаевым Карл Янович.

— Выпадет же человеку такая судьба. Он приходил ко мне, хотел сам расстрелять брата. Я не разрешил.

— И правильно сделал,— одобрил Круминь.— Молод, горяч...

— Может, стоит сейчас пойти нам к Николаю? Как думаешь, Карл Янович?

— Думаю, что не надо. Он сам найдет силы. Крепкий чекист...

Николай смотрел на мать, на ее изменившееся от страшной вести лицо. Он глубоко сочувствовал ей. А поймет ли она его? Раньше понимала. Всегда он находил у матери поддержку и защиту. Чем же он отплатит матери? Как поможет ей?

— Ты можешь спасти его, не переступая законы чести и совести,— терпеливо выслушав рассказ Николая о вине Василия, сказала мать.— Муштра кадетского корпуса, фронтовые окопы ожесточили Василия. Он не успел еще разобраться в смысле революции и потому стал ее врагом. Мы с тобой возьмем его на поруки, сделаем другим: добрым, хорошим...

— Мама, перестань! Василий слишком далеко зашел. Он враг, непримиримый враг революции. Он — уголовный преступник, убийца.

— О боже! — воскликнула женщина.

Она не могла понять страшные слова сына. Нет, нет! Василия оклеветали, оговорили, а он гордый, он не станет оправдываться. Чтобы убедить мать, Николай даже показал списки тех, кого намеревались заговорщики расстрелять сразу же после захвата власти. Эти списки составил Василий, почерк тому свидетель. И первым в списке значился Николай Рагозин.

Мать словно окаменела.

— Верьте Николаю,— услышал Николай вдруг хорошо знакомый голос.

В дверях стояла Марица. Они не заметили, как во-

шла девушка, как стала, прислонившись плечом к двери.

— Верьте ему,— снова повторила она.

Николай хотел, чтобы Марина вышла, но она покачала головой и подошла к матери...

— Я тебе ничего не говорила, Николай. Скажу теперь... Сегодня я видела, как проводили по коридору твоего брата. Я не знала, кто это, и спросила дежурного. И знаешь, Николай, знаешь...

Марина запнулась, потому что видела, как, ожидая чего-то страшного, побелел Николай.

— Не волнуйся, но вспомни: когда в тебя стреляли, я оглянулась.

— Да...— выдохнул Николай.

— Оглянулась и увидела лицо стрелявшего.. Это был твой брат. Это он хотел убить тебя!

Наступило тягостное молчание. Первой заговорила мать Николая.

— Я верю вам...— Она встала и медленно пошла к двери. У самого порога остановилась, еще раз взглянула на сына и вдруг спросила: — Ты знаешь, как тебя прозвали в городе?

— Знаю,— ответил он.— Ну, а кто впервые назвал мне имя Робеспьера? Кто с восторгом рассказывал мне, малышу, о восстании парижан?

— Значит, я тебя воспитала таким. Прощай, Ники!

Женщины вышли, а Николай долго еще стоял посреди кабинета...

Последних участников контрреволюционного заговора арестовали в ночь с шестого на седьмое ноября 1918 года. Трудящиеся города радостно встречали первую годовщину Великого Октября, не подозревая, какую жестокую расправу готовили им белогвардейцы.

Предвидения чекистов во многом оправдались. Те, кто был вовлечен в «офицерский батальон» из-за своей политической неграмотности, разобрались, что к чему. Многие приходили в ЧК с повинной, обещали вернуться к труду, не причинять вреда новой власти.

Малиновского, Орлова, братьев Тихомировых отправили в Москву. Нити их преступной деятельности вели далеко за пределы Владимира. Следствие по делу этих преступников было передано в Москву, в ВЧК.

ПЕРСТЕНЬ С РУБИНОМ

Суд удаляется на совещание...

Подсудимый опустил на место, поднял седую голову, быстрым движением поправил старинное пенсне, поднес к глазам руку, разглядывая перстень на ней, громко дыхнул на красный камень и пальцами другой руки несколько раз повернул кольцо.

На дряблом лице мелькнула ироническая усмешка. Он что-то пробормотал и оглядел сидящих в зале, словно отыскивая кого.

На него в упор глядела женщина, обезображенная не столько старостью, сколько редким уродством. Ее левая лопатка неестественно высоко торчала на горбатой спине. На темной повязке, перекинутой через почти отсутствующую шею, покоилась безжизненная рука с тонкой, бледной кистью. Вторая рука опиралась на костыль. Ноги прикрыты старомодным длинным платьем. С изуродованного шрамом лица смотрели немигающие светлые глаза. И непонятно было — чего в них больше: гнева, презрения или жалости.

Лицо подсудимого напряглось, брови сдвинулись. Сколько дней и ночей стоит перед ним этот немигающий взгляд? Фамилию старухи он слышал во все время следствия, но она ему ни о чем не говорила. Эта горбунья, некая Анна Ивановна Липатова, была главным свидетелем обвинения.

Да! То, что она говорила в суде, имело место в его жизни. Но эту женщину он не помнил. И тем не менее она привела его в этот зал!

ЗАКАЗНОЕ ПИСЬМО

Очередная ревизия в сберкассе прошла удачно. Иван Андреевич возвращался домой «длинной дорогой», как называл он прогулку по Чистопрудному бульвару.

У двери квартиры ему не захотелось рыться по карманам, чтобы достать ключ, он нажал кнопку звонка и не отпускал ее, пока за дверью не гроыхнула цепочка, не щелкнул замок.

— Требователен и нетерпелив, как капризный ребенок, — отворяя дверь, проговорила пожилая женщина.

— Все верно, сестричка. Требователен, как ревизор. Нетерпелив, как голодный. Капризен? Это не про меня. А ребенок? Нет! Юноша! Вот на это согласен!

Отряхивая снег с шапки и пальто, Иван Андреевич глянул на себя в зеркало. Подтянут, строен, лицо гладкое... Поднял большую холеную руку с перстнем на пальце, фукнул на красный, как капля крови, камень... Что ни говори, а выправка — вещь хорошая!

Он переодевался в своей комнате, когда в квартире раздался длинный звонок.

Он слышал, как сестра прошаркала в прихожую, с кем-то разговаривала, что-то искала. Потом хлопнула дверь, а сестра все не шла.

— Нина, кто там?

— Почтальон, Серж. Принес заказное письмо. Я вот вскрыла, но ничего не поняла. Какой-то листок...

— Ну-ка, дай сюда... Но оно же адресовано мне! Сколько раз я просил не вскрывать мои письма! Это, во-первых. А во-вторых, где письмо?

— То-то и странно... Я думала, что выронила, когда вскрывала... Но я обшарила всю прихожую. И вот — только этот листок...

Иван Андреевич вертел в руках листок календаря.

— Только это? Заказным? Что за чепуха! Ты наверняка выронила письмо!

— Да нет же! В конверте больше ничего нет!

Иван Андреевич сам прошел в прихожую, тщательно осмотрел ее и вернулся в комнату.

- Ничего не понимаю, — проговорил он.
- А что там написано? — спросила сестра.
- Где?
- Ну, на листке...

Иван Андреевич начал читать текст, набранный мелким шрифтом под черной цифрой. В глазах у него зарябило, запрыгало, горло вдруг перехватило, лицо покрылось пятнами. Широко раскрывая рот, он судорожно глотал воздух.

— Что с тобой? На тебе лица нет!

— Воды! Валидол! Скорей!

Женщина бросилась к шкафчику, плеснула на сахар лекарство. Иван Андреевич глубоко вздохнул и перевел дыхание.

Сестра, сдвинув очки на лоб и близоруко щурясь, поднесла листок к самым глазам, стараясь разобрать написанное.

— Не надо, — сказал Иван Андреевич, отбирая злополучную бумажку.

— Что тебя так взволновало? Что там написано?

— Только то, что я прочел.

— Ну и что?

— Ты помнишь, какое сегодня число? Вот это! — показал он листок. — Ты поняла?

— Но, Серж...

— Серж, Серж... Вот этим листком мне и напоминают, что я Серж...

Сестра схватила себя за щеки.

Нет! Не может быть!

— Может. Все может...

Он начал быстро ходить по комнате, размахивая большими руками. И все подносил сжатые пальцы ко рту и фыркал на перстень.

— Берсенов. Берсенов... — повторял он. И вдруг громко выкрикнул: — Берсенов я! Поняла? Иван Андреевич! А никакой не Серж! Сергей Петрович Оленев не существует сорок лет! Я забыл эту фамилию! Не Оленев, а Берсенов сорок лет ревизует сберкассы! Это я, я — Берсенов — работал все эти годы, не давая ни себе, ни людям вспомнить об Оленеве! Дворянин Оленев, офицер, сгинул под Новороссийском. Ведь ты помнишь, Нина, помнишь, как я рассказывал тебе?

Он схватил сестру за руки и говорил торопливо, словно боялся, что его перебьют и он не сможет выговориться.

— Штаб нашего корпуса был в особняке на окраине Новороссийска. Мы всегда занимали какой-нибудь особняк. Бой в городе шел яростный. А для меня он был последним. В особняк угодил снаряд, и меня контузило. Сколько я там провалялся — не знаю. Очнулся в лазарете. Я понял это потому, что кругом были раненные, искалеченные, стонущие люди. А в общем-то это был огромный сарай... Вскоре нас начали сортировать для отправки по госпиталям. Подошли ко мне. Спрашивают фамилию. Ну, как я мог ответить? Как? Назвать себя? Меня, наверное, на месте пристрелили бы. Ведь я понял, что нахожусь не у своих... И вдруг хриплый голос: «Он, товарищ фершал, контуженный, глухой... Вот его документы. Берсенов он. Иван». Я молчал. А мысли опережали одна другую. Видимо, наши, считая меня убитым, сорвали с меня погоны и забрали подлинные мои документы, чтобы красные не опознали, какую птицу они подстрелили... А может, и по-другому было. Ни серебряного портсигара, ни часов у меня не оказалось. Ни сапог, ни шинели... Портмоне с деньгами тоже не было. Перстень уцелел — наверно, снять не смогли... А в задний карман галифе не сунулись, видимо, потому, что документы мои были в кармане гимнастерки. Но там, в галифе, был мой пистолет и те бумаги... Я понял, что мертвый Берсенов спас меня. Я молчал, пока меня лечили. После? Тоже молчал. На Кавказе мне больше нельзя было оставаться. Меня многие знали в лицо. Могли опознать и выдать. В Петрограде знакомых было еще больше. Вот тогда я и решил, что сумею затеряться в Москве. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову искать меня в самом центре России. Случайные встречи я в расчет не брал: мало ли в конце концов похожих людей!

Он передохнул и продолжал:

— Я выработал себе верный план. Я продумал его во всех мелочах. Но беспокоило меня одно: как поступить с Калерией? Берсенов — не такая уж распространенная фамилия, чтобы Калерия не отыскала брата. Наверняка она что-то предпримет. И тогда я решил сам написать ей. Написать от имени Ивана. Решил сам разыскивать ее. Мои письма остались без ответа. Из розыска пришла открытка, что такая гражданка по указанному адресу не проживает. На какое-то время я успокоился. Ты знаешь, Нина, как я привыкал к новому имени... Много лет я не отзывался, когда называли фамилию Берсенов, всякий раз оправдываясь контузией. Но после того как я очнулся там, в ла-

зарете, я ведь ни на одно мгновение не терял слуха! Да, я всегда все слышал. Но фамилия Берсенева напоминала мне, что я живу чужой жизнью, что я делаю все время то, что, может быть, делал бы этот рассудительный тихоня, несчастный братец моей нареченной... Я сказал — тихоня. Но он не был тихоней! Нет! И вряд ли он стал бы ревизовать сберкассы...

Он было умолк, но вдруг выкрикнул:

— Сорок лет! Боже! Сорок нескончаемых лет!.. Так кто же, кто, я тебя спрашиваю, смеет перечеркивать их?!

Сестра высвободила свои руки из его больших ладоней.

— Не кричи,— сказала она спокойно.— И не волнуйся зря. Может быть, просто кто-то над тобой подшутил. Или кто-то ищет с тобой связи...

— Связи? Да на кой черт я кому-то сдался! Из наших никто не знает, что я Берсенева. Оленева давно похоронили. Я же все эти годы был нем как рыба... Нет, Нина, и шуткой тут тоже не пахнет.

Он опустился на стул с высокой спинкой, откинул назад голову, прикрыл глаза. Потом резко вскочил.

— Где конверт?

Сестра подала.

Он сунул его почти под самую лампу под низким абажуром.

— Опущено в Москве. В центре...

— Ну и что?

— Докопались...

— Может, Калерия?..

— Нет. Это — вексель. Пора платить.

— Уезжай.

Иван Андреевич криво улыбнулся.

— От Оленева или от Берсенева? — спросил он тихо.

— Все равно,— сказала сестра.— Пройдет время, и все уляжется. Помнишь, какой-то чужак разыскивал Берсенева в тридцать восьмом? Ты же убедил его, что он ошибся...

— Время уже прошло. Если эта бумажонка оттуда,— Иван Андреевич помахал в воздухе крупным указательным пальцем,— никакие километры меня не спасут. У них, наверняка найдется моя фотография... Надо ждать здесь. Им, видимо, тоже хочется, чтобы я поскорее засобирался в дорогу... Но я этого не сделаю. Нет! Доказать, что я не Берсенева, не так-то просто.

Он походил по комнате, остановился и пристально посмотрел на сестру.

— Это счастье, что ты мне родная только наполовину и никакого отношения к фамилии Оленевых не имеешь, дорогая Нина Алексеевна...— проговорил он и захохотал.

Сестра отшатнулась и сразу словно съежилась.

— Господи...— прошептала она еле слышно.

— Не бойся. Ни один волос не упадет с твоей птичьей головки. Только спрячь свою кислую мину и води себя как всегда.— И, подумав, добавил:— До сих пор без посторонних я разрешал тебе называть меня Сержем. Теперь это имя ты должна намертво забыть. Поняла?

Нина Алексеевна безмолвно кивнула.

За ужином, который сестра собрала, как всегда, тщательно, Иван Андреевич повторял одну и ту же фразу:

— А все-таки жаль...

Спать легли рано.

Чтобы успокоиться и забыться, Иван Андреевич принял снотворное.

Утром он ушел на работу, не зайдя в комнату сестры, как делал обычно.

Дверь за ним захлопнулась, и Нина Алексеевна встала, чтобы наложить цепочку.

В раздумье она постояла некоторое время в прихожей, потом решительно направилась в комнату брата. Справа, на стене, над письменным столом висел отрывной календарь. Число на нем было вчерашнее. Нина Алексеевна оторвала листок, подошла к свету и прочла: «40 лет со дня освобождения города Грозного от деникинских банд».

Та-ак...— протянула она в раздумье вслух.— А при чем здесь Новороссийск? При чем Берсенев?

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Кончился метельный февраль. Над очищенным от снега асфальтом курилась последняя поземка. Набухшие сыростью ветки деревьев с каждым днем становились более гибкими. На Чистопрудном бульваре возле небольших прозрачных луж резвились крикливые воробьи. По трамвайным рельсам днем текли медленные ручейки, и трамваи по ним катились как-то особенно мягко. По дорогам машины разбрызгивали комья грязного, дряблого снега. Бульвар, улицы, переулки — все было наполнено пахучим светом, какой приходит в Москву только в предвесенние солнечные дни.

С очередной ревизии Берсенов шел привычной «длинной дорогой». Он шагал широко, казалось, ничего не замечая вокруг. Но вот он остановился, медленно повернул лицо к солнцу, прикрыл веки и глубоко, шумно втянул в себя воздух. Несколько минут он простоял так и все не мог надышаться.

Весь месяц он ждал. Чего? Он и сам не знал. Вслушивался в каждый порох в квартире, невольно всматривался в лица знакомых и незнакомых людей, встречавшихся на лестнице, в подъезде, возле дома, на улицах. И ничего не предпринимал.

Жизнь текла своим чередом, если не считать того, что сестра перестала называть его по имени и, обращаясь к нему, говорила какие-то безликие фразы, четко и медленно выговаривая слова, словно долго обдумывала их. А сегодня утром, отдельно произнося каждое слово, она вдруг сказала:

— Иван Андреевич, я хочу уехать.

— Куда? — быстро спросил он.

— На юг. Там легче снять комнату. Я рассчитала: денег мне хватит...

Он сразу представил себе, как входит в пустую квартиру, как наваливается на него тишина.

— Нет! Нет, Нина, не бросай меня!

Такой беспомощной интонации в его голосе Нина Алексеевна никогда не слыхала. Она заплакала.

Он подошел, поцеловал ее руку и сказал:

— Ты была права. Тем заказным письмом надо мной действительно кто-то подшутил... Но кто?

Нина Алексеевна оживилась, вытерла слезы.

— Правда? Ты успокоился?

— Почти, Нина. Почти.

— Я же говорила тебе, что все уляжется!

На работу он ушел почти выздоровевшим и весь день старался изгнать остаток тревоги, засевшей где-то очень глубоко.

На обратном пути, когда он подставил лицо теплым лучам, легкий, желанный покой разлился по всему его большому и еще крепкому телу.

Нет, нельзя больше оставаться инертным. Надо что-то предпринимать. Начал с того, что перебрал в памяти все вещи, какие были в его квартире.

Мебель была приобретена давно, по случаю, у разных людей. Из одежды тех давних лет не сохранилось ничего.

Книги? Среди них ни одной семейной. Альбом! Альбом с фотографиями, который сестра привезла из Петербурга! Его надо пересмотреть немедленно. Старые документы? Уничтожить!

Дома, после ужина, потребовал:

— Нина, принеси твой альбом.

Сестра послушно отправилась в свою комнату. Она вернулась, держа в руках объемистый, с тяжелыми бронзовыми застежками, с золочеными обрезами альбом, чем-то наминавший кожаный чемодан.

Иван Андреевич отстегнул застежки, открыл толстую обложку.

На него глянуло строгое лицо отца, чуть удлиненное, с плотно сжатыми губами. Генеральская форма без единой морщинки обтягивала крутые плечи.

Берсенева—Оленев вздохнул и вынул фотографию из гнезда. Рядом лег портрет матери, снятой в огромной шляпе с откинутой вуалью.

Переверачивая страницы, он все вынимал и вынимал фотографии.

Вот дом в Петербурге, где семья занимала весь второй этаж. Крестиком отмечено окно, а внизу надпись: «Комната Сержа». Да, в семье он был кумиром!..

— Глупейшая привычка — делать пометки... — проворчал он. — Прошлое не возвращается, но все время держит нас в своих цепких лапах... Невероятно жаль расставаться с этим, по сути дела, хламом. Ну кому, скажи, пожалуйста, кроме нас с тобой, нужны все эти картонки? И, представь, при случае они могут превратиться для нас в самых жестоких врагов.

— Господи... — прошептала сестра. — Я не хотела, я не думала об этом...

Перевернув новую страницу, Оленев уставился в снимок двух молодых людей.

Он вспомнил, как они с Ваней Берсеньевым по окончании кадетского корпуса забежали в фотографию. Старик фотограф долго усаживал их в кресла с потертыми подлокотниками, отходил в сторону, смотрел и решительно менял кресла местами. Молодые офицеры с хохотом пересаживались, принимали внушительные позы...

Потом друзья встретились только в 1916 году, когда Ваня Берсеньев приехал с фронта на побывку. Он был ранен, немного прихрамывал. Тогда они и отправились в имение Берсеньевых.

Стоял солнечный декабрь.

На станцию за ними в легких санках, запряженных мышастой, резвой лошастью, приехала сестра Вани — Калерия. Боже, до чего она была хороша!

Такие лица, нежные, матовые, с детским румянцем, Оленев видел только на старинных портретах в Эрмитаже. Из-под широких бровей на него глядели теплые, словно бархатные, глаза. Гладко причесанные волосы слегка кудрявились у висков, отливая на солнце темным золотом.

Она высвободила из муфты узкую руку, затянутую в лайковую перчатку, и подала Оленеву. Он тогда сам почувствовал, как поглупело у него вдруг лицо.

— Готов! — засмеялся Ваня. — Но ты не думай, Лера, у него не всегда такая глупая физиономия. Умным он тоже бывает.

Все рождественские праздники Оленев из кожи лез, стараясь не показаться Калерии скучным или глупым. Он острил, представлял в лицах своих товарищей. Больше всего смеялась Лера, когда Оленев изображал своего денщика.

После Нового года, уже в Петербурге, состоялась их помолвка. Но бурный февраль спутал все планы. Революция, как свежий ключ со дна пруда, всколыхнула Россию. Один за другим возникали и так же быстро гасли офицерские заговоры. Оленев слушал споры, кипевшие вокруг, и никак не мог отдать предпочтение какой-либо организации. Но, поскольку все они боролись с большевиками, готов был поддерживать любую.

С Берсеновым в те дни он встречался часто. За зрелую рассудительность товарищи уважали Ивана, но прямота его суждений пугала.

Однажды знакомый офицер остановил Оленева на улице.

— Слышали, ваш правдолюб окончательно перекинулся к красным...

— Кто это? — насторожился Оленев.

— Да брат вашей невесты, Берсенов.

Оленев не поверил. Он разыскал Берсенова и спросил в упор:

— Ты сочувствуешь большевикам?

— Я считаю их дело правым, — как всегда тихо и твердо, ответил Иван.

Расстались холодно.

Оленев решил уехать на юг России, где концентрировались основные силы белой армии. Генерал Деникин, лично

знавший отца Оленева, принял молодого офицера более чем радушно. Его назначили помощником начальника контрразведки армии, а вскоре он возглавил ее.

В круговерти дней отошел и как-то смазался образ Калерии. События развивались бурно. Гром Октября 1917 года прокатился не только по России. Он взбудоражил всю Европу и крепко застрял в ушах капиталистов Англии, Франции и Соединенных Штатов.

Оленев вспомнил многочисленные визиты представителей Антанты в ставку Деникина, всегда сопровождавшиеся шумными банкетами. Вспомнил, как после одного такого пиршества его, невыспавшегося, вызвали в штаб, куда привели двух молодых парней, задержанных с телегой, в которой они переправляли куда-то спрятанное в сене оружие.

Парней зверски избили, но они продолжали упорно молчать.

Налитый коньяком и злобой за прерванный сон, Оленев обрушил всю тяжесть своих кулаков на беззащитных упрямцев. Один из них рухнул к его ногам, забрызгав кровью его галифе и начищенные до глянца сапоги. Другой, со связанными за спиной руками, вдруг наклонился и с силой ударил начальника контрразведки головой в живот. Оленев не устоял. Он упал вместе с арестованным на пол. Парень как-то изловчился и впился зубами в щеку Оленева. И, если бы не солдаты, кинувшиеся на выручку, арестант отхватил бы ему кусок щеки.

С той злополучной ночи Оленев никогда не упускал случая выместить свою злость на «красном быдле». О как изощренно он умел это делать! Во всей деникинской армии не было ему равных! Он извлекал из задержанных любые сведения или забивал своих арестантов насмерть. Часто такие сведения совершенно не соответствовали действительности, но это уже не интересовало Оленева. Даже в деникинской контрразведке его имя наводило ужас. Деникин был доволен своим офицером.

Оленев долго не слышал о Берсенева. Деникинцы захватили власть в Терской республике, заняли город Грозный. Оленев со своим штабом разместился в особняке, где у красных была ЧК. Еще раньше этот дом принадлежал крупному нефтепромышленнику-концессионеру.

Никогда стены этого дома не видали и не слышали того, что довелось им узнать за время пребывания там Оленева и его помощников. О многом могли бы порассказать про-

сторные комнаты и огромные подвалы... Но они молчат. Сорок лет они молчали и о встрече бывших друзей. Она произошла в последний день пребывания Оленева в Грозном.

Красные теснили деникинцев. Уже было ясно, что Грозный им не удержать. Надо было срочно сворачиваться и пробираться к Новороссийску. Чтобы узнать истинное положение противника, контрразведке был необходим «язык».

И вот — неожиданное везение: есть «язык».

Оленев решил сам допросить пленного. К нему ввели человека в изодранном обмундировании. Один глаз его заплыл кровоподтеком, разбитые губы распухли. Они отличались багровым глянцем. От уголка рта до подбородка тянулась запекшаяся струйка крови.

— Кто такой? — угрюмо спросил Оленев.

Арестант уставил на него здоровый глаз, проговорил, с усилием раздвигая губы:

— Родственник...

От звука его голоса Оленев вздрогнул.

— Берсенов?

Он схватил и пробежал глазами лежавшие на столе документы задержанного.

— Иван? Почему? Как ты здесь оказался?

Оленев оглянулся на адъютанта и двух солдат, истуканами стоявших в дверях и заорал:

— Вон! Идиоты!

Раненого Берсенева деникинцы захватили в перестрелке. По документам, найденным при нем, установили, что он больше года воевал на стороне красных в отряде Бетала Калмыкова и направлялся с особым поручением в Царицын. Представителям Советов предлагалось оказывать ему всемерную помощь.

— Ого! Ты, оказывается, не мелкая сошка, — проговорил Оленев, когда они остались одни. — «...храбрый воин, до конца преданный Советской власти», — прочитал он слова из характеристики, выданной Ивану Калмыковым, и улыбнулся. — Твой великан кавказец видит в тебе верного помощника... Ишь ты... Ценит знания, доверяет...

Оленев сложил документы Берсенева и почему-то сунул их в задний карман галифе.

Берсенов стоял молча.

Оленев обошел вокруг него, постоял в задумчивости и вызвал ординарца.

— Вымыть. Дать чистую одежду. Уложить на диван в моей комнате, — приказал он.

Берсенева увели.

Оленев зашел к нему часа через два. Присел, рассматривая изуродованное лицо. Берсенов полуоткрыл глаза, попросил:

— Дай выпить... Покрепче...

Адъютант принес бутылку коньяку, придвинул к дивану стул, поставил на него рюмки.

Оленеву позарез нужны были сведения о продвижении красных, но он ни о чем не спрашивал Берсенева. Пусть разговорится сам. Коньяк — хороший союзник, развязывает язык.

Но после двух рюмок Оленев заговорил первым.

Надеюсь, ты понимаешь свое положение... Конечно, доверие Калмыкова — вещь немаловажная. Это лестно, когда тебе доверяет такой сильный и властный человек. Но в сущности-то своей он — туземец... Быдло! А ты — грамотный офицер, дворянин... Ты мог бы сделать блестящую карьеру. Хочешь, я лично доложу о тебе командующему? Ни минуты не сомневаюсь, что тебе у нас поверят и простят заблуждение... Ну? По рукам? Мы же все равно разобьем большевиков. Антанта — не шутка. С нами все великие страны мира.

Оленев взглянул на молчавшего Берсенева, на его затекший глаз. Этот глаз смотрел на него с какой-то покровительственно-снисходительной вежливостью. Так смотрит мудрый воспитатель на школяра, пытающегося высказывать где-то слышанные сентенции и ничего в них не понимающего.

Оленеву стало не по себе, но он решил не подавать вида, погасил загоравшуюся злость и продолжал:

— Мы же с тобой почти родственники. Поверь, мне не безразлична судьба моего будущего шурина, моего друга. Расскажи, Иван Андреевич, о силах и намерениях красных, и ты вернешь доверие друзей, искупишь свою вину.

— Перед Россией и своими друзьями я ее уже искупил, — с усилием проговорил Берсенов.

— Перед какими друзьями? — укоризненно воскликнул Оленев.

Не дури, Серж. Ты не хуже меня знаешь, что судьба вашей армии и ее покровителей решена. Империя развалилась и никогда не поднимется. Войска ваши бегут. Не

сегодня, так завтра вас вышвырнут из Грозного. Ни для кого не секрет, сколько вы пролили безвинной крови. А чего добились? Ненависти. Если кто из нас и заблуждается, так это ты, Серж...

Берсенов говорил долго и обстоятельно. Его логика и хладнокровие бесили Оленева. Ему было не до красноречия. Он обрадовался, когда его позвали к телефону. Но радость была недолгой. Из ставки сообщали, что через несколько часов город будет оставлен. Приказ: эвакуироваться немедленно, пленных уничтожить.

В суматохе Оленев забыл о Берсенове, но, когда покидали здание, вспомнил. Вернулся, вбежал в комнату. Берсенов был без сознания, бредил. Оленев зачем-то выволок его в коридор и выстрелил ему в ухо.

ПРОЧЬ! ПРОЧЬ!

Оленев очнулся от звука, похожего на выстрел: хлопнула форточка.

Сколько времени он просидел над этой старой фотографией? Умные глаза Берсенова смотрели с нее пытливо и серьезно. Чистое юношеское лицо его напомнило Оленеву лицо Калерии. Сергей Петрович поднес ко рту руку с перстнем, фукнул на камень и крикнул:

— Нина, ножницы!

Хрустнул толстый картон, изображение Берсенова упало на пол.

— Дай-ка мне вон ту рамку, овальную, с открыткой.

Нина Алексеевна сняла со стены рамку, стерла пальцем полоску пыли сверху, подала.

Оленев приложил к овальному вырезу оставшийся кусок фотографии.

— В самый раз! Очень эффектно, не правда ли?..

— Ты всегда был эффектен,— грустно сказала сестра.

— А это все надо сжечь,— показал он на грудку откинутых фотографий.

— Но, Серж, с тех пор как нам поставили батареи, печи не топились...

— Нина! Еще раз напоминаю: забудь это имя!

— Прости, пожалуйста, очень трудно...

— Печи... Действительно, ты права. А найдется у нас какое-нибудь ведро?

— Таз есть...

— Прекрасно. Сложи пока в него все это...

Внимательным, долгим взглядом он оглядел комнату.

— Теперь иди, Нина. Иди к себе.

Он плотно прикрыл за сестрой дверь, задернул штору на окне и придвинул стол к высокой изразцовой печи. Тяжело взобрался на стол, открыл потускневшую бронзовую заглушку отдушины, с трудом просунул руку в черное жерло и извлек два небольших свертка. Один из них он вскрыл. Там были бумаги, увенчанные двуглавыми орлами. Разложил их на столе, разгладил. Вспомнил, как рассматривал их в ноябре 1941 года, когда немцы рвались к Москве... Большие надежды возлагал он тогда на эти пожелтевшие листы. Не сбылось! Так и прозяб всю войну в неотапленных помещениях сберкасс на полуголодном пайке служащего, затаившись, не поднимая головы от ненавистных отчетов... А зачем хранил все это потом? На что надеялся?

— Глупость... Все глупость! Прочь, прочь! — ворчал он, отодвигая от себя лист за листом.

Второй сверток он не разворачивал, а только потряхнул от саж и пыли и засунул в карман брюк.

Далеко за полночь он возился в кухне, тщательно сжигая над тазом бумаги и фотографии.

В постель он лег усталым и разбитым. Ворочался, принимался считать, чтобы отвлечься и заснуть. А сон не шел. Неотвязная дума о том, что ему предстояло сделать завтра, не давала покоя. Но принятое снотворное все же одолело Оленева.

Разбудил его теплый луч, пригревший щеку. Сергей Петрович отодвинул голову в тень и несколько минут наблюдал за пылинками, танцующими в пучке света. Он подумал, что вот так же бестолково много лет толклись его дни: сберкасс, сберкасс, сберкасс. Вежливые поклоны, обыденные слова, постоянная настороженность... Жизнь была полна событий, но он никогда не порадовался им. Люди штурмовали космос, его сердце осталось глухим даже к этой потрясающей новости. Сослуживцы относились к нему хорошо. Женщины поглядывали с явным интересом. Но он не обрел ни друзей, ни подруги... Нет! Эти пылинки куда счастливее его!

Воздух в комнатах был наполнен запахом горелой бумаги.

— Нина! — крикнул он. — Открой все форточки!

И начал быстро одеваться.

В выходные дни он часто уезжал за город, и сестра не удивилась, когда он сказал:

— К обеду не жди меня, хочу по лесу пройтись.

Он вышел из дому, но направился не в лес, а на канал, в Хлебниково.

Белое поле затона было усеяно любителями подледного лова. Около некоторых валялась мелкая, скрюченная от холода рыбешка, хотя мороз был совсем не велик. Снег под мартовским солнцем стал ноздреватым, как подтаявший сахар. Весна обещала быть ранней, и лед мог вот-вот сойти.

Оленев шел от рыбака к рыбаку, заговаривал, шутил, продвигаясь все дальше и дальше к середине затона. Наконец все рыбаки остались позади. Оленев остановился и оглядел белое пространство, рябое от старых недосверленных лунок. Одна из них показалась ему наиболее глубокой. Он распахнул пальто, достал из кармана брюк сверток, присел на корточки и затолкал его на самое дно лунки. Сверху его не было видно. Но Оленев не успокоился. Он поднялся и толстыми подошвами ботинок стал сгребать твердый снег. Засыпал лунку, притоптал ее и только тогда застегнул пальто.

Он стоял и смотрел в белую пустоту перед собой. На душе тоже было пусто. И пустота эта давила так, как может давить только одиночество, которому не видно конца.

Он оглянулся. Рыбаки по-прежнему сидели возле своих лунок. Оленев направился к ним. Там были совсем незнакомые люди. С ними можно было поговорить просто так, ни о чем.

Крайний, молодой парень, как раз вытащил трепещущего окунька.

— Ого! С уловом! — поздравил Оленев, улыбаясь. — Первый?

— Не-ет, — протянул парень гордо и тоже улыбнулся. — А вы чего же без снастей? Или — сочувствующий?

— Да вроде. Не могу долго быть на холоде... Вон там один что-то вытянул. Пойду взгляну.

Он переходил от одного рыболова к другому и вскоре добрался до берега, медленно поднялся в горку, постоял и ушел совсем.

Парень, к которому подходил Оленев, выдернул из лунки леску с болтавшейся на крючке рыбкой, снял ее, посмотрел на соседа, пожилого человека с заскорузлыми руками, поднялся, подошел к нему.

— К вам подходил этот, в пенсне, сочувствующий?

- Побывал, — проокал сосед спокойно.
- По-моему, он что-то прятал вон там...
- Где?
- Да вон там, у старых лунок... Все снег притаптывал...
- Оправился, может...
- Не похоже, — засмеялся парень. — Если бы по надобности, так и на берегу мог бы... Он же сразу почти ушел. Глянем, а?
- Думаешь, клад? — ухмыльнулся пожилой, поднимаясь.
- Всякое бывает...
- Они быстро отыскивали притоптанное место. Снег был чистый. Разрыли лунку и вытащили сверток. Старший разорвал слежавшуюся обертку.
- Ф-фью-у!.. — присвистнул молодой, сдвигая шапку с затылка на лоб.
- Вот те на! Должно, думал, вода пойдет, и тю-тю...
- Рыболовы озадаченно переглянулись.

КОМАНДИРОВКА

В следственном отделе пересматривалось архивное дело. Расследование поручили следователю Кириллову. Он выехал к месту старых событий — на Северный Кавказ. Побывал в Грозном, осмотрел дом, где нынче размещается областной профсоюз, а некогда пребывала деникинская контрразведка, встретился со старожилками, побеседовал с участниками давних боев.

Расследование подходило к концу, нужные материалы были собраны. Оставалось побывать на местах бывших кровавых схваток, чтобы лучше представить себе события, касавшиеся старого дела, и, кроме того, просто хотелось посмотреть на предгорья Кавказа.

В воскресный день командированному некуда деться. Кириллов решил сочетать приятное с полезным — попросил на воскресенье машину.

Начальник отдела отпустил в эту поездку своего шофера, хорошо знавшего места.

Выехали в субботу, с тем чтобы переночевать в селе Предгорном.

Машина легко скользила по гладкому шоссе то вдоль реки Аргун, то между причудливыми скалами. С крутых

поворотов дороги открывались удивительные картины: горы, покрытые густой зеленью, ущелья с клочьями тумана, повисшими над невидимыми ручьями, отары овец, пасущиеся на склонах, своеобразной архитектуры мосты... И все это в нежном свете предзакатного солнца.

Шофер дважды останавливал машину, показывал места, связанные с делом, по которому приехал Кириллов. В село прибыли под вечер.

На главной площади кипело веселье. Под звуки звонких гармоник, на которых играли женщины, сверкал полный огня и задора танец.

— Ба! На свадьбу попали! — засмеялся шофер.

К машине первыми подбежали дети. Кириллов с недоумением глядел на маленьких девчушек с ярко намалеванными щечками.

— Обычай такой, — пояснил шофер. — Это, чтоб все цвело вокруг молодых...

Все здешние жители друг другу приходились какими-нибудь родственниками. Знакомые водителя, у которых он решил остановиться, тоже оказались причастными к торжеству, а гость гостя — тоже гость.

Водителя и Кириллова окружили приветливые люди, повели в дом, усадили за стол.

Через пять минут вся свадьба знала, что приехал человек из Москвы. Кириллова повели на почетное место. Справа от него сидел пожилой усач с орлиным взглядом, слева — маленькая, горбатая старушка.

Кириллов взглянул на нее и на минуту замер в удивлении: несомненно, ее он встречал на своей улице в Москве!

Старушка повернулась и, как со старым знакомым, раскланялась с Кирилловым, сказала непринужденно:

— Мы с вами соседи, не так ли? Вот видите, в каких неожиданных местах можно встретиться... Давайте знакомиться.

Правая, безжизненная рука ее покоилась на повязке. Подала левую, назвалась:

— Анна Ивановна Липатова.

Кириллов представился.

— В Москве я зиму. А летом — вот... — Теплым взглядом она обвела застолье. — Благодаря этим людям я живу на земле...

От нее не ускользнул пытливый взгляд Кириллова, и она спросила:

— Интересуетесь?

— Очень,— кивнул Кириллов.

— До завтра потерпите? Вы ведь завтра уезжаете?

— Да. К вечеру надо быть в Грозном.

— Мне тоже там побывать надо. Может, захватите?

— С удовольствием.

— Вот я и сокращу вам путь. За разговорами-то он в два раза короче.

Свадьба шла своим чередом. Тамада произносил длинные тосты. Анна Ивановна, смеясь, переводила его речи Кириллову. Он устал. Но не так-то просто уйти с кавказской свадьбы, не обидев гостеприимных хозяев...

Анна Ивановна подозвала черноглазого мальчугана, что-то сказала ему. Мальчик кивнул и убежал. Он вернулся с букетом цветов.

— Ступайте, поздравьте молодых, рассыпьте им цветы под ноги и тогда можете идти отдыхать,— сказала Анна Ивановна, передавая цветы Кириллову. Ее глаза весело улыбались.

Кириллов послушался.

По утру Анна Ивановна, опираясь на костыль, сама пришла к дому, где ночевал гость из Москвы.

Из Предгорного ехали другой дорогой. Места вокруг были еще красивее, чем вчера.

— Какой воздух, Анна Ивановна! Не то, что у нас в Москве!

— Да, здесь хорошо... Я обещала вам рассказ на дорогу... Но начать очень трудно. На Востоке говорят: «Если хочешь удвоить свое горе — расскажи о нем»...

— О, это связано с плохими воспоминаниями? Тогда, может, не стоит...

— Ничего,— сказала Анна Ивановна,— это я так, к слову... А дело вот какое...

Она помолчала и начала, глядя на дорогу, вроде ни к кому не обращаясь.

— Мое детство и молодость прошли на Старо-Грозненских промыслах. Отец был нефтяником. Жили, как все, бедно. Единственное мое богатство — хорошая память. Рано я себя запомнила. И все, что происходило вокруг, тоже помню. До сих пор... Мы, чумазые дети предместий, рано усвоили разницу между нами и детьми богатых промышленников. К их домам... Нет, даже к оградкам их домов нам не разрешалось подходить! Помню, как глазела я однажды на красивую куклу, брошенную в траве...

Я смотрела на нее через ограду. Дворник прогнал меня, не велел глядеть...

Анна Ивановна повернула лицо к Кириллову, улыбнулась мягко и как-то беспомощно.

— Смешно, конечно, но мне и сейчас обидно... А еще — мы бегали купаться на Сунжу. Цвет ее воды никогда нельзя было определить — столько было в ней нефти и разных отбросов. Нередко попадались трупы кошек, собак, крыс, а иногда и людей... Только ужас нас не брал, все равно плескались... Но не в этом суть.

Она вздохнула и продолжала:

— Хозяева все время расширяли производство нефти, и одновременно с промыслами рос город. К началу революции Грозный стал одним из крупных пролетарских центров, а значит, и большим революционным очагом на Северном Кавказе. К тому времени я была уже взрослая, работала, ходила на сходки, на собрания, вступила в партию большевиков и, естественно, принимала самое активное участие в революционной борьбе грозненских рабочих. Тогда и замуж вышла. Вместе с мужем встретили мы революцию, вместе начали работать в ВЧК.

Машина выскочила к излучине реки Аргун.

— Остановите здесь, — попросила Анна Ивановна шофера. — Давайте выйдем на минутку.

Кириллов вышел, помог Анне Ивановне.

Над дорогой нависала огромной высоты скала. С другой стороны — пропасть. Оттуда еле слышно доносился шум реки.

Кириллов подошел к краю дороги и, глянув вниз, отпрянул.

— Что, голова кружится? — спросила Анна Ивановна.

— Да, страшновато...

— Вот здесь, в этом месте — ответ на вчерашнюю мою фразу, — произнесла она задумчиво. — Здесь я умирала, а там, внизу, мне вернули жизнь... Нас вели сюда всю ночь. Мы были связаны по несколько человек одной веревкой. Избитые, истерзанные... Тех, кто не мог идти, пристреливали или просто сбрасывали с обрывов. Мы с мужем и еще трое были в одной связке. Муж был очень слаб. А здесь нам повстречалась группа конных — начальник деникинской контрразведки Оленев со своей свитой. Все были пьяны, едва в седлах держались... И началось... Хлестали нагайками, рубили шашками, некоторым вырезали звезды на спине и груди... Муж что-то крикнул Оленеву,

тот спешился, подошел, раскачиваясь, сложил кулачище, фукнул на перстень, размахнулся и ударил. Муж первым упал со скалы... Вот отсюда,— показала она.— А за ним — я и вся связка.

Она говорила тихо и так спокойно, будто речь шла вовсе не о ней самой и не о близких ей людях.

Кириллов нервно закурил.

— А потом?

— Я очнулась под скалой. Рядом был старик чеченец. Еще помню слабый огонь. И снова все померкло. Позже я узнала, что пастух нашел меня среди трупов, отпаивал овечьим молоком, отварами трав. Около пяти лет меня выхаживали, пока я смогла встать на ноги. И вот — горбата, поврежден позвоночник, поломаны руки, ноги, ребра, вывихнута лопатка... Просто непостижимо, как выжила!

У Кириллова на языке вертелись тысячи вопросов, но он молчал, боясь разбередить старые раны этой мужественной женщины. Она стояла недвижно, продолжая думать свою думу. Затем сказала, как бы между прочим:

— Я его так помню, будто только вчера расстались.

— Мужа?

— Нет. Оленева.

— Вы его еще встречали? — удивился Кириллов.

— Не-ет! Наверное, его тоже смерть настигла. А может, за границей скитается...

Она помолчала и добавила:

— А жаль, если где-нибудь благоденствует. Жаль! Мне кажется, встретить я его теперь — все равно узнала бы! Не могу забыть.

— А как же вы к ним в лапы-то угодили?

Анна Ивановна горько вздохнула.

— Деникинцы расправились с нами как раз, когда праздновали свою победу.

Она еще раз заглянула в ущелье и сказала:

— Поедемте. В Грозном я вам покажу один дом...

Она села в машину, устало закрыла глаза.

ЗА ВОРОТАМИ КРЕПОСТИ

Водитель повернул в улицу, указанную Анной Ивановной, и остановил машину возле высоких ворот с чугунной решеткой.

— Это же дом облпрофсоюза! — узнал Кириллов.

— Да. Вы уже здесь были?

— Был.

— Так это — тот самый... Владелец его успел сбежать за границу. После революции мы основное здание не трогали, хотели в сохранности передать Советам. Наша ВЧК помещалась здесь, — указала Анна Ивановна на левое крыло дома. — Тут нас и застали деникинцы. Мы не успели эвакуироваться, уничтожали документы. Конечно, мы отстреливались как могли, но... Нас было слишком мало. Когда нас накрыли, скрывать, что мы — чекисты, было глупо... А пытали нас там, в подвалах, где теперь гараж.

— В подвалах? Я в подвалах не был, — проговорил Кириллов.

— Жаль, что сегодня воскресенье, а то я показала бы вам всю крепость...

— Какую крепость?

— Да вот... — кивнула она на дом за воротами. — Видите, как он построен? Войти можно только через эти ворота. Во дворе же — ни деревца, ни клумбы — плац! Незамеченным никто не проскочит...

— Вы правы, — согласился Кириллов. — Но давайте попытаемся.

За время работы по командировке он познакомился с комендантом и теперь решил попросить его содействия. Он нажал кнопку звонка возле калитки в стене. Им открыл низенький, лысоватый человек, приветливый, словоохотливый, подал ладошку лодочкой, повел было в свой кабинет, но Кириллов отказался.

— Давайте, Денис Семенович, попросим Анну Ивановну быть нашим гидом.

— Я — пожалуйста. Вот только ключики возьму...

Анна Ивановна направилась к центральному подъезду.

— Поднимемся на второй этаж. Там у бывшего хозяина был зимний сад с бассейном посередине.

— Правильно. Был бассейн. Только теперь там ничего нет. В смысле — бассейна... Там теперь — столы, телефоны... В общем — все, как полагается... — с гордостью сказал Денис Семенович.

Анна Ивановна все же нашла место, где был бассейн.

— Тогда, в девятнадцатом году, — сказала она, — деникинская контрразведка сразу заняла центральное здание. Здесь, в зимнем саду, — самого-то сада я, конечно, не видела, только кадки пустые, — начальник контрразведки Оленев устроил свою приемную, если можно так выра-

зяться. Принимал заключенных или задержанных по малейшему подозрению людей. Обычно они были избиты до бессознательного состояния. И вот, чтобы привести в чувство, людей кидали в бассейн с ледяной водой. Январь в тот год стоял очень холодный...

Она поежилась, словно заново ощутив холод.

— Меня из нашей группы привели сюда последней и уже ни о чем не спрашивали, а только глумились. Оленев приказал сорвать с меня одежду. Подошел, протянул лапищу к груди, а я плюнула ему в лицо. Он отскочил, поднес кулак ко рту, дунул на перстень и ударил так, что я отлетела к самому бассейну. Тогда он загнал меня в воду...

Кириллов слушал, опустив голову. Денис Семенович, отвернувшись, шарил по карманам, видимо, отыскивая платок; плечи его вздрагивали.

— Оленев бил и снова загонял меня в воду. А потом меня швырнули в подвал, к нашим. В следующую ночь нас погнали по уже знакомой вам дороге... Вот, собственно, и все...

— А подвал? — спросил Кириллов.

— Пойдемте.

Старая, изувеченная женщина направилась к лестнице. Спускаясь, она попросила Кириллова подать ей руку, но не оперлась на нее, а только слегка придерживалась. И Кириллов снова удивился ее выдержке.

Вышли в пропеченный солнцем двор.

— Подвал откроете? — спросила Анна Ивановна, щурясь от света.

— Можно, конечно. Только там холодно: отопление выключено. Боюсь, не простыли бы...

— Может, телогрейки какие найдем?

— Есть... Но шоферские, грязные.

Анна Ивановна вопросительно посмотрела на Кириллова, и он сказал:

— Годятся.

Окованные железом ворота открылись бесшумно. Из темноты пахло запахом бензина, солярки.

Денис Семенович повернул большой выключатель, и неяркий свет озарил своды.

— Ого, как просторно! — воскликнул Кириллов.

— Не мудрено. Эти подвалы располагаются не только под всем домом, но и под всем двором!

Денис Семенович принес замусоленные, драные тело-

грейки. Одну, пополей и почище, предложил Анне Ивиповне. Она накинута ее на плечи, придерживая здоровой рукой, и уверенно пошла вглубь.

Шли довольно долго и, наконец, завернули в правый дальний отсек.

— Понимаете, здесь почти ничего не изменилось... Я вспомнила одну немаловажную деталь и, пока не забыла, хочу взглянуть...

Она остановилась.

— Вот здесь,— показала она на выступ стены,— мы замуровали оружие.

— Чье?

— Наше. Я же говорила вам, что отступать нам пришлось спешно. Часть оружия оставалась в запасниках: не успели раздать. С этой работой провозились, потом надо было документы уничтожить. Вот и не успели уйти...

— Та-ак,— протянул Кириллов.— И его отсюда никто не забрал?

— По-моему, нет.

— Денис Семенович, много в подвалах переделок было? Перестраивали что-нибудь? — обратился Кириллов к коменданту.

— Ремонты были, конечно...

— И оружия никогда не находили?

— При мне — нет.

Кириллов осмотрел выступ. Он был похож скорее на перемышку стены. Следов какой-либо ниши не было. Постучал в разных местах костяшками пальцев, прислушиваясь к звуку. Ощупал кладку. В одном месте была еле заметная разность цемента.

— Придется вызвать саперов,— сказал Кириллов.— А сейчас давайте продолжим нашу экскурсию.

Анна Ивановна очень устала и озябла, донимал ее и нервный озноб. Но она все рассказывала, рассказывала, вспоминая события, называя имена.

Только под вечер Кириллов отвез ее в гостиницу.

На другой день в подвалах работали солдаты. В указанном Анной Ивановной месте металлоискатель показал наличие в стене металлических предметов. Стену разобрали. Там действительно оказалось различное оружие времен гражданской войны. Оформив его изъятие и сдачу, Кириллов уехал в Москву.

Прошло несколько месяцев. Дело, по которому Кириллов выезжал в Грозный, было закончено. У следователя появились новые дела, а с ними и новые заботы. Каждое утро приходила обширная почта. Надо было отвечать, запрашивать, принимать решения. Ведь за каждой бумажкой — новые люди, новые встречи... Постепенно они вытеснили из памяти Кириллова грозненские впечатления.

Просматривая очередную почту, он обратил внимание на письмо, адресованное ему лично.

Обычно личную переписку сотрудники следственного отдела на работе не получали. А тут — личное письмо, да еще через канцелярию!

Кириллов повертел конверт.

— Странно...

Почерк незнакомый. Подписи нет, а обращение — по имени и отчеству.

На листке в клеточку кто-то сообщал, что бывший начальник контрразведки «добровольческого корпуса» Сергей Петрович Оленев проживает в Москве.

Зимнее солнце заглянуло в кабинет, осветило бумаги на столе, и Кириллов вдруг вспомнил поездку на Северный Кавказ, Анну Ивановну Липатову, ее рассказы о белогвардейце Оленеве.

— Странно... — проговорил он снова и, взглянув на штемпель почтового отделения, подумал: «Похоже, что она. Но почему без подписи?» Еще раз перечитал письмо, выписал названный в нем адрес и решил запросить адресный стол. Ответили: Сергей Петрович Оленев по указанному адресу не проживает.

Запросил вторично: кто проживает?

Получив ответ, что прописаны Иван Андреевич Берснев и Нина Алексеевна Прасолова.

Значит, ошибка.

Поскольку письмо было без подписи и обратного адреса, ему можно было не придавать серьезного значения. Но Кириллов вложил его в папку текущих дел.

Через несколько дней из приемной Кириллову сообщили: к нему хочет пройти гражданка Липатова Анна Ивановна. Он заказал пропуск, вышел встретить.

Пришли в кабинет. Анна Ивановна смущенно огляделась, сказала, извиняясь:

— Я послала вам письмо... Очень волновалась и, кажется, забыла подписать. Вы его получили?

— Да. Садитесь, пожалуйста.

Она с трудом опустила в кресло, дрожащей рукой придерживаясь за подлокотник.

— Я его видела,— сказала она.— Помните, я говорила вам, что обязательно узнаю Оленева, если встречу. Так вот... Я встретила его у Чистых Прудов.

— И он узнал вас?

— Нет. Ведь он видел меня молодой и здоровой. Лицо у меня было другое. Щеку я распорола, когда падала со скалы. Арестованных у него было тогда много. Да и время...

— Да, конечно. А как он выглядит?

— Высокий, стройный, в пенсне, в барабашковой шапке. Офицерская выправка. Мне показалось, он мало изменился. А руки... Руки совсем как тогда...

— Почему именно руки?

— Да разве можно забыть руки, которые вас били?! — воскликнула она.— А эти кувалды, эти кулачищи, как у хорошего молотобойца,— разве их забудешь! И потом, на безымянном пальце правой руки у него перстень. В нем — небольшой рубин, будто капля крови запеклась... Его-то уж я запомнила. Этот рубин не раз сверкал у меня перед глазами! А самое главное — привычка дуть на этот камень, когда взбешен или взволнован...

— Как вы его встретили?

— У Покровских ворот живет моя знакомая. Я хотела поехать к ней, как обычно, на такси. Но машин на стоянке не было. Я поехала в метро. От Кировской пошла пешком по бульвару. Проходила мимо двух мужчин. Они что-то обсуждали. Наверное, я не обратила бы на них внимания, если бы не этот жест. Увидела и просто остолбенела, глазам не поверила... Потом я заметила и перстень... Мне было трудно стоять, и я села неподалеку на скамейку. Мужчины вскоре расстались. Оленев пошел неторопливо, будто гулял, и это помогло мне. Я шла за ним до самого дома.

— Анна Ивановна, а вы не могли ошибиться?

— Ни в коем случае! — горячо сказала она.

— Но по адресу, указанном вами, человек с такой фамилией не проживает.

Она опешила:

— Не может быть. Я же у дворника спрашивала. Женщина там двор скребком чистила. Еще переспросила

меня: этот, говорит, молодой старик? Не улыбайтесь, она так и сказала. И квартиру мне назвала...

— Так вы по фамилии спросили?

— Нет. Ни фамилии, ни имени-отчества я не называла,— покраснела Анна Ивановна.— Но это он. Обязательно он!

— Ну, ладно. Проверим еще раз,— пообещал Кириллов.— Только очень прошу: сами, пожалуйста, ничего не предпринимайте. О результатах расследования мы вам сообщим. Если окажется, что это тот самый человек, которого вы имеете в виду, вам придется еще прийти к нам.

— Пожалуйста. В любое время.

Поднимаясь, она проговорила:

— Знаете, мне сейчас как-то очень не по себе. Неужели... Нет, нет! — перебила она себя.— Это все-таки был он! Оленев, и никто другой!

— Не волнуйтесь. И спасибо вам!

Кириллов проводил Липатову и задумался.

Конечно, старая женщина могла ошибиться. Сорок лет — срок изрядный. Да около пяти лет она была больна, даже речи лишалась... Брать человека на подозрение — дело серьезное. С другой стороны, памяти Липатовой можно позавидовать. В этом Кириллов убедился еще в Грозном. Да и приметы, которые она назвала,— нечастые. В конце концов этот человек мог сменить фамилию, имя.

Стоп, стоп! А фамилия Берсенов — вымышленная или настоящая? Запросить архив.

Кириллов придвинул к себе настольный календарь, решив пометить день возможного ответа из архива, перекинул несколько листков, механически прочитывая подписи к датам. Что такое? Внимательно перечитал напечатанное: «40 лет со дня освобождения города Грозного от деникинских банд».

Вскочил, прошелся по кабинету, заглянул еще раз в календарь, улыбнулся и, решительно вырвав листок, направился к начальству.

...И ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

Из отдела кадров финансового управления Кириллов запросил анкету ревизора Ивана Андреевича Берсенова.

На небольшой фотографии — серьезное, интеллигентное лицо. Год рождения 1887-й, место рождения — Псков-

ская губерния, село Берсеневка, русский, дворянин, образование — Императорской кадетский корпус, Петербург, холост, не был, не привлекался, не имел...

В краткой автобиографии Берсенева сообщал, что в годы гражданской войны он добровольно перешел на сторону красных. Из армии выбыл по причине тяжелой контузии.

Фотографию с анкеты увеличили и размножили.

Через несколько дней архив прислал фотографию Сергея Петровича Оленева.

Обе фотографии Кириллов отправил на экспертизу с целью идентификации личности.

Эксперты дали положительный ответ: на фотографиях одно и то же лицо.

Кроме того, по обоим фотографиям Оленева опознали Анна Ивановна Липатова и два старожилы из города Грозного, знавшие его в годы революции.

Для Кириллова все встало на свои места: под фамилией Берсенева скрывался преступник Оленев.

Поздно, но все же преступник найден. Кириллов мог возбудить уголовное дело, получить у прокурора санкцию на арест, но почему-то не торопился.

Изо дня в день просматривая почту, он ждал чего-то, очень для него важного. И вот это что-то пришло.

Следователь торопливо вскрыл конверт. Из него выпала старинная фотография на толстом картоне и письмо на четырех страницах ученической тетради, написанное мелким, убористым, но очень четким почерком. Кириллов читал, подчеркивая некоторые фразы.

В кабинет вошел один из оперативных работников.

— Слушай-ка, мне вот тут одну штуку принесли, — сказал он и положил на стол пистолет системы «вальтер».

— Ну и что? — спросил Кириллов, с сожалением откладывая письмо.

— Тут пометка есть. Вот я и подумал...

Взглянув на гравировку, следователь вскочил:

— Кто принес? Когда?

— Вчера из долгопрудненского отделения милиции доставили. Говорят, какой-то милиционер нашел...

— Что значит — какой-то? Разыскать немедленно!

— Разыщем.

Вечером в кабинете следователя сидели двое: молодой милиционер и пожилой железнодорожник.

— Так. А дальше что? — спрашивал Кириллов.

— Ничего,— сказал молодой.— Нашли и отнесли к нам в отделение.

— А человек этот куда пошел?

— Должно, к берегу. Куда же еще? — сказал старший.— Говорю вам — мы рыбу ловили...

— Но вы хоть его запомнили? Могли бы узнать?

— Конечно! — в один голос подтвердили рыболовы.

— В шапке он пирожком,— проокал пожилой.

— И снастей у него не было,— смущенно добавил милиционер.

— Эх, вы... А еще в милиции служите!

— Виноват, товарищ капитан...

Кириллов достал из стола фотографию с анкеты Берсенева.

— Этот?

— Точно! — обрадовался милиционер.

— Он,— подтвердил железнодорожник.

Вот теперь можно было возбуждать дело и брать санкцию на арест.

К вечеру следующего дня все было получено, и Кириллов с группой оперативных работников и понятыми позвонил у квартиры ревизора Берсенева.

Дверь открыла Нина Алексеевна. Все поняла. Побледнела. Но овладела собой, сказала тихо:

— Вы к Ивану Андреевичу? Проходите.

Оленев — Берсенов поднялся навстречу.

— Чем обязан? — спросил он строго и несколько высоко.

Кириллов предъявил постановление на арест.

Оленев опустился на стул, несколько раз перечитал документ. Лицо его покрылось пятнами. На лбу выступила испарина.

— Скажите, а почему бы не заподозрить меня в том, что я — турецкий султан? — спросил он с явной издевкой.

— Я ценю ваш юмор,— ответил Кириллов.— Но с такими претензиями вам следовало бы обратиться к вашим родителям. А сейчас начнем обыск.

— Ищите.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— Приступайте,— приказал Кириллов сотрудникам и сам стал внимательно оглядывать комнату.

Его взгляд упал на фотографию в рамке. Подошел, вынул портрет, положил перед Оленевым.

— А где же вторая половина?

— Какая? — побледнел Оленев. — Фотография была немного велика для рамки, потому ее и обрезали...

— Сегодня или вчера? — спросил Кириллов, разглядывая свежий срез.

Оленев вспыхнул, отвернулся, поднес руку ко рту, фукнул на перстень и забарабанил пальцами по столу.

К концу обыска один из сотрудников принес и показал Кириллову найденную под кухонным столом пожелтевшую плотную бумагу. Это было свидетельство о рождении дворянина Сергея Петровича Оленева.

— Этот документ вам знаком? — Кириллов протянул бумагу Оленеву.

Если бы в этот момент в комнате появился ископаемый бронтозавр, Оленев, наверное, меньше удивился бы. Однако он справился с собой и произнес довольно равнодушно:

— Понятия не имею.

Обыск был окончен. Документы подписаны. Оленева увели.

ЗАБЫТЫЕ ЛИЦА

Перебирая в памяти все происшедшее накануне и только что состоявшийся разговор со следователем, Оленев ругал себя последними словами: «Дурак! Идиот! Попался, как мальчишка! Метрики! Надо же, на чем поймали! Каким образом и когда я их выронил? А фотография... Слюнтяй! Сентиментальная барышня! И эта невероятная глупость с пистолетом! Дубина! Не мог сунуть в открытую лунку! Хоть бы догадался с собой трость взять, чтобы пробить лед! Все, все глупость!..

Но где-то брезжила светлая полоска надежды: рано сдаваться! Пусть поищут свидетелей. Живых. Тех, кто знал именно Оленева!

В двери камеры звякнул замок.

Оленев весь сжался, но не оглянулся на звук.

— Гражданин Берсенов, к следователю.

В просторной комнате кроме следователя находились еще двое мужчин, примерно одного возраста с Оленевым. Всех троих попросили сесть на стулья у стены.

Кириллов позвонил.

— Пригласите свидетельницу.

Оленев глянул на дверь. Вошла старая горбатая жен-

щина. Нет, ее он не знал. Спокойно глянул в ее светлые, умные глаза.

— Анна Ивановна, вы знаете кого-либо из сидящих здесь? — обратился к ней следователь.

— Да, — сказала она негромко. — В середине — бывший начальник контрразведки «добровольческого корпуса» деникинской армии. Это — Сергей Петрович Оленев.

— Вы знаете эту гражданку? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Кириллов.

— Нет! — вырвалось у Оленева.

Остальные молча переглянулись. И Оленев снова понял свою оплошность. Проклиная нервы и поспешность, он низко опустил голову.

Кириллов, наблюдая за ним, продолжал оформлять протокол опознания. Он видел, как Оленев исподлобья смотрел на Липатову.

— Ну, как? Может, все-таки узнали свидетельницу?

— Нет. Этой женщины я не знаю. Никогда в жизни не видел, — произнес Оленев и, поднеся руку ко рту, фукнул на перстень.

Отпустив участников опознания, Кириллов остался один. Для него было ясно, что Оленев разоблачен. Оленев не глуп, он тоже понимает, что его игра проиграна. Но откуда у него такая самоуверенность? Выходя из кабинета, Оленев повернулся по-военному, даже каблуками пристукнул... Значит, считает Липатову подставным лицом. Ему нужны более «солидные» свидетели, которых он не мог бы не помнить. Липатова... Она — только жертва. Одна из многих. То, что Оленев не помнит ее, — вполне естественно: время, возраст и вид. Наверное, вспомнил бы, если бы Анна Ивановна не была так изуродована.

Молодого милиционера и пожилого железнодорожника, опознавших в Оленеве человека, который закапывал в снег пистолет, Оленев тоже в расчет не принял.

— Это все хитрости следствия, — заявил он.

Ну, что ж! Придется подождать других свидетелей. Надо только ускорить их приезд.

Вернувшись в камеру, Оленев — Берсенева лег на койку. Думал: откуда взялась эта старуха? Какую роль я мог сыграть в ее жизни, в ее судьбе? Почему следователь не спрашивает о ней ни полслова?

Он пытался припомнить все, что случилось с ним в той жизни, увязать события в некую логическую цепь. Но услужливая обычно память на сей раз не слушалась.

Мысли прыгали с одного на другое, не давая сосредоточиться на главном — как вести себя дальше?

В последние годы, коротая вечера, Оленев посмотрел много фильмов, в которых работники розыска, как хитроумный Шерлок Холмс, с легкостью распутывали любые ситуации. Конечно, криминалистика шагнула далеко вперед и спорить с экспертами трудно. Однако и они — не боги. Но чем больше он думал, тем дальше отступало ироническое недоверие к работе следователей, порожденное не всегда удачными фильмами. Достали же они где-то фотографию! Да не какую другую, а именно ту, где он снят с Берсеневым!

Берсенев... Сначала — товарищ. Потом — друг, почти родственник. Затем — изменник, враг. Конечно — враг. Как же иначе расценивать то, что он перекинулся к красным? Он, потомственный дворянин! Кто-то ведь все равно должен был покарать его! Тогда шла война. А война не щадит врагов, изменников... Да, я убил, убил его! Ну и что? Это же был суд. Суд над изменником! «Совершивший преступление должен за него ответить», — словно простучало в мозгу.

Вот Берсенев и ответил за свое преступление...

И тут же подумал: «А сорок лет, в течение которых я прикрывался именем убитого? Как щитом, прикрывался... Враг, изменник, щит?»

Утомленный, Оленев уснул. Книга, которую он так и не раскрыл, лежала у него на груди, заглавием наружу. Подошел сосед по камере, прочел вслух название:

— «Былое и думы»... — Поднял многозначительно палец вверх, сказал: — Видно, гражданин Герцен недаром считал, что о былом никогда не поздно думать! Вот и думай. Благо, время есть...

На другой день Оленева снова пригласили к следователю. Он вышел из камеры и зажмурился от весеннего солнца, заливавшего коридор. Оно играло на мягко окрашенных стенах, на полу, на широких подоконниках.

В кабинете следователя тоже было солнечно. За окном лилась тоненькая струйка капли. Лица сидящих вдоль стены мужчин были ярко освещены. Оленев занял место с краю и тоже оказался в полосе света.

В дверь вошел пожилой человек, мельком взглянул на сидящих, подошел к столу следователя.

— Гражданин Бельский, вы кого-нибудь знаете среди сидящих.

Бельский обернулся и посмотрел.

— Никого.

Взглянул снова более внимательно и вздрогнул.

— Не может быть!

— Что — не может быть?

— Да так... Мне показалось...

— Что же вам показалось?

— Так... Может, случайное сходство...

— С кем?

— Нет. Это было слишком давно...

— Ну, что же, вернитесь к своим воспоминаниям.

— «Вернитесь»... — протянул Бельский. — Попробую.

А можно подойти поближе?

— Пожалуйста.

Он прошаркал к сидящим и внимательно всмотрелся в каждого. Мужчина с краю вдруг поднял руку. Луч солнца скользнул по перстню, рубин заиграл в нем, рука резко опустилась.

— Сергей Петрович! Вы ли это?! — воскликнул Бельский.

— Кто Сергей Петрович? — спросил Кириллов.

— Да вот же! С краю. Я знаю его. Действительно знаю. По кадетскому корпусу. Это Сергей Петрович Оленев. Господи! Сколько лет!

— Вы не ошибаетесь? Вы же тогда были очень молоды.

— Нет! Теперь не ошибаюсь! Я вам все расскажу...

— Хорошо. Подпишите пока протокол и отдохните.

Бельский вышел.

— Ну, как, Сергей Петрович, кто вы — Оленев или Берсенов? Может, признаетесь?

— Да, — с усилием произнес тот.

— Вот и правильно. Теперь можете поменяться местами.

— Еще опознание?

— Да, еще одно.

— Но я же признался, — проговорил Оленев как-то жалобно и уныло.

— Ничего.

Кириллов позвонил.

Несколько минут прошло в томительном молчании.

В кабинет вошла пожилая, со вкусом одетая женщина. Ее гладко причесанные волосы, собранные на затылке в пышный узел, на солнце отливали золотом. Моложавое

лицо с темными, теплыми глазами было очень привлекательно.

Оленев вздрогнул, сделал попытку привстать и не мог.

— Вот так встреча,— тихо сказала вошедшая.

— Вы, Калерия Андреевна, знаете кого-нибудь из этих мужчин? — задал следователь традиционный вопрос.

— Д-да... — сказала она и судорожно вздохнула.

Кириллов налил и подал ей стакан воды. Она поблагодарила взглядом, отпила и опустилась на стул.

— Кто вам знаком?

— Оленев. Сергей Петрович.

— Откуда вы его знаете?

— Я была с ним помолвлена... Сорок с лишним лет назад.

— Сергей Петрович, это соответствует действительности?

— Да,— кивнул он.

— Итак, с этого момента мы будем официально называть вас Сергеем Петровичем Оленевым, а не Иваном Андреевичем Берсеневым. Не так ли?

— Так,— ответил он.

Калерия Андреевна недоуменно взглянула сначала на следователя, затем на Оленева.

— Что вы сказали? Иван Андреевич Берсенеv? При чем здесь имя моего покойного брата?

— Гражданин, которого вы только что назвали Сергеем Петровичем Оленевым, до сих пор носил имя Ивана Андреевича Берсенева. Да, да, вашего брата. К несчастью, действительно покойного. Вы уж извините, но именно это обстоятельство заставило меня побеспокоить вас...

— Так то письмо...

— В котором мы просили вас сообщить подробности о своей семье, о вашем отъезде из Петербурга в связи с известием о гибели брата, и фотография, которую вы нам прислали? Да. Все это приложено к делу. У Сергея Петровича будет возможность ознакомиться с этими документами. Еще раз прошу прощения и большое вам спасибо, что откликнулись на мою просьбу.

Протокол опознания был подписан. Калерия Андреевна ушла. Ушли и остальные. Кириллов и Оленев остались одни.

Оленев сидел, низко склонив голову. Он обмяк. Еще недавно самоуверенный, вышколенный, знающий себе цену человек менялся на глазах. Уже не было прежнего

доска, неприкрытой иронии. Перед Кирилловым сидел жалкий преступник.

Гражданин следователь, — раздался глухой, чуть дрожащий голос. — Разрешите уйти в камеру. А лучше, если можно, дайте мне перо и бумаги и поместите отдельно от остальных.

«Вот как! Даже голос изменился!» — подумал Кириллов и сказал вслух:

А зачем вам идти в одиночку? Садитесь вот за этот стол и пишите.

— Мне хочется побыть одному. Подумать.

— Ну, если настаиваете...

Оленева увели.

РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

Оленева не беспокоили. С утра он принимался за работу: тщательно раскладывал бумагу и начинал писать. Четким ревизорским почерком он исписывал лист за листом, то неторопливо, то быстро, словно боясь упустить подробность. Он не скрыл ничего, даже самых неприглядных фактов — хотел чистосердечным признанием смягчить свою вину, сохранить жизнь.

В его признании не было только одного: Оленев ни словом не обмолвился о причинах, побудивших его к жестокости. Попытки оправдать свои поступки тоже не было.

Ознакомившись с материалами признания, Кириллов вызвал Оленева к себе.

Его вид поразил следователя.

— Что с вами, Сергей Петрович? Вы больны?

Тот махнул рукой.

— Скоро конец.

— Чему?

— Ну... Встреч с вами больше не будет...

— Вы сожалеете? Разве вам хочется, чтобы следствие велось без конца?

— Пожалуй, да!

— Что же? Это я вам так пришелся по душе? — пошутил Кириллов.

Говоря начистоту, встречи с вами не слишком приятны... Но я был другого мнения о чекистах.

— Вас в этом убедили прежние встречи?

— Нет... Те чекисты имели дело только со мной. Мне

с ними — не приходилось. И все же... В общем, я не ожидал ни такта в обращении, ни ваших методов. Ну... методов приведения неоспоримых доказательств, что ли...

Ну, что же... Это приятно слышать из уст противника. Я имею в виду идеологию. Ведь у вас иная идеология. Не так ли? Вот вы ни словом не обмолвились о причинах, приведших вас к катастрофе...

Оленев как-то брезгливо выпятил губу, произнес тоном, полным затаенной обиды:

— Ах... Какая там идеология! Какие причины! Все это упирается в одно: нам с детства вдалбливали, что мы — элита, что мы рождены для власти и все должно быть подчинено нам... А кому не приятно верить, что он — исключительная личность? А нас, исключительных, вдруг решили исключить. У нас отняли власть, возможность повелевать... Вот мы и творили все, о чем я тут написал, — показал он на исписанные листы.

— Да, но ваш суд вы совершали над людьми, которые, по большей части, не были большевиками, а значит, и не были вашими врагами...

— В то время некогда было разбираться. Война есть война. наших большевики тоже постреляли немало...

— Согласен. В этом иногда была необходимость. Но вы когда-нибудь видели ваших людей растерзанными, замученными, изуродованными?

Оленев вздрогнул, весь подался вперед.

— Нет... — произнес он растерянно.

Следователь закрыл папку.

— Вот так, Сергей Петрович, — сказал он. — Хотите вы этого или нет, но дело закончено и передается в суд.

В зале суда стоял приглушенный шум.

В напряженном ожидании Оленев продолжал смотреть на изуродованную старую женщину.

Он вспомнил! Он вспомнил молодую, совершенно нагую стройную женщину, посиневшую от холода. На мгновение, на одно только мгновение он представил себя на месте этой женщины... Он содрогнулся всем существом. К горлу подкатила тошнота.

— Встать! Суд идет!

Он машинально поднялся, издалека падали слова:

— Учитывая давность... Принимая во внимание... Приговаривается...

Оленевым овладело тупое безразличие.

И. КОНОНЕНКО

Ф. КОНДРАШОВ

ТАЙНА ЗАПРЕТНОЙ ЗОНЫ

На восьмом километре шоссе Винница—Киев привольно раскинулось большое село Коло-Михайловка с нарядными домиками, скрытыми в зелени садов. Все дышит миром и покоем. Но стоит сойти с автострады и углубиться в лес, как перед взором предстанут остатки растрескавшихся асфальтовых дорог, вздыбленные глыбы железобетона, взорванные бункеры и подземные переходы. Это развалины бывшей ставки Гитлера, известной под названием «Вервольф».

Подземное логово стерегли головорезы дивизии СС «Германия». Но тем не менее чекисты сумели проникнуть в тайну запретной зоны.

Кто же были эти герои?

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

Генерал Силантьев предложил капитану Варову сесть и передал коленкорovou папку.

— Ознакомьтесь, Василий Тимофеевич, вот с этими документами.

...Связной Винницкой подпольной партийной организации сообщал, что со второй половины мая 1942 года в городе находится ставка верховного командования герман-

ских вооруженных сил. «Подготовка к переезду ставки в Винницу, — писал он, — началась еще в декабре 1941 года. К концу мая вокруг Винницы завершено строительство железобетонных укреплений. На окраине села Стрижавка, в восьми километрах от Винницы, построен новый аэродром. Расширен старый аэродром в селе Калиновка. Из сел Стрижавка, Михайловка, Калиновка, Пятничаны и прилегающих к ним хуторов жители выселены. 10—15 июня 1942 года в Виннице были Гитлер и Геринг».

Ровенская газета «Волинь» сообщала, что на состоявшемся в Виннице концерте Берлинской оперы присутствовал рейхсминистр Герман Геринг, а хроникер луцкой газеты «Дойче украйнишецайтунг» извещал, что оперу Вагнера «Тангейзер» слушал фельдмаршал Кейтель.

Варов перевернул следующую страницу и прочел показания пленного унтер-офицера дивизии «Великая Германия»: «Я служил писарем в штабе коменданта личной охраны Гитлера с января 1942 года. В июне ставка фюрера переехала в район Винницы, куда-то севернее, в лес». Военнопленный лейтенант эскадрильи истребителей «Удет» сообщал: «Мой командир эскадрильи обер-лейтенант Бауэр 24 июля летал из Тацинской в Винницу, в ставку верховного командования за получением ордена «Дубовая ветвь» к рыцарскому кресту».

В августе 1942 года из Лондона сообщали, что, по имеющимся данным, ставка Гитлера находится в Виннице.

Когда Варов прочел документы, генерал спросил:

— Что вы думаете на сей счет, Василий Тимофеевич?

— Мне кажется, отправными данными может служить докладная связного. Ставку нужно искать в окрестностях Винницы. Вопрос только, где именно.

— Вот это вам и предстоит выяснить, — сказал генерал.

...Темной мартовской ночью 1943 года с подмосковного аэродрома поднялся двухмоторный транспортный самолет и взял курс на Хинельские леса, где располагалась одна из партизанских баз.

В салоне находились члены разведывательной группы Варова — Наталья Михайловна Луцкая и радист Николай Карпенко, носившие сейчас общую фамилию — Мищенко.

Группа должна была осесть в Киеве. Подыскать жилье и позаботиться о прописке поручили Наталье Михайловне.

Уроженка этого города, она не только хорошо его знала, но и имела здесь родственников, на помощь которых могла рассчитывать.

...С партизанской базы разведчики отправились в глубь оккупированной Украины. Они запаслись различными документами, в том числе пропуском военного коменданта города Комаричи, дававшим право проезда до Киева, справками, удостоверяющими, что Наталья Михайловна — учительница, Василий Тимофеевич — слесарь, а Николай — сапожник.

Семья Мищенко везла солидный багаж: постельные принадлежности, кухонную утварь, набор сапожного инструмента, учебники. В сундучке с двойным дном были тщательно упакованы рация и запасные части к ней, деньги и шифр.

На подводе добрались до Бахмача, а там сели на товарный поезд, следовавший до Нежина. Комендант станции разрешил «переселенцам» ехать далее на рабочем поезде.

Столица Украины встретила приезжих морозящим дождем. Василий Тимофеевич вышел на привокзальную площадь. Она была пуста, если не считать двух полицейских, направляющихся в его сторону. Варов решительно подошел к ним.

— Господа! Будьте любезны, скажите, на чем лучше доехать до Вознесенского спуска?

«Господа» переглянулись и... прошли мимо.

Под вечер усталые, насквозь промокшие путники добрались до Вознесенского спуска. Но квартира, в которой они рассчитывали поселиться, оказалась занятой. Ее новый хозяин, работник городской управы, проверил документы и предложил переночевать, а уж утром искать квартиру.

Подпольщики выяснили, что тетки Натальи Михайловны выехали из Киева. Обескураженных «переселенцев» приютила старушка — давняя знакомая родителей Наташи. Хозяйка уступила семье Мищенко комнату в доме по Нестеровскому переулку и помогла прописаться.

Вскоре Николай передал в Центр: «Все в порядке. Выход на связь в обусловленные дни. Дед».

В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

— Наталка? Какая встреча!

Наталья Михайловна обернулась.

— Софья Илларионовна! Воистину мир тесен! Рада, очень рада вас видеть.

— Не верю этому! Вернуться в Киев и не навестить старую подругу! А я, честно говоря, давно ждала тебя. Ты ни за что не догадаешься,— тараторила Софья Илларионовна,— от кого я узнала о твоём возвращении.

Луцкая пожала плечами.

— Помнишь юрисконсульта Яшку Тараканова? Ну того, что волочился за тобой?

Наталья Михайловна кивнула головой.

— Так он вовсе и не Тараканов, а Вольф и работает в... гестапо. Так вот он-то и сообщил мне, что ты в Киеве, только носишь теперь фамилию Мищенко. Кстати, а где твой муж-пограничник?

Новость ошеломила Наталью Михайловну. Софья Илларионовна выболтала главное: семья Мищенко на прицеле у гестапо. Тараканов — враг, и встречи с ним нужно избегать.

Но почему Софья сказала ей обо всем этом? Уж не поручение ли это гестапо. Странно. Очень странно! К вопросу о муже-пограничнике она была готова.

— Костю убили в первые дни войны. Встретила другого. Меня, а главное — моего сына, он очень любит.

Приятельница улыбнулась:

— Я очень рада за тебя, милочка! — и, вздохнув, добавила: — А я вот все одна и одна. Знаешь, Наталка, приходи ко мне в гости с мужем. Посидим, вспомним старое доброе время. Договорились? Адрес прежний.

— Спасибо за приглашение. Обязательно придем.

...Дома был только Николай. Сын стоял у окна и внимательно смотрел на улицу.

Ты не заметила ничего подозрительного, когда шла домой? — вдруг спросил он.

— Вроде бы нет,— неуверенно ответила Наталья Михайловна.— Что-нибудь случилось?

Николай пожал плечами.

— Может, я и ошибаюсь, но, кажется, чистильщик обуви внимательно изучает всех, кто входит в наш дом. Кроме того, он зачастил в мастерскую, где я работаю.

— Что в этом подозрительного? У чистильщика могут быть в сапожной мастерской свои дела.

— Все так, но до того, как я устроился на работу, парень ни разу там не был, и сапожники его не знают.

— У меня тоже неприятная новость,— сказала Наталья Михайловна, выслушав Николая.— Обсудим все, когда вернется отец. Кстати, куда он запропастился? Скоро комендантский час, а его все нет...

Василий Тимофеевич Мищенко устроился на работу грузчиком в речной порт. Он сумел расположить к себе бригадира, и тот за определенную мзду разрешал ему иногда отлучаться с работы. Он использовал эти часы для проверки явок, адреса которых получил в Москве. А сегодня Мищенко ездил к Семену Ильичу Мовчану, рабочему завода «Коммунар», коммунисту, оставленному в тылу врага по решению райкома партии.

Мовчан только принялся за ужин, как во дворик вошел незнакомец.

— Чем могу служить? — спросил хозяин, узнав, что ищут его.

— Я по объявлению. Кажется, вы сдаете комнату с окном в сад?

Это был пароль. Почти два года ждал Семен Ильич этого часа. От волнения он чуть не забыл вторую часть пароля.

Уже вечерело, когда Варов распрощался с Мовчаном. Вскочив в отходящий поезд, он прошел по полупустому вагону, сел и под стук колес начал вспоминать подробности разговора с Мовчаном. Он рассказал, что фашисты провели к лесу железнодорожную ветку и шоссе. Вокруг — усиленные патрули конной жандармерии. Построена мощная радиостанция, установлены зенитные орудия. В самом городе дислоцируется бронетанковое соединение «Зигфрид». В районе сел Стрижавка и Михайловка строят особо секретные подземные сооружения.

— Почему вы считаете их особо секретными?

— Я узнал, что все военнопленные, занятые на стройке, после завершения работ будут уничтожены.

Ценную информацию Варов получил от Мовчана и о самом Киеве. На Кузнечной улице, в доме 4/6 размещался центр немецкой разведки на Украине, который работает в контакте со штабами «Валли» и «Орион». Руководит центром майор Миллер, он же Антон Иванович

Мильчевский. Высокого роста, на вид лет пятидесяти, седоватый, носит солдатскую шинель.

Уже в конце беседы Семен Ильич достал из тайника желтый кожаный портфель:

— Тут какие-то документы и карты,— сказал он.

— Где взяли?

— Украл,— краснея, признался Мовчан.— Первый раз в жизни...

В вагоне Василий Тимофеевич незаметно коснулся перевязанной ноги: под бинтом уместилось все содержимое портфеля.

В Дарнице началась проверка документов.

— Куда ездил? Где проживаешь? — спросил Мищенко фельдфебель.

Тот ответил. Патруль уже шел к выходу, но старший вдруг почему-то вернулся и приказал Василию Тимофеевичу следовать за ним.

Когда фельдфебель ступил на переходную площадку, ведущую в следующий вагон, Варов рывком захлопнул за ним дверь, резким ударом свалил шедшего сзади солдата и прыгнул на насыпь. Вслед загревели выстрелы. Завизжали тормоза...

Он добрался домой глубокой ночью.

— Слава богу! — прошептала Наталья Михайловна и заплакала.

— Перестань плакать, Наташа, и ложись спать. Утром поговорим.

Василий Тимофеевич опаздывал на работу, и поговорить им удалось лишь вечером.

— Итак, у каждого члена семьи есть новости,— резюмировал он сообщения.— Ясно, что нашей семьей интересуется гестапо. Это раз. Во-вторых, филер-чистильщик сапог у нашего дома. Это уже хуже. И последнее — побег главы семьи во время железнодорожной поездки. Тут можно думать разное. То ли это была обычная проверка документов, то ли я веду «хвост». Время покажет.

— А есть ли оно, время, Вася? — спросила Наталья Михайловна.

— Есть. У них пока нет доказательств, изобличающих семью Мищенко в подрывной деятельности. Вот почему мы на свободе. Требую от всех особой осторожности. Никаких самостоятельных действий. Прошу только слушать и запоминать. Вопросы есть?

— Сегодня сеанс связи,— напомнил радист.— Выходить будем?

— Обязательно.

Наступила ночь, Наталья Михайловна плотно зашторыла окно, а Николай, прижав наушники, наклонился над передатчиком.

...Прочитав радиограмму, генерал Силантьев приказал группе «Деда» перейти на положение номер два...

В домике портного на Чоколовке навстречу чекисту Варову поднялся пожилой мужчина, угрюмый на вид. Василий Тимофеевич знал, что это бывший кадровый рабочий «Арсенала» — сейчас он командовал местным отрядом народных мстителей.

— Иван Григорьевич,— представился хозяин.

— Василий Тимофеевич,— назвалсЯ Варов.

Когда хозяйка дома поставила на стол миску с вареной кукурузой и удалилась, «арсеналец» спросил:

— Записывать будете или как?

— Так,— в тон ему ответил разведчик.— Вы рассказываете, а я буду «записывать» вот тут,— и постучал пальцем по лбу.

Иван Григорьевич сообщил о военных объектах, системе их охраны, назвал адреса фашистских подразделений, расквартированных в городе.

— А что слышно о Виннице?

— Ничего толком сказать не могу. Знаем только, что близ Винницы ведется какое-то засекреченное строительство. Но что именно, затрудняюсь сказать. Пытались узнать, да видно опыта у нас маловато. Все подступы к объекту перекрыты наглухо. Муху и ту без специально-го пропуска не пропустят.

— Видно, есть там что охранять!

— Похоже.

И вдруг без всякого перехода «арсеналец» спросил:

— А скажи, милый человек, не ты, часом, попал в облаву возле Дарницы?

— И об этом знаете? — удивился Василий Тимофеевич.— Молодцы! Настоящие разведчики. Может, скажете, как я ушел от них?

— Скажу. Хорошо, что сумел улизнуть. Не то быть бы тебе за решеткой или в Бабьем Яру.

Лицо Ивана Григорьевича посуровело. Из-под насуп-

ленных бровей недобрым огнем сверкнули черные глаза.

— Бабий Яр... Сколько же в нем погребено невинных душ! Кровь в жилах стынет... Ну, да придет час, предъявим палачам счет!

— Вам не приходилось слышать о некоем Тараканове — Вульфе? — спросил Василий Тимофеевич.

«Арсеналец» оживился:

— Вульф? Знаком понаслышке. А что?

— Проявляет интерес к моей семье. Лишние хлопоты от такого внимания.

— Учтем. У меня на этот счет есть кое-какие соображения.

— Спасибо. И еще одна просьба: нужны новые, надежные документы. Мищенко должен исчезнуть.

— Сделаем, — пообещал Иван Григорьевич.

...Приказ Центра об изменении положения означал, что группе Варова следует перебраться ближе к Виннице...

Рано утром Мищенко покинули уютную комнату в доме по Нестеровскому переулку. Мужчины несли туго набитые котомки, Наталья Михайловна шла налегке.

Навстречу им шагнул паренек.

— Все спокойно, — тихо сообщил он. — Можно идти.

Разведчиков «из рук в руки» передавали партизанские «маяки».

— Заждались! — обнимая Варова, радостно проговорил командир партизанского отряда Анатолий Михайлович Цывинский. — Сейчас баньку вам приготовим, поснедаете и — отдыхать.

— Отдыхать некогда, — сказал Варов, — дел у нас много, дорогой командир.

— Так то не я придумал. Москва распорядилась.

Но ни побаниться, ни пообедать, а тем более отдохнуть не удалось. Дозорные передали: «На базу наступают гитлеровцы».

Вместе с партизанами атаку карателей отражали и разведчики Варова. Во время боя был ранен радист Николай Карпенко.

— Что будем делать без радиста? — сокрушенно спросил Варов Цывинского.

— Придумаем что-нибудь, — загадочно улыбнулся командир.

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Щебетание птиц разбудило Варова. Спустив ноги с топчана, он тихо, чтобы не потревожить Наталью Михайловну, оделся и вышел из землянки.

На полянке, прислонившись спиной к дереву, дремала белокурая девушка. Варов сделал шаг, другой, третий...

— Ой! Кто это? — испуганно встрепенулась она.

— Леший. А ты кто, фея?

— Не фея, а Клава! — серьезно ответила незнакомка.

— А что ты здесь делаешь? — допытывался Варов. — Меня сторожишь?

— Вас, товарищ командир. Я — Король.

— Король? — рассмеялся разведчик. — По-моему, ты скорее королева.

Девушка оценила шутку и звонко захохотала.

— Веселый вы, товарищ командир! С вами будет легко работать.

— Работать? А что ты умеешь делать?

— Я — радистка.

— Вот оно что! Ну, тогда прошу в «кабинет».

...Группа Варова, в которую вошла Клава Король, готовилась к переезду. «Беженцев» из-под Курска, где гитлеровцы получили сокрушительный удар, снабдили документами, разработали новую легенду: бывший полицейский Бойко с семьей, боясь кары за измену Родине, ищет спасения в беггах.

В штабе отряда долго обсуждали, где поселить Варова и членов его группы. Остановились на небольшом селе Воронец. От него рукой подать до райцентра, да и Винница рядом.

— Поселитесь в доме Оксаны и Тараса Омельченко. Люди верные. И хата рядом с лесом, — сказал на прощание Анатолий Михайлович.

Хозяева отвели постояльцам половину дома. Чтобы не подвергать стариков лишней опасности, Варов решил рацию у себя не хранить. Вместе с Клавой они устроили тайник в лесной чаще под корневищами вывороченного бурей дерева...

Обжились немного на новом месте, и Наталья Михайловна отправилась в Винницу. Только проводили ее, как из Киева прибыл связной с тревожной вестью: арестован и после пыток расстрелян Семен Ильич Мовчан, а Тараканов — Вульф исчез из Киева.

Опыт и чутье подсказывали Варову: гестапо идет по их следу. «И черт меня угораздил отпустить Наташу в Винницу! — казнил себя Василий Тимофеевич. — Гитлеровцы наверняка знают адреса ее родственников».

Варов сидел на ступеньках крыльца, вдруг он услышал легкие шаги. Он узнал бы их среди тысячи других.

— Наташа, милая! — стремительно бросился он на встречу. — Ну и молодец. Ушла от самого Тараканова!

— Откуда ты знаешь, что он в Виннице? — удивленно спросила Наталья Михайловна.

— А где же ему быть, если семья Мищенко выехала из Киева? Гестаповец рассудил правильно. Если не в Виннице мы поселились, то где-то вблизи ее. Даю голову на отсечение, Тараканов знает адреса твоих винницких родичей. Он идет по нашему следу.

— Пока у моих родственников все спокойно, — сказала Наталья Михайловна.

Еще в отряде Цывинского чекисту порекомендовали воспользоваться услугами юного разведчика Сашко Кваша. Варов нашел мальчугана. Расспросив его о жизни, учебе, участии в боевых операциях, Василий Тимофеевич сказал:

— Мне нужна твоя помощь, Сашко.

— Что я должен сделать? — спросил мальчуган.

— Прoberись в Михайловку: нам надо знать, где и что фашисты там построили.

...Почти две недели пропадал Сашко Кваша. Вернулся грязный, осунувшийся, но счастливый. Наталья Михайловна бросилась на кухню, чтобы накормить мальчика. Только было ему не до еды: он крепко уснул, уронив голову на стол...

В тот же вечер в Центре получили внеочередную радиogramму: «Тайна запретной зоны проясняется. Подробные сведения высылаю самолетом».

В докладной, пересланной на Большую землю, Варов писал: «...после окончания строительных работ в запретной зоне (приблизительно апрель 1942 г.) военнопленных, занятых на нем (около 10 тыс. чел.), расстреляли.. В радиусе до 5 км вокруг зоны установлены мощные зенитные орудия, пулеметы...»

Варов отправил Сашко к Анатолию Михайловичу с просьбой прислать человек пять партизан.

— Скажешь командиру, что мне нужно добыть «языка».

...Шоссе на Винницу с наступлением темноты замирало. Лишь изредка на большой скорости проносились запоздалые автомобили.

Засаду устроили в большой воронке от авиабомбы, шагах в десяти от шоссе. В полукилометре находилась окраина Немирова. Варов был в мундире гауптштурмфюрера, партизаны — в форме фельджандармов.

Время перевалило уже за полночь, но на шоссе никто не появлялся.

Уметь ждать — тоже искусство. Варов уже было собрался отдать приказ об уходе, как далеко впереди показались две узенькие щелочки света. Они стремительно приближались.

В завязавшейся перестрелке трое фашистов были убиты, один взят в плен. К сожалению, оберштурмбанфюрер никакого отношения к запретной зоне не имел...

Неудача с «языком» расстроила чекиста.

— Нельзя на шоссе ловить «языка», надо брать только причастных к зоне, — сказал Варов Цывинскому.

— Будет что-нибудь дельное, тотчас извещу! — пообещал Анатолий Михайлович.

Однажды ночью раздался осторожный стук в окно. Наталья Михайловна приподняла голову.

— Спи, Наташа. Я сам открою. — И Варов с пистолетом направился в сени.

— Кто?

— Мне сказали, что сдается комната.

— Была, да уже занята, — ответил Варов и открыл дверь.

Через минуту он вернулся в комнату.

— Я должен уйти, Наташа.

— Что-нибудь случилось?

— Есть интересная новость.

О командире партизанского отряда Зайкове чекист узнал от Анатолия Михайловича. Теперь предстояла встреча с ним.

— Был я как-то у Цывинского, и он передал мне твою просьбу, — неторопливо начал командир отряда.

— Ну и как?

— Потерпи. В Виннице живет некая Глаша Хомяк — девица из «немецких овчарок». Ну, из тех, кто путается с фашистами. Так вот к ней похаживает офицер из той самой части, которая охраняет запретную зону.

— Точно?

— Абсолютно. Мои ребята проследили его маршрут.

...Субботним вечером грузовик с полицаями въезжал в Винницу. Спрыгнув с машины, полицаи построились и по команде старшего двинулись к заветному дому.

Старший громко постучал в дверь.

— Кто там? — раздался за дверью испуганный голос.

— Полиция. Проверка.

...Помощник коменданта охраны запретной зоны гауптштурмфюрер Отто Леман больше всего на свете любил деньги, женщин и шнапс. В субботу он так нагрузился, что не смог прийти к своей даме и завалился спать. Не зная причин, по которым Леман не пришел на свидание, «полицаи» провели в доме Хомяк тревожную ночь. В волнении прошел и весь следующий день.

В этот вечер Леман долго кутил в казино, но хмель не брал его. «Чтобы опьянеть, — решил он, — мне нужно что-нибудь покрепче — девицу и ее первач!»

В окнах дома любовницы было темно.

Помощник коменданта собственным ключом открыл входную дверь, переступил порог комнаты и оторопел: в его грудь уперлись стволы автоматов...

Грузовик благополучно миновал городскую черту и, вырвавшись на шоссе, прибавил скорость. В кузове завернутый в ковер с кляпом во рту тихо стонал захваченный эсэсовец. Рядом с ним сидела «немецкая овчарка».

Обнаружив пропажу, комендант охраны запретной зоны сообщил о случившемся начальству. На поиски Лемана были брошены лучшие агенты, в том числе Тараканов — Вульф.

А в это время в землянке командира партизанского отряда капитан Варов допрашивал пленного. Леман юлил, тянул время, упорно твердил, что ничего не знает о ставке Гитлера. Но когда выведенный из терпения чекист сказал: «У вас есть только одна возможность сохранить себе жизнь — говорить правду. И эта возможность через две минуты исчезнет!» — у фашиста развязался язык.

Вот что он показал: «Севернее Винницы, в сосновом бору, близ села Коло-Михайловка, в период с сентября 1941 по апрель 1942 года была оборудована ставка верховного командования германских вооруженных сил на Восточном фронте и штаб-квартира Гитлера. От шоссе Винница—Житомир проложена асфальтированная дорога к центральной зоне. В начале этой дороги находится контрольная будка с часовым, при въезде в лес — здание

комендатуры. Вся зона разбита на восемь полос. В первых пяти располагаются казармы, склады, штаб комендатуры, бюро пропусков.

Центральная зона огорожена проволоочной сеткой высотой в два с половиной метра и двумя рядами колючей проволоки. Ворота охраняются открытыми и скрытыми постами. В этой зоне находятся помещения штаба, канцелярия Гитлера, гестапо, телефонная станция, жилые дома, три бомбоубежища... Часть поля, прилегающая к центральной зоне с южной стороны леса, огорожена рвом с пятью рядами колючей проволоки и противопехотным проволочным забором. Вокруг леса на деревьях через каждые двести метров расположены наблюдательные посты.

От главной квартиры Гитлера на Берлин проложены два прямых бронированных кабеля. Один, подвешенный на столбах, связывает ставку со штабом Геринга, которая находится в 22 километрах к северу. Линии связи протянуты также к Виннице и к аэродрому в Калиновке. Гитлер приезжал в штаб-квартиру несколько раз в мае — июле 1942 года и в июле 1943-го. В январе был Геббельс, в марте — Розенберг...»

— Слушай, командир, может быть, подумаешь насчет линий связи и аэродрома? — сказал Варов сидящему рядом Зайкову. — Недурно бы рвануть, а?

— Принято единогласно! — улыбнулся Зайков. — Рвануть так рвануть!

Варов задумался.

— Лемана, а значит, и его похитителей уже ищут. Нам следует срочно уходить. Но прежде нужно переправить пленного к Цывинскому. Пусть закажет самолет. А пока помоги мне связаться с центром.

Утром Наталья Михайловна поднялась раньше обычного. На сердце было тревожно. Разбудив Клаву, она сказала, что скоро вернется, и попросила ее не отлучаться из дома.

За день разведчица прошагала километров двадцать. В «почтовых ящиках» собрала разведданные. Патриоты сообщали сведения о новом полевом аэродроме, количестве и типах базирующихся на нем самолетов, о движении воинских эшелонов.

Под вечер возвращалась назад. Но близ опушки леса насторожилась — на дереве не было условного знака. С опушки Наталья Михайловна увидела, что деревня наводнена солдатами, полицией. Возле сельской управы

стояли грузовики. И еще она увидела настежь распахнутые двери их дома.

Наталья Михайловна еле доплелась до ближайшего хутора, где находился партизанский «маяк».

— Уже знаем,— сказал один из партизан.— Вашу радистку увезли. Арестовали и хозяев дома.

— Что же мне теперь делать?

— Ждать вашего командира. Он с минуты на минуту должен сюда прийти. Есть указание проводить вас в отряд Цывинского.

Василий Тимофеевич Варов меньше всего ожидал встретить на «маяке» Наталью Михайловну. Он даже не сразу узнал ее: ссутулившись, подперев ладонями лицо, сидела она на краю скамьи.

— Надо уходить. Не медля ни одной минуты. Клаве мы помочь уже ничем не сможем. Радию потом заберем... — сказал Варов.

...Отряд Цывинского вел тяжелые бои с карателями. Кончались боеприпасы, а вражеское кольцо все сжималось. Анатолий Михайлович не очень обрадовался появлению Варова и его помощницы.

— Не ко времени пришел, Василий! — сказал он.— Дом наш, словно медвежью берлогу, обложили каратели. Ни одной лазейки не оставили.

— Но мы-то прошли. Значит, есть лазейка!

Цывинский оживился:

— А ведь ты прав, добрый человек! Помнишь, как шел?

— Помню. Только учти, командир, «бал» покину последним. У меня особый счет к этой сволочи. Не откажи в любезности, дай автомат.

Когда на лес опустилась ночь, отряд покинул базу. Прикрывала отход группа бойцов во главе с Цывинским. Был в ней и капитан Варов.

Часа через полтора после ухода отряда снялась и группа прикрытия. На рассвете горстка бойцов напоролась на вражескую засаду. Экономя патроны, Варов вел огонь одиночными выстрелами.

— За мной! — крикнул Цывинский, поднимая партизан в атаку. Вскочил и Василий Тимофеевич. И в тот же миг вражеская пуля поразила его. Партизаны прорвались через окружение и вынесли тело чекиста.

В скорбном молчании стояли они над убитым. Варов лежал на плащ-палатке спокойно, будто спал. У его ног, окаменев от горя, застыла Наталья Михайловна.

Ф. ШАХМАГОНОВ

Е. ЗОТОВ

ГОСТЬ

Для рассказа о судьбе своего героя мы избрали форму его исповеди. Это не случайно. Сам ход следствия подсказал нам эту форму: искреннее раскаяние человека, запутанного антисоветчиками из НТС, его горячее желание вновь обрести Родину. Небезынтересно будет знать читателю, что человек, который у нас в повести выступает под именем Сергея Плошкина, стал полноправным советским гражданином и работает на одном из советских промышленных предприятий.

Подполковник Е. А. ЗОТОВ

Не светит солнце на чужбине.

Т. Шевченко

I

Вот история моей жизни.

Я волен рассказать ее от начала и до конца. Перед самим собой я освобожден от всех обязательств, кроме одного: быть правдивым.

Скоро суд. Я предстану перед судом, судьи должны бу-

дуг взвесить, как прожита моя жизнь. Для этого и веду свой рассказ.

Времени у меня достаточно. Четыре стены тюремной камеры, тишина, никто мне не мешает все вспомнить, обо всем подумать.

Тюрьма эта известная, о ней знают и мои наставники. Упаси бог, говорил мне один из них, попасть в Лефортовскую. Там все на месте: и следователь, и камера пыток, и суд. Оттуда на суд не возят!

Следователь здесь, это правда. О пытках не слыхивал, и на суд меня отсюда повезут...

Пожалуй, я не солгу, если скажу, что почувствовал облегчение, когда задвинулись за мной тюремные ворота...

Все произошло значительно проще, чем я думал.

Я выехал в очередной рейс на тяжелогрузной машине. В Рязани загрузили в фургон несколько станков, я повез их в Брест. В Бресте мне должны были дать груз до Армавира. Командировка долгая. Ехал как на отдых. Только в командировках и был спокоен. Спокоен? Ой ли! И в дороге бывали минуты, когда меня охватывал ужас: как бы меня не поймали!

От Рязани до Москвы участок дороги самый трудный — большое движение. Я выехал в ночь, чтобы проскочить по пустому шоссе.

Проехал километров сорок. Пост ГАИ. Инспектор посигналил мне светящимся жезлом. Ничего, казалось бы, особенного, не впервые меня здесь останавливают — обычная проверка документов. Но каждый раз обрывается сердце. А вдруг!

И на этот раз я подруливал к будке ГАИ с беспокойством и страхом, через силу.

Инспектор взял у меня путевой лист, водительское удостоверение и посветил на них фонариком, загораживаясь от колючего ветра. Сделал мне знак, чтобы следовал за ним в будку.

Размяться, когда сидишь за баранкой, всегда приятно. Я пошел за ним. В будке сидел за столом человек в штатском, еще двое стояли у двери.

— Кудеяров Владимир Петрович! — объявил инспектор и положил мои документы на стол.

Человек в штатском подвинул документы, внимательно прочел их и поднял на меня глаза. Темные глаза, навёрное карие. Было в них не любопытство, а скорее грусть.

— Кудеяров! — повторил он. — Владимир Петрович! Присаживайтесь, Владимир Петрович!

Я присел на свободный стул. Те двое, что стояли у двери, придвинулись ко мне.

То, чего я боялся, то, чего всячески старался избежать, свершилось. До этого вольно или невольно я частенько представлял себе, как это произойдет, рисовал картинки.

Заметил я у тех двоих, что по бокам встали, настороженность. Они решили, что я буду сопротивляться. В те дни, когда я сюда приехал, так все просто не обошлось бы... Но я уже давно не держал при себе оружия. Пистолет был запрятан в укромное место.

— Гражданин Кудеяров Владимир Петрович, — продолжал человек в штатском. — В мои обязанности входит предъявить вам постановление о вашем аресте...

Я улыбнулся:

— Сопротивляться я не собираюсь...

— Это хорошо, что вы обо всем догадались... Я возглавляю здесь оперативную группу Комитета госбезопасности...

Я достал из верхнего кармашка пиджака капсулу с ампулой и положил на стол.

— Приобщите к делу. И заметьте: я не пытался пустить ее в ход!

Так началось...

II

Вовсе я не Кудеяров и не Владимир Петрович. Настоящая фамилия моя куда проще. Плошкин Сергей. Отца звали Тимофеем.

Родился я в деревне Нижняя Вырка. Есть еще и Верхняя Вырка. Нижняя стоит на берегу Оки, Верхняя — в лесной глубинке, на берегу озера. И озеро зовется Вырка, и речка, что в Оку течет, Вырка. Речка не речка, а так себе, ручеек. Ниже плотины его везде можно перепрыгнуть с разбегу.

Ручеек, деревня, плотина. Жизнь моя, если бы не нужда о ней рассказывать, незначительная, а вот место, где я родился, знаменитое.

Лесную деревушку Верхнюю Вырку разрубает пополам высокая каменная плотина. Речушка собирается из родни-

ков по лесным оврагам. Вода в ней и зимой не замерзает. Речка сбегает к плотине, у плотины — озеро.

Мне рассказывали люди сведущие, что в петровские времена русский заводчик Демидов поставил здесь чугунолитейные заводы. Ставил на берегу Оки, чтобы вывозить чугун по воде на баржах и на подводах в Тулу.

Он соорудил две плотины, вырос поселок. «Чертовы провалы» — это ямы, в которых выжигали уголь из березовых дров. За сто лет заводишки сожгли лес под корень. Не трогали только дуб: не годился на уголь. С той поры и возобладали на Вырке дубовые леса.

Между Верхней и Нижней Вырками — поле. У нас прозывалось оно засечным. Мы, мальчишки, находили в земле источенные ржавчиной сабли, рукоятки от кинжалов, секиры. Отрыли однажды даже пушку. В ее дуло свободно пролезал кулак. Оказалось, что на этом поле более трехсот лет тому назад сошлись войска крестьянского вождя Ивана Болотникова и боярина Шуйского. Восставшие были разбиты...

Жилось нам на Вырке весело. Нам — это моим сверстникам, всей ватажке. В школу бегали в соседнее село глухой лесной дорогой.

Пока дойдешь до школы, и белок перевидишь, и заяц дорогу перебежит, лисий след распутать удастся. А летом на свободе и того веселее. То на озеро за рыбой ударимся, то по ягоды, то по грибы в лес, а когда покос — сено подгребать. Отец у меня — лесник.

Была в нашей компании одна девочка Танюша Плошкина. Никакой родственной связи между нами не имелось. В деревнях часто встречаются однофамильцы. В иной деревне — все однофамильцы.

У Танюши были длинные косы цвета спелой пшеницы и голубые глаза. До безумия нравилась мне эта девочка.

Из-за нее я однажды даже подрался с Валькой Трусовым, хотя не был драчлив. И драться-то не умел. Не то что Валька Трусов. Он был пониже меня ростом, широкоплечий, коренастый и очень настырный. На переменках всегда дрался. «Стыкался» — так тогда назывались эти состязания. Беззлобно, из спортивного интереса. «Стыкались» за школьным сараем, чтобы учителя из окна не увидели. «Стыкались» по своим неписанным правилам. В кулак ничего не полагалось закладывать, иначе виновный имел дело со всей ватагой.

Валька Трусов слыл у нас первейшим «стыкачом».

Брал он нахрапом, это я заметил. Вид он имел самый вздорный и ни чуточки не страшный. Серые глаза чуть навывкате, белесые волосы и бровки, нос с горбинкой. Частенько по нему получал, и всегда до крови.

Как только становились в «позицию», он сразу кидался вперед, убрав голову под левый локоть, и бил противника правой, да так, что сбивал с «позиции» и обращал в бегство. Настырность и быстрота. Не давал опомниться и раскачаться.

— Ты за Танькой бегаешь? — спросил он меня однажды.

— Вот еще! — ответил я ему небрежно.

— Гляди! Я за ней бегать буду! Ты не мешайся!

Меня любопытство разобрало.

— Как это ты за ней бегать будешь? Куда бегать-то?

— Я ее буду из школы один провожать! Только увяжись!

Показалось мне все это очень глупым, угрозы я не испугался и в тот же день пошел с ними вместе. На полдороге в лесу Трусов остановился и сказал:

— Я тебя, Сережка, по-хорошему предупреждал! А теперь я тебя бить буду! Давай стыкнемся!

— Чегой-то вы, ребята? — спросила Таня.

— Я не велел ему к тебе приставать! — заявил Трусов.

— Ишь ты, не велел! А я с ним хочу дружить!

— А я не велю!

Трусов кинул в снег портфель и двинулся ко мне.

Ой как мне не хотелось драться! И робел я, зная, как Валька лихо дерется. Но куда же тут денешься! Я бросил портфель и скинул рукавицы.

Валька выставил вперед левую руку, нырнул под нее и собрался заехать мне правой. А я снизу ткнул ему под левый локоть и начал лупить с боков, снизу и сверху.

— Хватит! — выдал он из себя и отступил.

Из носа у него в два ручья текла кровь...

Таня, конечно, рассказала о моем подвиге, и некоторое время я ходил по школе героем: «Самого Вальку Трусова угостил!»

Был у меня соперник более опасный, чем Валька Трусов, — Гриша Степанов.

Он был старше нас года на два-три. Правда, учился всего лишь на один класс выше.

Рос он без отца. Где его отец и что с ним, мы не знали. Не помню я, чтобы взрослые толковали об этом. Были

у него и двое младшеньких — брат и сестра. Мать в одиночку их тянула. Мы бегали все лето без оглядки, а Гриша помогал матери по хозяйству и в колхозе подрабатывал.

Ростом он не выдался, к земле тянула тяжелая работа, но в плечах раздался, грудь была как колокол. Драться с ним никому в голову не приходило, он любого мог поднять над собой и бросить. Как почти все сильные люди, был он очень добрым и недрачливым. С ним было нестрашно ходить в дальние леса, не боялись мы с ним купаться в Оке, где течение сносит тебя, как щепку. А однажды он даже попытался спуститься в «чертов провал». Взяли мы пеньковую веревку, какой возы сена связывают. Перекинули ее на вершину дуба, что поднялся почти вровень с кромкой «провала». Гриша забрался на молоденькую березку, схватился руками за макушку, березка пригнулась и опустилась на макушку дуба. Веревку он привязал к стволу и начал спускаться вниз по дубу. А мы — я, Валька Трусов, Танечка и Тольман — замерли на кромке в ожидании, что там найдет внизу Гриша. Но до низа он не спустился. Выбрался вверх, по веревке перебрался на обрыв.

— Темно там и сыро...

Был он ровен с нами, никого не выделял, не замечал я, чтобы и Таня привлекала его внимание, но слышал я в деревне такие слова:

— Вот для Гриши какая славная невеста подрастает: Танюша Плошкина...

И последний в нашей ватаге — Тольман. Откуда взялось это окончание к его обычному имени, неизвестно. Вывернулось словечко и прилипло к мальчишке.

Он очень переживал свою незначительность, сочинял всяческие истории, как он побеждал разбойников, но за это прослыл лишь вралем...

III

В мае 1941 года призвали в армию моего отца и еще нескольких мужиков, которые в кадровых числились. Случалось, и раньше призывали на сборы, но на этот раз почувяли тревогу. Ждали, что будет. И грянуло.

Все, кто подлежал призыву, ушли, остались бабы да детишки. Но разве кто думал, что докатится война до наших мест? Больше того, к нам приезжали родствен-

ники из Москвы, на деревенские хлеба и от бомбежек по-
дальше.

А потом на берегу Оки стали рыть окопы. Но боя у нашей деревни не случилось. Что-то сместилось на фронте, и в одну ночь наши войска оставили позиции. Несколько дней жили мы на ничейной земле, а затем переправились на наш берег на мотоциклах и автомашинах немцы. Разместились по избам на постой.

Гриша Степанов с матерью ушли, и Валька Трусов исчез. Куда его мать отправила, я не знаю. Я, Тольман и Танечка остались в деревне, мы прятались по домам, на улицу не выходили.

Осень кончилась, выпал ранний снег, ударили морозы. Снег лег сразу и густо на мерзлую землю. Загудели метели, деревню укрыли сугробы.

Как-то немецкий комендант вызвал нас с матерью в комендатуру в Верхнюю Вырку. Много и еще кого вызывали. Явились. Тут же, не дав даже домой за вещами сходить, погрузили нас в машину и отвезли в город. Там мы узнали, что всех, кого собрал комендант, везут на работы в Германию...

Везли медленно, в вагоне холод, есть нечего. Давали раз в день какую-то баланду.

Долго ли, коротко ли, дороге конец пришел. Привезли нас в лагерь, оцепленный с четырех сторон колючей проволокой, по углам вышки, на вышках пулеметы. Переночевали мы в тесном бараке, а наутро был объявлен «акцион». Так у нас произносили это непонятное слово. Теперь-то я знаю, что слово исковеркали, слово это — аукцион.

В полдень зимнего слякотного дня вывели нас на плац перед баракom, построили.

Вдоль нашего строя прошел с офицерами господин в черной шубе с меховым воротником шалью. Господин тыкал тростью в стоящих, а солдат тут же выдвигал указанных на шаг вперед. Отбирал господин молоденьких женщин и парней постарше меня. Тех, что были с детьми, не трогали. Что это означало, никто не знал, но почему-то завидовали тем, кого взяли. Потом я узнал, что им завидовать не следовало. Отобрали их для химического завода.

Первую партию увели. Нагрянули менее важные лица. Брали по пять, по десять человек. А под конец выбирали по одному, по двое.

Нас с матерью купила пожилая немка.

Можно было считать, что нам повезло. Кивнул я Тапе: подойти и попрощаться нельзя было, и мы пошли за нашей хозяйкой. Она ни слова по-русски, а мы ни слова по-немецки. Знала она только слово «карош» и твердила его беспрестанно. Хвалилась, должно быть, что она «хорошая», что нам у нее хорошо будет. Хуже, чем нам было в холодном вагоне под пломбой, трудно придумать...

Немка посадила нас в небольшой грузовичок, сама за руль села. Выехали на дорогу. Ехали быстро, не трясло, дорога асфальтом покрыта. Петляли, петляли, наконец приехали в какой-то хутор. Теперь мы поняли, что немка-фермерша купила нас для работы в своем хозяйстве. Ну, а работа на земле матери моей была не внове, да и я разумел по крестьянству. А тут еще и наставник, русский батрак.

— Василий Васильевич, — представился он матери. — Из деревни Гнутки, где стоят собачьи будки... А вы откель?

Я сразу почувствовал, что он не понравился матери. Она поджала губы и, не глядя на него, мрачно ответила:

— И мы оттель!

Василий Васильевич — круглолицый, русский, нестарый человек, тогда ему было под тридцать. Отрастил козлиную рыжую бородку. Щеки пушком заволокло. Розовая, прозрачная была у него кожа, как у молочного поросеночка. Глаза спокойные.

— Мне есть резон темнить, а тебе, мать, темнить нечего... Ты не военнопленная, могла бы и объявиться, а мне понятнее станет, куда нынче немец достиг...

Повернулся ко мне.

— А ты, оголец, как сюда залетел? За мамкину юбку крепко держался? Чего же ты в лес не убег? К партизанам?

— Не успел! — ответил я сдержанно.

Но мать тут же поспешила исправить мою ошибку.

У нас и не было никаких партизан... Под городом жили. Лес насквозь прозрачный.

— Под городом? — насторожился Василий Васильевич. Мать вздохнула. Скрывать действительно было нечего.

— Из-под Калуги мы...

— Вон на! — протянул Василий Васильевич. — Совсем мы не земляки. От мужа получила похоронную?

— Похоронную? Нет, не получала!

— Стало быть, как и я, бедолага, числится в пропавших без вести...

— Это почему же числится? — взволновалась мать. — Ничего я от него не получала.

— Когда на фронт ушел?

— Его еще в мае призвали.

— Значит, в деле с первого дня, — определил Василий Васильевич. — А ежели с первого дня, то или убит, или в плену... Другого исхода нет... Но ты не горюй. Хозяйка у нас баба добрая, но строгая. Работу требует в аккурате. Ежели угодишь, хорошо будет.

— Василий Васильевич, что-то у вас не сходится! — остановила его мать. — Что же, все, что ли, в плен попали?

— Говорю, значит, знаю... Или убит, или в плену!

Мать не сдавалась:

— Проходили мимо нас войска... Спрашивала... Видела и таких, что от самой границы отступали... Дрались в отступлении...

Василий Васильевич сделал страшные глаза и приложил палец к губам.

— Передам я тебе, мать, сейчас первую науку. То, что ты сейчас мне сказала, выброси из головы и забудь. Беды я тебе не желаю, потому как ты здесь человек новый и не огляделась... Фюрер!.. — При слове «фюрер» голос у Василия Васильевича, мягкий и даже бархатистый, зазвенел железом. — Фюрер сказал, что Красная Армия разбита и больше не существует... Коли так сказал фюрер, так тому и быть... Это запомни...

— Ладно, запомнила... Дальше что?

— Из деревни? Крестьянскую работу знаешь?

— Знаю...

— Так вот, все, чему ты там научилась, наплевать и забыть! Здесь другая нужна работа, не колхозная!

— А ты сам-то работал в колхозе? Что-то не похоже, как я на твои руки погляжу.

Василий Васильевич недовольно передернулся.

— Чем тебе мои руки не приглянулись?

— Без мозолей. Никогда ты допрежь не держал ни вил, ни чапыг!

— Не держал! А я разве скрываю? Или в колхозники напрашивался? Я, милочка моя, к конторской, к чистой работе с малых лет способности приобрел! Счетное дело

умею вести... Тут заново науку освоил! Вот и хочу тебя упредить! Здесь работа с зари и до зари...

— Зарей меня не пугай, мы на пуховиках не отлеживались...

— Ты меня не перебивай! Не со зла советую, для твоей же жизни! С зари и до зари, рабочих часов не считаем! Это раз! Чистота! К тебе небось в коровник надо было в сапогах лезть! Здесь в коровник хозяйка заходит в белом халате. И еще платочек у нее белый в кармане. Тронет ясли, проведет по загородке. Если на белом грязь, то держись. По щекам схлопочешь. Она еще добрая, другая сразу в шахту сдаст! Подойники мыть с мылом и горячей водой. Полы скоблить... И тоже с мылом! Навоз выгresti — моя забота, а твоя — все подчистить.

— Слыхивала: немец на обушке хлеб молотит!

Было! На обушке молотил, а теперь ему все державы покорились и земли неупроворот! Тебе и на обушке не достанется!

— А тебе?

Василий Васильевич ухмыльнулся:

— Обо мне другой разговор! Я для других дел предназначен! Я тут всю науку сквозь пройду, тогда и рукой не дотянешься. В управители имения сгожусь! Я люблю, чтобы порядок!

Долго еще поучал мать Василий Васильевич. Оказывается, он и с языком освоился.

Мать выкидывала вилами навоз из коровника и скребла полы в стойлах и в проходах, а потом мыла их. И так с утра и до вечера.

Василий Васильевич грузил навоз на грузовичок, хозяйка садилась за руль, и они вывозили навоз на поля, разбрасывая его по нарисованным на снегу квадратам.

Доили втроем: хозяйка, мать и Василий Васильевич. Первый раз доили до свету. Потом начиналась уборка, а хозяйка увозила молоко и занималась своей работой.

В полдень шли отмываться и переодеваться. Доили коров в чистых, хотя и не в белых халатах. После дневной дойки — обед.

Было в хозяйстве двадцать пять породистых коров. Для понимающих все ясно. Три работника на такое стадо да мальчишка — это только управиться. С весны начинались полевые работы.

Я назвал нашу хозяйку пожилой женщиной. Это не

совсем так, хотя и была она немолода. Когда она нас покупала на «акционе», ей было немногим за сорок. Ее муж и сын воевали в России. Муж участвовал в польском походе, в походе во Францию, считался ветераном, имел награды и чин фельдфебеля.

Так же как и его супруга, он любил слово «разумный». Они его очень часто употребляли и пытались подчинить ему всю свою жизнь. Разумность и расчетливость для них были равнозначны.

Фельдфебель приезжал на побывку в апреле. Коровенкам своим порадовался без особого энтузиазма. Он был уверен, что скоро завоюет новые земли и там поставит крупное хозяйство. От него через Василия Васильевича, который взял на себя еще и обязанности денщика, мы узнали, что Красная Армия отодвинула немецкие войска от Москвы, что освобождена Калуга. Передавая в точности слова фельдфебеля, Василий прибавил, что Гитлер объявил отход войск стратегическим маневром, а весной последует окончательный разгром Советов.

Выходило, что мы с матерью могли пересидеть смутное время в лесу. Эта мысль отравила ей жизнь, заела ее. Начала она чахнуть, а в конце лета слегла и померла от разрыва сердца.

Хозяйка договорилась о месте на кладбище. Какой, правда, у нее при этом расчет был, я не знаю, но, наверное, все же пожалела человеческую душу. Василий могилу выкопал. Взгрустнул. Что-то и у него бодрости к тому времени поубавилось. Но поучений он своих не оставлял.

IV

— Ну как, оголец, хочешь или не хочешь услышать, в чем мудрость жизни? А? Молчишь! Ну это понятно! Не до разговоров тебе, когда мать померла... А вот запомни. Старикки говорили: нашел — молчи, потерял — молчи! Великая мудрость! Если правильно это перетолковать и каждый раз вспоминать, от многих бед избавишься. Тебе что сейчас нужно? Ежели ты затоскуешь по матери да жалобиться начнешь, конец тебе! Фрау наша — расчетливая женщина... С ней жить можно, это не на шахте под землей, не в каменоломне и не на вредном для здоровья производстве... Ну, что ей будет за радость видеть такую кислую рожу! Спрячь горе в сердце, будь ровен, она тебя

при хозяйстве оставит. А это сейчас для тебя самое главное. Здесь ты выживешь. Сколько наших русских бедолаг полегло, а мы с тобой хлебаем щи с мясом. Спрашиваю тебя: разумно это или нет?

Нелегко мне было разобраться во всей этой путанице. Что-то я успел прихватить в свой нравственный багаж из четырех классов сельской школы, от дорогой моему сердцу Евдокии Андреевны. Она по-другому жизнь понимала. Почему, если я нашел что-то хорошее, молчать? Почему молчать о потере, почему мне горе свое прятать? Но тут Василий был прав: нашей ффрау ни к чему мои слезы.

Работы по хозяйству прибавилось, суетно было днем, к вечеру после последней дойки все затихало. Хозяйка засыпала рано.

Пока была жива мать, я жил с ней в каморке, а теперь хозяйка перевела меня к Василию Васильевичу. Как мы ни умаивались за день, засыпали не сразу. Василий любил поговорить.

— Я ить, оголец, хоть тебя и соплей перешибешь, знаю, о чем ты думаешь! Успели тебя в школе напичкать идеалами: надо любить Родину, надо за нее жизнь отдавать...

Я помалкивал.

— Собирались сражаться со всем миром, а побежали от одной Германии... Это как понять?

Василий Васильевич ждал, что я скажу, а я смотрел пустыми глазами в потолок и молчал. Чувствовал, не прав он, а возразить как? Да и надо ли возражать? Сам же он поучал меня, что на чужбине лучше помалкивать. Никогда до того я не слышал, что мы собирались воевать со всем миром. От него первый раз услышал.

— Когда война началась,— продолжал Василий Васильевич,— я сразу понял, что к чему. Пришли к нам воевать умные люди, умная пацня... Ты гляди, как тут умеют землю доить! А? Земли с обушок, не более! Поглядел их фюрер на наши порядки и решил: а почему бы и не взять, что плохо лежит?

«Умная» и «глупая» нации. Очень для меня это были далекие и недоступные понятия. Но не мы немцев, а они нас продавали в рабство, как скотину. Ума я в этом не видел, а видел жестокость.

Любил он порассуждать о русских людях, укорял немецкими порядками. Повторяюсь: не для меня он пускался в такие далекие рассуждения! Себя утверждал.

Почему-то все убеждал меня, что в России воровство процветало, а я вспоминал Вырку. Никогда у нас в деревне не запирали дверей на замок. Уйдут в поле, припрут снаружи дверь колышком в знак, что хозяев нет дома. И не знал и не слышал я, чтобы кого-нибудь обворовали.

Создавалось у меня впечатление, что клеветал Василий Васильевич на русский народ, чтобы оправдать свое дезертирство и предательство.

Мать мы похоронили в конце августа. В сентябре у нашей ф́рау собрались гости. Сыну вышла боевая награда. Был он танкистом, отличился на юге России. За это ему разрешили домой приехать. И отца отпустили отпраздновать такое событие.

Собралось все семейство, назвали родню и знакомых. На празднике я впервые увидел и невесту нашего молодого хозяина — Марту.

Было ей девятнадцать лет, а нашему молодому танкисту двадцать два. По-немецки я тогда уже хорошо понимал. Понял я, что Марту моя хозяйка считает разумной девушкой. Дружат они с Генрихом с ранних лет и давно уже решили, что Марта станет его женой. Со всех сторон это разумно. Марта дочь таких же бауэров, у ее отца тоже молочная ф́ерма. Его не взяли на ф́ронт из-за больной ноги. Хозяйство его процветает. Его опыт да завоеванное ф́ельдфебелем право на землю в России — вот и начало для нового большого хозяйства. Это уже не ф́ерма, а экономика, а по-нашему — поместье.

Ф́ельдфебель нахваливал земли по реке Дон. Тучные земли, просторные, тепло там, земля все родит, не только хлеб и кукурузу, но и виноград, арбузы.

Большой земле нужны рабочие руки.

Ф́рау говорила, а ее муж подтверждал:

— Ты вот, Василий, аккуратный, разумный человек... Если и дальше будешь разумным, мы тебя старшим над русскими поставим в нашем хозяйстве... Наберешь сам, чтобы работать умели и чтобы водку не пили... Чтобы не воровали... Тебе немцем родиться бы, Василий, а не русским!

Выше этой похвалы у ф́рау и быть не могло.

Генрих, сынок ф́рау, вид имел совсем не геройский. В отца мелкорослый, живой и подвижный, но без отцовского самодовольства и тучности. И совсем не белокурая бестия, а черняв, скорее похож на цыгана. Я заметил, что отец его более восторженно говорил о войне и победах.

Генрих помалкивал, хотя и не было у него причин обижаться на войну. Судьба его пока миловала.

Марта была высокая, статная, широкой кости. Белокурая, волосы густые и пышные, голубые глаза. Не красавица, но очень мила. Василию под стать, а герою не пара.

Был приготовлен праздничный обед. Фельдфебель выставил замысловатые вина: французские, польские, венгерские и румынские — трофеи. Стояли бутылки с русской водкой, а рядом пиво из чешских подвалов.

У стола прислуживал Василий, а я мыл посуду.

Гости гуляли до вечера. Завели патефон. Всякие песни слышались. И немецкие, и русские. Опять же трофеи! Навез хозяин пластинок из разных стран.

Фрау царила за столом на зависть соседкам.

Уехали воины. Фрау погрустнела, ее утешал Василий.

— Теперь уже скоро, — вещал он. — Сталинград — это незнамо где... Это почитай уже Азия... Там до Урала рукой подать... Волгу перервут, и Москве конец!

Фрау спрашивала:

— Это правда, что Сталинград такой важный город? Почему большевики его не отдают?

— Да нет! — радостно пояснял Василий. Доволен был, что его слушают. — Город большой, да какая в нем важность? И важнее города брали. Киев, Харьков, Минск, Одессу, Севастополь... Возьмут! Со всех сторон степь, его никак не защитит Красная Армия...

...Первой пришла похоронная на сына, на героического Генриха.

Фрау вынула из ящика почту и остановилась на крылечке, нацепив очки, прочитала и вдруг бегом кинулась наверх, в свою комнату.

Василий приложил палец к губам, дал знак, чтобы я притих и не шевелился. Я замер на пороге. Василий скинул с ног бахилы на деревянной подошве и босиком, неслышно ступая, поднялся на несколько ступенек. Прислушался. Но я и снизу слышал всхлипывания и стоны.

Василий сбежал вниз, мы ушли в коровник.

— Работай, работай, оголец! Фрау в большом расстройстве! Как бы и нам бедой не обернулось! И молчи! Совсем молчи!

Мы вычистили навоз, я отвез его на поле. Подготовили коров к дневной дойке. Без фрау не положено было доить. Но фрау не появлялась.

— Давай без нее, — приказал Василий. — Загорится молоко у коров.

Меня к дойке Василий не допустил: я помогал ему сливать молоко из подоюников в бидоны, задал корм коровам. Двадцать пять коров выдоить — это, я скажу вам, работенка. Василий взмок, но уложился во времени.

Начали мы дневную чистку и мойку коровника. Я скоблил полы, Василий погрузил бидоны и уехал.

Распахнулась дверь. Услышал я шаркающие шаги. Поднял голову, около стоит ффрау, стоит и смотрит на меня из-под очков.

Ни самодовольства, ни деловитости, а лишь растерянность на лице.

— Мальчик... — начала она. — Ты понимаешь меня, мальчик?

Я кивнул головой. Понимать уже многое понимал, но сказать по-немецки не очень-то умел.

— Это карош! Мальчик, я должна объявить... Мой Генрих убит! Вот!

И она протянула мне бумажку с извещением из воинской части.

А что мне было делать с этим извещением? И вообще, что я мог ответить или сделать? Но и молчать, наверное, было нельзя.

Я подержал бумажку в руках.

Ффрау обвела взглядом коровник. Достала из кармана халата белый платок, провела по загородке — платок остался чистым. Я следил за ней и видел, что она сделала это по привычке. Потом прошла к столу, на котором стояли подоюники.

— Надо доить коров?

— Нихт! — набрался я храбрости ответить по-немецки. И добавил по-русски: — Василий доил... Повез молоко...

Она одобрительно кивнула головой:

— Работать надо!

А вскоре обрушился на нашу хозяйку второй удар. В Сталинграде убили ффельдфебеля. И об этом она получила извещение. Одно за другим: сначала сына, потом мужа. Опустел дом, пропал смысл всего разумного, чем жила ффрау.

Утешил ее Василий.

— Молчи, парень! — наказал он мне. — Нашел — молчи, потерял — молчи! И вида не подавай.

Молчать-то я молчал, да только хозяйка нисколько не скрывала их отношений.

Работа шла по-прежнему все с той же деловитой размеренностью. Василия она перевела к себе на верхнюю половину.

А дни тянулись и тянулись, похожие один на другой. Коровник — поле, поле — коровник, вот и весь мир вокруг нас. И вдруг что-то случилось. На домах повисли траурные флаги. Ударило слово — «Сталинград».

У нашей ффрау свое несчастье, ей не до общих бед, она, по-моему, не сразу поняла, что случилось.

Прибежала к ней Марта. Я уже хорошо понимал, о чем они толкуют: под Сталинградом погибла немецкая армия, а Красная Армия перешла в наступление.

Марта дотошно расспрашивала Василия, где Сталинград, что это за город. Василий показал на карте Сталинград. Но ничего, конечно, объяснить не мог. Замолчал, замкнулся в себе, прекратились его поучения. Я его по-прежнему боялся и помалкивал, хотя очень хотелось спросить, что же случилось с «умной» нацией и как быть с заявлениями фюрера, что Красной Армии больше не существует. А тут к весне ближе приключилась с ним история.

Подъехала к нашему дому военная машина, и вышли из машины русские люди в какой-то странной форме. Хозяйка встретила их на крыльце.

Я стоял во дворе неподалеку. Они вежливо попросили вызвать Василия. Василий вышел, спустился к ним с крыльца.

— Так вот, Голубенко,— произнес офицер,— создана Русская освободительная армия под командованием генерала Власова. Бери в руки автомат и становись в строй!

— Э-э-э,— затанул Василий.— Я против всякого убийства!

Офицер нахмурился:

— Знаем таких навозных жуков, что толстовцами прикинулись. А если сюда придут большевики? И до тебя доберутся.

— А я вот сейчас в гестапо пойду и объявлю, какую вы тут пропаганду пущаете!

Офицеры уехали. Гестапо Василия не тронуло.

— За меня хозяйка горой встала! — объяснил он мне.

Тогда мне и такое объяснение годилось. Теперь-то я понимаю: толкался он среди русских рабочих, выявлял настроения и доносил в гестапо.

Минул еще год моей рабской жизни. Время наступило для немцев смутное. Все уже знали, что Красная Армия теснит гитлеровцев повсюду, что недалеко ей до границ Германии...

Перевалило мне на шестнадцатый год жизни, в доверии у хозяйки я был полным.

Стоп! Вот он, поворотный момент в моей жизни. Совсем просто все объяснить, только слегка, совсем слегка sluкавить! Даже следователь, хотя и всю мою жизнь изучил, на этом моменте остановки не сделал. А мне надо сделать.

— Сколько вам было лет, когда окончилась война? — спросил меня следователь.

— Семнадцать.

— Почему же вы не явились к союзным войскам с просьбой отправить вас на Родину?

— Испугался...

— Могло быть... — согласился следователь. — Лагерь для перемещенных лиц — не дом отдыха...

Но я совсем не этого испугался. Неустроенность меня отпугивала, а я тогда уже был при деле.

Красная Армия неудержимо накатывалась. С северо-запада надвигалась армия союзников. Василий от страха продолжал ругать большевиков, но прорывались иной раз у него и такие фразочки:

— Обнадежили понапрасну и скукожились! — Это он в минуту отчаяния так о германском фюрере выразился.

У фрау опустились руки, нарушился образцовый порядок. Василий еще как-то поддерживал хозяйство, деваться ему было некуда.

А у меня завязалась дружба с Мартой.

Она частенько приходила к нам, ко мне, скорее. Сначала расспрашивала о России. Немного я мог ей рассказать. Россия утонула в дыму и тумане. Заморочил голову мне Василий, а о своих детских играх что же рассказывать.

Однажды Марта меня решительно спросила:

— Скоро сюда придут ваши или американцы... Тебя освободят, и ты можешь уехать в Россию. Ты уедешь?

Вопрос прямой и, казалось бы, тогда для меня ясный.

Василий содрогался от ужаса перед таким исходом. Пугал он и меня:

— Ты, парень, вот что... Мы тут с тобой отсиделись, пережили непогоду... Ты не вздумай обратно возвращаться! Это прямая дорожка под пулю!

Я уже не был бессловесным. Спросил его с некоторым даже вызовом:

— А мне чего страшиться? В плен я не сдавался, присяги не нарушал... Меня мальчишкой посадили в вагон и увезли!

— А что ты здесь делал, парень? На кого ты работал, кому помогал? Врагу помогал! Ты врагов молоком да маслом откармливал! Как на тебя там посмотрят? Так что и тебе возврата нет! Думай, куда податься! Да в России-то сейчас мрак, разруха... Не скоро она на ноги подыметесь!

Это меня не пугало. Что могло быть страшнее рабства, какой еще мрак после этого мог испугать?

Когда Марта прямо поставила вопрос: уеду ли я или останусь, прямо ей отвечать я поопасался. Еще не окончательно рухнула власть гестапо, еще стоял Берлин, а в Берлине сидел фюрер. Но и лукавить с девушкой мне почему-то не хотелось.

— Боюсь...— ответил я.— Меня могут судить! Я на немцев работал!

— Это глупость! — перебила она.— Мальчишек не судят!

— Дом мой разорили... Некуда ехать! Отец, наверное, убит.

У тебя две руки, и ты здоров! Ты не хитри со мной! Если очень скучаешь о России — скажи! Мне тогда ты не нужен! А если забыл Россию, то возьми меня в жены. Геприх-то убит! У нас теперь нет женихов.

Марта была старше меня, в расцвете женской красоты.

— Я девушка честная,-- продолжала она.— Женой буду хорошей. Мне дети нужны. И начинать нам есть с чего... Хозяйство не развалилось... Молоко и масло в цене будут. Ваши сюда не успеют, американцы раньше придут... Никто тебя отсюда насильно не увезет! Я тебя прикрою!

Я молчал: научился сразу не высказывать.

Насмотрелся я, что такое хозяин. А тут сам могу стать хозяином. Понравилось мне это.

— Не уеду! — сказал я Марте.

— Из-за меня?

— Из-за тебя!

— Вот и хорошо! — сказала она спокойно. — Я объявляю, что с завтрашнего дня ты ко мне переходишь. Поженимся, когда тебе восемнадцать лет исполнится...

Вскоре война кончилась.

Пересидел я войну в коровниках. Слышал взрыв бомб, когда американцы бомбили завод, что стоял неподалеку от хозяйства ффрау.

Разыскивали пленных и угнанных в рабство. Сам я не объявился, никто на меня не указал. Минула и эта пора.

Отмечу еще одно событие. Ффрау продала свою молочную ферму, и они вместе с Василием куда-то исчезли. Никому было интересоваться, куда они исчезли и почему.

Следователь спросил меня в этом месте:

— Итак, жизнь ваша устраивалась, вы сделались чем-то вроде фермера... Мелкий немецкий буржуа? Годится такое определение?

Я ответил, что такое определение подходит.

Мы поженились с Мартой.

Все развивалось по ее плану, она была женщиной волевой и умела настоять на своем.

Работа все та же, что и у ффрау, но на себя.

Марта родила двоих сыновей. Все у нее сосредоточилось на наших мальчиках, все интересы только вокруг них.

Любила ли она меня? Любила! Это было разумно, это устраивало ее, я был отцом ее мальчиков.

Из поколения в поколение деды и отец Марты жили размеренной жизнью. Они довольствовались своим миром, не рвались к тому, чтобы раздвинуть его рамки, все делали на века.

Взять хотя бы мебель. Тяжелая, массивная, прочная, кувалдой не разобьешь. И некрасивая.

— Людям всегда нужно будет масло, молоко, мясо... Это фундамент. Мы стоим на прочном фундаменте, — передавала мне Марта мудрость своих предков.

Вокруг столпотворение. Разорялись богачи, возникали из ничего эфемерные богатства, кто-то играл на бирже, кто-то пускался в спекуляции, нас с Мартой это никак не касалось. Действительно, молоко, масло и мясо каждый день покупались, а цены на них росли с неуклонной закономерностью.

Но стены этой крепости по новым временам оказались не столь прочными. О них разбились все бури прошлого столетия, а тут стены дали трещину. Мне сделалось тесно

в этой крепости. Характер? Нет. Истоки надо было искать в моей прежней жизни, в том, чему научила меня первая учительница, Евдокия Андреевна.

Была Евдокия Андреевна сухонькой старушкой, ходила в очках с сильными стеклами. На ней был неизменный черный жакет, белая блузка, под воротничком черный бантик. Такой она мне и запомнилась. Взрослые рассказывали, что Евдокия Андреевна приехала в наши края задолго до революции.

Помнил я и ее первый урок, первые слова, которые врезались в память навечно.

Евдокия Андреевна оглядела нас, расспросила, как кого зовут. Словом, познакомилась с нами. А потом подошла к доске и объявила:

— Сейчас, дети, мы начнем наш первый урок... Вообразите себе, что перед вами лестница. До самой верхней площадки этой лестницы не каждому дано дойти и за всю жизнь. Вот вы стоите на земле... Кто-нибудь из вас забирался на дерево?

По классу прошелестел смехок. Евдокия Андреевна подошла ко мне.

— Вот ты, Сережа, лазал на дерево?

Я вскочил и ответил с готовностью:

— На дуб, что на берегу...

— Теперь скажи мне, что ты видел с земли, когда стоял под дубом? Вспомни хорошенько.

Я зажмурил глаза и представил себя на секунду перед дубом. Дуб рос в низинке. Из низинки виден противоположный берег Оки, обрыв над берегом, далекий шпиль колокольни Спаса на Угре и село.

— Больше ты увидел с высоты, чем с земли, Сережа?

— Больше! — в один голос ответил весь класс.

— Вот вы стоите на земле... Оглянитесь, много ли вы увидите? Поднимемся на первую ступеньку нашей бесконечной лестницы. Вы увидите чуть больше, чуть дальше. Еще ступенька — еще дальше. Еще ступенька — еще дальше. Ну а если подняться на лестницу доверху? Весь мир тогда у вас будет как на ладони. Грамотность, знания — это и есть наша с вами бесконечная лестница. Вот теперь скажите мне: зачем вы забирались на деревья?

— Интересно посмотреть... — ответил кто-то.

— А скажите мне, дети, разве не интересно подняться на лестницу, с которой будет виден весь мир? Вот я сейчас нарисую на доске первую букву нашего алфавита... Бук-

ва А. Потом вы научитесь ее писать. И считайте с этой минуты, что вы все вместе поднялись на первую ступеньку... И так мы будем с вами подниматься выше и выше... Когда-то я оставлю вас, на другие, более высокие ступеньки вас поведут другие учителя, а настанет час, и каждый из вас будет подниматься по этой лестнице без проводников... И чем выше, тем дальше будет видно...

Красивая сказочка. В буднях школьных частенько она забывалась, а вот совсем не забылась. Затосковал я по этой лестнице. И чем благополучнее шли дела в хозяйстве, тем больше меня разбирала тоска. Не выразишь словами эту тоску, я чего-то жаждал, а от этого пропадало спокойствие. Чего я жаждал, я не мог сказать.

Коровник, ферма, дом и кухня, грузовик с бидонами молока — этим не мог я ограничить свою жизнь.

А тут разразилась эпидемия приобретательства...

Началось послевоенное возрождение промышленности. Особенно оно сделалось заметным в предметах широкого потребления. Промышленность выбросила на рынок множество заманчивых игрушек, в общем-то необходимых в быту.

Уже определились наборы вещей, которыми должны были владеть те или иные лица. По ним судили о вкусе человека, о его достатке и общественном положении.

В просторной столовой Марты стояли две семейные реликвии: буфет столетней давности, сработанный прочно и грубо, и дубовый обеденный стол, за который могли сесть два десятка гостей.

И буфет и стол безотказно служили нескольким поколениям. Служили и нам. И мы, по совести сказать, их просто не замечали. И вдруг они стали мешать. Марта, моя разумная и расчетливая Марта, вдруг сказала, что надо купить новую мебель, иначе перед людьми стыдно. Стол и буфет — это только начало. Одно цеплялось за другое. Привезли новую и модную столовую. Не было в ней прочности, а красота была временна и условна. Скажу наперед: мы трижды в своей не очень долгой совместной жизни меняли столовые, но так и не угнались за модой.

Потом оказалось, что надо поменять спальню, потом гостиную, потом надо завести в доме фарфор, а тут в наступление двинулись холодильники, стиральные машины, телевизоры, радиоприемники. И каждый год новые. И наконец оказалось, что мы не можем существовать без легкового автомобиля...

Мы решили, что, пока не разорилось наше хозяйство, я буду учиться. Марта мечтала, чтобы я стал коммерсантом и открыл бы собственное дело. Чистое дело! Не навоз и не ферма!

С чего начинать, мы не знали, посоветоваться было не с кем. И тут я узнал, что есть в Западной Германии люди, так же как и я, не вернувшиеся в Россию. Их по-разному называли: невозвращенцы, перемещенные лица, эмигранты. Узнал я также, что они состоят в каких-то организациях, которые помогают им устроиться в жизни. Я решил, что с русским человеком я сумею посоветоваться, и начал искать...

Только ли посоветоваться о коммерческих делах хотелось мне? Я не тосковал по родине, но я все время о ней помнил, как бы ощущал мою Вырку — далекие леса, озера, весь край за своей спиной. Они снились мне, и я всегда досадовал, что сны быстротечны. Нет, не только посоветоваться шел я к русским, я хотел найти у них хотя бы осколок того мира, который остался у меня в снах, хотелось сблизиться с людьми, не чужими, своими... Не выразишь сразу, что я собрался искать у русских на чужбине...

Мне посоветовали поехать во Франкфурт-на-Майне.

К кому, в какую организацию еду, я не знал. Мне дали ее название — «НТС», по три буквы эти ни о чем не говорили, а как расшифровываются они, я тут же забыл.

Машина моя, хотя и был это всего лишь «фольксваген», произвела впечатление. Швейцар с легким поклоном распахнул передо мной дверь. Меня достаточно любезно препроводили в кабинет к немолодому, довольно представительному господину. Высокий, стройный. Седые виски. Волосы уложены красивой волной, жесткие черные волосы. Продолговатое лицо холеное, значительное. Черный костюм, белая сорочка, черный галстук. С такими господами на немецкой земле мне встречаться до той поры не случалось.

— Чем обязан? — раздался вопрос на русском языке.

Дрогнуло у меня сердце. Каких я видел до той поры русских? Василия да работников на ферме.

— Здравствуйте! — ответил я. — Я русский...

— Это я понял! — ответил мне господин и чуть заметно одними глазами улыбнулся. — Это я вижу, хотя вы и обратились к нашему привратнику на немецком языке...

Он не садился, поглядывая на меня сверху темными

глазами. Я ощущал силу его взгляда, его придирчивость и недоверие...

— Итак, Сергей Тимофеевич Плошкин... Вам известно, куда вы прибыли?

— Я не знаю... — ответил я. — Мне сказали, что вы занимаетесь русскими эмигрантами... Я хотел бы узнать, чем вы можете мне помочь?

Все правильно! — подтвердил господин. — Мы занимаемся русскими эмигрантами. Правда, в эти слова можно вложить любой смысл. Мы все здесь русские эмигранты. Точнее, мы не занимаемся эмигрантами, а мы создали союз русских эмигрантов, который защищает их интересы, ибо русскому человеку жить в Европе не так-то просто. И мы помогаем русским эмигрантам. Но вы, Сергей Тимофеевич Плошкин, не нуждаетесь в самой элементарной помощи. Вы имеете работу?

— О да! Я имею хозяйство. Не свое! — поспешил я поправиться. — Хозяйство моей жены, молочная ферма. Господин засмеялся:

— О! Это так понятно! Одной фразой вы очертили мне всю свою судьбу! Вас вывезли из России с матерью, когда вы были мальчиком. Скажем, в сорок первом году?

Я тогда не умел скрывать свои чувства. И господин легко заметил мое удивление.

— Ничего необъяснимого! — ответил он. — Вы очень хорошо говорите на немецком языке. Для того чтобы так говорить, надо прожить в Германии несколько лет. И лучше с детства, взрослый человек не избавляется с такой легкостью от акцента. Отсюда я и вывел, что угнали вашу мать, а с ней и вас. Я гляжу на ваши руки и вижу, где вы работали все это время... Вашу мать приобрела крестьянская семья. Это в Германии очень расчетливое сословие. Все, что они имеют, они имеют как результат огромного труда и напряжения. Они в меньшей степени были заражены расовыми предрассудками Гитлера, и поэтому, наверное, на семейном совете было решено взять вас в зятья. С жепихами после войны в Германии не очень густо... Ваша жена, должно быть, старше вас?

Господин улыбнулся, отошел от меня и сел на стол. Щелкнул крышкой ящика, подвинул ко мне сигары.

Я поблагодарил и отказался.

— Завидую вам, Сергей Тимофеевич! Работа на ферме, чистый воздух. Не курите! Все у вас впереди... Позвольте поинтересоваться: как идет ферма?

— У нас двадцать коров. Летом мы нанимаем работников...

— О-о-о! Я правильно угадал. К нам вы пришли не за пищей телесной, а за пищей духовной! Не так ли?

Я кивнул. Мне очень хотелось понравиться. Теперь-то я понимаю, что и этот господин из всех сил старался понравиться мне, что я был ему более нужен, чем он мне, хотя я пришел к нему, а не он ко мне.

— Итак,— продолжил он,— что же вас привело к нам? Тоска по родине, тоска по русским людям? Или вы хотели получить от нас какой-либо практический совет?

Он опять угадал, этот проницательный господин.

Да! — ответил я.— Я хотел получить практический совет...

— Покончим в таком случае с Россией! — воскликнул он после непродолжительной паузы. И тут же улыбнулся уголками губ: — Право, с ней никак нельзя покончить! Я не так выразился! Я понял, что по родине вы не тоскуете! Вы счастливо акклиматизировались! Про себя я этого сказать не могу!

Он встал, сцепил пальцы рук.

— Я безумно тоскую по России! Это придет и к вам, Сергей Тимофеевич! Немецкая деловитость вашей супруги не убьет этой тоски. Она лишь ее приглушила! Вы имели возможность вернуться на родину... Почему вы не вернулись?

Я не был готов к ответу на этот вопрос, как не был готов и на следствии в Москве, как не готов по-настоящему и сейчас, когда обязан рассказать все без утайки о своей жизни.

Я задумался: как бы ответить этому господину?

— Женились! — ответил он за меня.— Сколько вам было лет?

— Восемнадцать!

— Ну, конечно! Девушка на выданье, даже перезрела...

— Еще я боялся... — добавил я.

— Вы боялись? Боялись вернуться в Россию? Чего вам бояться? Какие вы совершили преступления в период вашего несовершеннолетия? Помилуй бог! Кто вас запугал?

Так в нашей первой же беседе с этим господином возникло имя Василия. Я рассказал, как и чем он пугал меня.

Господин снисходительно усмехнулся.

— Он, ваш Василий Васильевич Голубенко, сам боялся. И он, я вам скажу, Сергей Тимофеевич, имел все основания бояться! Во-первых, он дезертир! Во-вторых, он трусил и добровольно сдался в плен. Добровольная сдача в плен во все времена считалась предательством. Ваш Голубенко вдвойне предатель. Не Россия шла завоевательной войной на Германию, а Германия вторглась в Россию! Он должен был защищать свою землю, землю своих отцов, своей матери! Где он сейчас, этот Голубенко?

Я рассказал, как он исчез. Господин прищурился, задумался.

— А вы знаете, Сергей Тимофеевич, какая у меня родилась мысль? Василий Васильевич Голубенко вернулся в Россию! Но он не хотел, чтобы вы вернулись туда как свидетель его нравственного падения! Поэтому он вас и пуга. Вам возвращение в Россию ничем не грозит! Мы готовы оказать вам в этом содействие! Вы желаете вернуться на родину?

— Нет! Я не собирался вас об этом просить!

— Вас привязывает к этой земле супруга? Вы ее любите?

— А почему мне ее не любить? И потом мы с ней не нищие!

Господин подошел к окну и отдернул пошире штору.

— Да,— сказал он.— В России вы такого автомобиля иметь не будете! В России ваш заработок будет ниже, чем здесь... В России вы не будете сами себе хозяином! Самое большее, на что вы можете там претендовать, это на должность чернорабочего. Разумно. Правда, мне, моему сердцу русского, оскорбительно и горько слышать, что вы отказываетесь уехать в Россию. Но об этом, возможно, мы еще поговорим с вами... В чем же смысл вашего визита?

— Я хотел бы учиться... А как это сделать, я не знаю!

Господин вернулся в свое кресло, откинулся на спинку и уставился на меня. Я испугался: не сболтнул ли я непомерную глупость?

— Сколько вам лет?

— Двадцать два года...

— Чему вы хотите учиться?

— Коммерческому делу!

— Коммерции не учатся! Коммерция — это талант! — обрезал он меня.— Учиться вам надо! Согласен! Когда вы немного образуетесь, тогда, быть может, и поймете, к чему вы пригодны.

Встречи с соотечественниками в ближайшем городке — там находилось отделение НТС — разочаровали меня. Я быстро их раскусил. Все это оказалось люди житейски не устроенные. Один из них даже мне сказал грубо:

— А ты куда лезешь? Тебе-то чего не хватает. Я вот пыхтел по белу свету... Строил аэродром для американцев, потом меня какой-то русский хмырь по фамилии Болдырев уговорил поехать в Марокко. В прекрасное солнечное Марокко! Едва выбрался... Виктор Михайлович помог. Спасибо ему, благодетелю!

Я так и не понял, издевается он или искренне благодарит. Соотечественники мои искали через союз работы, и мне казалось, что союз занимается их трудоустройством.

Собирались мы когда раз, когда два в неделю. Читали брошюры на русском языке о России, о войне. Мыслилось, что мы должны обсуждать прочитанное. Но обсуждений не получалось. Никто из нас не знал, что происходит в России. Однако некоторое время спустя ко мне прикрепили учителя русского языка и объявили, что уроки союз оплачивает.

Примерно через полгода подключился к занятиям со мной преподаватель немецкого языка.

Меня торжественно приняли в Народно-трудовой союз (в нашем городке полгода спустя после моего визита во Франкфурт-на-Майне). Я написал клятвенное обязательство «не щадя своей жизни проводить идеи Народно-трудового союза и выполнять всякую другую работу, которую от меня потребуют наши руководители». Правда, мне не совсем было ясно, какие я должен защищать идеи, какую работу мне могут поручить, но это не казалось мне важным. Ко всей церемонии я отнесся несколько скептически, почитая ее лишь ничем не значащей формальностью. Мое письменное обязательство было прочитано вслух, меня поздравили с вступлением в союз и тут же сожгли этот документ. Для конспирации.

Однажды было объявлено: наш союз собирает совещание под Мюнхеном. Я был послан на это совещание от нашего отделения.

На совещании выступил человек, которого нам представили как одного из руководителей союза. Опять же обошлось без фамилии. Держался он начальственно, но не был внешне так обворожителен, как мой первый пастав-

пик, был похож на военного человека. Он рассказывал об общем положении дел в мире, о политике, которую проводят США, Англия, Франция. Говорил интересно, я узнал много новых для себя вещей, но поразила меня заключительная часть его речи. Я даже записал их.

«Наша борьба растет и ширится. Молодежь не должна обзаводиться уютными домиками и семьями, она должна быть на Родине вместе со своим народом, готовить почву для народной революции».

— Революция в России? — спросила Марта, когда я ей рассказал об этом слете. — Зачем это нам с тобой? Что она нам даст?

Вскоре после этого нам позвонили по телефону и сказали, что в ближайшее воскресенье ко мне придет гость из Франкфурта-на-Майне. Предупредили, что человек мне известен, и попросили держать в тайне предстоящий визит.

— Пусть приезжает! — заключила Марта. — Я у него сама спрошу, зачем тебе революция в России!

Однако к приезду гостя она приготовилась отменно. Был испечен праздничный яблочный пирог, приготовлен обильный обед; она выставила вино, которое привез еще ее несостоявшийся жених.

В полдень у нашего крыльца остановился черный «мерседес». Из машины вышел тот самый господин, который принимал меня во Франкфурте-на-Майне. Стояла промозглая февральская погода. Снег источал влагу, было сыро и холодно.

Я открыл дверь и помог гостю снять шубу. Он сказал, чтобы я его представил своей супруге как Виктора Михайловича.

Он поцеловал у Марты руку и, не опуская руки, сказал:

Вы, Сергей Тимофеевич, были очень сдержанны в прошлый раз, рассказывая о своей супруге! Вы прячете красавицу! Ваша супруга — это мать! Это сильное тело может родить только здоровых детей! У вас есть дети? Они здоровы?

Марта расцвела в улыбке. Он приласкал мальчиков, достал из кармана подарки — два детских шоколадных набора.

Марта была им очарована, но разумная расчетливость не оставила ее. Надо сказать, если она что-либо наметила, то нелегко отказывалась от намеченного. Она спросила

гостя: о какой революции говорили нам в Мюнхене? Можно было подумать, что гость ожидал этого вопроса.

— Мой друг способен обеспокоить общество! — воскликнул он. — А людей положительных, устойчивых в своих привычках и взглядах даже и взволновать! Это далекая задача! Но если я вам все объясню, вы ее не посмеете отвергнуть! Вы должны, Марта, — продолжал он, — понять мужа! Вам это трудно, мне легче. Я тоже с молодых лет живу в Европе, вдали от родины. Мне дорога оттуда каждая весточка, когда в ней содержится что-то хорошее, что-то радостное. Но, — гость развел руками и вздохнул, — радостного и веселого там мало. — Он приложил руку к сердцу: — И здесь от этого больно!

Виктор Михайлович встал, обошел стол и сел рядом с Мартой.

— Сергей Тимофеевич, это для вас! Но я рад, что меня услышит и Марта! А вы знаете, когда создавался наш союз, мы ни о какой революции не думали. Создавался он, когда я был так же молод, как и вы... Быть может, чуточку постарше! Меня тоже мальчишкой увезли из России. Родители увезли, они бежали от революции, от большевиков. Мой отец был офицером. Сражался на фронте в первую германскую войну! Он, вероятно, сражался против вашего отца или вашего деда, Марта?

— В ту войну был убит мой дед! — ответила Марта. — Но он был убит не в России, а во Франции...

— Франция была союзницей России... Отец мой и ваш дед, как видите, состояли во враждебных лагерях. Ваш дед был убит во Франции, мой отец — в Восточной Пруссии. Судьба должна была бы нас навеки развести, не оставив возможности для примирения. У нас в России была собственная земля. В семнадцатом году свершилась революция! Я был мальчиком, но кое-что понял. Я знал, что мои старшие братья, что моя мать сочувствуют нищему русскому народу! Я знал, что отец мой презрительно относился к бессильному и безвольному тогда царю Николаю Второму! Он ждал с великой надеждой революцию... Он был убит до революции. Но он не пережил бы разочарования! Большевики в дикой озлобленности прежде всего отняли у нас землю. А это означало отнять у нас средства к жизни. Нас не брали на службу, нам не давали учиться. У матери сохранились фамильные драгоценности, в двадцатом году она увезла нас в Германию...

Виктор Михайлович давно уже встал и мерил шагами

столовую. Говорил возбужденно. Он остановился около меня и едва слышно произнес:

— Я очень сожалею, что Марта не поймет сейчас моих слов, а перевести я не могу... Это стихи Тютчева, дворянина! Его стихи о России.

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Виктор Михайлович читал вполголоса, чуть склонившись надо мной. Он умел читать стихи. И я чувствовал, как раздвигаются стены нашего дома и передо мной возникают соломенные крыши Вырки, наш дом на пригорке, разбитая молнией ветла на краю деревни.

Он выпрямился, отступил от меня на шаг, в глазах у него застыли слезы. Он закончил:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

Он медленно подошел к Марте, положил руку на спинку ее стула.

— Переведи ей, Сережа.— Он назвал вдруг меня по имени.— Ты уловил, в чем ужас России?

Тут он перешел на немецкий язык, не надеясь, что я переведу.

— В рабском виде царь небесный! Вот он, весь образ России! Никто так не обрисовал нашей отчизны, как дворянский поэт Тютчев! За что же нас предали проклятью и ненависти? Мы росли на чужой земле, мы росли в ужасе ненависти, наши отцы старели, от нас все дальше и дальше отдалялась родина... Но как бы ни была прекрасна Европа, родины нам она не могла заменить! И тебе, Сережа, никогда не заменит!

Виктор Михайлович перешел на русский язык.

— Мы жили как неприкаянные... Но мы, молодое поколение эмиграции, не были связаны кровной враждой с теми, от кого пришлось бежать нашим родителям! Они сошли, сами сошли со сцены, никто их даже не подталки-

вал. Это как сумасшествие! Одни играли в оловянных солдатиков. Это генералы, позорно побитые русскими мужиками, которым они отказывали во всем, кроме права быть пушечным мясом. Прикрывая не только от других, но и от самих себя свою неполноценность, они продолжали сражаться на картах. Они чертили на картах красные стрелы ударов по Красной Армии, создавали гениальные замыслы военных кампаний против Советской России. У нас в архиве можно найти такие две-три карты. Я мог бы вам их показать. Стрелы вычерчены с большой тщательностью, все рассчитано по срокам... Одного не было у генералов — вооруженных солдат, которые захотели бы пролить кровь за химеры.

Виктор Михайлович подвинул к себе бутылку шампанского, сохраненную Мартой с сорок второго года. Я поспешил открыть ее. Пенистое вино полилось в бокалы. Подставила свой бокал и Марта.

— Вам не скучно? — спросил ее Виктор Михайлович. — Это так далеко от вашей жизни, ваших интересов, непонятно вам, должно быть?

Нет, нет, мсей Марте было не скучно! Быть может, ее возбудило и вино, она редко пила, вино ее всегда оживляло, а меня угнетало. У нее блестели глазки, на щеках проступил румянец, признак особого волнения. У меня зашевелилось даже что-то похожее на ревность. Меня она никогда так не слушала, да я и не мог ничего подобного ей рассказать.

Нет, нет! — запротестовала она. — Я никогда не слыхала о подобных вещах! Я не думаю, чтобы наши немецкие генералы занимались бы столь неразумными проектами...

— Вы ошибаетесь, Марта! — отпарировал Виктор Михайлович. — Напрасно вы думаете, что это чисто русская национальная черта... Это черта всех побитых генералов! И ваши генералы, гитлеровские генералы, сейчас заняты тем же самым. Они чертят стрелы на картах второй мировой войны и делают выкладки. Им кажется, что, измени они в сорок третьем году направление колонн, они выиграли бы войну... Мы, молодое поколение эмигрантов, не могли жить иллюзиями. Мы стояли перед двумя совершенно реальными положениями. Первое мы твердо знали: судьба русских эмигрантов в Европе бесперспективна, поле нашей деятельности ограничено, наши духовные запросы не включены в круг запросов Европы. А имея

перед собой долгую жизнь без перспектив, жить невозможно. Второе положение: мы не могли возвратиться в Россию и получить обратно все, что у нас отняла революция. И там, в России, мы были чужими людьми. И мы создали чисто добровольный союз с задачей изучить Россию. Союз назвали «Национальный союз нового поколения»...

После того как был подан кофе, Виктор Михайлович как-то очень спокойно и по-домашнему спросил:

— Можно ли было осудить нас за стремление узнать свою родину? Человек на опыте тысячелетнего существования на земле пришел к трем вопросам в оценке состояния человеческого общества... К трем великим и вместе с тем проклятым вопросам человеческого бытия. Мы спрашивали: «Есть ли в России хлеб, чтобы каждый русский был прежде всего сыт?» И мы ответили: «В России хлеба не хватает». Вы, Сережа, могли бы опровергнуть этот наш вывод?

Виктор Михайлович молчал, ожидая моего ответа. Марта вопросительно смотрела на меня.

— Мы поставили второй вопрос: «Есть ли в России бог?» И мы вынуждены были ответить, что бога в России нет. Разрушена вера, разрушена и нравственность. И еще мы спросили: «Есть ли в России уважение к отцу и матери?» И мы ответили: «Нет!»

Марта медленно поднялась со стула. Она постояла, мгновение всматриваясь в Виктора Михайловича, покачала головой и вышла.

А я остался в растерянности, не зная, как истолковать ее уход и что отвечать моему гостю.

Виктор Михайлович неторопливо раскурил погасшую сигару, подвинул к себе кофейник, налил кофе и деловито стал расспрашивать меня, как идут занятия, посоветовал не бросать уроков и пообещал разведать, как можно было бы меня ввести в коммерческий мир...

— О России забудь! Эти твои друзья доведут тебя до беды! — сказала мне Марта, когда мы проводили гостя.

Но гость раздражил мое воображение, у меня возникло множество вопросов, сам, без его помощи, я на эти вопросы ответа не мог найти.

И мне, наверное, до бесконечности предстояло бы метаться между запретом Марты и тягой к этим людям, но они сами пошли нам навстречу.

Не меня, а Марту пригласили участвовать в коммерческом деле. На первых шагах ей предложили выгодное

помещение капитала. Мы расстались с фермой и переехали в город. Наш доход несколько не уменьшился, но не было уже нужды в работе от зари и до зари. Ей было дано понять, что приглашение в дело последовало по рекомендации Виктора Михайловича. И она переменила свое мнение об этом союзе.

Минул еще год. Мой русский учитель объявил мне, что если я хочу действительно получить образование, то он сможет меня рекомендовать в «Институт по изучению СССР»¹.

К тому времени у меня в руках уже побывала книжечка в зеленой обложке с символическим трезубцем. Теперь союз назывался несколько иначе, чем в молодые годы моего наставника и руководителя. Вместо слова «национальный» было поставлено слово «народный». «Народно-трудовой союз». Так называлась организация. Следовало еще уточнение в скобках — «Союз солидаристов».

Теперь, когда я готовился к поступлению в «Институт по изучению СССР», в терминках уже не путался, знал их значение и в общих чертах понимал, как программа определяет задачи союза.

Мне нет нужды по пунктам перечислять здесь ее положения. Это довольно обширный документ, я только останавлиюсь на том, что безусловно принял, делая все же скидку на то, что не все записанное в программах претворяется в жизнь. Прежде всего меня устраивало, что наш союз имеет надпартийную окраску.

Тогда мой слух ласкало слово «народный». Я еще не знал, как умеют спекулировать этим словом те, кто никогда не собирался защищать интересы народа.

Устраивало меня и провозглашение свободы коммерческой деятельности.

Эпидемия приобретательства разгоралась, пожирая в своем пламени все иные страсти и стремления. Она подхлестывала людей, с каждым годом рынок манил все большим и большим разнообразием товаров. И все они казались совершенно необходимыми для жизни.

На следствии мне был задан вопрос: «Когда вы были завербованы в НТС для антисоветской деятельности?»

¹ Под этим громким названием была создана и действовала шпионская группа НТС, которая собирала информацию о СССР и обрабатывала ее в антисоветском духе. — *Авторы.*

На вопрос следователя я должен был ответить кратко и точно. И я ответил, что считаю себя завербованным для антисоветской деятельности с того дня, когда дал согласие учиться в «Институте по изучению СССР» в Бад-Гомбурге. Тогда я подписал более серьезные обязательства, чем при вступлении в НТС, и эти обязательства, как мне известно, не были уничтожены. Но я думаю, что это случилось много раньше, с той, наверное, поры, когда я, как и Марта, пали жертвой эпидемии приобретательства, когда мы захотели иметь больше, чем нужно для неизвращенных человеческих потребностей.

Состоялась третья встреча с обворожительным Виктором Михайловичем. На этот раз он передавал меня под опеку того самого человека, который выступал на совещании членов нашего союза и говорил о близкой революции в России. Представили мне его как Сергея Сергеевича. Замечу, что у всех моих наставников по НТС было по нескольку фамилий и имен. Узнал, кто они такие, я позже, на следствии, когда мне предъявили фотографии для опознания.

Сергей Сергеевич был уже немолод. Под глазами нездоровые мешки, небрежен в одежде, его манера держаться резко отличалась от манеры моего первого наставника.

Разговор начал Виктор Михайлович. Он представил меня, рассказал, с какой увлеченностью я учился. Здесь он не преувеличивал. Я действительно занимался усердно и во многом успел.

Разговор происходил в служебном кабинете Виктора Михайловича во Франкфурте-на-Майне.

— У вас не пропала жажда коммерческой деятельности? — спросил Виктор Михайлович.

Пока я не вижу чего-то равного по интересу, — ответил я.

— Вот видите! — воскликнул Виктор Михайлович. — Он изъясняется как интеллигентный человек. Усложнены обороты речи, безупречная дикция!

Сергей Сергеевич упорно смотрел на меня из-под мохнатых бровей.

— Хм! — промычал он неопределенно.

— Я говорил уже Плошкину, что коммерция — это почти искусство, она требует таланта! Но должен отметить, что сегодня он ближе к осуществлению своего желания, чем два года назад. Успехи налицо. Он русский,

и, стало быть, знание советской действительности ему может помочь в его будущих занятиях коммерцией. Он изъявил желание учиться в Бад-Гомбурге...

Сергей Сергеевич продолжал бесцеремонно меня разглядывать.

— Я все знаю,— проговорил он наконец низким, прокуренным голосом.— Одного не знаю... За что Сергей Тимофеевич ненавидит большевиков? Советскую власть? Что она лично тебе худого сделала?

— А разве обязательно лично? — спросил я.

— Тогда нечем питаться ненависти! — отпарировал он.— Я не очень уверен,— сказал он, обращаясь к Виктору Михайловичу,— что нам следует Сергея Тимофеевича зачислять в наш институт! Он здесь хорошо устроен, а мы должны позаботиться прежде всего о тех, кто плохо устроен.

Сергей Сергеевич сделал рукой прощальный жест и вышел. Виктор Михайлович сокрушенно покачал головой.

— Видите, Сережа, как все непросто в нашей жизни. Не смею вам давать какие-либо рекомендации. Он прав, мой друг! Я человек академического склада, он практик... В тридцатых годах, когда Советская Россия была терра инкогнита для Запада, когда не было потока туристов ни туда, ни оттуда, он сумел нелегально перебраться через границу. Туда и обратно!

Виктор Михайлович зажмурился и сделал паузу.

— Его имя легендарно в нашем движении... Как теперь поправить дело, ума не приложу! Но вам очень хотелось бы у нас учиться?

Я кивнул.

Виктор Михайлович вышел из-за стола и сел в кресло напротив меня, в котором перед этим сидел Сергей Сергеевич.

Понимаете ли, дорогой мой друг Сережа! Нельзя стать специалистом по Советской России, не побывав там, не пожив среди советских людей, не ощутив той действительности.... Чтобы стать настоящим специалистом по Советской России, надо ехать в Россию и пожить там. А это стоит больших денег. И если мы тратим на наших людей деньги, то мы не должны забывать и о главной цели: о подготовке революции в России. Каждый наш человек там — это гнездо революции. Это молекула, которая перестраивает тело клетки, а организм общества, так же как и живой организм, состоит из клеток. И если

мы перестроим клетки с помощью наших молекул, есть надежда переделать и весь организм. Быть может, безболезненным и тихим путем перерождения, без революционного взрыва. Ради этого мы и существуем... Готовы ли вы, Сережа, потратить несколько лет своей жизни на поездку в Советский Союз? О! Эти годы не пройдут даром! Работа будет оплачена значительно выше, чем любая ваша коммерческая деятельность. На счет вашей милой супруги или на ваш счет, как вы этого пожелаете, будут переводиться деньги за каждый день вашего пребывания там! Вы вернетесь, и перед вами — широкое поле деятельности. Вы бесценный специалист для любой европейской торговой фирмы или даже государственного учреждения. Вы бесценный человек и для нас. Мы старики, нам нужна смена в союзе, вы молоды, вы способный и даровитый человек, вы имеете все шансы возглавить нашу организацию... Я не сравниваю вас с обычным нашим контингентом. Не буду скрывать: многие идут к нам из-за материальной нужды. Мы их принимаем, это наш долг, но, кроме долга, что-то должно быть в душе. Поэтому я к вам привязался.. Вы не из-за брэнного металла пришли к нам, в вас я чувствую идею, а идею я всегда ставлю превыше всего! Но решить вы это должны сейчас, Сережа, и Марта об этом знать ничего не должна. На подготовку уйдут годы, но конечный итог должен быть вам известен!

VI

Бад-Гомбург, улица Кайзер Фридрих Променаде, 57--59. Длинное кирпичное здание барачного типа в глубине двора. На воротах вывеска «Шелл-гараж». Это для конспирации. В этих больших американских бараках, оборудованных для рабочих, которые вели строительство военных объектов, размещен «Институт изучения СССР». Никаких сомнений не было, я знал, что переступаю порог разведывательной школы. И меня это не пугало, в этом я видел возможность найти себя в этой жизни.

Подъем в семь утра. Зарядка, холодный душ. В десять начало занятий. Группы небольшие. Преподаватели, знающие свое дело. И так до двух часов дня. Затем спартанский обед. Рацион, продуманный врачом, час сна, и с четырех часов до семи вечера опять занятия в аудиториях.

Вечером библиотека или кинозал, где демонстрируют фильмы со всего мира и учебные фильмы, нужные для нашей подготовки. В двадцать три часа — отбой. Спать, чтобы набраться сил на следующий день, столь же напряженный.

Обучение принимало иной раз и чисто индивидуальный характер. Так, например, узнав, что я родом из Нижней Вырки, мой учитель отыскал историю моей деревни, просветил меня относительно демидовских заводов, рассказал о восстании Болотникова.

— Надо быть интересным собеседником, чтобы перед тобой раскрывались люди... Ты должен узнать все от человека, с которым ты встретился. Но чтобы взять, надо и дать! А что дать? Надо так давать, чтобы он по видимости получил от тебя многое, а на самом деле лишь общие места. Но и общие места могут быть интересны, человек втянется в разговор и захочет взамен рассказать равноценное. Вот тут и он раскроется.

Изучали мы и новейшую историю СССР: нам читали курс по нэпу, по первым пятилеткам; мы изучали главные образцы достижений советской техники. Словом, мы должны были органично влиться в советское общество. Нас обучали водить автомашины советского и иностранного производства, мотоциклы, тракторы, учили езде верхом, стрельбе из советского оружия.

Когда было покончено с общим политическим курсом, начались чисто разведывательные дисциплины: конспирация, правила поведения на нелегальном положении, умение выбрать конспиративную квартиру, место встречи, разработка алиби. Все мы были скрыты под кличками, никто не знал биографии друг друга, не знал, кто где родился, как попал на чужую землю. Мы могли унести в памяти лишь портрет своего коллеги.

Потом началась «оперативка», то есть способы распространения пропагандистской нелегальной литературы, размножение ее на печатающих аппаратах, составление листовок, методы их распространения.

Если бы Марта вмешалась, отстаивая свои прежние разумные убеждения, она поколебала бы меня, но ее тоже вовлекли в дело, которое тешило ее тщеславие и рождало надежды разбогатеть.

В одном из морских портов наш союз открыл специальный магазинчик с широким ассортиментом товаров. Товары советским морякам продавали по заниженным

ценам. Магазин был записан на имя Марты, и все доходы от торговли поступали на ее счет. А доходы могли быть только при дотации могущественного капитала. В этом магазинчике многие из наших «студентов» проходили практику по пропаганде среди советских людей. Магазин приманивал моряков своими ценами. Наши «студенты» пытались завести нужные знакомства, иногда даже делались попытки уговорить кого-либо из моряков не возвращаться на Родину. Марте это нравилось. Она считала, что сделалась заметной фигурой, а главное, вошла в большую коммерцию.

«Институт», а точнее, разведшколу я закончил с отличием. Меня вызвал к себе Сергей Сергеевич.

— Не знаю, как с ненавистью,— начал он, по-прежнему, как и в первый раз, хмуро глядя на меня.— Успехи есть, а с ненавистью не знаю... Ладно. Оставим это до поры. Когда приедешь в Советский Союз, увидишь своими глазами, ненависть проснется! Ты готов к поездке?

Я коротко, почти по-военному ответил:

— Готов!

Сергей Сергеевич рассмеялся. Смеялся долго, у него на глазах проступили слезы.

Готов! Какой ты быстрый! Зачем же мы на тебя время и деньги тратили? От какого-никакого, но от дела оторвали! Ты же на второй день попадешь в лапы КГБ. Даже милиция тебя живенько расшифрует! Вот теперь ты только готов к настоящей подготовке. И будет она длиться столько, сколько нужно. Ты поедешь учиться в настоящую разведывательную школу. В ней готовят не любителей разбрасывать листовки, готовят кадровых разведчиков...

Сергей Сергеевич испытующе взглянул на меня.

Как я понял, Сергея Сергеевича беспокоило, не встану ли я против открытой службы разведкам, потому он и вглядывался в меня, пытаюсь прочесть мои мысли, потому, вероятно, и потянуло его на необычную откровенность.

— Ты молодец, что не косишь глазами. Реалистическое воспитание сказывается. В ненависть твою я сейчас не поверю. Реальным вещам надо смотреть в глаза. Содержать наш союз не на что. Не на мои и не на твои капиталы он существует. Кто платит, тот имеет право получать товар. Это тебе ясно?

— Догадывался,— ответил я.

— Вот, вот... Хорошо, что догадливый. Деньги нам дает Центральное разведывательное управление. Они дают нам деньги, а мы даем им кадры... Будешь работать на нас и на них. Цель единая.

Я ответил, что все это понимаю и постараюсь выполнить задачи, поставленные передо мной.

— Вот и хорошо! — одобрил Сергей Сергеевич.

Он встал, потеплел его взгляд, растаяло в глазах недоверие. Положил тяжелую руку мне на плечо и закончил наш разговор дружеским советом:

— Я, милый, не идеалист, а практик... Вовсе неважно, на кого работать! Важно, чтобы тебе было хорошо!

Так как же я должен был ответить на вопрос следователя, когда он спросил меня: на кого я работал?

Я ответил:

— Да, я вполне сознательно связал две задачи: работать на ЦРУ и вести по заданию НТС на территории СССР пропагандистскую работу на разложение советского общества!

Но следователя мой ответ не удовлетворил.

— Давайте все же уточним, — поставил он вновь вопрос. — Кто вам платил деньги?

В конечном счете американская разведка... — ответил я.

— Это правильно. Кто вас окончательно подготовил к работе на советской территории?

— Американская разведшкола...

— Кто осуществил ваш заброс в Советский Союз?

— Американские военные власти.

— Так на кого же вы работали?

А вот на последний вопрос мне и не хотелось отвечать, хотя ответ напрашивался сам собой. Но он уничтожал начисто целую полосу моей жизни, моих надежд, моей веры... Но вопрос поставлен. Мне ничего не оставалось, как признать, что работал я на американскую разведку.

VII

Меня привезли в американскую разведшколу. Здесь не оставалось места для лирики. И я сразу почувствовал, что там, в Бад-Гомбурге, занимались мы предварительной тренировкой, готовясь к тому, чтобы не сломал нас настоящий режим работы. Учителями у нас здесь были кадровые офицеры разведки. Нас обрядили в военную форму,

в школе был введен военный порядок. Мы считались военнослужащими со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Программа была напряженной. Мы изучали радиодело, работу с радиопередатчиками, методику ухода от пеленга, радиокоды и шифровку, способы подделки различных документов, способы сбора разведывательной информации и ее передачи.

Группа, с которой готовили меня к забросу, состояла из трех человек.

Мы друг друга знали лишь по кличкам. Меня окрестили Владимиром. мои товарищи были Михаил и Сергей. Мое имя отдали другому.

Михаил был старше меня. В сорок втором году он был призван в армию, в первом же бою сдался в плен. Почему он не вернулся в сорок пятом году на родину, можно только догадываться.

Напарники мои не вызывали у меня ни симпатий, ни доверия. Их движущей силой был страх. Они боялись вернуться на родину, боялись отказаться от задания, бедствовали до поступления в разведшколу. Один работал чернорабочим в Марокко, другой приехал из Бразилии, где погибал в оловянных рудниках. Трусость была главной чертой и того и другого. Я понимал: если хотя бы один из них попадется в России, он выдаст меня, не раздумывая.

Итак, подготовка к забросу была наконец завершена.

Нас щедро снабдили всем необходимым. Выдали нам по шесть тысяч рублей в советских денежных знаках. Для особых нужд каждый из нас получил по шестьдесят золотых десятирублевых царской чеканки. Эти средства давались нам только для начала. Нам были вручены радиопередатчик, шифроблокноты и различные документы.

Мне был сделан паспорт на имя Владимира Петровича Кудеярова, уроженца деревни Нижняя Вырка Калужской области. Но меня предупредили, чтобы я на этот паспорт особо не полагался, а искал подлинный паспорт живого человека.

Под какими именами и фамилиями сбрасывали моих товарищей, я не знал, как и они не знали, что я превратился в Кудеярова. Для нашего общения остались клички.

Каждый получил по бесшумному пистолету и по ампуле с ядом.

И я заметался. Сомнений в правильности выбора у меня не было. Я был уверен, что смогу выполнить все задания, что найду нужных людей, завяжу связи и вернусь назад. Но я не хотел связывать свою судьбу со своими спутниками. Не верил я им!

Мы тщательно изучали район выброски по очень подробной карте. Кругом леса, болота. Далекий пеший путь. Стопт оторваться от спутников, и они меня никогда не найдут. А большего мне и не нужно. А когда я устроюсь, то и отказаться от встреч с ними не составит сложности. Увидят мою работу смирятся. У каждого из нас были свои выходы на связь с центром.

Виктор Михайлович растрогался и прослезился при прощании.

— Я уверен, когда вернешься, ты у нас станешь живой легендой!

Мне было приятно услышать эту фразу.

Сергей Сергеевич был суров и сдержан.

— Не знаю,— говорил он.— Не знаю, как у тебя с ненавистью, Сергей Тимофеевич. И боюсь. Расслабишься — попадешь тут же им в руки. Но пощады от советского правосудия не жди. Там его нет. Большевики за все свои деяния давно заслужили атомного ада. Ты думаешь, они не заслужили такой кары?

Сначала самолет взял круто курс на юг. Под крылом возникло море. Сели на острове в Средиземном море, на военной базе. Из самолета не выходили.

Затем ночной перелет. Опять посадка. Заменяли самолет. Таких самолетов мы не видели до той поры. В его конструкции были какие-то неожиданные особенности. Сопровождающий нас офицер объяснил на очень плохом немецком языке, что над границей мотор будет выключен и самолет полетит как планер. Потом опять будет включен, и мы проникнем в глубь советской территории.

Несколько дней ждали погоды. Но не летной, солнечной погоды, а дождя и тумана.

Но вот и настала последняя ночь нашей жизни в этом мире. Самолет разбежался по бетонной дорожке и оторвался от земли.

Сначала мы шли на огромной высоте. Заложило уши, голову сдавила нестерпимая боль. Потом стало легче. Сопровождающий офицер следил за полетом по карте.

Мой прыжок — последний.

Сначала Сергей, за ним Михаил и я. Прыжки с точно рассчитанными интервалами.

Замолк мотор. Началось планирование. Оно длилось бесконечно долго. Самый напряженный момент. Засекут радары или нет? От этого зависела наша судьба. Но узнать, замечен ли наш перелет, нам не дано. Наконец опять заработал мотор, самолет шел, не набирая высоты.

— Близко! — предупредил нас офицер.

Через несколько минут команда:

— Первый!

Сергей вошел в отсек для катапультирования. Толчок. В отсек вошел Михаил, я стоял за ним. Толчок. Офицер положил тяжелую руку мне на плечо. Моя очередь.

Я показал ему на часы. Офицер тоже показал мне на часы. Я начал толковать на немецком языке, что мое время не пришло. Офицер удивился, открыл планшет и посмотрел на расписание. Показал мне свою запись. Я начал его уверять, что мой прыжок должен быть через несколько минут. Офицер совал мне карту, но я ему показал свою карту с отметкой, которую я нанес сам перед полетом. Из кабины пилота вышел штурман.

Он по-английски спросил офицера, почему я не прыгаю. Я тут же начал объяснять штурману, что я не должен здесь прыгать, указал ему свою отметку на карте. Штурман схватил мою карту и побежал к пилоту. Самолет резко изменил курс. Я выиграл! Они растерялись, подумали, что в штабе произошла путаница, и поверили мне. Место я выбрал не менее глухое, чем то, которое было назначено в центре.

Вышел штурман, отдал мне карту.

Офицер погрозил мне пальцем и уставился на часы.

Пришло и мое время. На этот раз я спокойно вошел в отсек, сел на катапульту. Толчок. Несколько секунд сумасшедшего полета во тьме, и парашют раскрылся. Свершилось. Я медленно опускался на землю.

Забегу вперед, ибо ко всей этой истории с прыжком и со всем, что последовало за этим, возвращаться позже будет трудно.

Отрывался я от своих спутников, как я уже говорил выше, по наитию. И только. Из недоверия к ним. О том, что произошло на самом деле, я и предположить не мог.

Сергей и Михаил были взяты на рассвете, через два часа после приземления.

Потом следователь спросит меня:

— А скажите, Сергей Тимофеевич, почему вы не явились на свидание в Смоленск? Оно было назначено на два часа дня возле кинотеатра.

— Да, такое свидание было назначено...— ответил я.— И еще одно было назначено...

За меня закончил следователь:

— Есть такой городок Таруса...

Я спросил:

— Откуда вам известно, гражданин следователь, об этих свиданиях? Они не состоялись...

Мы ждали вас там с вашими товарищами. Как только их задержали, они тут же объявили, что есть и третий. Назвали вас Владимиром... Фамилии они вашей не знали. Мы обыскали все в округе, ждали вас в местах условленных свиданий. Вы не пришли. Они сообщили вашим, что вы исчезли, и даже высказали опасение, что вы пропались...

— Они держали связь со штабом?

Я уже начал все понимать. Я получил несколько распоряжений из штаба установить связь с Сергеем и Михаилом. Назначались новые места встреч. Но я на эти встречи не пошел...

Итак, я благополучно приземлился. Ночь. Лес.

Когда рассвело, определил свое местонахождение по карте. Я опустился в смоленских лесах. Набрел на заросшее озерко, нашел камни, положил их в мешок с парашютом и все это закинул далеко в воду.

Теперь согласно инструкции я должен был выйти в эфир и сообщить по радию о благополучном приземлении. Но я решил нарушить инструкцию, опасаясь, что мою передачу запеленгуют.

Местом моего назначения было Подмосковье.

Но надо ли торопиться?

Я находился километрах в ста от своих спутников, стало быть, в относительной безопасности. Двое или трое суток я мог переждать, не появляясь в открытых местах.

Я решил взобраться на высокий разлапистый дуб, что стоял раздвинув березы и клены. Я устроился в густой кроне, соорудил что-то похожее на помост и затаился. Мне видны были озеро, тропка к озеру и недалекая лесная дорога, примятая тележными колесами.

Часов в десять утра на дороге показались двое босоногих мальчишек в темных рубашках. Они подошли к озеру с противоположной стороны. Свистом выгнали из камышей селезня, который, возмущенно крикнув в воздухе, уселся на моей стороне в камышах. Из-под куста мальчишки достали самодельные удочки.

Ночь была дождливой, но на рассвете небо прояснуло, а позже взошло солнце, пробиваясь сквозь разрывы редящих облаков.

У мальчишек бойко клевало. Они то и дело выхватывали из воды карасей размером с мужскую ладонь. В нашей Вырке на большом озере далеко не всегда бывал у мальчишек столь удачный улов.

То, что с годами заплыло, растаяло, вдруг ожило, я смотрел на них и вспоминал наше озеро, нашу неширокую речушку.

Они наловили рыбы, насадили карасей на прутья и ушли.

В полдень я заметил дым. Поднялся выше по веткам, разглядел крыши деревни и дым над трубами.

Сверился с картой. И вот сюрприз. На карте, на которой должны были быть отмечены не только все деревни, но даже и отдельные домики, этой деревни не было.

Я спустился вниз, улегся на помосте и решил ждать и наблюдать и задремал.

Проснулся сразу и никак не мог понять, что же меня испугало.

Под тяжелыми шагами хлюпала вода, ломались сухие ветки, шуршал камыш. Глаза привыкли к темноте, но в тумане я не мог различить: зверь ломится сквозь камыш или человек. И тут раздалось покашливание. Человек! Я сжимал до онемения пальцев рукоятку пистолета. Опять шаги. Человек удалился, чавкая сапогами в прибрежной трясине. По звуку я определил, что он обошел озеро и остановился на другом берегу. Раздались удары топорика. Хруст заломленного дерева.

Так это охотник делает шалаш! Что же он так шумит?

Охотник затих. Я задремал. Проснулся от предрассветного холода. Туман поднялся к макушкам деревьев, открыв водную гладь.

Быстро редела тьма. Оглушительно захлопали в камышах крылья, и мой вчерашний знакомец, криковый селезень, взвился над водой. Грянул выстрел. Я видел, как

селезень подскочил свечой, уходя от смертельного заряда, и плавно, беззвучно спланировал к камышам. Но в камыши не опустился, а резко взмыл вверх и вильнул в лес между двумя березками.

Охотник не видел, как селезень дал свечку. Он вылез из шалаша и забрел в воду. Из камыша с треском поднимались одна за другой кряковые, снялся весь выводок. Охотник громко выругался и поплыл, раздвигая кувшинки.

Он плыл к моему берегу. Это уже опасно, где-то там мешок с парашютом. Если охотник встанет, он может наступать мешок ногами.

Плыл он медленно, оглядываясь по сторонам, искал подбитого селезня. Я прицелился, проводя мушкой его голову.

Охотник приближался. Я решил, если он минует островок с лилиями, выстрелю.

Вот он сравнялся с краем белых лилий. Надо стрелять. Но он плыл. Пока он плыл, не страшно. Все ближе. Видно, не хочет ступать на дно, вязнуть в тине. И вот он вышел на берег в чем мать родила. Молодой парень лет двадцати двух. Окинул взглядом озеро и выругался, потом обошел озеро бережком, оделся в шалаше и вышел на открытое место. Сам себе охоту испортил, распугал дичь, дурак. Он остановился шагах в пятидесяти от меня.

Я не мог промахнуться. Спокойно подвел ему под левую лопатку мушку. Выстрел, и я имел бы одежду охотника, да и паспорт без липовых печатей и подписей. Озеро надежно скрыло бы тело охотника, не скоро, наверное, и хватились бы.

— Почему же вы не стреляли? — спросил меня следовательно. — Не хотели иметь за собой убийство?

— Охотника все-таки хватились бы! Нашли бы и мешок с парашютом. Из осторожности не выстрелил. Все равно по его паспорту жить не смог бы... Да и был ли у него паспорт на охоте?

В сумерках я спустился с дуба, зашел в чащу, зарыл под корнями осины рацию, золотые монеты, шифроблокноты, оставил при себе лишь средства тайнописи. Сделал затесы на дереве и пошел.

Пошел лесом по компасу, взяв направление к железной дороге.

Одежда моя была тщательно продумана моими настав-

никами. Все при мне, кроме пистолета и ампулы с ядом, было советского производства.

Простенький, поношенный пиджак, кепка не первой свежести и старые брюки. По документам я был шофер, командированный из Архангельской области в город Смоленск, — Кудеяров Владимир Петрович.

Имелся у меня еще паспорт на Сергея Тимофеевича Плошкина. Он был мне нужен только для поездки на Нижнюю Вырку.

Я шел всю ночь. К утру вышел к станции, взял билет до Москвы и сел в поезд Смоленск—Москва, в общий вагон.

Я приглядывался к пассажирам. И должен отметить, что наставники мои переусердствовали. Я был плохо одет. Бедновато! Мой костюм больше подходил для работы, чем для командировки. Мне было неловко за потертые брюки, потерявший форму пиджак и за излишне простенькую клетчатую рубашку.

Я решил, что в Москву в таком виде ехать нельзя. Сошел в Можайске, чтобы переодеться.

В одном магазинчике я купил чемодан и недорогой, советского пошива костюм. Рубашки купил в другом магазине. Хорошо, что обувь продавалась отдельно. Купил полуботинки и плащ. Отметил для себя, что пошива он был местного, стояла на нем марка Вереysкой швейной фабрики.

Свое старье выбросил на пустынной свалке.

От города до Минского шоссе несколько километров. Я пообедал в привокзальном ресторане и пошел к шоссе.

Итак, полдня на людях, и никаких недоразумений. Было от чего приободриться.

В небольшом кустарнике я расстелил карту и посмотрел, куда же мне ехать, какой назвать пункт под Москвой.

Нашел Лесной Городок. Вот и хорошо! Придорожный поселок не вызовет недоумений.

Вышел на шоссе и... похолодел! На перекрестке стоял мотоцикл и рядом милиционер. Почему он здесь стоит, кого высматривает? Не меня ли? Теперь-то я знаю, что на этом пересечении подвижной пост ГАИ. Но в ту минуту сердце у меня упало, а рука машинально поползла к тому месту, где на лямке должен был висеть пистолет. Вспомнил: сам же спрятал пистолет в чемодан. Я прошел километра три и остановился. Мчались пассажирские автобусы

высшего класса. Автобусное сообщение между городами — так я это понял. Тянулись старенькие грузовые машины, изредка проносились мимо легковые.

Я несколько раз поднимал руку, но безуспешно. На взгорке возник силуэт большегрузной машины. Через секунду я разглядел, что это был тягач для фургонов фирмы «мерседес». Я даже руки не поднял. Решил, что это рейс из ФРГ. Но машина замедлила ход. Не доезжая до меня полсотни шагов, остановилась, подрулила к обочине.

Номера на машине советские.

Я подошел к машине. Шофер стоял в раздумье.

— Здравствуйте,— сказал я.— Не в Москву путь держите?

— Здравствуйте,— ответил шофер.— В Москву и за Москву... Да вот не приехал ли совсем!

Он был явно расстроен и, как мне показалось, не знал, к чему подступиться. В помощники я пока не напрашивался. Остановился рядом, поставил на землю чемоданчик.

— Если для вас не затруднительно, прихватите меня до Лесного Городка. Это на шоссе, не доезжая Москвы.

— Сам не знаю, поеду ли.

Пока он возился с мотором, я к нему внимательно приглядывался. Значилось в моих документах, что я шофер. И он шофер.

Это был человек лет тридцати пяти. Высокий и, пожалуй, тучноватый для своих лет, он был как бы отлит из чугуна. В каждом жесте его обнаруживалась недюжинная сила.

— Замучил меня этот «мерседес»,— сказал он с досадой.— Отличный аппарат, да никто не знает мотора... И вот отказывает подкачка топлива...

Я уже догадался, в чем дело. Мерседесовские моторы мы достаточно подробно изучали. Знал я капризы компрессора.

Я скинул пиджак и засучил рукава белой нейлоновой рубашки.

— Погоди, браток! — остановил меня водитель.

Из-за сиденья он достал синий халат и подал мне.

Я надел халат и залез в мотор. Дело в общем-то пу-
стыakovое, но надо знать принцип регулировки. Я попросил пужный мне ключ. Водитель прогазовал пару раз — мотор заработал.

— А гляди-ка! Работает мотор ровно! Садись, поедем...

Мы тронулись в путь.

— Как тебя кличут? — спросил он меня.

— Владимир! — ответил я.

— Владимир. Тезки, выходит. Я тоже Владимир. А фамилия моя Соколов.

— Моя — Кудеяров!

— Хм! Разбойничек тебе, о каком в песнях поют, не сродни?

— Может быть, и сродни! Кто там в песнях-то родней считался!

Соколов засмеялся. Шутка моя ему понравилась.

— Чего же ты на шоссе оказался? — спросил он.

— Был у знакомого в Можайске, тут, неподалеку... Чего, думаю, на станцию идти... Здесь мне удобнее!

— А сейчас где баранку крутишь?

— На Севере! Надоело! Решил поближе к Москве перебраться, да вот не знаю как... Знакомый мой приглашал в Можайске работать. Потолковали, но пока не дотолковались..

В Можайске нет больших автобаз... Или тебе все равно куда? На Севере на каких машинах работал?

— На лесовозах...

— И сколько вырабатывал?

— По-разному...

Иного и не мог ответить. Мне сказали, что я могу назвать сто двадцать рублей. С этой суммы отмечены и взносы в моем профсоюзном билете, изготовленном на Тегерзее. А вдруг и здесь неувязка, вдруг и здесь ошибка, такая же, как с одеждой, как с картой, на которой оказалась необозначенной деревня!

— Ну не таись. На Север я не поеду, хлеб не перебью! Я на этих вот машинах иной раз до четырехсот рублей имею... Правда, одна беда! Сквозь командировки. Дома в редкий праздник бываю... Не веришь? Жена скоро откажется. Женат?

— Да нет, холост! — обрадовался я возможности перевести разговор с опасного для меня предмета.

Соколов взглянул на меня чуть с прищуром.

— Как это ты умудрился в наше время сохранить мужскую самостоятельность? Или в заключении был?

— В заключении не был, но на Севере давно...

— Завербовался?

Я почувствовал, как на лбу проступили у меня бисеринки пота. Простой разговор, обыденный, а какого он мне

стоил напряжения! Что ни вопрос — скрытая неожиданность.

— Завербовался...

— Значит, с деньгами... — заметил Соколов. — Не спеши, оглядись! Можно хорошую работенку подобрать. Как у тебя с корешками?

Вот оно, началось. Меня предупреждали, что я могу наткнуться на жаргонные словечки, на словечки бытовые, которые никогда по прямому смыслу не разгадаешь, которые употребительны в среде людей одной профессии. «Корешки». Что могут означать «корешки» в переносном смысле? Это могло относиться к моим дружественным связям, а могло как-то обозначать мою биографию. Мне говорили, что в Советском Союзе при поступлении на работу заполняются анкеты, где нужно указывать, кто твои родители. А что, если под словом «корешки» скрывается упоминание о родителях? Я попытался уйти от ответа вопросом.

— Какпе у вас в Рязани порядки?

Соколов мельком взглянул на меня, он следил за дорогой и переглядываться со мной не мог.

— Я и имею в виду Рязань. Если корешки чистые, то могут взять. Тем более что ты знаешь эти машины... Мы их теперь будем получать на базу... Как с жильем? Родных поблизости нет? Иначе с пропиской ерунда получится.

— На Севере у меня собственный дом... — сказал я. — Его можно продать и купить дом под Рязанью.

— Купить! Это выход... Но если под Рязанью, будут уговаривать работать в колхозе или в совхозе... Тоже работа, но у нас куда интереснее... Какой у тебя класс?

Водительское удостоверение на имя Кудеярова было изготовлено с указанием, что я водитель первого класса.

— Первый класс! — ответил я.

— Нарушений много?

— Нет!

— Покажи! — попросил Соколов.

Я передал ему водительское удостоверение. Соколов взял, выбрал удобную минуту, открыл удостоверение и тут же мне его вернул.

— Корешки у тебя чистые! На наших это подействует!

«Так вот что такое «корешки», — догадался я и вздохнул с облегчением. — Водительское удостоверение называют «корешками»!»

За разговором пробежало время. Возникла на обочине надпись: «Лесной Городок». Соколов остановил машину. Я полез в карман за деньгами, но Соколов запротестовал: — Что ты, браток! Мы со своих не берем. Ты мне помог! Запиши адрес в Рязани. Если надумаешь к нам, кое-что подскажу.

Адрес я записал. Мы простились. Я проводил глазами машину и тихо побрел на станцию.

Можно было и подвести итоги.

Благополучно совершил прыжок. Оторвался от своих спутников. Выбрался из леса, доехал до Можайска, переоделся, влился в общий поток и даже выдержал разговор с шофером.

VIII

Из Москвы я по двум адресам отправил в ФРГ открытки с условным текстом на немецком языке. Текст самый безобидный, как будто бы турист проездом сообщает о здоровье, но это означало, что я благополучно прибыл в Москву.

Радиопередатчиком я в ближайшее время пользоваться не собирался. Да и возвращаться в смоленские леса за ним пока не имел возможности. Радиопередачи, предназначенные для меня, я мог слушать по любому приемнику первого класса. Мне объяснили еще на Тегерзее, что такой приемник я могу купить в комиссионном магазине радиотоваров на Садовой, около Планетария. Магазин я нашел, удостоверился, что приемник купить можно.

Надо было где-то ночевать. В гостиницы нам не рекомендовали обращаться, особенно предостерегали против московских гостиниц. Там волей-неволей придется предъявить паспорт и командировочное удостоверение.

Я решил первые дни обойтись поездами. Взял билет до Ленинграда. Ночь провел в поезде, в мягком вагоне. Побрился, помылся. В Ленинграде пополнил свой чемодан необходимыми вещами.

Посмотрел город, прислушивался к говору, вылавливая незнакомые мне словечки, а их немало нашлось! Ночь опять провел в поезде.

А как дальше жить?

Еще задолго до заброски на моем горизонте возник Василий Васильевич Голубенко. Его личностью заинтере-

совался Виктор Михайлович, своими капалами они установили его местонахождение. Меня он уговаривал не возвращаться на родину, пугал, а сам вернулся через лагерь для перемещенных лиц. Я знал год его рождения, имя и место рождения. Адрес его получил через адресный стол. Поселился он неподалеку от Москвы в Тульской области. Заведовал молочным пунктом. Был женат.

Мне добыли очень любопытные документы: фотокопию его обязательства сотрудничать с гестапо, несколько его доносов на советских людей, находившихся в плену.

— Он паверняка скрыл от советских властей эту сторону своей деятельности,— говорил мне Сергей Сергеевич.— Если покажешь гестаповскую расписку, он твой. И приютит, и на работу устроит...

Мог я поехать к Василию, но решил остеречься. Не хотел попадать в зависимость от него.

Была и еще одна рекомендация. Поехать на Вырку и поискать, не остался ли там кто из моих бывших сверстников. На Вырке таились свои опасности. Я должен тогда пустить в ход документы на Плошкина, а если кто проверил бы, когда и как я вернулся?

Третий вариант был от начала и до конца моим: дорожное знакомство с Владимиром Соколовым.

Но прежде хотелось мне проверить: годен ли мой паспорт для предъявления официальным лицам?

Я решил рискнуть и предъявил паспорт в рязанской гостинице. Администратор посмотрел его, взял деньги за двое суток вперед, паспорт тут же вернул.

Два дня я изучал Рязань, на третий пошел к Владимиру Соколову.

Второй этаж нового дома, дверь аккуратно обита дерматином. Звонок. Я нажал кнопку. Тоже своеобразный рубеж. Я переступал порог квартиры советского человека. Открыла дочка Соколова. Вылитый отец. Те же голубые глаза, светлые волосенки. Девочке лет семь. Соколов встретил меня в спортивных брюках, в бумазейной рубашке в клетку.

У Соколова оказалась милая, приветливая жена. Мне она понравилась.

Я больше молчал и старался подметить даже малейшие детали быта.

Квартира из двух комнат. Нарядная полированная мебель. Телевизор с большим экраном. Не из плохих аппарат

и по западным стандартам. Стены оклеены простенькими обоями.

Я уловил, что хозяева очень довольны своей квартирой. Обратил я внимание на книжный шкаф. Он был до отказа наполнен книгами. Книг у Соколовых было куда больше, чем у нас с Мартой.

После ужина мы вышли на лестничную площадку покурить.

— Ну, что? — спросил Соколов. — Решил ко мне?

— Мне все едино: Рязань, Калуга или Можайск. В Москве не устроишься с пропиской. Деньги у меня есть. Думаю, что куплю дом. Мне говорили, что за городом можно купить недорого...

— Если близко к городу, дешево не купишь. А зачем тебе близко, холостому! Почитай, в месяц три-четыре дня будешь ночевать дома... А там все время в поездках! Мы сейчас ходим в дальние рейсы. В Брест, на финскую границу, а то и на Кавказ. Туда груз — оттуда груз. И не в Рязань, а опять же на другой конец света. Жизнь на колесах, но заработок хороший...

— Мне-то годится, — согласился я, — но твоя жена, наверное, в обиде?

— Я оставил бы эту работу, но, когда втянешься, на месте крутиться скучно... Ну что по городу за езда? А тут вольготно, просторно. И на дорогах уважение: встречные к обочине жмутся. Дальний рейс. Страну поглядишь, не нужно туристских путевок. Жена два раза отпуск со мной в поездках проводила... Как мы будем? Сначала дом присмотришь или сразу на базу?

— Наверное, надо дом купить...

— Ну, это мы мигом найдем! Ты у меня остановишься?

У меня номер в гостинице! — ответил я как о деле, совсем для меня обычном.

— Перебирайся! Чего деньги на ветер бросать!

Я перебрался к Соколовым. Чтобы не быть в тягость хозяевам, предложил деньги Владимиру. Но тот обиделся:

— Это что же, у вас так на Севере принято? Друг в гости, а с него деньги?

Через два дня подъехал к дому «Москвич». Олег Иванович, так звали друга Соколова, поехал с нами. Они где-то раздобыли адрес дома, который срочно продавался.

Дом как дом, километрах в двадцати от города. С Рязанью автобусное сообщение. Сорок минут — и в городе. Сговорились с хозяйкой, тут же и оформили покупку в

сельсовете. А для меня еще один рубеж. Я второй раз предъявил официальным лицам свой паспорт: председателю сельсовета и секретарю. Очень я опасался этой минуты. Отдал паспорт, а сам осторожно переместился к двери, чтобы иметь возможность выскочить и бежать.

Теперь нужно было идти на базу и устраиваться на работу, а потом прописываться в милицию. Неуклонно приближались два самых ответственных момента: предъявление трудовой книжки в отделе кадров базы и паспорта в милиции.

И тут мне неожиданно-негаданно повезло, да так, что и ни в сказке сказать, ни пером описать. Повезло, а вместе с тем и надолго отсрочило мое понимание жизни на русской земле.

Соколов сказал мне:

— Механику я тебя рекомендую! Хороший человек, он любит тех, кто знает машину! Он тебе сразу «мерседес» даст... Но вот кадровик наш...

Соколов замялся. Поглядел на Олега Ивановича.

Олег Иванович старше нас лет на пятнадцать. Седой, худощавый и молчаливый.

Он пожал плечами в ответ на взгляд Соколова.

— Кадровика нашего, Игоря Ивановича Кондалакова,— продолжал Соколов,— не всегда поймешь... Иные думают, что он капризный, иные и по-другому говорят... Я устроился с ходу. Но слушок идет: на деньги падок!

— А сколько ему дать денег? — спросил я, понимая, что речь идет о взятке.

— Говорят, что берет за устройство триста рублей! Не проверял — не знаю.

— Говорят так! — подтвердил Олег Иванович.

Решили, что я сам зайду к кадровику. Представляюсь по всей форме, внимательно рассматриваю собеседника. Он невысок ростом, кругленький, как шарик. Черные смоляные глазки, косматые брови топорщатся над дужками очков.

— Откуда? — спросил он меня.— Кто рекомендует?

— Родился в Калужской области...— начал я свою легенду.— На Вырке...

— Что это — Вырка?

— Озеро Вырка, и деревня на озере тоже Вырка! Места знаменитые... Там еще при Петре Первом русский заводчик Демидов свои заводы построил...

— А ты что, тому заводчику сын или племянник? Работал где, я спрашиваю?

Я объяснил, что работал на Севере, подал ему трудовую книжку и водительское удостоверение.

— Ничего...— протянул он.— Первый класс... Большие машины водил? Так вот,— заключил он,— запросим на тебя характеристику. Анкету заполняй, а мы подумаем!

И его глазки-буравчики уставились на меня.

— Я, Игорь Иванович, человек понимающий! С Севера иду сюда не заработок искать, надоело жить в лесу с медведями... Вы мне помогите, а я вам!

— А чем ты мне поможешь? — спросил Кондалаков.— Что у тебя за власть в руках? Или ты скрытый принц? Оклад мне повысишь своей властью?

Надо же, сам об окладе заговорил... Я уже заранее приготовил тысячу рублей крупными купюрами, в конверт их уложил, конверт запечатал.

Я вынул конверт из кармана и положил на стол.

— Говорю вам, Игорь Иванович, я человек понимающий...

Тю, сдурел! — воскликнул он.— Кто же это так делает!

Но конверт кинул в ящик стола.

— Иди! Завтра зайдешь! Тогда и поговорим...

Я ушел.

Пойдет на меня доносить? Завтра? Нет, ни сегодня, ни завтра не пойдет! Если бы захотел в милицию обращаться, то самое время, когда у него в кабинете был, а конверт лежал на столе.

Утром он мне передал анкету. Я ее заполнил. Он прочитал ее внимательно и спросил полупшепотом:

— Как с пропиской? Оформил?

— Надо сначала устроиться с работой!

— Ладно! Прописку я устрою, у меня есть друзья где надо! Кто-нибудь из наших знает тебя как водителя?

— Соколов...

— А-а-а... Понятно! Характеристику можешь не просить. Сами тебя здесь узнаем. Иди к механику, договаривайся о рейсе. В первый рейс пойдешь напарником с Соколовым...

Паспорт и трудовая книжка остались у Кондалакова. Последние волнения, последний мой рубеж. Ночью в доме не ночевал. При доме небольшой садик, в садике сарай. В сарае я оборудовал засаду. Постелил сено, там

и сторожил, засыпал только к утру Ждал, что вот-вот подъедет на машине милиция и постучит в дверь.

Трое суток не спадало напряжение.

Наконец решился, позвонил Кондалакову. Разговаривал он со мной ласково.

— Молодец, милый, что с утра позвонил! Готовься завтра в рейс. Зачислен с сегодняшнего дня.. Иди к механику.

Но я не переставал опасаться. Под пиджаком пришил лямку, на ней — пистолет. Выхватить и пустить в ход секундное дело. Вошел в кабинет к Кондалакову, он молча протянул мне приказ о зачислении шофером автобазы и паспорт с отметкой милиции. Проскочил в игольное ушко!

Мне помог невероятный, редчайший случай. Я благополучно проскочил сквозь первый разговор с Соколовым. Надо же, чтобы он сидел за рулем тягача именно этой фирмы, чтобы я его повстречал на дороге, когда разрегулировался компрессор, чтобы он проникся ко мне уважением, чтобы он по натуре был добрым и отзывчивым человеком.

Надо было случиться, чтобы кадровик Игорь Иванович Кондалаков оказался взяточником, а механик автобазы — человеком, беспредельно доверяющим Соколову.

На этом пункте, на фигуре Кондалакова, вспыхнул наш первый спор со следователем.

— Как вы считаете, Сергей Тимофеевич, — спросил меня следователь, — устроились бы вы на работу, если бы не попался на вашем пути Кондалаков?

— Не знаю... — ответил я без особой уверенности. — Быть может, и не устроился бы... Но если бы не Кондалаков, наверное, нашел другого такого же?

— Это как сказать! — отпарировал следователь. — Такие люди, точнее сказать, отбросы общества могут быть в любом мире...

— А может быть, потому, что они безнаказанны... Если бы вы не нашли меня, вы не нашли бы и Кондалакова!

— Такого рода преступления не входят в круг наших забот... Его давно нашла милиция, но по нашей просьбе некоторое время его не трогали! Из-за вас не трогали... А вы очень старались, чтобы мы вас никак не нашли. Вы даже шли на обман своих руководителей, лишь бы не по-

пасть в поле нашего зрения... Вернемся к приказам встретиться с вашими спутниками, которые вы получили уже после установления связи с вашим штабом...

Вы хотели меня поймать с помощью моих коллег?

— С их помощью мы удостоверились, что вы в нашей стране.... Теперь мы знаем, что вы им не доверяли, поэтому и не являлись на свидания. Тогда нам многое было непонятно! Милиция напала на след взяточника. Начали пересматривать его дела и натолкнулись на вас. В милиции сразу установили, что ваша трудовая книжка — фальшивка... Еще легче оказалось установить, что фальшивка и ваше водительское удостоверение... Милиция передала нам фотографию из личного дела. Ваши коллеги опознали вас. Все просто, Сергей Тимофеевич! Но мы не торопились с арестом, нам надо было приглядеться к вам, к вашей работе, к вашим знакомым, поэтому был отсрочен и арест Кондалакова...

IX

Город еще спал, когда мы с Володией Соколовым тронулись в путь.

Дорога из Рязани в Москву скучноватая. Поля да поля, придорожные деревни.

Наконец, вот и кольцо вокруг Москвы. Инспектор ГАИ дал знак остановиться.

Я запустил руку за борт пиджака и положил ее на рукоятку пистолета. И пока Соколов объяснялся с милиционером, меня бросало то в жар, то в холод. Мы не нарушили правил движения — почему он нас остановил?

Милиционер проверил путевой лист, водительское удостоверение, заглянул в фургон и махнул жезлом, разрешая движение.

— Здесь всегда проверка! — объяснил мне Соколов. — Если идешь порожняком, могут дать попутный груз...

Пообедать мы остановились на восемьдесят четвертом километре от Москвы, в придорожной столовой.

Соколов подошел к буфетчице как к старой знакомой. Он передал ей какой-то сверток, она расплылась в улыбке и горячо его поблагодарила.

Он подозвал меня и познакомил с буфетчицей.

— Просила меня, — объяснял он, — достать лекарство.

Его трудно здесь достать, а в Риге всегда есть. Будут тебя просить, тезка, постарайся за меня.

Пообедали, вышли на площадку, где стояла наша машина. С площадки был виден памятник. В дороге Соколов несколько раз упомянул, что мы будем обедать «у Зои». Как я должен был истолковать его слова? «У Зои» — стало быть, у какой-то знакомой Соколова. Вопросы задавать не стал. Когда он знакомил меня с буфетчицей, он не назвал ее, я мог предположить, что она и есть Зоя.

По площадке двигалась толпа пионеров. У вожатого через плечо был перекинут на ремне магнитофон, в руке он держал микрофон для записи. Вожатый вдруг направился к нам, пионеры мгновенно окружили нас.

Вожатый поздоровался и объявил:

— У нас, товарищи, экскурсия по местам боевой славы. Пионерский отряд имени Зои Космодемьянской. Мы решили опросить здесь случайных прохожих, что они думают о подвиге Зои. Скажите, вот вы, — он обратился к Соколову и ко мне, — вы здешний или проездом?

Я ответил, предчувствуя опасность, но еще не догадываясь, с какой стороны она грянет.

— Из Рязани? — переспросил вожатый. — Очень интересно! Скажите нам, Владимир Петрович, что вы думаете о подвиге Зои Космодемьянской?

С автоплощадки был очень хорошо виден памятник. В полный рост девушка в телогрейке, с винтовкой за плечом. До меня вдруг дошло, что «обедать у Зои» означало обедать в столовой возле памятника Зое Космодемьянской. Но это была лишь догадка. У меня не было уверенности, что это ей памятник. А тем более я не знал, в чем заключается ее подвиг. Я не мог сказать, что я ничего о ней не знаю, — это сразу вызовет недоумение не только у пионеров, но и у Соколова, а это мне грозит полным и немедленным разоблачением.

Микрофон смотрел мне в рот.

— Подвиг... — медленно выговорил я, изобразив на лице раздумье.

— Одну минутку! — перебил меня вожатый. — Мы уточним вопрос! Что вы знаете о ее подвиге?

Холодный пот простегнул змейкой мне спину, острая боль пронизала мне сердце. Но я не смел, не смел вдаваться в панику. А что делать? Ключи от зажигания в кармане у Соколова. Выстрелить в него, выхватить

ключи и, пользуясь замешательством, в машину — и ходу до ближайшего леса. А лес недалеко!

С трудом я выдавливал из себя ничего не значащие слова, которые были для меня хотя бы короткой отсрочкой гибели.

— Подвиг — удел избранных... — мямлил я, — не умею я говорить.

Спасло меня вмешательство Соколова.

— По-моему, — включился он неожиданно, — это было в декабре сорок первого года, перед Новым годом! Партизанский отряд перешел линию фронта, чтобы уничтожить военные объекты перед нашим наступлением... Я так говорю?

Микрофон мгновенно отодвинулся от меня, теперь он был нацелен на Соколова.

— Все так. Дальше?

— Здесь неподалеку деревня Петрищево, — продолжал Соколов. — В Петрищеве Зоя подожгла конюшню и склад с оружием, но ее схватил немецкий часовой... Ее зверски пытали, она не дала никаких показаний, и ее повесили в Петрищеве... Было ей восемнадцать лет...

Я отступил, замешался в толпе и скрылся за машиной.

Вот когда я по-настоящему испугался. Испугался я не провала. Передо мной впервые разверзлась пропасть, разделявшая меня и вот этих пионеров. Я приехал сюда делать революцию, мои наставники убеждали меня, что мы работаем на будущее, на них, вот на этих пионеров. Что же мы противопоставляем их идеалам, идеалам этой девочки в телогрейке с винтовкой за плечами, которая сложила голову за будущее, за свободу?..

— Когда вы усомнились в справедливости ваших намерений? — спросил меня следователь.

Я не задумываясь сразу ответил:

— У памятника Зое...

Да, там я по-настоящему испугался и задумался. Мои наставники ничего не сообщили мне о Зое Космодемьянской. Упущение в подготовке к работе в Советском Союзе? Упущение. А как они могли исправить это упущение? Воспитывая меня в ненависти ко всему советскому, разве они могли рассказать мне правду о советских героях? Это вынужденное упущение.

Передо мной стояла задача: обучиться у Соколова

совершать дальние рейсы, осмотреться, чтобы можно было одному предпринимать такие поездки. И я, отбросив раздумья о далеком, обратился к близкому.

К вечеру где-то на подъезде к Смоленску, возле тихого хуторка, Соколов остановил машину, сказал:

— Мне здесь надо занести посылочку!

Крайний дом — невзрачная избенка, крытая соломой. Изломанный старый вяз у крылечка. Пустые грачиные гнезда в его разлапистых ветвях. Камень вместо ступеньки.

Нам долго не открывали. Наконец послышались шаркающие, очень медленные шаги.

Соколов крикнул:

— Бабушка Матрена! Это я! Володя! Откройте!

Рука шарила в поисках засова. Что-то это вдруг мне напомнило? Далекое-далекое детство. Я никогда этого и не вспоминал. А тут вот выплыло. Бабушка моя. Она умерла, когда я был совсем маленьким. Бабушка ходила, так же шаркая ногами, не в силах оторвать их от пола. Полуслепая, она брала все на ощупь, опиралась руками о стены, о стол, о печку, о деревянные косяки. Дохнуло на меня прошлым, теплым детством моим...

Открылась дверь. На пороге согбенная фигура в черном. Вечерело уже, не очень различимы были черты лица, но в глаза бросились глубокие морщины, сжатые губы, потухший взгляд.

— Слышу, Володюшка! Спаси, бог!

Соколов протянул ей сверток.

Матрена приложила ладонку к глазам, ее взгляд остановился на мне. Я кивнул головой ей, здороваясь. Но она никак не ответила на мое движение. Она или чувствовала мое присутствие, или различала мои смутные очертания.

— Володюшка! — Она коснулась руки Соколова. — Ты один, или мне кажется?

— Со мной мой товарищ! Тоже Володя! Кудеяров Володя! Я ему накажу, чтобы он всегда к тебе, бабушка, заезжал!

— Ты подойди, сынок! — позвала она меня.

Я подошел. Бабка провела по моему лицу рукой.

— Живой человек! — утвердилась она. — А они, Володюшка, опять ко мне приходили. Только вот перед тем, как тебе приехать! Я под вязом стояла на закате солнца. Когда солнце светит, я его свет на небе различаю.

Гаснуть оно начало. Повернулась я к дому, а они у крылечка стоят. Старшенький ногу на камень поставил, вроде на порог собрался ступить. И слышу промеж собой шепотком разговаривают. Прислушалась, голоса различаю. У каждого свой голосочек, а вот что говорят, никак не пойму. Не слышу, и только! Замерла я и не шевелюсь. Знаю, не раз так было, только пошевелюсь или слово молвлю, они сразу и уходят. Колыхнутся и растают в воздухе. Я стою тихо, они у порожка шепчутся. А тут солнце присело, и окошко у меня светом вспыхнуло. Загорелось, как на пожаре, окошко, а на них свет упал. Каждого в отдельности вижу.

По морщинам побежали слезы.

Ушли, как тебе приехать! Спаси тебя Христос, Володюшка, старую не забываешь.

Сгустились сумерки, но еще были различимы и лес на взгорке, и домики в деревне, блестела лента Днепра.

Соколов от волнения не мог говорить; когда мы подходили к машине, пояснил:

— Было у нее четверо сыновей и муж. Все ушли на войну.— Он с трудом подбирал слова.— Все ушли, и хоть бы один вернулся...

Х

Октябрь.

По земле прошлись первые заморозки. Зарделись, набрали красноту ягоды боярышника, шиповника и рябины.

Клен покраснел, березки пожелтели, ели и сосны простегнули это осеннее буйство огня стежками неумирающей зелени.

Я шел с Бреста на Минск, с Минска на Смоленск. Колеса, не уставая, наматывали ленту асфальта; бесконечная дорога, бесконечные мысли. Выпадали минуты, когда я забывал о своей жизни на чужбине, забывал обо всем, что меня связывало с тем миром, мной владели сегодняшние немудреные заботы. По дороге из Бреста заехать к бабке Матрене. Это и для меня стало обычным. В Смоленске я купил мягких батонов, пакет сахарного песка и пачку какао. Конфет она не употребляла, любила к чаю варенье. Нашел я банку варенья из черноплодной рябины.

Поворот, дорога на изволок и под горку! Ба! Да к бабке гости съехали. Я сразу признал машину Володи Соко-

лова, ленинградскую машину Тараканова, и еще стоят чьи-то три машины.

В первое мгновение я обрадовался этой встрече. Один, всю дорогу один, в дорожных встречах я был скуп на разговоры, а тут вот они... Я чуть было не сказал — друзья. Я не имею права употреблять этих слов. Короче говоря, люди, которые обогрели меня своей добротой, к которым я уже искренне тянулся, но которых я и боялся. Не только боялся. Мне перед ними было стыдно, если бы раскрылось мое подлинное лицо!

Я обрадовался, но тут же и испугался. К этому привыкнуть было просто невысказано, каждая случайность казалась мне неслучайною. Съехались. Все сразу и в один час? Совпадение? А что стоит за этим совпадением? Но возвращаться поздно, меня увидели и ждали.

Я подрулил к заднему фургону.

У крыльца наши ребята и здешние старушки. Я положил в сумку гостинцы и бодренько направился к крыльцу.

Соколов почему-то очень сдержанно кивнул мне головой. Да и другие поздоровались также скупно. Я остановился в растерянности. Соколов взглянул на сумку, на меня и покачал головой.

— Ты ничего не знаешь? — спросил он меня.

Я отступил чуть в сторону, чтобы свободнее было в случае чего бежать.

— Умерла бабка Матрена! — объявил Соколов. — Нас позвали.

Отлегло от сердца, а другое сейчас же привалило. И бабку Матрену нестерпимо жаль, хоть и неродной она человек, и за себя обидно.

Да что же это за мука такая, ждать каждую минуту беды и катастрофы, прятать свои чувства!

Неродная мне она, казалось бы, чужой человек, и не жалость меня к ней привязала. Воистину говорят, что любим мы тех, кому добро делаем. Какое уж особое добро, несколько раз завез гостинцы, а привязался к ней.

Внезапным получился перепад из одного состояния в другое, от испуга к горестному удару. Поэтому, наверное, на глазах у меня навернулись слезы. Соколов заметил и отвернулся, чтобы не смущать меня.

Мы подняли гроб. Недалекий путь, на горке кладбище — островок замшелых елей.

Опустили гроб и забросали его землей. Кто-то из со-

седок бабки Матрены воткнул в изголовье деревянный крест, сбитый из березовых брусков.

А у меня в горле комок. Вспомнилось, как хоронили мою мать на чужой земле.

Мы молча побрели с кладбища.

Я отстал. Тяжко было на душе. Устал я от постоянного страха, от опасений. Нет, опасность не щекотала мне нервы, как я это представлял себе в разведшколе. Быть может, я не годился в современные супермены? Не тот характер? А быть может, супермены жили только в экранном мире, в воображении режиссеров гангстерских и шпионских фильмов. В жизни все это выглядело не только страшнее, но и унижительнее.

Из тайника неподалеку от Бреста я извлек пачку листовок НТС. Я имел указание распространить их в месте массового скопления народа. Чемодан с листовками лежал у меня в машине, под сиденьем. А что, если бы сейчас обнаружили эти листовки, именно сейчас, на глазах вот этих людей, с которыми я проводил в последний путь бабушку Матрену? Какое бы это вызвало у них ко мне презрение, подумал я. Это было бы куда страшнее, чем предстать перед следователем КГБ!

...Заурчали моторы. Одна за другой, развернувшись в последний раз возле домика бабки Матрены, машины двинулись в дальние рейсы. Я тронулся последним...

Утром — Калуга.

Я поставил машину на окраине Калуги под разгрузку и пошел в город. Никого не расспрашивая, словно никогда и не уезжал отсюда на долгие годы, я вышел к рыночной площади, а оттуда рукой подать и до моста через Оку. Я его помнил деревянным, выброшенным на баркас с берега на берег.

С горы открылась иная картина. Широкий асфальтированный проспект плавно переходил в высокую дугу моста, дорога круто уходила вверх сквозь Ромоданово.

Тогда мы в город ходили пешком, лесной дорогой по берегу Оки.

Теперь я видел на рыночной площади автобус с надписью «Калуга — Кераказово». Этот автобус должен проходить где-то вблизи от наших мест. Но я пешком той же дорогой, что и в детстве, через Ромоданово, через Рождествено, а дальше лесом на Верхнюю Вырку.

Сегодня я не Владимир Кудеяров, а Сережа Плошкин, Сергей Тимофеевич Плошкин. С чем я иду, что несу моим родным полям и перелескам, товарищам моих детских игр: Танюше, Грише Степанову, Вальке Трусову, Тольману? Что я несу всем тем людям, с которыми прожили здесь жизнь мои мать и отец?

Когда дохнули на меня родные леса, когда я оглянулся с ромодановской горки на город, на купола его церквей, на сверкающие на солнце окна домов, выстроившихся над берегом, на силуэт неожиданной для меня здесь космической ракеты, я почувствовал, что не туда завела меня жизнь, что моя родина здесь и никакая другая земля не заменит ее. За что же я должен навлечь на земляков моих уничтожающий атомный огонь, которым грозил Сергей Сергеевич, мой наставник и руководитель? Разве они мало страдали, мало выпало этой истерзанной земле испытаний?

Вот оттуда, из-за Спаса-на-Угре, вышли машины, груженные немецкими автоматчиками в железных касках, переправились на наш берег и въехали в деревню, и мою мать погнали в рабство.

Сергей Сергеевич каждый раз допытывался, есть ли у меня ненависть. Не случайно допытывался. У меня не было ненависти к родным полям и перелескам, к родному моему городу на Оке, у меня не проснулась и не могла проснуться ненависть к Володе Соколову, ко всем моим новым товарищам, и разве мог я занести руку на бабу Матрену, на ее свежую могилу?

...Вышел на дорогу и ускорил шаг. Да, все так же, все вспомнилось. Тот же длинный порядок изб, спускающихся к плотине, а вон и гладь озера. Но вот здесь, в стороне от изб, стояла просторная изба, в ней клуб. Мы, школьники, выступали на сцене, ставили какие-то сценки под руководством Евдокии Андреевны. Теперь тут появился какой-то памятник. Я подошел и прочитал надпись:

«Здесь покоится прах народной учительницы Евдокии Андреевны Посельской, зверски казненной фашистскими захватчиками 6 декабря 1941 года».

Я не надеялся ее встретить, была она старенькой уже в те годы, когда я учился, а с тех пор прошло немало лет. Она могла умереть своей смертью, по могла и дожить до наших дней. Но этого я не ожидал. Зверски казненная...

Рука невольно потянулась к фуражке. Я постоял перед могильным холмиком в молчании...

Плотину заново укрепили, сделали выше, соорудили бетонный спад для воды. Озеро разлилось, я его таким широким и полноводным не помнил. Дубовая роща отражалась в гладком зеркале воды, у плотины гремела вода, воздух от водяных брызг был влажный и пьяный.

Ниже плотины остались от прежних времен небольшие бочажки. Стояла в них непроточная вода. Мы сюда приходили ужей ловить: самое их гнездовье. Не вытерпел, свернул к бочажкам. И тут же вот он, старый знакомец, выполз серой лентой на тропку погреться на солнышке. Он лениво заскользил в траву. Я ему дорогу из вежливости уступил. Пусть ползет!

Изменился лес. На полянке, где молодая поросль торчала, вытянулись белоствольные березки, вымахали: макушки разглядеть захочешь — шапка с головы свалится.

В лесу переговаривались дрозды, собрались в отлетные стайки. А вот и зимородок. Здесь вода близко, и зимородок объявился среди деревьев. Редкая, как говорил мне отец, птица.

Мостик через речку, прошумели под ногами не собранные скобами бревнышки, поворот, и вот деревня.

Я остановился. Слезы душили меня.

Там, где стоял наш дом, заросла бурьяном груда битого кирпича, одичали яблони, подобрались к ним молоденькие тонконогие березки.

Рядом дом, где жил когда-то Гришка Стеланов. Дом новый. Строились на пепелище. И в ряду все новые дома, только каменный дом, где раньше была сельская лавка, остался прежним.

Трудно даже сообразить, в какой избе мне искать мою подружку Таню Плошкину, ежели она вернулась из тех краев, куда и меня угнали.

Пошел по улице под развесистыми ветлами. Но время рабочее, никого на улице нет. Постучался в дом, где раньше жил Тольман. Вышла ко мне незнакомая женщина. Спросил, где живут Лебедевы, не слыхала ли она про Толю Лебедева. Знает Лебедевых, как не знать, у них она дом купила. Старики уехали к сыну Анатолию Дмитриевичу, он давно в Москве живет, но каждый год летом приезжает на Вырку отдохнуть. И этим летом приезжал на собственной машине. На берегу Оки ставил палатку, в палатке и жил.

Тут мне нечего было опасаться, признался, что родился я в этой деревне, а после войны не случилось побывать. Разыскиваю, дескать, своих школьных приятелей. Хозяйка улыбнулась.

— Мы тут люди новые. Загляните к соседям. Баба Прасковья всех тут знает и помнит.

А чего же заглядывать? К нашему разговору баба давно прислушивалась с крылечка.

— Никак Сережка Плошкин заявился! — воскликнула она и, прихрамывая, пошла мне навстречу.

Сейчас она баба, а я помнил Прасковью Ивановну женщиной средних лет, была чуть старше моей матери. Гришка Степанов ей племянником приходился.

— Я тебя сразу признала, на мать схож. Где пропадали? Ждали мы тут вас...

— Мать в плену умерла, а я на Севере жил...

— Раскидала жизнь. На отца похоронная пришла в конце войны. А Танечка не вернулась... Сказывали, померла там от голодной жизни... А вот про тебя слыхом не слыхали. Гришка, мой племян, генерал ноне. Командует где-то. Я тебе адресок дам. Он про Толика тебе опишет, они друзья...

Спросил я и про Вальку Трусова.

— Ну, этот... Этот поболее других учинил. На всю страну футболист известный! По радио часто поминали. Тоже где-то в Москве. Гришка все тебе опишет.

Обратно я решил идти нижней дорогой, краем леса, мимо «провалов» и берегом Оки через Гремучий колодец.

Тут своя легенда...

Сеча на горке, где рубились восставшие с царскими войсками, как сказывали, была жестокой и долгой. Кровь лилась рекой, кровь пропитала землю, земля не приняла кровь, кровь пробил в земле ручей, а ручей открыл подземный родник, который с той поры и бьет из-под бугра, что ниже сечного поля. Гром битвы — Гремучий колодец.

Родник был светлым, вода в нем прозрачной, но мы, мальчишки, знали, что если воды набрать в ведро и вскипятить, то вода станет красной.

Нижняя дорога бежит лесом, потом выбирается на пойму. День теплый, солнце со светлого неба пригревало.

На пойме я оробел. Так все изменилось, что я усомнился, найду ли я Гремучий колодец и родниковое озеро на опушке леса.

Здесь когда-то в пояс росла трава. Пойма распахана, пожелтела земля, усыпанная остатками кукурузных листьев, а чуть подалее торчали головки капусты. Там, где бежал ручей из Гремучего колодца, заложена металлическая труба. Вода стекает по трубе, от большой трубы целая система труб мелкого сечения — оросительная система. Заставили на себя работать Гремучий колодец. Но озеро сохранилось. Родник бил из глубины его. Мы пробовали достать дно шестами, но не хватало длины шестов. Воду здесь не пили. Не решился я и теперь зачерпнуть горсть, хотя во рту пересохло и пить хотелось.

Я остановился над родничком. Из глубины выбивались тугие жгуты водяных струй, играли буруны над горловиной родника. Внизу дымился ил, оседал темным облаком на крутой срез провала, доверху вода его не доносила, вверху струи были светлые и прозрачные. Бережок зарос осокой, вода колыхала ее корни.

Я присел на бережку отдохнуть и подумать, но тут же услышал машину, — легковая машина шла по дороге из Нижней Вырки, — поправил ляжку с пистолетом, — настороженность приучила меня действовать почти автоматически. Хотя тут-то чего бояться? Объявился Плошкин, и все...

Из-за поворота выскочил «газик» и остановился шагах в пяти от меня. В «газике» за рулем сидела молодая женщина, почти моя ровесница. Она выскочила из машины и пошла прямо ко мне.

— Сережка! — воскликнула она. — Плошкин? Ты? Думала, уж и не догоню, в лес, боялась, ушел. Здравствуй!

Черненькая, волосы как смоль. Собраны в пучок на затылке, выются, вырываются кудряшками. Ростом чуть пониже меня, подвижная, худенькая, легкое пальто облегает почти девичью фигуру.

Черные глаза пристально уставились мне в лицо. Я встал. Никак не мог угадать, кто же это.

— Не признал? Эх ты, Плошкин... Галку-грачонка забыл?

Забыл! Совсем забыл.

— Ты с Нижней, а я с Верхней Вырки... Ты четвертый класс кончил, а я второй! Да что же ты? Неужели совсем забыл? Мы в клубе выступали... Ты был зайцем, а я грачонком... Я еще клюв потеряла, а Евдокия Андре-

евна мне его прямо на сцене веревочкой привязала. Когда вас угонять собрались и к клубу пригнали, я за забором в лопухах пряталась... Я как услышала, что побывал ты у нас, так на машину и за тобой... Что же ты сюда глаз не кажешь? Не к добру перед родными местами голову задирать! Откуда ты?

— Откуда? — переспросил я Галю. — С Дальнего Севера...

— Ты был там в заключении? Мне можешь сказать...

— Нет! Меня вернули в сорок пятом году... Учиться было поздно... Я кончил шоферские курсы и завербовался на Север...

— Почему не вернулся сюда?

К кому? Мать умерла, я похоронил ее в чужой земле. Отец убит...

— Ох, Сережка, Сережка! Больно ты легко от родной земли отказался. Должно быть, неправду говоришь? Натворил что?

— Да нет! Ничего не натворил...

Галя покачала головой.

— Здесь ты не нашел бы выгодной работы. На Севере больше платят. А нам тут пришлось после немцев все поправлять... Господи, как я ждала тебя!

— Ты меня ждала?!

— Так, по детской глупости... Я тогда из всех мальчишек тебя выделяла. Постарел ты, выцвел малость, а вот сразу узнала! Я здесь в совхозе агрономом... А у тебя какая наука?

— Говорю — шофер, первого класса шофер...

— Садись! — пригласила она меня в машину. — В Калугу?

Машина поехала полевой дорогой.

— Ты что там делал, в Германии?

В крестьянском хозяйстве работал...

— Это ближе к хлебу. А Таня на фабрику попала... Там химия. С голоду да от отравления умерла. Написал ее родным один из тех, кто уцелел и вернулся. У него на руках девчонка и померла. Голодно было?

— Работа была тяжелая. Мать от сердца умерла...

— Схорониться бы вам в лесу... К Новому году их отсюда выбили. Последние дни лютовали, готовились деревню сжечь дотла... Грозились всех живьем сжечь. Евдокию Андреевну казнили. Расчистили около дуба площадку, с сука спустили веревочную петлю... Согнали всех

на улицу... Фотографировали... А в это время на них нагрянул лыжный батальон. Солдат выбил ящик из-под ног Евдокии Андреевны, но никто из них отсюда не ушел...

— За что ее? — спросил я.

— Старая история... Евдокия Андреевна ненавидела мелких хозяйчиков и очень активно агитировала за колхоз. Была тут с одним у нее в те давние годы схватка. Был он противником колхозного хозяйства, его раскулачили...

— Я этого ничего не помню...

А я разве помню, рассказывали мне... Он донес немцам, что Евдокия Андреевна встречается с советскими разведчиками.

Мы долго молчали, а потом Галя стала уговаривать меня перебираться с Севера к нам в совхоз. Обещала работу и мне, и жене моей. Гале я сказал, что женат, несколько изменив легенду. Я считал, что это последняя наша встреча.

Она дала мне московский телефон Анатолия Лебедева, советовала к нему заглянуть, дескать, он не раз вспоминал обо мне, горевал, что я погиб.

— Обрадуется! — уверяла меня она. — С ним посоветуйся. Нельзя замыкаться на длинном северном рубле...

Простились мы с ней в Ромоданове. Она поехала на центральную усадьбу, я пошел пешком в город к машине.

Уехал с твердым намерением больше на Вырку не приезжать. Здесь мне было невыносимо скрывать свое второе лицо.

Отъехал от города, остановился у леса, там, где прятал чемодан с листовками.

Осторожность в этих делах не мешает. Я внимательно огляделся, подождал, потом пошел в лес, вытащил из кучи хвороста чемодан, отнес его в машину.

Какова бы, скажем, была реакция Соколова на такую листовку? Он даже не возмутился бы, ему это показалось бы смешным, и только. Содержание листовки не вызвало бы у него даже желания полемизировать.

На кого же рассчитаны эти листовки? Я подумал о Кондалакове. Взяточник, жулик. Как бы он отнесся к призывам в листовках? Под себя он греб, натаскал всякого имущества, был заражен болезнью предпринимательства, которая согнала нас с Мартой с насиженного места

и толкнула на авантюру. Быть может, на таких, как Кондалаков, все это и рассчитано? Но что он мог? Взятку получить? А к серьезной коммерческой деятельности он не готов, да и не нужна она ему.

Так куда же мне деть эти листовки? Инструкция гласила, что разбрасывать их надо в местах большого скопления народа... Ну что же, сказал я себе, подождем подходящей минуты, там и решим...

В Москве я брал новый груз. Пока загружали машину, выдалось у меня несколько часов свободного времени. А почему бы, спросил я себя, мне не встретиться с Толей Лебедевым? Вечером я позвонил ему из автомата. Как это ни странно, но я узнал его по голосу.

— Здравствуй, Толя! — сказал я. — Говорит Сергей Плошкин...

Пауза. Не очень длинная, но пауза.

— Как, как? — переспросил он. — Плошкин? Сергей? Это какой же Сергей Плошкин? Неужели Сережка?

— Я...

— Откуда ты взялся?

— Побывал недавно на Вырке, про тебя наслышался...

— Вот что, Сережка, Сергей! Немедленно, сейчас же бери такси и мчись ко мне! Адрес знаешь?

— Как пишется адрес, знаю, а вот где твоя улица, как дом твой найти?

— Улица известная! Назовешь мой адрес шоферу такси — найдет. Я Гришке Степанову позвоню! Может, и он подскочит, если свободен, а не на заседаниях! Он теперь личность важная! Недавно ему присвоили звание генерал-майора! Жду!

Вышел я из автомата на площадь трех вокзалов и остановился на краю тротуара.

Куда я собрался? С ума, что ли, сошел?

Быть может, генерал-майор Гриша Степанов не придет на мое счастье! А что я буду плести Толе Лебедеву? Легенду о Севере?

Нет! Я не могу идти на эту встречу. Дороги к ним навсегда для меня закрыты...

Легла зима.

В морозные и снежные дни выпала мне поездка в южные края. Решил я повестить Василия Голубенко. Если для своих земляков я отверженный, то для него я в какой-то степени сотоварищ.

Поблизости от станции, где он жил, застала меня метель. Я поставил машину на шоссе возле крайнего дома, попросил хозяина присмотреть и пошел пешком к Василию. Надо было пройти километров пять.

Машину на шоссе оставил из осторожности, чтобы не подглядел ее номера мой «друг». Спрятал я форменную фуражку под сиденье, надел заячий треух. Устраивала меня и метель, в случае чего следы мои заметет. Воистину шел на «дружескую» встречу!

Открыл дверь Василий не спрашивая. Всмотрелся в меня, но в темноте не узнал.

— Здравствуйте, Василий Васильевич! — приветствовал я его с наигранной почтительностью.

Узнал он меня по голосу.

— Сережа?

— Я самый!

Дверь приоткрылась. Василий вышел на порог. Отлянулся. Ни зги не видно, густо крутила метель. Ветер рвал и гудел, вдали смутно белели пятна фонарей.

— Один? — спросил вполголоса Василий.

— Один!

Он поежился, ветер пронизывал его, он вышел в одной рубашке. Но в сени обратно не спешил.

— Чего пожаловал?

— Проездом случилось...

— Так и проезжай дальше! Поезжай, милый, поезжай! У меня тебе делать нечего, нам с тобой давно не по дороге!

Разозлился я не на шутку.

— Точно, что не по дороге! — бросил я ему с вызовом. — Я в гестапо не служил!

— Вон ты о чем! То дела старые, и за все я свое отбыл! И ничем ты не испугаешь!

— А если испугаю?

— Ах, вон оно что? Пойдем вместе, там объяснишь, откуда тебе про те дела известно.

Хотел я ему показать его расписку, но остерегся, хотя чего же было остерегаться? Я уже все и так сказал, обнаружил свой след.

— Ну, бывай! — бросил я ему и отступил в метель.

Вот тогда-то следовательно и сказал мне:

— С той поры мы и начали разыскивать Сергея Плошкина...

Я не знал, что Василий Васильевич Голубенко отбыл по закону строгое наказание за дезертирство, за сотрудничество с гестапо. Моей угрозы ему нечего было бояться, но по угрозе он понял, что неспроста я к нему пришел. Так и заявил на другой день.

В ту метельную ночь я поспешил покончить с Сергеем Плошкиным. Я выбрал повыше сугроб, забрался в затишье от ветра и сжег паспорт Плошкина. Дождался, пока сгорели обложка и листы, растер их рукавицами и пепел развеял по ветру.

Круг замкнулся.

Я Кудеяров, я один, и не с кем мне разделить ту миссию, которую на меня возложили.

Встреча с Василием была лишь эпизодом в моей жизни. Я втянулся в работу, находил в ней удовлетворение, подружился с Володией Соколовым, его друзья стали моими друзьями.

Я имел возможность не один раз оценить их дружбу. Завелись и у меня адреса, по которым я развозил посыпочки с лекарствами и с разными гостинцами.

А тут еще одна история.

Водки я не пил, вообще не имел склонности к спиртному. Работал четко, машину знал и сам справлялся с мелким ремонтом. И вот перед отчетно-выборным профсоюзным собранием меня вызвали в партком и сказали, что собираются меня рекомендовать в профком, дескать, это общее мнение и мне оказывается высокое доверие. Это было просто немыслимо. Я уже не говорю о том, что в моем положении это грозило разоблачением, но, если бы даже и ничто мне не грозило, я не смел играть на доверии прекрасных людей. Пришлось всячески уходить от такой чести. Сослался на то, что еще не обосновался накрепко, не знаю, как сложится жизнь. Мне тут же сказали, что помогут обосноваться, что я могу как передовой производственник претендовать на квартиру в Рязани. Хоть беги от такого доверия и от благ, которые сам заработал. Кое-как утряслось. Приписали мой отказ скромности, но прицел определился. Втягивали меня в общественную жизнь. Правда, Соколов сказал мне, что очень удивились моему нежеланию поработать в профкоме...

Не один раз хотелось мне все бросить и перебраться обратно. А как? Мне говорили, что найдут способ перебросить меня через границу. Но это они найдут! А без

них как перебраться? А если переберусь? Как они меня там встретят?

После визита к Василию я не раз задумывался: не явиться ли мне с повинной к властям. Одно меня удерживало — Марта. Я боялся за нее, боялся, что на ней выместят свою злобу мои бывшие наставники. Это они умели делать!

С меня требовали отчета о моих действиях. Я должен был сообщить, как и где я разбросал листовки. В тайнике я обнаружил новую партию листовок. От меня требовали поисков «молекул» для молекулярной революции, от меня требовали разведданных.

Тянуть было нельзя. Мои наставники из разведцентра могли заподозрить неладное. С листовками обойтись было проще всего. Я их просто сжег, а пепел развеял по ветру. В отчете указал, что распространил их на большом рынке в одном из южных городов.

История с «молекулами» была просто смешна. Ну кого я из моих сослуживцев мог завербовать для будущей революции в пользу кучки эмигрантов, отверженных родиной? Соколова? Его друзей? Галю-грачонка, совхозного агронома под Калугой, Анатолия Лебедева? Василий Голубенко и тот не пустил меня на порог!

Я все решил по-своему. В мой разведцентр пошла информация, что я подготовил для вербовки «молекулы», назвав вымышленные имена.

Я не решался идти с повинной, не решался порвать со своими наставниками, делал вид, что работаю на них, и каждый день, каждый час ожидал, что все оборвется...

Когда меня арестовали, я действительно почувствовал облегчение.

Следователь представился мне: Никита Алексеевич Дубровин. Он был немолод, сдержан и подчеркнуто вежлив. Когда мы выполнили первые формальности и перешли к делу, он спросил:

— Что вы имеете заявить следствию?

— Гражданин следователь, я ехал в Советский Союз с благородной миссией. Я верил в это. Я верил, что еду сюда делать революцию, ехал освободить русский народ!

Дубровин улыбнулся:

— Ну, ну!

— Я понял, что люди, которые меня забросили сюда, не знают России...

— А вот это неверно. Они знают, что такое Россия

и что никто их тут не ждет с революцией. Я вам сейчас кое-что покажу...

Дубровин разложил на столе веером фотографии.

— Посмотрите,— предложил он.— Не найдете ли ваших знакомых? Тех, кто вас посылал...

Я сразу узнал Виктора Михайловича и Сергея Сергеевича.

Дубровин назвал мне совершенно другие имена. Наверное, я не мог скрыть недоумение.

— О, да, вам они могли представиться иначе... У каждого из них по несколько имен и кличек. Я назвал вам подлинные их имена. Этот,— Дубровин указал на Сергея Сергеевича,— в годы войны прославился своими зверствами в фашистской зондеркоманде. Он жег в Белоруссии деревни, кидал в колодцы детей, расстреливал женщин и стариков! Знание России у него отменное...

Вот откуда разговоры о ненависти...

— Другой,— продолжал Дубровин,— был некоторое время диктором гитлеровского радио и призывал советских солдат сдаваться в плен, обещал им в Германии райскую жизнь... Вам и самому известно, каков был там рай для советских людей. Потом сей господин устроился в военную разведку и готовил изменников к заброске на нашу землю... Сам он руки старался сохранить чистыми, но готовил убийц и диверсантов... Какая же может быть у них солидарность с русскими людьми? Я уже не говорю — с коммунистами...

У меня вырвалось: «Докажите...»

— С этого мы и начнем,— ответил Дубровин.— Я сначала покажу, кто вас сюда забросил, а потом разберемся, как и зачем!

Следователь предъявил мне документ, написанный знакомым мне почерком Сергея Сергеевича.

Пожелтевший листок бумаги. Служебный бланк.

С е к р е т н о !

1. Задание: деревня Борисовка должна быть уничтожена 9-й ротой, как пункт, изобилующий партизанами.

2. Силы: 2 взвода 9-й роты 15-го полицейского полка, 1 моторизованный жандармский взвод (16-го полка) и 1 взвод противотанковых орудий из Березы Картузской.

3. Ход операции: рота сконцентрировалась вечером 22.9.42 в Дывине. В ночь с 22 на 23.9.42 последовал марш из Дывина по направлению к Борисовке. До 04.00 утра

2 взвода, двигаясь с севера и юга, оцепили деревню. С рассветом староста Борисовки собрал все население. После проверки населения, проведенной при участии полиции безопасности Дывина, 5 семей были переселены в Дывин. Остальные были расстреляны особо выделенной командой и похоронены в 500 метрах северо-восточнее Борисовки. Всего было расстреляно 169 человек, из них 49 мужчин, 97 женщин и 23 ребенка. Исполнение приговора о расстреле из-за подготовки (рытье могил) затянулось до середины первого дня...

Под документом стояла подпись того человека, которого я знал как Сергея Сергеевича.

Так вот почему Сергею Сергеевичу нужен атомный огонь над Россией! Сжечь, уничтожить следы своих злодеяний, отомстить тем, кто выкинул его с русской земли...

Последняя моя просьба была — спасти от опасности Марту и моих детей! Не из легких просьба. Это все, что меня сегодня беспокоит... Но твердо верю в гуманизм Советской власти. И никогда не забуду, что именно Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил мою просьбу — не применять ко мне санкцию за нарушение государственной границы, так как я добровольно отказался выполнить вражеское задание и помог следствию искренним признанием и раскаянием. Я живу надеждой на новое великодушное отношение к моей судьбе...

— Итак, Сергей Тимофеевич, — обратился ко мне Дубровин, — следствие по вашему делу закончено. Ознакомьтесь с данным постановлением.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Начальник отдела Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР полковник Дубровин, рассмотрев уголовное дело по обвинению Плошкина Сергея Тимофеевича, 1930 года рождения, уроженца деревни Нижняя Вырка Калужской области, с начальным образованием, до ареста работавшего шофером автобазы, в преступлении, предусмотренном ст. 64 п. «а» УК РСФСР, установил: Плошкин С. Т., находясь на территории ФРГ, вошел в преступную связь с антисоветской белоэмигрантской организацией, именующей себя «Народно-трудовой союз» (НТС).

В этой организации он прошел специальный курс обучения для нелегальной подрывной работы против

Советского Союза, затем руководителями НТС был направлен в американскую разведывательную школу, где получил шпионскую подготовку. По окончании шпионско-диверсионной подготовки Плошкин под вымышленной фамилией, снабженный фиктивными документами, радиопередатчиком, средствами тайнописи, оружием и другим шпионским снаряжением, нелегально был заброшен на территорию Советского Союза.

Он получил задание заниматься сбором шпионской информации и выявлением подходящих лиц для последующей антисоветской обработки и использования их по заданию НТС в активных враждебных акциях против СССР.

Плошкин после нелегальной переброски в СССР отказался от выполнения преступного задания и установления связи со своими сообщниками по шпионской работе, никаких практических действий, которые могли бы причинить ущерб Советскому государству, не совершил и на следствии чистосердечно рассказал о том, как стал агентом НТС, американским шпионом и с каким заданием прибыл в Советский Союз. Этим он оказал следствию существенную помощь в разоблачении подрывных акций НТС и иностранной разведки против СССР.

В соответствии с изложенным, в силу п. «б» ст. 64 УК РСФСР и п. 2 ст. 5 и ст. 209 УПК РСФСР

п о с т а н о в и л

1. Уголовное дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием в действиях Плошкина С. Т. состава преступления.

2. Меру пресечения в отношении Плошкина С. Т. — заключение под стражей — отменить, и Плошкина С. Т. из-под стражи освободить.

3. Вещественные доказательства по делу, изъятые у Плошкина, шпионское снаряжение передать на хранение в следственный аппарат КГБ при Совете Министров СССР.

4. Копию настоящего постановления направить прокурору.

Начальник отдела КГБ при Совете Министров СССР
полковник Д у б р о в и н

Настоящее постановление мне объявлено:

П л о ш к и н С. Т.

ПО СЛЕДУ «ОДИССЕЯ»

Глава первая

ОТ ДОБРА ДОБРА НЕ ИЩУТ

Капитан греческого пассажирского теплохода «Одиссей» господин Ксиадис встал в этот день ровно в два часа ночи по Гринвичу. Сквозь жалюзи в каюту пробивались первые красноватые лучи. Предстоял сложный день.

Капитан перевел циферблат настольного календаря на 15 мая 1971 года, с удовольствием потянулся и, стараясь не разбудить жену, спавшую в соседней каюте, приступил к гимнастике. В последнее время Ксиадис стал полнеть, и врач прописал ему несколько упражнений. Но делать их на палубе, где могут увидеть команда и пассажиры, капитан не решался. Впрочем, свежего морского воздуха хватало и здесь.

На столе вспыхнула сигнальная лампа телефона.

— Доброе утро, капитан,— услышал он в трубке голос первого штурмана, стоявшего на вахте.— Четыре часа по береговому времени, через тридцать минут войдем в советские территориальные воды.

— Доброе утро! Спасибо. Я скоро буду,— ответил Ксиадис.

Со своими офицерами и пассажирами капитан говорил только по-английски. Он особенно тщательно завязал галстук, проверил гладкость полных щек и, наконец, тихо приоткрыв дверь, шагнул через высокий порог-ко-

мингс. Внизу под ногами привычно рокотали дизели. Капитан по слуху мог сказать, какие именно из четырех двигателей работают сейчас. Огромный лайнер спал. Капитан шел коридором первого класса. Вентиляция приносила из кают тонкие ароматы французских духов, слышалось чье-то сонное бормотание.

«Одиссей» в этот рейс был зафрахтован международной туристской компанией «Атлантик Экспресс», организовавшей круиз по Средиземному и Черному морям.

В программу морского путешествия входили Испания, Франция, Италия, Египет, Турция, Советский Союз и Греция. Публика на теплоходе была, как всегда, разноплеменная. Англичане и французы, немцы из Западной Германии и итальянцы, шведы, австрийцы и даже несколько американцев.

Люди разного достатка распределялись соответственно палубам лайнера, и все они выглядели как-то унифицированно, независимо от национальности. Может быть, это потому, что туристы моложе сорока редко бывают в круизах. Сорок лет — это возраст, когда человек только и может разрешить себе такое дорогое удовольствие.

Капитан Ксиадис дошел до конца коридора и хотел было подняться по трапу наверх, но заметил, что в каюте старпома, несмотря на ночное время, горит свет. «Что-то ему не спится», — подумал он и постучал в дверь. Не ответили. Это удивило капитана. Он постучал еще раз. Наконец раздался знакомый голос:

— Кто там?

— Это я, Фред.

Дверь каюты открылась. Капитан шагнул в полуосвещенную каюту и увидел сидящую в углу за столиком компанию из трех человек.

Налейте мне мастики, Фред, только самую маленькую порцию, — сказал он. — С утра полезно убить бактерии в желудке. — Он взял стакан и повернулся к пассажирам: — Не спится, господа? — Он спросил по-немецки, потому что двоих хорошо знал. Важные, должно быть, птицы, особенно этот, в очках. Не помнил он лишь третьего, светловолосого бородатого мужчину средних лет. Посмотрев на этого человека, капитан испытал странное чувство — словно у него двойится в глазах. Он перевел взгляд на одного из двух уже знакомых ему пассажиров, тоже с окладистой, аккуратно стриженной бородой, и по-

нял причину: они были удивительно похожи, прямо как близнецы, только цвет волос разный.

«Как это я его не запомнил? — подумал Ксиадис, глядя на блондина. — Оказывается, тоже из их компании».

— Доброе утро, капитан, — ответил за всех очкастый. — Вы уже на ногах? Когда будем в Батуми?

— В восемь берегового. Все по расписанию. За ваше здоровье, — сказал он и одним глотком выпил мастику.

— Спасибо. Засиделись, как бы не проспать...

— Да и мне пора на вахту, — засуетился старпом.

— Выходит, я испортил вам компанию. Извините, не буду мешать, господа.

Его не удерживали, и это совсем ему не понравилось. Чего им нужно от старпома?

Настроение у капитана было испорчено. Он поднялся наверх. На мостике его встретил первый штурман. Выслушав рапорт, Ксиадис проверил показания приборов. Все шло как нельзя лучше. Над морем уже поднялся красный круг солнца.

— Где же мой друг мистер Гросченк? — пробормотал Ксиадис. — Ведь мы уже входим в территориальные воды. — Он поднял к глазам бинокль. Среди черточек и крестиков в линзах заплесал на волне четкий сплует советского пограничного катера.

— Лево на борт, два градуса, самый малый. Приветствовать идущего навстречу, — приказал Ксиадис.

— Есть, сэр!

Под носом у катера выросли пенные усы, он развернулся и, разрубая волну, пошел на сближение с огромным белоснежным лайнером.

Капитан, улыбаясь, опустил бинокль.

— Парадный трап с правого борта. Стоп-машина!

Как у всякого капитана, у Ксиадиса были свои любимые порты, в которые ему всегда особенно приятно заходить. К их числу принадлежал Батуми. И вообще ему нравилась четкость и деловитость, присущая советским пограничникам и таможенникам при исполнении необходимых формальностей. За двадцать лет странствий по морям и океанам он познакомился с таможенниками и пограничниками всего мира. Ксиадису приходилось терпеть пренебрежение и грубость в нью-йоркском порту, случалось совать взятки в руки чиновников, терять драгоценное время на рейдах западногерманских портов. За каждый час простоя капитан отвечал перед компанией

своими деньгами. И Ксиадис частенько говорил, что от долларов, которые он «выбросил в море», уровень океана должен бы уже подняться. И только в советских портах он никогда не потерял ни цента. Здесь неизменно корректные и вежливые офицеры делали все быстро, без проволочек. Поэтому, когда был запущен первый советский спутник, капитан не удивился.

— Поверьте мне, там знают, что такое порядок. Если уж за что-нибудь возьмутся, обязательно сделают!

Вот и сейчас пограничный катер встречал «Одиссея» у края территориальных вод, чтобы выполнить все формальности на ходу и не задерживать туристов после швартовки ни на минуту. Во многих западных портах проверка отнимала у туристов по крайней мере два часа.

Ксиадис знал в лицо всех пограничных офицеров и таможенников в портах Черного моря. Шатая к парадному трапу, он уже предвкушал приятную встречу с майором Гроженковым, или, как выговаривал Ксиадис, «мистером Гросченк». Новенький пограничный катер подходил с правого борта, приглушив моторы. «Чтобы не будить пассажиров», — понял капитан. Он залюбовался, как ловко на волне, рискуя удариться о борт, русские матросы подвели катер к трапу. Первым на трап вспрыгнул майор Гроженков, за ним еще двое.

Ксиадис с улыбкой смотрел, как стройный темноволосый майор легко взбежал наверх.

— Как дошли, мистер Ксиадис? — спросил он. — Рад вас видеть снова у наших берегов.

Ксиадис всегда несколько завидовал английскому произношению майора.

— Спасибо, мистер Гросченк, — ответил капитан. — Все благополучно. В Стамбуле, правда, пришлось высадить одну даму — эпилепсия, припадок. Приходится считаться с остальными пассажирами «Одиссея»...

— Да, это верно, сэр. Как здоровье мадам Ксиадис? Она по-прежнему с вами?

— Ну, уж в туристские рейсы она меня одного не отпускает. Ведь я еще не так стар! — Ксиадис подмигнул майору, и они оба засмеялись.

Разговаривая, они пришли в служебный салон. На большом письменном столе лежали стопки разноцветных паспортов, собранных у всех, кто изъявил желание сойти на берег.

Майор со своими помощниками занялся проверкой. Глядя на склоненную над бумагами голову майора, Ксиадис все больше проникался чувством уважения к нему. «Ведь он мог это сделать и в порту, — думал капитан, — но не поленился встать ночью и полтора часа болтался на катере!»

— Мистер Гросченк, — сказал он, — поверьте, я говорю это искренне, мне всегда приятно приходить в советские порты. Если бы я мог сделать для вас что-нибудь... Но я знаю, русские пограничники не принимают подарков.

— Спасибо, мистер Ксиадис, вы очень любезны, — не поднимая головы, ответил майор. — Лучший подарок с вашей стороны — порядок с документами на судне.

Проверка продолжалась до той минуты, когда над морем басовито пронесся гудок. «Одиссей», разворачиваясь, подходил к Батумскому морскому вокзалу. Пассажиры высыпали на палубу, застрекотали киноаппараты.

По фронтону вокзального здания протянулся голубой транспарант с надписью по-английски: «Добро пожаловать». На перроне вокзала стояли люди с цветами. «Одиссея» так еще нигде не встречали.

Капитан Ксиадис сам командовал швартовкой и ушел с мостика только после того, как спустили трап.

Возле трапа пограничники поставили небольшую конторку, на которой лежали уже проверенные и зарегистрированные паспорта. Туристы сходили на берег. Каждого из них у трапа встречал сержант-пограничник и, вручая контрольный талон, желал приятной прогулки.

Капитан Ксиадис, быстро переодевшись, вместе с женой отправился в город. На перроне он снова встретил майора Гроженкова. Тот с группой офицеров наблюдал за высадкой.

— Порядок? — спросил капитан.

— Полный, — ответил майор Гроженков.

Около автобусов «Интуриста», отправлявшихся в город, капитан встретил одного из немцев, который утром сидел в каюте у старпома, того, что в очках.

— Счастливо! — сказал он. — Все-таки не проспали?

Весь день у капитана Ксиадиса ушел на беготню по городу. Нет такого места в мире, про которое бы капитан не знал, что именно стоит здесь покупать. Он владел русским языком настолько, чтобы в такси, в ресторане и в магазине обходиться без переводчика.

Разгар сезона еще не наступил, и в городе было не так много курортников. Ксиадис отыскал нужные ему сувениры, накупил отличного грузинского коньяка. Днем он с женой обедал у моря в ресторане «Салхино», а под вечер решил съездить в Махинджаури.

— Ник,— сказала ему жена,— по-моему, ты слишком разошелся. Нам не следует уезжать из города, ведь мы скоро уходим.

— Я никогда не успеваю туда съездить, а говорят, это райский уголок. Потом, я слышал, там есть такое вино... Экзотика!

Этот довод убедил мадам Ксиадис. Француженка по рождению, она не могла упустить возможности попробовать экзотического вина.

Супруги остановили такси и отправились в Махинджаури. Вино действительно оказалось неповторимым, а буфетчик небольшой шашлычной, где оно продавалось, необыкновенно гостеприимным.

Возвращаться им пришлось в автобусе, такси найти не удалось. Разгоряченный событиями дня, переполненный дружескими чувствами, Ксиадис пытался завязать беседу с пассажирами.

— Напрасно я согласилась с тобой,— сказала жена,— до отхода остается каких-нибудь полтора часа. А сколько еще будет тащиться этот автобус!

— Пустяки,— беспечно отвечал Ксиадис.— Помощник все подготовит, он толковый парень, хотя и молод.

Наконец автобус подкатил к небольшой площади — конечная остановка. Отсюда было не так уж далеко до морского вокзала. В их распоряжении оставался целый час. Капитан Ксиадис, собрав свертки, с помощью жены погрузил их в багажник свободного такси. Затем огляделся вокруг на прощание и вдруг остолбенел. В автобус, из которого они только что вышли, садился светловолосый мужчина с бородой, тот третий из купе старпома.

Первым порывом его было окликнуть парня. Да, да, он хотел это сделать. Он хотел крикнуть: «Послушайте, как вас там, вы опоздаете к отходу! Будут неприятности!»

Но он онемел, увидев на этом мужчине потертую выгоревшую куртку с молнией, солдатские брюки, заправленные в сапоги, а в руках портфель явно советского производства.

— Ты слышишь, мы опаздываем! — сказала жена.

Ксиадис двигался как в полусне. «Нет, я не мог обо-

внаться... Правда, одежда... Но может ли быть такое сходство? Впрочем, я достаточно выпил и устал, всякое может померещиться», — подумал он.

У трапа его встретил помощник.

— Мы волновались, сэр! Не случилось ли чего-нибудь?

— Не случилось ли чего-нибудь у вас, Фред? — спросил Ксиадис.

— Здесь все в порядке, сэр. Пассажиры уже давно вернулись. Правда, пограничники обеспокоены. Они считают, что один из пассажиров все же не вернулся. Но это заблуждение. Они просто просчитались. У нас все в порядке.

— Ах, вот как? — Ксиадис будто бы в первый раз видел своего помощника. — А светловолосый бородач на судне?

Старпом отвел глаза в сторону и сказал совсем тихо, но со значением:

— По-моему, вы о чем-то догадываетесь, сэр. И я не советовал бы вам никому об этом говорить. Никому.

Капитан едва не задохнулся от возмущения. Он хотел сказать: «Прочь, грязная свинья, с моего судна!» Он готов был ударить помощника. Но не сделал ничего. В конце концов это, кажется, уже политика и, следовательно, не его дело.

— Добрый вечер, капитан! — услышал Ксиадис. Сзади подошел майор Гроженков и сержант-пограничник. — У вас, по всему видно, не вернулся один пассажир с довольно-таки приметной внешностью.

— С бородой, я его запомнил, — добавил сержант-пограничник.

— Это какое-то недоразумение, мистер Гросченк. Мне доложили, что все пассажиры на месте.

— У нас на теплоходе есть только один бородач, и мы готовы его вам предъявить, — вставил Фред.

— Извините, господа, но долг службы заставляет меня еще раз проверить документы и пассажиров. — Майор Гроженков сразу стал очень официален.

— Пожалуйста, пожалуйста, но вы напрасно, господин майор, беспокоитесь. Ваши люди ошиблись. Клянусь честью. У нас триста пассажиров и триста паспортов налицо, — уверенно заявил старпом.

— С документами у вас вроде бы все в порядке, но я на службе, господа, и прошу вас помочь мне органи-

зовать вторичную проверку,— решительно возразил Гроженков.

Они все прошли в каюту капитана. Сержант нес ящичек с паспортами.

Капитан и майор Гроженков сели к столу, старпом остался стоять у двери, сержант поставил ящичек на стол.

— Дайте,— сказал Гроженков сержанту, протягивая руку.

Сержант достал из ящичка паспорт. Майор раскрыл его, положил фотографией вверх перед капитаном.

— Нам нужно взглянуть на этого пассажира.

Капитан кивнул старпому, старпом скользнул к столу, бросил мимолетный взгляд на паспорт и быстро вышел из каюты.

В неловком молчании прошло несколько минут. Капитан и Гроженков не глядели друг на друга. Наконец, майор не выдержал:

— Да вы не волнуйтесь, мистер Ксиадис, сейчас все выясним.

И тут в каюту, сопровождаемый старпомом, шагнул бородатый человек.

— Добрый вечер,— сказал он по-немецки.

— Добрый вечер,— ответил майор и посмотрел на сержанта.

Тот в смущении кивнул головой: мол, да, этот самый.

— Я вам больше не нужен? — спросил бородатый и оглянулся с улыбкой на стоявшего позади старпома.

— Извините,— сказал майор.

Пассажир, поклонившись, вышел. Старпом продолжал стоять у двери.

В голове у капитана Ксиадиса творилась какая-то чертовщина. Да, старпом предъявил пограничникам бородатого пассажира, но это был темноволосый господин, один из тех двух, кого капитан считал важными персонами. На посадке в автобус он видел другого бородатого, блондина. Тот был неузнаваемо переодет. Но в таком случае почему же он, дьявол его побери, не срубил бороду на берегу?! Может, торопился? А может, он, Ксиадис, все-таки ошибается? Нет, нет, капитан Ксиадис ошибаться не умеет!

Майор Гроженков поднялся, козырнул капитану.

— Ну вот, сэр, все отлично. Счастливого плавания в советских водах.

Ксиадис тоже встал.

— Я вас провожу.

Старпом следовал за ними как привязанный. Капитан несколько раз покосился на него, недовольно покашливая в кулак. Наконец, приказал через плечо:

— Идите на мостик.

Старпом отстал.

У трапа, пожимая Гроженкову руку, Ксиадис выдохнул тихой скороговоркой:

— А все же, мне кажется, один ушел. Я видел — он садился в автобус на Махинсчаури.

— Махинджаури, — машинально поправил Гроженков.

— Да, да!

— Спасибо, капитан.

Гроженков снова козырнул и сбежал по трапу на пирс, где его поджидал сержант.

Бородатого выследить не удалось. Ушел. Несколько дней спустя полковник Марков и майор Павел Синицын, обсуждая это дело, разговаривали в кабинете полковника.

— Гость-то, видно, из того же гнезда, — сказал Павел.

— Похоже, — согласился полковник. — Почерк один.

Марков имел в виду тот давний эпизод, когда агент зарубежного разведцентра Уткин, засланный в СССР на долгое оседание, сошел с туристского лайнера в Одессе, а вместо него вернулся на борт другой. Цель засылки Уткина оставалась пока неясной. Теперешний вариант имел другую окраску, но принцип оставался тот же.

Павел молчал, и полковник Марков подытожил:

— Ну, что ж, их понять можно. Тогда все сошло гладко, а от добра добра не ищут. Ты вот что... — Он повертел в руке спичечный коробок. — За Уткиным наблюдение усилить. Не к нему ли это?

К Уткину, жившему уже четыре года в Свердловске, мирно работавшему там сначала шофером, затем электриком на заводе, а в последний год техником на телефонном узле и находившемуся под наблюдением КГБ, никто не явился ни через день, ни через два. Но сам Уткин 20 мая вдруг подал заявление об уходе по собственному желанию, выписался и уехал в Челябинск.

Возник вопрос: почему Уткин, четыре года безвыездно сидевший на приколе, вдруг проявил охоту к перемене мест? Чтобы ответить на него, необходимо было время.

Глава вторая

ЧЕЛОВЕК С «ОДИССЕЯ»

От Махинджаури, куда светловолосый пассажир «Одиссея» добрался рейсовым автобусом, путь его лежал на север, и ехал он, если можно так выразиться, на перекладных, то есть на попутных машинах. Обычно на окраине очередного населенного пункта он «голосовал», и кто-нибудь обязательно его подсаживал. Это были автомобили самых различных марок и назначений — и «Жигули», и самосвалы, и молоковозы, и легковые со строгими надписями по борту: «Связь» или «Специальная», а один раз его подвез даже огромный желтый автокран КрАЗ. У пассажира был только черный потертый портфель, и это намного облегчало путешествие. Плохо ли, хорошо ли, но на четвертые сутки он добрался до большого города С.

Именно такой способ передвижения был обусловлен инструкцией, данной ему центром. Железнодорожный транспорт инструкция категорически исключала.

Но, кроме необходимости передвигаться к намеченному пункту оседания, существовала еще необходимость как-то питаться. По инструкции он должен был покупать пищу в магазинах, то есть жить на сухом пайке. В крайнем случае разрешалось пользоваться небольшими кафе и закусочными, но ни при каких условиях не появляться в ресторанах. А спать ему рекомендовалось где уютно, но только не в гостиницах и вокзалах. Так оно и шло до города С.

И вот человек с «Одиссея» в С. позволил себе слегка отклониться от инструкции — зашел пообедать в один из ресторанов и пожалел об этом.

Была суббота, третий час дня. Ресторан оказался заполненным чуть ли не до отказа.

«Тем лучше», — подумал истосковавшийся по горячему человек, выбирая из нескольких свободных мест то, которое было бы подальше от прохода, делившего зал, как косой пробор на голове, на две неравные части.

Ему приглянулся столик, за которым сидели спиной к двери две женщины, а напротив них дымивший сигаретой мужчина лет под сорок с крупным красным лицом. Он был явно нетрезв и явно скучал.

Человек с «Одиссея» подошел, спросил у женщин, сво-

бодно ли четвертое место. Женщинам было лет по тридцать, и они чем-то неуловимо походили друг на друга.

— Да, да, свободно, пожалуйста,— обрадованно сказала одна из них.

Женщины переговаривались между собой полупшепотом. Мужчина дымил, глядя куда-то в пространство. Судя по пустым тарелкам и тарелочкам, женщины уже пообедали и ждали официанта, чтобы расплатиться. Человек с «Одиссея» моментально определил, что мужчина не имеет к ним никакого отношения. Он отметил также, что верхняя губа у краснолицего сильно припухла. Все это ему не понравилось. Попасть в общество любителя податься было бы совсем не кстати.

Официант все не подходил. Краснолицый мужчина, перед которым стоял графинчик с водкой и остывший непочатый бифштекс, налил себе из графинчика в фужер и вдруг обратился к соседу густым басом:

— Выпьешь со мной, приятель?

— Я не пью,— вежливо сказал пассажир с «Одиссея». Мужчине это не понравилось.

— Ты не пьешь, они не пьют,— он кивнул на женщин,— мы не пьем. Только я пью. Зачем тогда пришлепали сюда?

Женщины склонились друг к другу и что-то тревожно шептались.

— Чего молчишь? — грозно спросил пьяный краснолицый.

— Я же вам сказал: не пью,— еще более вежливо объяснил человек с «Одиссея». Боясь назревавшего скандала, он решил уйти.

— Ну так вылей! — И с этим возгласом краснолицый выплеснул водку из фужера в лицо уже вставшему из-за стола человеку с «Одиссея».

Тот машинально правой рукой прикрыл залитые водкой глаза. А в это время краснолицый, потеряв равновесие, свалился со стула и ударился затылком об пол.

Женские крики, грохот, звон посуды...

Первым побуждением человека с «Одиссея» было бежать. Но он ничего не видел, глаза жгло огнем.

Одна из женщин, смочив носовой платок минеральной водой из бутылки, бросилась к нему на помощь.

Сбежались официанты и официантки, гам стоял невообразимый. А через минуту явились три дюжих парня с красными повязками на руках — дружинники...

Глаза у человека с «Одиссея» понемногу пришли в норму, но он понимал, что просто так ему отсюда уже не выбраться. И клял себя на чем свет стоит. И этого пьяного краснорожего обормота проклинал последними словами. Сейчас наверняка поведут в милицию, а при нем пистолет, да еще необычного образца, куча денег, документов разных... Что будет? Как выпутываться? Какая глупая неожиданность! А что, если все это подстроено?

Дружинники попросили человека с «Одиссея» отойти в сторонку. Возле него встал, загораживая путь к выходу, один из парней. Двое других подняли лежавшего обормота. Он все еще на ногах держался нетвердо.

— Так, — сказал один из дружинников, — накушались. — И обращаясь к женщинам: — Вы видели, что тут произошло?

— Да, да, — сказала та, что держала в руке мокрый платочек.

— Идемте с нами в отделение милиции. Здесь рядышком. Будете свидетелями.

Тут вмешалась официантка:

— Они со мной не расплатились. И этот тоже.

— Ну, так рассчитайтесь.

Женщины отдали деньги — их счет у официантки был готов. Официантка быстро составила счет краснолицего.

— Платите, — сказал дружинник тому в самое ухо.

Краснолицый помотал головой и тупо, как попугай, повторил, икнув при этом:

— Пла-а-тите.

Кто-то из сидевших за соседними столиками заразительно расхохотался, и вся сцена, выглядевшая до сего момента довольно безобразно, обрела комический оттенок. Было ясно, что какие-либо расчеты с находившимся, по терминологии боксеров, в состоянии грогги пьяным человеком бесполезны.

— Давайте счет, мы с него получим в милиции и занесем вам, — сказал официантке старший из дружинников.

И они отправились в отделение милиции — впереди трое об руку, за ними человек с «Одиссея», придерживаемый за рукав дюжим парнем, сзади две женщины. Больше желающих быть свидетелями не оказалось, да, собственно, дружинники никого больше и не приглашали.

Бородач мог бы, конечно, попытаться сбежать. Однако он хорошо успел рассмотреть дружинников и понимал,

что и на дистанции сто метров и на тысячу они дадут ему большую фору. Значит, стрелять? Это уж верная крышка. Лучше пройти через милицию. Женщины, судя по всему, будут свидетельствовать в его пользу, они же видели, что не он начинал. И тут же в подтверждение своих мыслей он услышал голос той, что промывала ему глаза:

— Вы не бойтесь, мы все расскажем, как было. Это хам какой-то. Он и к нам приставал...

Отделение милиции оказалось совсем близко.

Старший из дружинников коротко объяснил дежурному старшине, кого они привели.

— Документы, — сказал старшина.

Краснолицый уже более или менее очухался.

— А-а, начальник! — шутовски воскликнул он. — Па-а-жалуйста! — Запустил руку в карман, достал совсем новенький паспорт.

Старшина развернул его, листнул странички.

— Что же это вы, Попов? Только-только срок отбыли, жить начали, и опять?

— Меня же в зубы и меня же опять?! — заорал Попов. — Во, смотри, начальник! — Он ткнул пальцем себя в верхнюю распухшую губу. — За что он меня, этот ффаер?

— Неправда! — в сердцах воскликнула женщина, все еще сжимавшая в руке платочек. — Он его не бил.

— Обождите, гражданка, разберемся, — успокоил ее старшина и обернулся к человеку с «Одиссея»: — Ваши документы, гражданин.

Тот держал паспорт наготове.

— Та-а-ак, — произнес старшина, пролистав паспорт, и в голосе его определенно обозначилась вдруг некая мягкость. — Вы, значит, в Ижевске живете, гражданин Жолудев?

— Да. Был на юге, отдыхал. Вот решил ваш город поглядеть, и поглядел...

— Ничего, разберемся. — И к женщинам: — Ну, расскажите, как было дело.

Та, что с платочком, сказала, что они командированные из Москвы, а затем описала все по порядку. Из ее слов явствовало, что виноват только Попов, а Жолудев — пострадавший.

— Имеете что-нибудь добавить? — спросил старшина у второй женщины.

— Нет, она правду сказала.

— Ясно.

Старшина посоветовал дружинникам усадить Попова на скамью, стоявшую у стены, а сам принялся составлять протокол. Потом дал его женщинам прочесть и подписать, что те и сделали.

— Вы свободны. Спасибо,— сказал им старшина, и они ушли, улыбнувшись на прощание человеку по фамилии Жолудев, по имени Михаил Иванович, 1935 года рождения.

Он улыбнулся им в ответ и услышал голос старшины:

— Я сам из Ижевска, только пять лет уж не бывал. Как там, новую гостиницу-то построили наконец?

— Построили.

— Наш дом как раз на том месте стоял, а теперь старики мои у сестры живут, в Коломне. Там им лучше. А я тоже в отпуске был, только вчера вернулся.

Старшина был настроен благожелательно. Видно, он от рождения был мягок и общителен.

— Вот что, товарищ Жолудев... Как бы вам сказать? В общем, вы не против, если мы этот протокол аннулируем?

— Я не против,— как можно спокойнее, стараясь не выдать радостного волнения, согласился Жолудев.

— Понимаете, если его,— он кивнул в сторону пьяного,— опять по двести первой пустить, за хулиганство значит — ему срока не миновать. Он уже отбывал два года по этой статье.— Старшина как будто бы даже оправдывался.

— Понимаю.

— Но мы сейчас другой протокол составим, а его в вытрезвитель отправим, потом штрафанем как надо и работку проведем, может, подействует, одумается.

— Понимаю,— со вздохом повторил Жолудев.

Старшина быстро составил новый протокол, дал его подписать дружинникам, а затем протянул Жолудеву вместе с авторучкой, и тот, не читая, поставил внизу свою подпись.

— Ну, ребята, спасибо за службу,— обратился старшина к дружинникам, стоявшим у скамьи, где сидел Попов.— Продолжайте дежурство.

Дружинники ушли.

— Домой, значит? — улыбаясь, спросил у Жолудева старшина.

— Сначала пойду поем,— пошутил он.— Скандал мне обед испортил.

— Ну, тогда приятного аппетита!

Жолудев, разумеется, в ресторан уже не пошел. В тот момент, когда дежурный по отделению милиции отправлял Попова в вытрезвитель, он покупал в булочной буханку белого хлеба. Из булочной отправился в продовольственный магазин, где купил две бутылки молока, полкило сыра и банку болгарского сливового джема.

У молоденькой продавщицы он узнал, как называется ближайшее дачное место по шоссе на север, а выйдя из магазина, нашел такси и, совершенно счастливый, плюхнулся на заднее сиденье. Настроение ему, и то лишь на секунду, испортил водитель, который, услышав, куда надо ехать, сказал брюзгливо:

— Попрошу деньги вперед.

— Что, или я рылом не вышел? — обиделся человек с «Одиссея». — Почему не верите?

— Видимость у всех хошь куда, а потом наездют, а сами не плотют.

Водитель, как видно, был о человечестве не очень-то хорошего мнения. Жолудев свободной рукой выдернул из кармана брюк пятерку.

— Хватит?

— Еще останется,— сразу подобрев, сказал водитель и добавил примирительно: — Не по городу, а за город едем...

— Ладно, шеф,— перебил его Жолудев.— Все ясно. Нажми-ка лучше.

Ему не хотелось слушать никаких объяснений. Ему хотелось есть.

Глава третья

ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ

В город, куда стремился Жолудев, можно было попасть теплоходом по реке, но, подчиняясь инструкции, он продолжал «голосовать» на шоссе и проселках. Спустя три дня, 22 мая 1971 года, он наконец добрался до пункта назначения, прибыв туда на колхозном грузовике, везшем на плодоовощную базу парниковые огурцы. Шофер, молодой, веселый парень, исполнял и должность экспедитора, поэтому место в кабине было свободно. От трешки

парень отказался и в ответ предложил взять пару огурчиков, но человек с «Одиссея» тоже отказался.

С плодовоовощной базы Жолудев отправился к центру пешком. Ему не надо было спрашивать дорогу. Он видел сотни фотографий и кинокадров этого популярного среди иностранных туристов древнего города, часами просиживал над его планом и теперь мог бы ходить по улицам с закрытыми глазами и не заблудиться и выйти к дому, который ему был нужен, наикратчайшим путем. Но он долго кружил, опять-таки подчиняясь требованиям инструкции, отчасти же из обычного человеческого любопытства. Даже посидел с рыбаками, удившими в сотне метров от пристани. Потом взял билет в кинотеатр на пятичасовой сеанс. Фильм был старый, назывался «Кю мне, Мухтар!». Жолудеву он понравился, но, не досидев до конца минут пятнадцать — тоже по инструкции, — он покинул кинотеатр через служебный ход. Собственно, все это были излишние предосторожности. Он чувствовал, более того, твердо знал, что никакой слежки за ним нет. Но после города С. он был пуганой вороной и от инструкции больше не отходил ни на йоту.

После кинотеатра он перекусил в кафе «Момент», а когда сумерки опустились на малоэтажные улицы города и солнце видела лишь золотая маковка старинной церкви, в которой располагался областной краеведческий музей, он отправился по нужному адресу.

Это был двухэтажный четырехквартирный дом с двумя входами, расположенный на окраинной улице, окруженный высокими кустами сирени, еще не расцветшей. Во всех окнах горел свет.

Человек с «Одиссея» поднялся на второй этаж, позвонил в квартиру № 4, откашлялся в кулак.

— Кто? — спросил за дверью низкий женский голос.

— Домна Поликарповна? — тихо спросил пришелец.

Дверь открылась. Перед ним стояла пожилая, лет под шестьдесят, женщина с проседью в черных волосах, с густыми черными бровями. Она была очень высока ростом, никак не ниже ста восьмидесяти. Человек с «Одиссея» знал ее по описаниям довольно хорошо, но сейчас, увидев наяву, был несколько удивлен. Домна Поликарповна производила очень внушительное впечатление, несмотря на то что облачена была в довольно засаленный халат малинового цвета. Вероятно, в молодости она была весьма недурна собою.

— Вы ко мне? — удивленно спросила она своим почти мужским баритоном, глядя на него сверху вниз.

— Именно к вам.

— Но я вас не знаю... — Она пожала плечами. — Впрочем, заходите, не через порог же разговаривать...

Она провела его на кухню, которая не блистала чистотой и была насквозь пропитана запахом кофе. Показав ему на старенький венский стул, взяла из лежавшей на столе пачки «Беломора» папиросу, чиркнула спичкой, закурила и сказала:

— Что же вы молчите? Вас Борис Петрович прислал или кто?

— Какой Борис Петрович? — Он сел, поставив портфель между ног.

Домна Поликарповна показала папиросой на пол.

— Ну, сосед мой снизу... Вы по поводу жилья?

Человек с «Одиссея» улыбнулся.

— Да, квартира мне нужна, но прислал меня к вам не Борис Петрович. Я из очень далеких краев, Домна Поликарповна.

— Загадки какие-то! — раздраженно сказала она. — Послушайте, довольно кокетничать, мне не семнадцать лет. Если вы хотите снять комнату — пожалуйста! А расусоливать тут нечего.

— Вы бы присели, а то как-то неудобно — я сижу, вы стоите, — сказал он. — Можно, я тоже закурю?

— Ради бога! — Она села на стул по другую сторону стола. — Так в чем дело?

— Видите ли, Домна Поликарповна, как бы вам объяснить... — Он мялся, но делал это рассчитанно.

— Слушайте, молодой человек, не морочьте мне голову. Говорите прямо, кто вы и что вам нужно. — Она начала сердиться, но голоса не повышала, как будто бы они с самого начала договорились не кричать. Со стороны их можно было бы принять за людей, которые только для посторонних хотят казаться взаимно недоброжелательными, а на самом деле испытывают друг к другу глубокую симпатию.

— Домна Поликарповна, я вас так хорошо знаю, вернее, вашу биографию, что вы сейчас удивитесь.

— Ну-ну! — подбодрила она его, сделав затяжку и пустив к потолку столб дыма.

— Вы ведь перед войной работали в германском посольстве.

Она не стала хвататься за сердце и не побежала в комнату за валерьянкой, как он ожидал. Она смотрела на него широко открытыми серыми глазами из-под густых черных бровей, а ему казалось, что она смотрит сквозь него. Ему даже страшновато стало от задумчивого взгляда этих больших и, по всей вероятности, немало повидавших глаз. В ее голове шла какая-то сложная работа, а он молчал, не зная, что говорить дальше...

Она заговорила сама.

— Вы слишком молоды, вам ведь не более тридцати пяти...

— Тридцать шесть,— уточнил он.

— Все равно, вы не могли знать меня тогда. Здесь об этом никто не знает тоже... Откуда вам известно?

— Это не имеет значения, вы не бойтесь...

— Я и не боюсь.— Она усмехнулась.— Насколько понимаю, бояться скорее надо вам.

— Вы ведь на оккупированной территории были.

— Ну, об этом я и в анкетах писала.

Нет, она действительно не была напугана. Может быть, чуточку нервничала. Ему нравилась выдержка этой пожилой женщины.

— Но вы ведь не писали в анкетах, что сотрудничали с оккупационными властями?

— Нет, разумеется,— спокойно сказала она.— Но давайте лучше начистоту. Вы сюда явились не для того, чтобы меня шантажировать, не правда ли?

— Это, конечно, не шантаж.

— И раз вы пришли ко мне, значит, вы меня не боитесь?

— Я привез вам привет от Веры Александровны.

Это был уже пароль, и она произнесла отзыв почти торжественно:

— Вы давно ее видели?

— Неделю назад.

Домна Поликарповна вздохнула.

— Вам действительно нужна квартира?

— Да.

— Комната у меня свободна. Что вам еще необходимо?

— Ваш совет.

— Пожалуйста...

— За кого я должен себя выдавать? За вашего племянника?

— Зачем? — удивилась она.— Я постоянно сдаю эту

комнату, совершенно официально. Все это знают. Два месяца назад съехал последний жилец, завербовался на Север...

Он задумался на секунду и сказал:

— Мне удобнее было бы объяснять соседям, почему перебрался сюда, если бы вы были моей теткой.

Домна Поликарповна отрицательно покачала головой.

— Это отпадает. Я живу здесь пятнадцать лет, и решительно каждой собаке известно, что нигде никаких родственников у меня нет. И это правда. Да и зачем вам кому-то что-то объяснять? Каждый живет там, где ему нравится, чего ж тут оправдываться?

— Тогда как же я к вам попал?

Казалось, у нее на все был готов разумный ответ уже заранее.

— Очень просто: познакомились сегодня в кафе.

— «Момент»?

— Нет, оно называется «Снежинка». Я им печатаю на машинке меню.

— Вы работаете машинисткой?

— Вообще-то давно на пенсии. Но у меня есть машинка, старенькая правда, и я подрабатываю иногда.

— А кто ваши соседи? Кто такой Борис Петрович?

— Он работает в горжилуправлении бухгалтером. Серьезный человек, большая семья. Я его детей, можно сказать, вынянчила. У него есть телефон. В первой квартире старик со старухой, пенсионеры. Во второй — молодая пара, малыш у них. В общем, живем дружно.

— Прописаться трудно будет?

— Вы же собираетесь устраиваться на работу?

— Конечно.

— Тогда это не сложно. Все, кто у меня жил, прописывались без задержки. Документы у вас в порядке?

Он почувствовал, что после семи дней невероятного напряжения обрел под этой крышей настоящую тихую пристань. Последних ее слов он не слышал — так подействовала на него разрядка. Ей пришлось повторить вопрос:

— Я говорю, паспорт у вас в порядке?

— А? Да, все нормально — и паспорт, и военный билет, и трудовая книжка.

— Покажите.

Он достал и протянул ей паспорт. Она откинула корочку, прочла: «Уткин Владимир Иванович»...

Тут надо сказать, что перед последним «голосованием» на дороге, перед тем как сесть в колхозный грузовик, человек с «Одиссея» совершил небольшую прогулку в березовую рощу, через нее вышел на берег пруда, а по пути насобирав сухих палых веток, из которых соорудил маленький костер. Паспорт на имя Жолудева сгорел в нем. И отныне бородач именовался Владимиром Ивановичем Уткиным, 1935 года рождения. Там, где положено быть штампам прописки, значилось, что он выписан из города Свердловска 20 мая сего года. В трудовой книжке последняя запись сообщала, что он уволился с телефонного узла г. Свердловска, где работал в качестве техника, по собственному желанию в связи с переездом на новое местожительство. Короче говоря, если бы положить его документы рядом с документами того Уткина, который жил четыре года в Свердловске, а сейчас переехал в Челябинск, оказалось бы, что они совершенно идентичны. Засылая человека с «Одиссея» в Советский Союз, его шефы предвидели возможность того, что милиция может вдруг проверить его прошлое: откуда прибыл, кем работал и так далее. Маневр того, первого Уткина и его предшествующая безупречная жизнь должны были стать надежной опорой для новоявленного Уткина.

...Домна Поликарповна вернула ему паспорт.

— Очень правильные документы,— похвалила она.

Внизу хлопнула наружная дверь, послышался оживленный говор. И стих после того, как закрылась дверь квартиры.

— Слышимость у вас...— поморщился он.

— Не без этого. Но вы привыкнете. Идемте, я покажу вам комнату.— Она заметила, в каком он состоянии.— Ложитесь-ка спать, вам это необходимо. А об остальном поговорим утром.

Комната была небольшая, метров двенадцать, но квадратная и потому казавшаяся просторной. Раскрытое окно выходило во двор, и на уровне окна шелестела молодыми листьями макушка дерева.

Когда зацветет, очень хорошо в этой комнатушке,— сказала Домна Поликарповна.— Вы извините, простыни у меня не новые...

Человек с «Одиссея» вновь подивился тому, как восприняла его неожиданное появление эта странная особа. Будто бы к ней по крайней мере раз в месяц звонили в дверь шпионы и она им аккуратно стелила постель, сму-

щаясь только тем, что стиранные и крахмаленные простыни в нескольких местах залатаны.

Он поставил портфель в угол за платяной дубовый шкаф.

— Это и всего у вас вещей? — спросила Домна Поликарповна.

— Да.

— Плохо.

— Почему?

— Несolidно как-то. Перед соседями.

— Они же не ходят сюда, откуда узнают?..

— Я не про то, — перебила она. — У каждого нормального человека хоть на один чемодан вещей наберется — правда ведь? Перед соседями неудобно...

— Ну, может, я с таким вот чемоданом к вам пришел. — Он развел руки во всю ширь.

— А может, кто видел, что вы были только с портфельчиком? — возразила она.

— Тоже правильно. — Он поскреб бородку. — Завтра пойду куплю чемодан.

— А гардероб ваш тоже весь на вас?

— Конечно.

— Так приобретите и костюм.

— И костюм, и рубахи, и много другого. Надо будет экипироваться как следует.

— Так до завтра, — сказала она дружески. — Я утром всем объявлю, что у меня новый жилец. Не забудьте: мы с вами в «Снежинке» познакомились. Вы сами ко мне подошли.

— Хорошо. Спокойной ночи...

Засыпая, он думал о том, какая удивительная женщина — его хозяйка.

Глава четвертая **СЕРАЯ ПАПКА**

Все документы, касающиеся происшествя с пропажей пассажира в батумском порту, были разложены строго по разделам, пронумерованы и подшиты в серую папку с особым грифом и кодированным названием дела. На вид дело как дело, ничем особенным оно не отличается от других дел. На обложке стоит дата его начала — 15 мая 1971 года, когда капитан Ксиадис почувствовал угрозу-

ние совести и на прощание сказал что-то майору Гроженкову. Однако прочтешь документ за документом и хочется закрыть папку и немного порассуждать.

Различные случаи подобного рода, когда они становятся нам известны, представляются законченными обособленными эпизодами: началось тогда-то и закрыто в такой-то день. В действительности дело обстоит иначе, и не трудно понять, что любой такой случай не просто отдельный эпизод, а часть, звено, узел длинной, нескончаемой, как смолистый морской канат, истории, которая плетется вот уже шестой десяток лет и называется тайной войной против Советского Союза. Эта война идет и днем и ночью, в любое время года, в любую погоду, даже чем она хуже, тем лучше, не прекращаясь ни на час, ни на секунду. Большинство людей, которые мирно работают у станка, в поле, вовсе не подозревают, какой опасности может подвергаться их мирная жизнь, и лишь кое-что знают об этом из иногда появляющихся газетных статей, книг и фильмов. Другие же люди постоянно тратят всю свою энергию, ум, волю и талант, не щадят своего здоровья, не считаются со временем, чтобы этот тайный фронт не смог продвигнуться вперед ни на сантиметр. И они могут рассказать вам, что ни один из подобных эпизодов не возникает сам по себе, из ничего, и ни один из них не минует предназначенной для него папки. Все имеет свое начало и конец.

И наша история в этом смысле не является исключением. Теплоход «Одиссей», подходивший к кавказскому берегу, тащил за собой не только пенный бурун. От него тянулся след к зарубежному разведцентру, с методами которого чекисты были уже знакомы. По способу засылки нового агента полковник Марков имел возможность определить, с кем ведет борьбу. Это кое-что значит, конечно, но для разгадки данного конкретного дела и для обнаружения данного агента этого, увы, недостаточно. Капитан Ксиадис оказался честным человеком — ему огромное спасибо, но пассажир-то исчез.

Полковник Марков, который нес на доклад своему руководству серую папку с кодовым названием «Одиссей», шагал по длинному ярко освещенному коридору вдоль одинаковых высоких дверей с крупными медными цифрами и большими медными же дверными ручками, перебирая детали, проверяя себя, не забыл ли о чем-нибудь. В кабинете у генерала Сергеева не было принято долго вспоминать факты, события, даты или фамилии. Все должно

быть взвешено заранее и доложено предельно кратко и ясно.

Генерал сидел за столом в белой рубашке с сине-красным галстуком, синий пиджак висел на спинке одного из стульев у стены. В углу мерно тикали старинные часы в высоком деревянном футляре. Через открытое окно в кабинет доносился шум проезжавших машин.

— Прошу, прошу.— Генерал пригласил Маркова сесть. Полковник опустился в кресло, а папку положил на стол генерала. Тот пододвинул ее к себе, раскрыл и начал читать документы.

Марков время от времени взглядывал на него, следя за выражением лица. Они работали вместе уже почти два десятка лет и научились понимать друг друга с полуслова.

Генерал, ногтем большого пальца отчеркнув на полях какую-то строчку, поднял голову.

— Так. Майор Гроженков доложил утром шестнадцатого?

— Да. «Одиссей» отвалил перед полуночью. К тому же у майора Гроженкова были основания для сомнений. Во-первых, сержант-пограничник, стоявший на КПП, у которого возникло подозрение, что на теплоход якобы не вернулся один из пассажиров, вел себя неуверенно, и это легко объяснить. Когда провели повторную проверку документов и им был показан пассажир с бородой, сержант узнал в нем человека, не вернувшегося с берега. Во-вторых, капитан Ксиадис был не совсем трезв после посещения Махинджаури.

— Понять можно, но восемь часов потеряно,— сказал Сергеев без осуждения в голосе, а только констатируя факт. И снова принялся читать.

На следующем листе он тоже сделал пометку и снова посмотрел на Маркова.

— В городе его можно было взять за хвост.— Генерал имел в виду город С.

— Там дальше есть объяснение старшины милиции, который нашел сходство между словесным портретом пассажира, поступившим от пограничников, и приметам Жолудева, имевшего отношение к инциденту в ресторане,— сказал Марков.— Есть показания москвички Панкратовой, которая была свидетельницей скандала, и докладная дружинников. Психологически поведение старшины в первые минуты общения с Жолудевым вполне оправдывается.

Генерал прочел эти бумаги. Смысл их сводился к тому, что старшина, оформлявший протокол скандала в ресторане, хотя и знал об объявленном розыске гражданина с приметами Жолудева, был сбит с толку поведением Попова, явно агрессивным. И если принять во внимание, что Попов оказался человеком, только что отбывшим наказание, то станет понятно, почему именно он, а не Жолудев заставил сконцентрировать на себе внимание старшины. Да к тому же, как признался сам старшина, он был немного размагничен после отпуска. Только через два часа после отправки Попова в вытрезвитель, еще раз перебирая дела с приметами разыскиваемых лиц, он вдруг осознал, что Жолудев сильно смахивает на одного из этих лиц.

— Чем можно объяснить столь опрометчивое поведение в ресторане? — Генерал спрашивал одновременно и Маркова, и самого себя.

— Либо это случайность, оплошность, либо... чем черт не шутит...

— Черти-то давно перестали с нами шутить, Владимир Гаврилович, — не дав договорить, заметил, улыбнувшись, генерал.

— Безусловно, если иметь в виду последний случай с Карповым. Тут немало зависит от конечной цели агента, — согласился Марков.

Да, генерал Сергеев имел в виду именно этот случай. Произошел он совсем недавно. Карпов (настоящая его фамилия была другая), отбывая в колонии наказание за хулиганство, написал заявление и просил срочной встречи с представителем органов госбезопасности для особо важного сообщения. Карпова этапировали в Москву, где он на допросе показал, что одной из вражеских разведок был нелегально переброшен на территорию Советского Союза для длительного оседания. Перед ним была поставлена цель — легализоваться через места заключения и после освобождения, имея на руках настоящие советские документы, обосноваться в Горьком и ждать указаний. Карпов выполнил первую часть задания разведки. В одном из киевских кафе он затеял драку (ему еще в разведцентре подобрали подходящую статью уголовного кодекса РСФСР, а именно 201, часть 2), был задержан, а затем осужден на два года.

— Вот именно, — сказал генерал. — Ну, ладно, пойдем дальше. — И снова склонился над папкой и уже не отрывался, пока не перевернул последний лист.

— Стало быть, Жолудев Михаил Иванович в Ижевске не проживал и не проживает? — подытожил чтение генерал Сергеев.

— Да, Иван Алексеевич, испарился Жолудев, — сказал Марков.

— Но искать его надо.

— Будем искать.

Сергеев закрыл папку, вернул ее Маркову и сказал как бы мимоходом, без нажима:

— А чего ж это Уткин? Сидел-сидел в Свердловске, а тут вдруг захотелось перебраться в Челябинск...

Марков, откровенно говоря, ждал этого вопроса. Они с Павлом Синицыным недаром вписали в дело «Одиссея» факт переезда Уткина — значит, не исключали возможности его связи с прибытием нового гостя. Генерал же сам выделил этот факт из других — значит, нить просматривается довольно определенно.

— И переехал именно сразу после захода «Одиссея» в Батуми, — уточнил Марков.

— Уж не появился ли где-нибудь совсем в иных краях еще один Уткин, а, Владимир Гаврилович? Это вы хотите сказать, не так ли?

Марков только пожал плечами. Сергеев улыбался.

— Проверочку себе устраиваете? — с легкой подковыркой сказал он. — Да и мне заодно тоже?

Марков не удержался, губы его растянулись в улыбке.

— Так ведь оно, Иван Алексеевич, иногда не мешает попутно проверить свою версию.

— Попутно, значит... Так-так-так... — Генерал был явно доволен. — Попутно! Если первый Уткин заслан для того, чтобы служить прикрытием для нового гостя, то, надо полагать, новый — фигура особой ценности, а, Владимир Гаврилович?

— Если эта версия верна, мы попадем прямо в десятку.

— В таком случае они сильно переусердствовали.

— Но рассуждали-то в целом правильно.

— Правильно, — согласился генерал. — Ищите Уткина Второго, Владимир Гаврилович. Вы, по-моему, на верном следу...

Марков поднялся, чтобы выйти, но генерал жестом остановил его.

— А как вы думаете, Владимир Гаврилович, коль скоро Уткин Первый сыграл свою роль — если, конечно, эта

версия истинна,— не захотят ли его убрать? А? Придется побережь.

— Да уж придется, Иван Алексеевич,— сказал Марков.

Глава пятая

БУДНИ УТКИНА ВТОРОГО

Каждое утро Владимир Уткин Второй, проснувшись, долго лежал в постели, прислушиваясь к звукам, долетавшим в комнату. Это было просто необходимо для того, чтобы вернуться в обстановку, которая окружала его в последние дни.

Изредка по тихой улице проходила машина. За стеной, в квартире № 2, невнятно бормотало радио. Куст белой сирени, начавший понемногу цвести, шелестел листьями. Про Уткина Второго нельзя было сказать, что это тонко организованная, нервная и чуткая натура. Он больше доверял своему инстинкту, а не умозаключениям. Он не был обременен никакими комплексами и никогда не страдал бессонницей. Он, конечно, любил ясность во всем, но не терял сна и тогда, когда другой бы на его месте дошел до мании преследования. Он никогда не думал о себе в третьем лице и не сравнивал себя с хорошо натасканным псом, но если бы кто-нибудь другой сделал такое сравнение, Уткин не стал бы возражать. Может, ему бы это даже понравилось.

Он внушал себе, что живет так уже многие годы, что все знакомо ему здесь давным-давно, и постепенно покой и уверенность вливались в душу. Тогда Уткин вставал и, поболтав с Домной Поликарповной за завтраком, надевал купленные на базаре защитного цвета гимнастерку и брюки и шел копать во дворе. За несколько дней он окантовал дорожки битым кирпичом, привел в порядок клумбу. И между прочим познакомился с соседями по дому. Двор был общий, но у каждой семьи имелся свой участок.

Через неделю ему уже и впрямь стало казаться, что он действительно не кто иной, как демобилизованный два года назад старшина-сверхсрочник, решивший перебраться сюда по той причине, что климат ему на Урале не понравился, а здешний очень даже хорош. Такую линию вел он в разговорах с соседями. «Слаботочники мы»,— объяснил

он Борису Петровичу, имея в виду, что в армии сделался классным специалистом по аппаратам, работающим на слабых токах. Насчет классности он не врал нисколько. Уткин перед засылкой прошел специальный курс по телефонной аппаратуре всех систем, функционирующих в городах и селах Советского Союза.

Однажды в субботу Борис Петрович позвал его к себе на участок — помочь сгрузить с машины землю для газонов. После работы Уткин так выразительно смотрел на соседа, что тот хотя и помялся, но все же сходил в дом и принес пять рублей.

— Держи, Володя, — сказал Борис Петрович.

— Ну, что вы! За такой пустяк.

— Бери, бери, чего там...

— Ну, спасибо. Оно, конечно, марки солдату никогда не помешают, — сказал Уткин и тут же спохватился: сказал не то, что нужно.

Борис Петрович взглянул на него удивленно.

— Так любил говорить наш капитан. Он пять лет в ГДР служил, — поправился Уткин.

Это была оплошность.

Прошлое уходило, уплывало куда-то далеко и растворялось в тумане сновидений, подобно тому, как убегали, угасая в море, буруны от винтов за кормой «Одиссея», когда он плыл на нем к берегам этой страны...

И только вечером, оставаясь один в комнате, где на потолке шел бесконечный абстрактный кинофильм из жизни света и теней, — закатное солнце, а позже фонарь, стоявший во дворе, играли листвою, — он сосредоточенно вспоминал все пункты своего задания, все, что необходимо помнить без записи. В конце концов тени на потолке смешивались, и он спокойно засыпал, чтобы проснуться свежим и бодрым.

Мало-помалу он убеждался, что далеко не все из того, о чем ему, сыну перемещенного лица, говорили про родину его предков, про людей, которые живут здесь, правда.

В своей жизни он видел много стран, жил среди многих народов. В детстве — Чехословакия, потом — Франция, позже — суматоха Нью-Йорка и, наконец, последние годы — вновь Европа. Это приучило его быстро приспосабливаться к новой обстановке и всюду жить, как живут окружающие.

— Что, Володя, решил остаться? — как-то вечером спросил его во дворе Борис Петрович.

— Пожалуй, — ответил Уткин. — Городок славный, невест много.

— Работать где думаешь?

— Да вот прикидываю, не податься ли на телефон?

— Верное дело, — одобрил Борис Петрович. — У нас по этой части одни шкеты неумелые.

— А у вас что, аппарат барахлит?

— Шум какой-то в трубке.

— Разрешите посмотреть?

Борис Петрович провел его к себе в квартиру. Отвертка у него нашлась, и через пять минут Уткин аппарат наладил — в одном месте проводок был оголен и замыкал на соседнюю клемму Борис Петрович пытался сунуть ему в кулак рубль, но Уткин воспротивился.

Бориса Петровича знал весь город, так же как он знал в городе всех. С его помощью Уткин легко договорился на городском телефонном узле о работе. Впрочем, его приняли бы и без чьей-либо протекции, потому что техников, особенно таких опытных, постоянно не хватало.

Домна Поликарповна в тот день, когда Уткин подал заявление о работе, снесла его документы — паспорт и военный билет — в ЖЭК для прописки. Таким образом, обстановка складывалась нормально. Однако прежде чем приступить к исполнению обязанностей техника, Уткину необходимо было осуществить одно немаловажное дело. При разговоре с начальником узла он оговорил, что начнет работать через неделю. За семь дней он рассчитывал обернуться без особой спешки.

Ему надо было слетать в Свердловск, чтобы забрать рацию, которая хранилась у Уткина Первого и которая была замаскирована под рядовую советскую «Спидолу».

Тут следует объяснить, что Уткин Второй не ведал о существовании Первого. В центре ему было сказано следующее: при удобном случае он должен явиться в Свердловск по такому-то адресу, где на чердаке в пожарном ящике с песком будет спрятан приемник. Разумеется, он делает это скрытно.

Может возникнуть вопрос: как же так? Ведь за Уткиным Первым с самого начала велось неотступное наблюдение. О существовании у него «Спидолы» было известно. Если, переезжая из Свердловска в Челябинск, он был без приемника, это не могло пройти мимо внимания наблю-

давших за ним, и они должны обеспокоиться. Однако вся штука в том, что Уткин Первый согласно инструкции, предусматривавшей такую ситуацию, еще задолго до переезда сумел осуществить нехитрый план. Сначала он намеревался приобрести настоящую «Спидолу» в радиомагазине, но популярных приемников в продаже не было. Тогда он стал искать подержанную, и в конце концов один из клиентов, которому он устанавливал на квартире телефонный аппарат, продал ему свою «Спидолу» за полцены. Уткин пронес ее к себе незаметно, в чемоданчике. Уезжая из Свердловска, рацию он закопал в пожарном ящике, а вновь приобретенную «Спидолу», когда ехал на вокзал, повесил себе на плечо.

Сейчас Уткин Второй беспрепятственно — ведь он еще вне поля зрения чекистов — слетал в Свердловск, разыскал чердак и извлек из-под песка упакованную в целлофан рацию. И вернулся на пятый день.

С 12 июня 1971 года Владимир Иванович был зачислен в штат телефонного узла и начал работать.

Домна Поликарповна не могла нарадоваться на своего нового жильца. Уткин выдал ей единовременно триста рублей, и они договорились, что он будет платить каждый месяц по сто рублей.

В договоре о сдаче комнаты гражданкой Валуевой гражданину Уткину проставлено было пятнадцать рублей. «Так все делают,— объяснила она.— Записывают одну сумму, а платят другую»...

С Домной у него сложились ровные дружеские отношения. Она никогда не заводила лишних разговоров о том, кто он такой на самом деле, зачем прибыл и тому подобное. Он всячески проявлял уважение к ней и в свою очередь не интересовался подробностями ее довоенного и военного прошлого. По обоюдному молчаливому согласию они вели себя друг с другом так, словно он самый обычный квартиросъемщик, а она просто квартиродатчик.

Глава шестая

НИЧТО НЕ ПРОХОДИТ НЕЗАМЕЧЕННЫМ

Когда генерал Сергеев сказал Маркову, что разведцентр, заславший человека с «Одиссея», явно переусердствовал, он имел в виду следующее. Если центр заготовил этому новому агенту легенду под Уткина Первого, то,

значит, за кордоном рассуждали так: «Одиссей» придет на место; устроится, а коли милиции или отделу кадров захочется проверить, откуда он явился, все будет предельно чисто, ибо Уткин Первый, пожив и поработав в Свердловске, обеспечил Уткину Второму, своему двойнику по документам, прочный тыл, хорошее прошлое. Но вражеский центр просчитался. Чекисты приняли решение искать не вообще Жолудева и Уткина Второго, а обращать внимание лишь на того, кто переезжал с места на место в последнее время и работал, скорее всего, телефонистом.

Но, учитывая колоссальные размеры страны и бесчисленное количество городов, сел, деревень и поселков, работа эта была огромной, особенно если учесть, что поиск надо было вести скрытно, соблюдая такт и осторожность, чтобы ненароком не спугнуть человека с «Одиссея». И еще чекисты обязаны были заботиться о том, чтобы никак не бросить тень на других Жолудевых и Уткиных.

Шел настойчивый поиск. По некоторым специфическим вопросам розыска были подключены органы милиции. Прошло уже более месяца, как ступил человек с «Одиссея» на советскую территорию, однако похвастаться результатами полковник Марков и его помощник майор Павел Сеницын все еще не могли.

Поиск продолжался, его темпы нарастали с каждым днем. Но прошел июль, миновал август, а Жолудева-Уткина найти все еще не удалось. Ни Марков, ни Сеницын ни на секунду не сомневались в конечном успехе, но время, время! Оно всегда поджигает чекистов.

И вот однажды пасмурным сентябрьским вечером, когда генерал Сергеев сидел в своем кабинете вместе с Марковым и обсуждал только что полученные последние данные, в приволжском городе произошло на первый взгляд обычное в практике работы органов госбезопасности событие. В приемную местного управления КГБ пришел заявитель и, сам того не подозревая, сделал бесценное для наших контрразведчиков и роковое для человека с «Одиссея» сообщение.

В Москву полетела внеочередная шифрограмма. Как только она была получена, сразу же последовало указание полковнику Маркову вместе с майором Сеницыным вылететь на место.

Полковник Марков в присутствии Павла Сеницына и местного работника старшего лейтенанта Антонова принимал заявителя. Марков и сосед Домны Валуевой — ра-

ботник горжилуправления Борис Петрович Евсеев сидели за столом и пили кофе. Павел и старший лейтенант расположились на диване. У Павла в руках был портативный магнитофон.

— Борис Петрович,— сказал Марков,— мы внимательно ознакомились с вашим заявлением, и у нас к вам есть ряд вопросов. Но прежде чем приступить к существу дела, нам бы хотелось, чтобы вы подробно, не стесняясь мелочей и повторений, рассказали, что побудило вас обратиться в органы госбезопасности. Вы поняли меня?

— Да, конечно.

— Вы не возражаете, если мы наш разговор запишем на магнитофонную ленту?

— Как вам будет удобно.

— Вам налить еще чашечку?

— Спасибо... Значит, не стесняясь мелочей и повторений... Хорошо. Начну все по порядку...— Борис Петрович помолчал, склонив голову, потом сомкнул пальцы замком и начал, не торопясь:

— С соседкой Домной Поликарповной Валуевой знаком я уж лет пятнадцать. С того самого момента, как она въехала в эту квартиру. Моя жена не сразу с ней подружилась, но потом все наладилось... Домна Поликарповна иногда у нас оставалась с детьми, но чаще дети у нее. Домна Поликарповна — довольно своеобразный человек... Но, может быть, это вам не интересно? — Борис Петрович поглядел на Маркова.

— Пожалуйста, рассказывайте, как считаете нужным. Нас все интересует,— сказал Марков.

— Женщина она, говорю, странная. То кажется, ну, совсем наш человек, рабочий, то такая фанаберия на нее найдет — не подступишься. Может неделю даже не здороваться, как будто вас и нет... Вообще, думаю, она с нами откровенной никогда не была. Такое у меня, во всяком случае, сложилось впечатление. Особенно о прошлом не любит разговоров — о войне там, о довоенных временах. Знаю, до войны она работала где-то в Москве. Про Москву, правда, любит поговорить... Человек она совсем одинокий. Живет на пенсию и немножко подрабатывает на машинке да жильцам комнату сдает. Родители ее, рассказывала, погибли во время голода. Воспитывалась в детском доме. Приехала сюда из Ставропольского края, из какого района — не помню... Машинистка она замечательная — стучит как пулемет... Животных любит, держала собаку...

Как-то, это еще давно было, разговорилась у нас про свою несчастную любовь, жаловалась. Умер он, а она дала себе обет никогда замуж не выходить. Гордится, что сдержала слово. В последние три года комнату снимал студент. А раньше обитал у нее с полгода пожилой мужчина. Всех она официально прописывала, а этого нет... И похоже, они давненько еще познакомились... Выпить любил, и она с ним, видно, попивала, частенько ее навеселе видели в ту пору...

— Опишите его внешность, Борис Петрович.

— Внешность? — Он неопределенно пошевелил пальцами. — Полный, грузный... Глаза немного выпученные... Лысина порядочная...

— Владимир Гаврилович, позвольте мне на несколько минут отлучиться? — сказал вдруг старший лейтенант Антонов.

— Пожалуйста.

— Продолжайте, Борис Петрович.

Но тот словно обрадовался передышке и долго молчал, прежде чем продолжить рассказ.

— Так вот... В конце мая у Домны Поликарповны появляется новый жилец. Уткин Владимир... Живет день, два, неделю... Форма солдатская есть, хотя по обличью не скажешь, что солдат... Смотрю раз, копается во дворе. Вижу, вроде бы работяга. Попросил его сгрузить землю с автомашины для газона во дворе. Охотно согласился. И пятерку взял, не отказался. Ну, познакомились. Он оказался телефонным техником. Мол, демобилизовался, служил на сверхсрочной, где-то на Дальнем Востоке, после в Свердловске жил, да не понравилось там, вот и перебрался сюда, возможно, и насовсем останется. Домна Поликарповна сказала, в кафе его нашла, сам подошел, спросил о квартире, ну и столковались. Она ему прописку оформила, я на телефонном узле с начальником его познакомил... Но дело не в этом... Вот в тот раз, когда машину мы разгружали и я ему пятерку дал, он и говорит: «Конечно, бедному солдату марки всегда нужны». Так и сказал: «марки», а не «рубли». Правда, тут же поправился и сказал, что это было любимой поговоркой у их командира, капитана. Тогда я не обратил внимания. А один раз смотрел он у меня телевизор — у Домны испорчен был... Спросил я его про Свердловск: сильно, мол, изменился? А он даже толком названия улиц не знает — где театр, где что... Я ведь в Свердловске после войны месяца три всего

и прожил, в командировке был, толкачом работать приходилось. Три месяца, а до сих пор все помню. А он два года — и ничего не запомнил... Выходит, врал? Зачем? И с тех пор, вот убейте, такая у меня уверенность — не нашенский это парень...

Борис Петрович умолк.

— Закурите, — предложил Марков.

— Да я не курю, бросил. — Однако взял сигарету.

Тут в дверях появился Антонов, подмигнул Павлу и, ступая на носках, подошел к дивану, присел. В руке у него был небольшой канцелярский конверт.

— В общем, какой-то он необычный, — не объясняя им, а скорее еще и еще раз убеждая самого себя, добавил Борис Петрович. — Вот я и решил о своих сомнениях рассказать товарищу Антонову.

— Сердечно вас благодарим, Борис Петрович, — сказал Марков. — И, конечно, мы заинтересуемся Владимиром Уткиным. А теперь еще несколько вопросов к вам, если позволите.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Скажите, он к вам ни с какими просьбами не обращался?

— Да вроде бы нет. На телефонный узел я его сам устроил.

— Удобная работа, — вставил слово Павел.

— Конечно, место теплое, чего и говорить, — по-своему понял замечание Павла Борис Петрович.

— Никуда за это время из города не отлучался? — спросил Марков.

— Вроде бы нет. Дома сидит. Иногда заходит ко мне поболтать...

— А вы к ним не заходите?

— Как он приехал, еще не случилось.

— Выпивает?

— Ни разу пьяным не видел.

— После приезда Уткина в поведении Валуевой вы никаких изменений не заметили?

Прежде чем ответить на этот вопрос, Борис Петрович немного подумал, потом сказал:

Вроде бы она стала повеселее, но к себе почему-то перестала приглашать...

— Так. А Уткин у вас ни о чем не спрашивает?

— Так, толкуем о житье-бытье.

— Борис Петрович, ознакомьтесь, пожалуйста, с опи-

санием примет и скажите: это вам, случайно, никого не напоминает? — Марков положил перед ним отпечатанный на машинке лист бумаги.

Борис Петрович вынул из кармана очки, не спеша надел их, склонился над текстом. Дочитав до точки, он сказал:

— По-моему, это сильно смахивает на моего соседа Уткина. — Он посмотрел на Маркова несколько удивленно.

— Вы не ошибаетесь? Это очень важно.

Борис Петрович вновь уткнулся в бумагу. Затем после минутного раздумья уже увереннее произнес:

— Во всяком случае, глаза, нос, рот — все похоже. И бородака... Только волосы не черные, а светлые. И знаете, забыл сказать об одной штуке: он часто без нужды заводит свои часы.

— Вы наблюдательны.

— Привычка с фронта, служил в дивизионной разведке, — улыбаясь, объяснил Борис Петрович.

— Хорошо. Своими сомнениями вы ни с кем не делились?

— Только с вами.

— И не надо. У вас вопросы есть к Борису Петровичу? — обратился Марков к Синицыну и Антонову.

— Товарищ полковник, разрешите показать Борису Петровичу кое-какие фотографии, — сказал Антонов.

— Прошу.

Старший лейтенант вынул из конверта фотокарточки и разложил их на столике перед Борисом Петровичем.

— Может быть, и здесь вы найдете кое-кого из знакомых Валуевой?

Карточек было семь штук. Борис Петрович оглядел их слева направо, справа налево. Одну взял за уголок и сказал без всяких колебаний:

— Это бывший жилец Домны Поликарповны.

...Когда Борис Петрович ушел, Марков и Павел Синицын начали разглядывать фотографии. Они думали, что Антонов, как этого требуют правила опознания, предъявил Борису Петровичу портрет жильца в ряду других людей, не имеющих никакого отношения к делу, но Антонов сказал:

— Товарищ полковник, это фотографии с последнего процесса изменников Родины, орудовавших в период немецкой оккупации в Ставропольском крае. Когда Борис Петрович упомянул...

— Понятно,— перебил его Павел.— Ты располагаешь материалами на Валуеву?

— В нашем распоряжении было мало времени для проверки, однако кое-что все же удалось узнать. Данные, которые только что сообщил о ней Борис Петрович, не расходятся с нашими. Заслуживает внимания ряд новых обстоятельств из ее биографии. Вплоть до нападения фашистов на нашу страну Валуева работала в германском посольстве в Москве горничной. Хозяев своих обожала. Однажды вызывалась оперработником на беседу, но ничего существенного по интересующему чекистов вопросу не сообщила.

— Свою работу в немецком посольстве не скрывает? — спросил Марков.

— В анкетах не писала. Когда началась война, покинула Москву и оказалась в Ставропольском крае. В период оккупации имела подозрительные связи с гестапо...

— Вы проверяли?

— Конечно. И расстрелянный Дубовцев, ее временный жилец, там в это же время орудовал.

— Любопытная особа. А по месту ее прежней работы интересовались?

— Она работала здесь машинисткой в областной конторе «Союзпечать», потом в издательстве. Ничего предосудительного за ней не замечалось.

— Что скажешь, Павел? — спросил Марков Синицына, который сидел за столом и что-то писал в блокноте.

— Кажется, мы у цели, Владимир Гаврилович, только бы не спугнуть. Даже руки чешутся... Пока вы разговаривали, у меня возникли кое-какие мысли.— Павел вырвал из блокнота два исписанных листка.— Вот.

— Недаром отмалчивался...

Марков начал читать, когда в комнате зазвонил телефон. Трубку снял Антонов. Это Москва срочно вызывала Маркова к прямому проводу.

Марков дочитал, вернул листки Павлу.

— Неплохо. Подробно поговорим, когда вернусь. А пока подумайте тут, как нам лучше проверить характер связи Валуевой с карателем Дубовцевым...

Через двадцать минут Марков был уже в здании местного управления КГБ, откуда его тут же соединили с генералом Сергеевым.

— Как дела, Владимир Гаврилович? — услышал Марков в трубке голос генерала.

— Только что закончили беседу с заявителем. Есть интересные данные. Похоже, что мы все же имеем дело с «Одиссеем». Надо проверять.— Полковник не спешил с категорическими выводами.— Подробно доложу несколько позднее.

— Понятно... Сообщаю новости. Возможно, пригодятся. Один из засланных к ним агентов имеет привычку при разговоре с собеседником то и дело заводить свои часы. Он должен везти с собой какой-то смертоносный препарат. Обрати внимание.

Марков даже дыхание задержал.

— Теперь сомнений нет, Иван Алексеевич. Мы имеем дело с «Одиссеем». Заявитель как раз говорил об этой привычке.

— Ну, вот видите, как оно складывается.

— Не сглазить бы... Будем действовать, Иван Алексеевич.

— Не спеша, но поторапливаясь. При нем препарат, назначение которого мы еще не знаем, можем только догадываться. С этим надо считаться. И последнее. О ходе операции докладывайте ежедневно. Если же получите что-то важное, сообщайте немедленно...

Глава седьмая

«ОДИССЕЙ» ДЕЙСТВУЕТ НЕ ОДИН

Уткин Второй в непромокаемой куртке на «молнии» стоял на кухне у стола и пил чай, торопливо, обжигаясь. Он опаздывал на работу. Домна что-то завертывала в бумажную салфетку.

— Возьмите с собой бутерброды.— Домна сунула сверток ему в карман куртки.

— Я скоро вернусь. Спасибо.— Он выложил бутерброды на стол.

— Жаль, зря старалась.

Уткин допил последний глоток, поставил стакан на стол и внимательно посмотрел на хозяйку.

То, что он собирался ей сказать, было для него очень важно. Вероятно, ее следовало подготовить исподволь, как он поначалу и намеревался сделать, но по зрелом размышлении решил, что лучше преподнести все Домне как бы невзначай, экспромтом. По складу натуры ей так должно больше понравиться.

— Вы чем намерены сегодня заниматься? — спросил он совершенно будничным тоном.

— А что от меня требуется?

— Совсем немного... — Он посмотрел на часы, подвел их. — Сейчас восемь. Через два часа, ровно в десять, на площади, у входа в аптеку, вас будет ждать человек с черным портфелем и плащом на правой руке. Плащ коричневый, подкладка клетчатая. Спросите его: «Вы не знаете, есть в этой аптеке шалфей?» Он должен переложить плащ на левую руку и ответить: «Шалфей есть в любой аптеке». Второй ваш вопрос: «Свежий или прошлогодний?» Ответ: «Свежий я брал вчера в другой аптеке». После этого идите домой, а он пойдет за вами. Идите по правой стороне улицы. Врозь. И чтобы осторожно.

— Вы меня обижаете, Володя! — Губы у Домны Поликарповны сразу пересохли. Она хоть и ждала, что рано или поздно Уткин привлечет ее к своим делам, но сейчас была неожиданно для себя взволнована.

— Повторите, что я вам сказал.

Домна механически, как зазубренное, повторила пароль.

— И не опаздывайте. Точно в десять. Приведите его сюда. Я буду ждать.

Ровно в десять Домна Валуева подошла к аптеке. У витрины стоял спиной к площади человек в сером костюме. Через правую руку у него висел коричневый плащ на клетчатой подкладке. В левой был портфель. Домна подошла и встала чуть сзади и сбоку, вглядываясь в отражение незнакомца в зеркальном стекле. Лицо она различала не очень ясно. На вид лет сорок пять. Светлые волосы, широкие покатые плечи. Незнакомец тоже смотрел на нее в витрину, как в зеркало. Она невольно поежилась, и вдруг ей показалось, что где-то она уже видела этого человека.

— Вы не знаете, есть в этой аптеке шалфей? — торопливо спросила Домна Поликарповна своим низким глухим голосом.

Незнакомец спокойно переложил плащ с правой руки на левую.

— Шалфей есть в любой аптеке. — Ответ его звучал полунасмешливо. Или ей это только показалось?

— Свежий или прошлогодний? — неуверенно продолжала она.

— Свежий я брал вчера в другой аптеке.

Домна повернулась и, чувствуя на своей спине взгляд незнакомца, пошла к переулку. Ей было неуютно. Она лихорадочно вспоминала. Память на лица стала теперь изменять ей. Но почему-то облик незнакомца связывался в ее представлении с чем-то тревожным и опасным.

В переулке она еще раз оглянулась. Неторопливо и размеренно, поглядывая по сторонам, незнакомец шагал метрах в пятнадцати. Домна свернула в другой переулок, в третий. Незнакомец послушно шел следом. А она все никак не могла вспомнить...

Домна не один год ходила по острию ножа, и всегда успешно. Правило, которое она усвоила за свою долговременную практику, гласило: если есть хоть капля сомнения, отойди, скройся. Здесь сомнение было нечетким, но все же было. Громко шаркая по асфальту сбитыми каблуками, она шла вперед, уже не пытаясь вспомнить, а только прислушиваясь к своему сердцу.

У тротуара стояло свободное такси. И вдруг ее словно кольнуло, она даже замедлила шаг. Ну, конечно же, этот незнакомец похож на чекиста, который когда-то вел с ней беседу по поводу морского атташе немецкого посольства. Было это примерно за месяц до нападения фашистской Германии на Советский Союз. Тогда она очень перепугалась и думала, что ее тайное сотрудничество с немецкими фашистами стало известно чекистам и ей наступил конец. Но все обошлось...

Охваченная тревогой, уже не повинуюсь себе, Домна проворно, как только позволяло ее грузное тело, вскочила в машину. Тяжело дыша, будто поднялась на десятый этаж, назвала адрес. Шофер участливо покосился на пассажирку.

— Что, с сердцем плохо? Может, лучше неотложку...

— Ради бога, скорее, — выдавила с трудом старуха.

Озадаченный водитель рванул машину с места. В последний момент, оглянувшись, Домна увидела, как незнакомец в сером костюме растерянно остановился, посмотрел на удаляющуюся машину, снова перебросил с руки на руку плащ и начал осторожно озираться по сторонам.

Домна Поликарповна вышла из машины за два квартала от дома. А когда вышла, на смену тревоге явилась досада. Чего она испугалась, собственно говоря? Как объяснить все происшедшее Володе?

Она особенно тщательно закрыла за собою дверь квартиры, собираясь с мыслями и подбирая аргументы для

предстоящего разговора. К ее удивлению, Уткина дома не оказалось. Она присела на кухне, не понимая, куда делся ее жилец. Вот теперь-то ей в самую пору было положить под язык таблетку валидола.

Уткин пришел минут через десять, хмурый, даже злой, таким Домна Поликарповна еще никогда его не видела.

— Что произошло? Вы вели себя так, словно за вами гналась милиция.

Уткин не стал объяснять Домне, что хотел встретить ее и гостя на улице метров за сто от дома, чтобы проверить, нет ли за ними «хвоста».

— Нельзя так... — всхлипнула Домна. — Вы молоды, а я... Откуда мне знать, что это именно тот, кто вам нужен?

— Вы говорили с ним? — сдерживая раздражение, спросил Уткин.

— Да.

— Он ошибся в пароле?

— Нет.

— Так в чем дело, черт возьми? — не в силах больше сдерживать себя, крикнул он.

— Я ушла... Поверьте моему чутью... Все было как-то подозрительно похоже...

— Что похоже? Что подозрительно? — переходя на злой шепот, спрашивал Уткин. — Слушайте меня, Домна Поликарповна. К черту ваше чутье! Мне некогда разбираться в вашей нервной системе. Вы обязаны исполнять то, что я вам говорю. В противном случае ни вам, ни мне сладко не будет.

— Я знаю... Но мне показалось, что нам хотят подсунуть...

— Поменьше вникайте! Не набивайте себе цену. Знаете, что вы натворили? Теперь мне надо ждать минимум месяц, а может быть, больше. Да и не известно, чем все это кончится.

Уткин заходил по кухне от стола к плите, от плиты к столу.

— Черт бы вас подрал! Старая школа... Задрожали на первом шагу. Мне противно на вас глядеть.

— Вы не знаете чекистов, — тоже шепотом сказала Домна. — Мне показалось... Он очень похож на того, кто допрашивал меня... там, в Москве... за месяц до войны...

— Что за ерунда! Тому, кто вас тогда мог допрашивать, сейчас лет семьдесят.

Домна Поликарповна прижала обе руки к щекам, как

делают молодые женщины в смущении, когда у них горит лицо. Только сейчас она сообразила, что, заподозрив в незнакомце у аптеки чекиста, совсем не учла прошедших тридцати лет.

— Сколько, по-вашему, на вид этому человеку? — раздраженно спросил Уткин.

— Лет сорок пять.

— А сколько было тому, кто вас допрашивал?

— Не знаю... Тридцать... или сорок...

Уткин даже головой покрутил от возмущения. Но что толку теперь беситься? Он спросил:

— О чем вас допрашивали?

Домна рассказала, как в сорок первом весной ее вызвали чекисты и долго расспрашивали об атташе, который — она это точно знала — занимался шпионажем, и Домна оказывала ему услуги. Но она тогда ничего не сказала...

— Вы внешность-то того, у аптеки, запомнили?

— Обыкновенная... мужчина как мужчина. Средних лет... Да я его и не разглядела как следует...

— То-то и оно-то. — Уткину все было ясно: Домна поддалась страху.

— Вы не знаете чекистов, — вновь повторила она.

— Я знаю о них значительно больше, чем вам когда-либо снилось, — сказал Уткин, глядя в окно. — Меня учили лучшие специалисты, понимаете, лучшие. И во всяком случае я знаю одно, что вся ваша осторожность не стоит и марки...

— Рубля, — поправила Домна. Она уже пришла в себя. — Пора уже привыкнуть, Володя.

— Ну, рубля, — хмурясь, согласился Уткин. «Въелись в меня марки, никак не могу отучиться», — подумал он. И сказал совсем миролюбиво: — Если мы на крючке, то с него так грубо не срываются. Можете успокоиться, этот человек свой. Такого пустяка не могли сделать...

— Видно, стара я стала. Это уже не для меня, — печально молвила Домна. — Вам нужен помощник помоложе... Есть у меня один знакомый на примете...

Уткин не слышал последних слов. Он про себя мысленно повторял: «Рубли, копейки, рубли, копейки». И вдруг вспомнил о разговоре с Борисом Петровичем после разгрузки машины, о том, как сорвались с языка эти проклятые марки... «Неужели сосед мог что-то заподозрить? — Уткин тут же успокоил себя: — Нет, нет, я тогда вышел из положения».

— Вы меня слушаете? — спросила Домна.

— Что вы сказали?

— У меня есть для вас помощник.

— Кто такой?

Его отец в период немецкой оккупации был активным их сотрудником. Но сумел скрыться. И жил неплохо целых двадцать семь лет. А в прошлом году его взяли, приговорили к расстрелу. А сын остался, у меня адрес есть...

— Чем занимается?

— Он медицинский институт окончил, работал зубным врачом. Был замешан в какой-то афере с золотом, пять лет отсидел. Сейчас без определенных занятий.

Но Уткин опять, кажется, не слышал. Он все думал о рублях и марках, о Борисе Петровиче и о своей оплошности.

Домна Поликарповна шумно вздохнула.

— А вы откуда его знаете? — спросил Уткин.

— Я же сказала: близко знала его отца, сорок лет были друзьями. — Теперь уже настала ее очередь раздражаться. — Он из обрусевших немцев. Познакомились перед войной — он приходил в германское посольство за помощью. Стали переписываться. Потом я переехала к нему на Ставропольщину. А после войны он меня нашел здесь. Сын его, Петр, на Советскую власть и за отца зол и за себя, и при желании его легко можно прибрать к рукам.

Из досье, хранившегося в архивах бывшего абвера, он знал, что Домне Валуевой можно верить. И его собственный инстинкт говорил ему то же. Но предложение это Уткину не понравилось.

— Без определенных занятий... Судился... Нет, такой не подходит.

— Чем же я могу еще помочь?

— Могли — хотите вы сказать? — усмехнулся Уткин. — Да, могли. Но что поделаешь?

А в голове у него все еще вертелось: рубли, марки, марки, рубли.

Глава восьмая **ПРЕСЛЕДОВАНИЕ**

Синицын и Антонов с разных точек наблюдали за действиями Домны. Когда та поспешно села в такси, за нею последовал старший лейтенант, а за Блондином (так

они решили называть человека с коричневым плащом и с портфелем) — Павел Синицын.

Наблюдая за Блондином, Павел видел, как он был взволнован встречей с Домной. Когда она столь неожиданно села в такси и уехала, Блондин некоторое время стоял неподвижно и смотрел растерянно вслед удаляющейся машине. Затем, словно очнувшись, он нервно огляделся и быстро зашагал по улице, усиленно проверяя, нет ли за ним слежки. Он старался оторваться от предполагаемого «хвоста», применяя различные ухищрения. Павел, следуя за Блондином, с трудом соблюдал осторожность. Так, петляя по городу, в конце концов Блондин через час привел Павла на вокзал.

На вокзале Блондин недолго постоял у расписания поездов. Потом зашел в ресторан, и Павел увидел, как он отдал плащ гардеробщику, но портфель прихватил с собой. Павел решил подождать его у входа и присел на скамейку, стоящую в глубине зала ожидания: отсюда, оставаясь незамеченным, он хорошо видел дверь ресторана. Посидев, подошел к стене, где было вывешено расписание. Посмотрел на часы. До отхода ближайшего поезда оставалось всего двадцать минут. По всему видно, ему придется выехать из города. Мелькнула мысль позвонить своим коллегам и доложить обстановку. Павел сглянулся. В противоположном углу зала стояла кабинка телефона-автомата. «Далековато», — с досадой подумал он. На всякий случай он написал на клочке листка, вырванного из блокнота, несколько слов и, сложив его, сунул в спичечный коробок. «Надо все же попытаться», — решил Павел и, не теряя из виду дверь ресторана, направился к телефону-автомату. Однако позвонить ему не пришлось. Павел еще не дошел до будки, когда из ресторана поспешно вышел Блондин. Он пересек зал ожидания, подошел к кассам дальнего следования. Народу там было мало: курортный сезон уже закончился.

Взяв билет, Блондин отошел в угол, сел на скамейку, вынул из портфеля газету и, делая вид, что читает, внимательно наблюдал за людьми, подходящими к кассам. Посидев так минут пять, он вышел на перрон. Поезд уже прибыл, и до отправления оставалось три минуты.

Блондин, показав проводнику билет, сел в мягкий вагон. Павел не пошел за ним. Он остановился около соседнего вагона. Ему предстояло в считанные секунды изобрести способ известить своих товарищей о ситуации, в ко-

торой оказался. А ситуация складывалась не в его пользу. Мало того, что ему пришлось вести наблюдение в незнакомом городе, что само по себе нелегкое дело. Ясно, что Блондин настороже и в поезде наблюдать за ним будет, пожалуй, труднее, чем до сих пор. Неприятно было это сознавать, а рассчитывать на неопытность противника не приходилось. Павел понимал, что игре в невидимку скоро должен наступить конец, и тогда все будет решать прежде всего сила, ловкость и сообразительность. Нет, он не боялся такого оборота дела, не страшился физического единоборства. Но он ясно отдавал себе отчет в том, что куда выгоднее незаметно установить связи Блондина, а не рассчитывать на его откровенные показания следствию. Да и будут ли они таковыми — это еще вопрос.

Павел посмотрел на часы. Через минуту — отправление. Он оглянулся, услышав за спиной тяжелые шаги, и облегченно вздохнул: вдоль состава шел, приближаясь к его вагону, милиционер. Было бы непростительно не воспользоваться этим случаем. Павел сунул руку в карман, достал спичечный коробок и бросил его себе под ноги. Когда милиционер поравнялся с ним, Павел отступил чуть в сторону и тихо сказал:

— Товарищ старшина, я из Комитета госбезопасности, выполняю важное задание и не смогу отойти от поезда. Поднимите коробок и срочно передайте нашим.

Старшина милиции поднял коробок и, не глядя на Павла, направился дальше.

В это время поезд тронулся. Павел на ходу вскочил в купейный вагон.

— Билет, — сказал проводник, уступив ему дорогу в тамбур.

— Я из мягкого, — объяснил Павел и по коридору прошел в соседний вагон.

Там большинство купе были открыты, за исключением двух в середине вагона. Чтобы не вступать в пререкания с проводником, он решил сразу ему представиться.

— Билета у меня нет. Не успел. Но мне необходимо быть в этом вагоне.

Проводник, невысокий кругленький дяденька лет под пятьдесят, понимающе закивал головой.

— Ясененько. Чем могу помочь?

— Вы не помните, в какое купе посадили высокого блондина в сером костюме и с портфелем? — спросил Павел.

Как не помнить? Он же сейчас сел... К пожилой женщине... Одну секунду.— Проводник взял со стола папку с билетами, вынул билет.— Точно — в пятом купе.

— Кто там еще, кроме женщины?

— Там только двое. Можете составить им компанию.

— Благодарю вас. Я лучше побуду в коридоре.

— Ясненько.

Павел двинулся по застеленному ковровой дорожкой проходу, остановился у окна напротив шестого купе. Поезд набирал скорость. Мимо мелькали пристанционные постройки, вагоны, стоящие на запасных путях. Павел смотрел в окно и обдумывал план дальнейших действий. Прежде всего надо убедиться, на месте ли Блондин. Как это сделать? Дверь пятого купе закрыта. Открыть, словно бы по ошибке? Не годится: нельзя было давать стопроцентную гарантию, что при блуждании по городу Блондин не «срисовал» его физиономию на одном из поворотов...

Ритмично стучали колеса на стыках, бежало время. Дверь купе по-прежнему была закрыта.

«Вот тебе и ясненько,— прикусив губу, подумал Павел.— Придется прибегнуть к помощи проводника». Он просунулся в служебное купе.

Проводник оказался сообразительным человеком: тотчас налил два стакана чаю и, когда Павел вновь занял удобную позицию у окна, направился с ними к пассажирам пятого купе. Ему пришлось постучать в дверь несколько раз, прежде чем послышался недовольный мужской голос:

— Что нужно?

— Не желаете ли чайку? — с изысканной вежливостью спросил проводник, чего в другое время, наверное, не делал.

— Чайку? — переспросил мужской голос.— Ну, давайте.

Проводник вошел в купе — дверь была незаперта. Павел не увидел пассажира — тот, вероятно, сидел за столиком, — но заметил лежащий на полке знакомый ему портфель. Для него и этого было вполне достаточно.

Проводник выкатился из купе довольный, улыбнулся Павлу — мол, все в порядке — и ушел к себе в купе. Павел оставался на своем посту. Так прошло еще часа полтора. Поезд, подрагивая на стрелках, замедлял ход — приближалась большая станция. Павел посмотрел на часы — они показывали четырнадцать. В коридоре никого не было. Похоже, все до единого пассажира дремали в купе.

Павел прошел в тамбур, оставил дверь открытой. Хотел закурить, но вспомнил, что коробок со спичками он отдал милиционеру.

Поезд слегка дернулся и стал.

И тут Павел увидел в коридоре быстро удаляющегося Блондина. Он был без плаща и без портфеля, но явно уходил, чтобы не вернуться. Это Павел ощутил отчетливо...

Раздумывать было некогда. Павел подбежал к пятому купе, рванул дверь. На верхней полке валялся знакомый ему портфель, а на вешалке висел коричневый плащ. На нижнем диване лицом к стене спала седая женщина. Павел схватил с полки портфель, сдернул с вешалки плащ и бросился к выходу. Спрыгнув из вагона, он увидел, как Блондин входит в здание вокзала. На плече у него висела сумка, похожая на те кофры, которые носят фоторепортеры, только раза в два поменьше. Вероятно, до этого она была у него в портфеле. Павел единым духом преодолел две колеи и, вспрыгнув на перрон, вбежал в зал ожидания и через окно, выходящее на небольшую привокзальную площадь, увидел, как Блондин, открыв дверцу такси, разговаривает с водителем.

Отбросив всякую предосторожность, Павел выскочил на площадь. Такси больше не было — на последнем поехал Блондин...

У подъезда стояли три «Волги» — черная и две светлые. Светлые были пустые, в черной подремывал водитель, упитанный мужчина в летах. Павел решительно открыл дверцу. Бросил плащ и портфель на заднее сиденье, а сам скользнул на переднее, рядом с шофером.

— Что такое? — заворчал тот, спросонья ничего не понимая. — Кто разрешил?

Павел сунул ему под нос удостоверение и сказал:

— Видите такси пошло? За ним. Быстро!

— Я хозяина жду, сейчас поезд из Москвы придет, — извиняющимся тоном начал было шофер.

— Ничего, мы ему после растолкуем, — настаивал Павел. — Двигайте!

Весь сон с водителя как рукой спяло. Он как будто даже обрадовался.

— За Митькой? Ну, была не была.

Машина рванулась вперед.

Так началась погоня, результаты которой было трудно предугадать.

— Приятель ваш? — спросил Павел, покосившись на

водителя. Рядом с ним сидел пожилой, но еще здоровый мужик с большими жилистыми руками.

— Кто, Митька-то? Учил его нашему делу. Я ведь на пенсии, отрабатываю положенные два месяца, — охотно ответил водитель. — Ишь, черт, жмет! Давно ли ползал, как черепаха... А вы, если не секрет, за ним или за пассажиром?

— За пассажиром...

Такси, не доезжая до города, свернуло вправо и, выехав на шоссе, понеслось по нему, все больше увеличивая скорость. Они тоже прибавили. Павел посмотрел на спидометр — сто десять.

По скорости преследуемой машины и по тому, как она все время обгоняла идущий транспорт, было ясно, что Блондин заметил погоню и пытается оторваться. И тогда Павел решил объясниться с шофером начистоту.

— Как вас по батюшке-то? — спросил он.

— Павел Матвеевич. А вас?

— О, значит — тезки, меня тоже Павлом зовут. Так вот, Павел Матвеевич, в такси, за которым мы гонимся, едет государственный преступник. Поможете задержать его, а?

— Что в наших силах, — серьезно сказал шофер и пригнулся грудью к рулю.

— Спасибо. Только слишком близко не подъезжайте. У него может быть оружие, — предупредил Павел.

В это время, как выяснилось позже, Блондин лихорадочно соображал, что делать. Теперь уже сомнений не было: за ним идет погоня. Главное, любым способом надо оторваться, сбросить «хвост». А для этого необходимо либо привлечь шофера на свою сторону, либо убрать его. Он решил испробовать сначала первое.

— Закуривай. — Блондин протянул портсигар.

Шофер, чернявый парень лет двадцати трех, не теряя дороги, правой рукой вынул сигарету.

Блондин щелкнул зажигалкой, шофер взял ее, прикурил сам.

— Вот что, браток, — сказал Блондин доверительно, — видишь, сзади машина?

— Да. От самого вокзала за нами. Как прилип, — откликнулся Митька. — Я его знаю, это Павел Матвеевич.

— Где он работает? В милиции, что ли? Или калымит?

— Не-ет. Директора ткацкой фабрики возит. На подмене. Он пенсионер уже.

Блондин стал немного поспокойнее.

— Так что мы, не уйдем от старого хрыча?! — преувеличенно бодро воскликнул Блондин. — Понимаешь, мне от ревнивого мужа удрать надо, он в той машине. Засек меня, понимаешь, со своей женой, и я, видишь, в каком виде. Вынужден бежать прямо с поезда.

Шофер посмотрел на него недоверчиво, и Блондин это заметил.

— Ревнивый, ужас! Боюсь, убьет. Видишь — гонится... Все отдам, если сумеем уйти. Вот, возьми. — Блондин протянул двадцатипятирублевую купюру.

Шофер деньги не взял, только помотал головой. Блондин сунул деньги ему в карман куртки.

— Ладно, — сказал шофер и до отказа надавил на акселератор.

Блондин, оглянувшись, заметил, что преследовавшая их «Волга» начала понемногу отставать.

Дорога делала плавный поворот влево, к железнодорожному полотну, и шла на подъем. И вот когда они были метрах в ста от высшей точки, мотор вдруг начал чихать, и машина сразу потеряла скорость. Блондин подозрительно покосился на чернявого шофера.

— Неладно что-то с подачей, — сказал тот озабоченно и посмотрел в зеркальце заднего обзора.

— Давай быстрее! — закричал Блондин, оглядываясь назад. Черная «Волга» была совсем невдалеке.

— Не тянет... Не видите, что ли? — обиженно возразил водитель.

Блондин изменился в одно мгновение. Серые глаза его смотрели на водителя с холодной злобой. Он наступил левой ногой на правую ногу шофера, лежавшую на акселераторе, и сильно нажал. Мотор, захлебнувшись бензином, заглох. Митька и сообразить ничего не успел, как на его голову обрушился страшной силы удар. Он тут же потерял сознание.

— Сволочь желторотая! — зло бросил Блондин и, не выпуская зажатый в кулаке сложенный массивный охотничий нож, другой рукой открыл левую дверцу, плечом вытолкнул из машины шофера и подвинулся на его место. Машина, взревев, легко преодолела подъем. Сумка, которую он до этого держал на коленях, упала под ноги, но Блондин не поднял ее.

Так, то сбавляя, то набирая скорость, неслись, словно связанные, две автомашины — такси и черная «Волга».

Вдали показалась насыпь железной дороги, а затем сквозь ветровое стекло Блондин увидел опущенный шлагбаум.

Делать было нечего — только бросать машину и бежать вправо от дороги, где желтела резным листом редкая кленовая роща.

Это оказалась не роща, как думал Блондин, а всего лишь защитная лесополоса.

— Стоп! — приказал Павел своему шоферу, видя, что Блондин покинул такси и бежит через лесопосадки. — Поможете мне?

— Из меня, правда, помощник не счешь, на ноги слабоват. Но была не была! — согласился шофер.

— Тогда будем брать, — сказал Павел, выбираясь из машины.

Павел уже нагонял Блондина, оставалось каких-нибудь десять метров, когда тот повернулся и, падая навстречу, что-то метнул в него. Павел инстинктивно уклонился и почувствовал тупую боль в левой руке, чуть ниже плеча. В жухлую траву упал раскрытый охотничий нож. Удар пришелся не острием, а рукояткой. Блондин уже выбрался из лесополосы и зигзагом бежал через жнивье. Но бегун из него был никудышный. Теперь не уйдет...

Павел поднял нож, сложил его, опустил в карман пиджака. И тут увидел, что наперерез Блондину от шоссе трусцой подвигается Павел Матвеевич.

У Павла Синицына лежал во внутреннем кармане пиджака пистолет, но пускать его в ход он не собирался. Этот субъект нужен был живой.

Увидев шофера, Блондин от неожиданности остановился. Что делать? Оставалось испробовать последний, призрачный, как понимал Блондин, шанс. Он круто развернулся и демонстративно зашагал обратно к Павлу.

— Коллега, пока никого больше нет, превратим все это в шутку, — услышал Павел совершенно спокойный голос. — Предлагаю отступного — две тысячи рублей. — Блондин вынул из кармана тоненькую серую книжку и остановился.

— Ишь какой ты шустрый! — усмехнулся Павел, медленно приближаясь к нему. Он еще не решил, как лучше и побыстрее скрутить Блондина. Ясно, что оружия тот не имеет. Но рука у Павла болела, а водитель еще далеко. — Ладно, положим, я согласен. А зачем томагавками бросаться? Тоже мне Чингачгук...

Они остановились друг против друга в трех шагах.

— Вот сберкнижка на предъявителя. — Блондин кинул ее Павлу под ноги.

Павел сделал вид, что поднимает ее, и, собрав все силы, прыгнул вперед. Захватив правую руку и сделав рычаг на плечо, он швырнул Блондина на сухую колючую стерню так, что тот ободрал себе все лицо. Павел навалился на него, но Блондин оказался физически очень сильным человеком и, очевидно, тоже владел приемами самбо. Завязалась борьба, и был момент, когда Павел чуть зевнул и попался на болевой прием, и Блондин подмял его под себя, но тут подошел водитель...

Они связали Блондину руки за спиной.

Сначала сходили к такси, стоявшему на дороге с открытой передней дверцей. Павел осмотрел машину внутри, поднял с пола под передними сиденьями кожаную сумку — она была теплая от мотора.

Заглянув в нее, Павел увидел обыкновенные полуторавольтовые батарейки «элемент 373», сосчитал — десять штук. Блондин следил за ним, прищурившись, но когда Павел взглянул на него, отвел глаза.

Подошли к машине Павла Матвеевича. Блондин и Павел сели на заднее сиденье.

— Митьку подобрать надо, — сказал водитель, трогая с места.

Чернявого водителя такси они увидели у обочины дороги. Митька сидел, уперев ноги в дно кювета, и, обхватив голову руками, покачивался, словно у него болели зубы.

Павел Матвеевич затормозил.

— Мить, живой? — окликнул он чернявого. — Сам идти можешь или пособить?

Митька молча поднялся, подошел. Пальцы правой руки его были в крови. Павел Матвеевич распахнул дверцу.

Бросив на Блондина ненавидящий взгляд, Митька сел, и они помчались в город...

Глава девятая

ПОКАЗАНИЯ БУЗУЛУКОВА

Блондин по паспорту значился Бузулуковым.

На допросе в Москве он без всяких запирательств дал обширные показания. По всему видно было, что он говорил

правду и тем старался заслужить себе снисхождение. Он подробно рассказал, где его готовили перед тем, как забросить в Советский Союз. Дабы не перегружать читателя ненужными деталями, мы остановимся только на тех, что имеют непосредственное отношение к развитию описываемых событий. Итак, приводим некоторые места из допроса Кирилла Афанасьевича Бузулукова.

Марков: Как вы попали в разведшколу?

Бузулуков: Нашему брату, перемещенным лицам, за кордоном живется не сладко. Работа, если, конечно, ты еще ее имеешь, только самая тяжелая и грязная. Мне и мусорщиком приходилось быть, и мойщиком окон, и уборщиком в ночном баре с танцами. Пробовал на конвейер в «Рено» устроиться — знаете, автомобильная фирма? — так там принимают только молодых. В общем, больше в безработных числился. Особенно не везло последние пять лет. До того доходило, что хоть с протянутой рукой на углу становись, а это запрещено — нищих, считается, в цивилизованных странах нет... Скитался по ночлежкам в трущобах. И подворовывать научился — по мелочам, конечно. Сыру головку, пару ботинок где-нибудь на распродаже уцененных вещей... И вот стала мне все чаще и чаще сниться родная сестра. Я уже показывал, при каких обстоятельствах меня и ее немцы вывезли в Германию и о моих там мытарствах. Сестре повезло, она попала в восточную зону и после войны вернулась в Россию. Моя судьба оказалась другой. Я несколько раз пытался разыскать свою сестренку через Красный Крест, но все безрезультатно.

Однажды мне крупно не повезло. Вернее, сначала повезло, а получилась ерунда...

Приняли меня на работу в мотель недалеко от Гамбурга. И на бензоколонке помогать, и в автомастерской, и посуду на кухне мыть — в общем, прислуга за все. А потом у какого-то богатого туриста из машины чемодан пропал. Свалили на меня. Посадили.

Месяц сидел в камере при полицейском участке. И один раз на допросе следователь проникся ко мне доверием, вошел в положение, поверил, что не крал я того чемодана. Я ему всю свою жизнь рассказал. Он говорит: «Снимут с тебя обвинение». И даже пообещал устроить на работу и познакомить с человеком, который сумеет разыскать мою сестру. Вскоре освободили за отсутствием состава преступления. Следователь оказался не трепачом:

меня приняли сторожем на большой склад и комнату дали, там же, при складе. А потом он свел меня с тем человеком. Беседа у нас была длинная, обстоятельная. Под конец он попросил написать автобиографию и сказал, что еще навестит. Примерно через три месяца опять появился у меня на квартире, сообщил, что дела мои подвигаются, и просил не унывать. А уходя, оставил пятьдесят долларов, сказал, что это помощь от благотворительного общества, в котором он чем-то там заведует. После он зачастил ко мне. Я видел — он принюхивается, примеривается, вроде собирается что-то важное сказать, да никак не соберется. И вот заявляется раз под вечер, перед тем как мне на пост заступать, и с порога, как обухом по голове: нашла сестра! Обрадовался я, конечно. Хоть в ноги падай. А он тихо так говорит: «Теперь все зависит только от вас». Я сначала не понял, говорю: мол, готов полжизни отдать. Он засмеялся: «Зачем же такие жертвы?» Короче, этот тип поставил условие. Поездка к сестре состоится, если я выполню одно поручение.

Марков: Как зовут вашего знакомого из благотворительного общества?

Бузулуков: Том Симонсон.

Марков: Где он официально работает, где живет, вам известно?

Бузулуков: Где работает — не знаю. А живет... — Бузулуков на секунду задумался. — Да. Мы раз возвращались из ресторана, были навеселе. Он взял такси, дал мне денег на расплату, а сам сошел первым на улице Бисмарка, у дома семнадцать. Это я запомнил. Но, может, это и не его дом.

Марков: Что произошло дальше?

Бузулуков: Короче, радость у меня великая. На родине побывать, с сестренкой повидаться... Боюсь, вы не поймете, но со мной такое творилось... Я готов был согласиться на что угодно. Можете не верить, но у меня была мысль остаться в Советском Союзе. Ну, а потом все закрутилось, как во сне. Симонсон передо мной раскрылся. Он так и сказал, когда мое оформление на поездку подходило к концу, что «наши отношения надо скрепить взаимным обязательством», и объяснил, что «действует от имени органа разведки». Вот тут я по-настоящему испугался. Хотел от всего отказаться, но духу не хватило. Да еще он напомнил о моем деле в полиции, которое может вновь возникнуть, о деньгах, которые давал мне, о затратах на розыск моей

сестры. По его подсчетам получалась солидная сумма, такая, что мне и за пять лет не расхлебаться. Короче, взял он меня в клещи, я уже больше не стал сопротивляться. Потом все пошло как по расписанию. Меня пропустили через школу — обучали методам ведения шпионской работы. Одели, обули, как надо, снабдили деньгами и вручили необходимые документы на поездку. И эту сумочку с батарейками. И я уже, откровенно говоря, окончательно смирился — будь что будет, обратного хода у меня не было.

Марков: Вернемся к сути дела. Какое задание вы получили от разведцентра?

Бузулуков: Я уже говорил: передать батарейки. Вот эти, что у вас на столе.

Марков: Это не батарейки, это контейнеры. Кому вы должны их передать?

Бузулуков: Не знаю. Мне сообщили день, время, место встречи и дали пароль. Ко мне должны были подойти.

Марков: Что находится в контейнерах?

Бузулуков: Понятия не имею. Мне было сказано — передать, и все.

Марков: Как же так? Везете контейнеры и не знаете, что в них? Несерьезно, Бузулуков.

Бузулуков: Не верите... Но говорю честно: что находится в контейнерах — не знаю.

Марков: Какое еще вам дали задание?

Бузулуков: Я должен был собрать сведения о воинских частях, дислоцирующихся в этом районе, а также по возможности установить, что за строительство идет в районе Ухтинска. Об этом я уже говорил на прошлом допросе.

Марков: Кто из этих людей вам лично известен? — Он вынул из стола и протянул Бузулукову три фотокарточки разных лиц, среди которых был Уткин Второй.

Бузулуков: Никто.

Марков: Когда вы почувствовали опасность провала?

Бузулуков: Когда на явке старуха вдруг бросилась в такси и скрылась от меня. Нехорошо получилось. Я, откровенно говоря, растерялся. Ну, попетлял по городу, проверился — ничего подозрительного не обнаружил. Но по-настоящему я опасность почувствовал уже в поезде. Обратил внимание на одного парня. Он на перроне стоял, мимо милиционер прошел. Поезд тронулся — он вскочил в соседний вагон — я в окно видел. Мне тогда показалось подо-

зрительно, и я решил проверить и в случае чего сбросить хвост. И тут я уже не ошибся.

Марков: Что вы должны были делать в случае, если сорвется первая явка?

Бузулуков: Выйти на вторую ровно через месяц.

Марков: Где должна состояться вторая встреча?

Бузулуков: У кинотеатра «Родина».

Марков: А если и в этот раз сорвалась бы явка, что тогда?

Бузулуков: Тогда я должен заложить контейнер в тайник. Меня это, конечно, больше устраивало. Место тайника указано на туристской карте, которая, к сожалению, осталась в поезде, в портфеле.

Марков: Вот ваша карта. Покажите, где на ней обозначено место тайника. Вы на этом месте были?

Бузулуков: Да. Рекогносцировку провел до явки.

Марков: Какой же смысл центру подвергать вас риску, заставив ожидать целый месяц очередной явки? Не проще было сразу заложить контейнеры в тайник? Выходит, вы имели еще какое-то задание. Какое?

Бузулуков. Я не все сказал, вы правы. У меня было и другое задание, лично от Себастьяна. Я должен встретиться в городе с человеком по имени Николай Овчинников, передать ему привет от Джексона.

Марков: Только привет?

Бузулуков: И сберегательную книжку на предъявителя.

Марков: Какие вы еще имели поручения к Уткину?

Бузулуков: Предложить свои услуги, если ему потребуется помощь... Теперь, кажется, все рассказал...

Марков: Так все? Или кажется?

Бузулуков: Все.

Марков: Повторите пароль, день, час и место вторичной явки.

Марков дважды нажал на кнопку на стене. Вошел конвойный, вытянулся по стойке «смирно». Марков сказал Бузулукову:

— Идите, на сегодня все.

Когда дверь закрылась, Павел сказал:

— Вторая явка у Бузулукова через три недели.

Марков поглядел на него задумчиво, полистал блокнот на столе.

— Насчет второй явки мы с тобой еще поговорим. Подумай, как это можно использовать. А пока ты свободен.

В тот же день Марков вызвал Павла. Возникла идея, оформившаяся затем в четкую линию: послать его вместо Бузулукова на вторую явку к Уткину.

Конечно, это было рискованно: ведь Домна Валуева могла разоблачить Павла и с самого начала сорвать всю операцию, поскольку она видела настоящего Бузулукова, правда, лишь со спины, а лицо — отраженным в витрине, хотя и этого в иных случаях бывает достаточно. Но зато при благополучном ходе дела можно было ожидать немало важных результатов, особенно если предположить, что Уткин — не самый конечный пункт в плане, разработанном разведцентром. К тому же химический анализ содержимого одной из батареек, проведенный в лаборатории с величайшими предосторожностями, дал странный итог: химики заключили, что порошкообразное вещество, извлеченное из контейнера, само по себе совершенно инертно, но в сочетании с определенными реагентами может приобретать различные свойства. Вкупе с азотом, например, оно является сильнейшим отравляющим веществом.

Значит, контейнеры Бузулукова — только звено в цепочке. Нет сомнения, что Уткин держит другое звено. И кто поручится, что нет третьего и четвертого звена?

Прежде чем принять окончательное решение, чекисты долго обсуждали создавшуюся ситуацию, степень риска, скрупулезно взвешивая все «за» и «против». Расчет базировался, во-первых, на вполне оправданном допущении, что показания Бузулукова правдивы, во-вторых, на скоротечности первой явки и ненадежности зрительной памяти Домны: старуха была тогда в паническом состоянии. Был разработан особый план подготовки Павла к этой операции, предусматривавший и его заочное знакомство с Домной. Одним словом, чекисты вроде бы все предусмотрели. И тем не менее одно непредвиденное обстоятельство круто повернуло весь ход задуманной операции.

Глава десятая **ВТОРАЯ ЯВКА**

— Тетя Домна, не кажется ли вам, что наш уважаемый сосед Борис Петрович проявляет к моей персоне особый интерес? — спросил однажды за поздним ужином Уткин Второй.

— Что-то не замечала.

— Он вас навещает в мое отсутствие?

— Давно не бывал.

— И не стремится к этому?

— Вроде бы нет. А что случилось?

— У меня такое ощущение, что он в последнее время стал какой-то деревянный в общении со мной... Словно бы играет на сцене, а роль не выучил... Вроде артистов нашей самодеятельности.

— Он вообще человек сдержанный...

— И дети его обо мне ничего не спрашивают?

— Никогда. Но что вас беспокоит? — Домна недоумевала.

— Так... Воображение... Поживем — увидим. В принципе он, конечно, дяденька неплохой. Но все бывает, все бывает...

— Вы нервничаете, Владимир.

— По вашей милости, между прочим. Не убежали бы вы тогда, все было бы по-иному.

Домна Поликарповна виновато молчала.

— Ну, ничего, — успокоительно сказал Уткин. — Знаете, есть такие стихи: но все проходит в жизни зыбкой — пройдет любовь, пройдет тоска... Спать пора...

Но заснуть ему не удалось. Дурные предчувствия не давали покоя. Неуловимые изменения, которые произошли в их отношениях с Борисом Петровичем за последние две-три недели, он не мог бы объяснить словами, не мог даже определить, в чем конкретно они выражаются. Какой-то невидимый для глаза сдвиг. Это все равно что смотреть на часовую стрелку: движения незаметно, но ты ведь определенно знаешь, что она движется.

Опять всплыли в памяти злосчастные марки. Но с тех пор как он брякнул тогда невпопад, ничего подобного не случилось. И давно пора забыться маркам...

Правда, был в его поведении еще один изъян, от которого ему и до сих пор окончательно избавиться не удавалось. А дело вот в чем.

Коль по легенде он телефонный техник, а в прошлом старшина сверхсрочной службы, он обязан постоянно выдерживать эту версию, чтобы посторонний взгляд не мог заметить ни малейших шероховатостей, чтобы сквозь нее ничто не пробивалось. Между тем он уже неоднократно ловил себя на непростительных ошибках: у него часто проскальзывали слишком интеллигентные обороты. В таких

случаях, чтобы сгладить нежелательную дисгармонию, он тут же вставлял какое-нибудь вульгарное словечко и, кажется, перегибал в другую сторону, и получалось еще хуже.

Проснувшись в десятом часу, Уткин побрился, умылся и надел выходной костюм. От завтрака отказался, лишь выпил чашку кофе. В десять он покинул квартиру и долго бродил по улицам, изредка поглядывая на свои наручные часы и подкручивая их.

Он все время проверялся, нет ли слежки: притупившийся инстинкт лазутчика в чужом стане вновь воскрес в преддверии встречи, важность которой невозможно было переоценить. Ничего тревожного он не заметил, но волнение не покидало его. Из головы не шли подозрения Домны, возникшие при первой явке. Однако отступать он не мог...

Ровно в одиннадцать Уткин был около кинотеатра «Родина». Вдоль стеклянного фасада расхаживал среднего роста человек в сером костюме. На правой руке он держал коричневый плащ на клетчатой подкладке, в левой — черный портфель.

Уткин вдруг услышал биение собственного сердца, чего с ним раньше никогда не случалось. И только сейчас ему стало понятно паническое бегство Домны Поликарповны с первой явки у аптеки...

Он чувствовал себя человеком, прыгающим вниз головой в воду с обрыва и не знающим, не торчат ли скрытые под поверхностью острые, как пика, камни... И он решил немного подстраховаться — установить с незнакомцем контакт на нейтральной основе.

Вынув из кармана пачку сигарет, Уткин остановился и поглядывал по сторонам, как человек, ищущий, у кого бы прикурить. Затем, когда расхаживавший туда-сюда человек с плащом оказался ближе всех, Уткин шагнул к нему.

— Не найдется ли у вас спичек?

Тот без особой охоты вынул зажигалку и подал ее Уткину.

— Ронсон? Слышал... Отличная машина, — сказал Уткин, возвращая зажигалку.

— Неплохая, — сухо согласился незнакомец.

Уткин отошел, завернул за угол кинотеатра.

Он успел хорошо рассмотреть человека с плащом. Тот

ли это, что был на первой явке? Домна обрисовала напугавшего ее субъекта крайне невразумительно. О чертах лица она вообще ничего сказать не могла, только и твердила: где-то его видела. И еще: грузный, солидный.

Через десять минут время явки истечет. Но Уткин еще не принял решения. Он медленно шел по улице, разбираясь в своих впечатлениях. Этот не грузный и не солидный. Смущала также заграничная зажигалка. Прибывающим из-за кордона не рекомендовалось носить при себе подобные метки, но с другой стороны — мало ли есть курильщики и курильщицы, никогда не бывавших за границей и тем не менее снабженных заграничными зажигалками? И почему, собственно, так волнует его этот вопрос? Значит, сдают нервы...

До конца явки оставалось пять минут. Уткин повернул обратно. Теперь уже надо было спешить. Остановившись вдали на противоположной стороне улицы, он увидел спину незнакомца у витрины с афишами. Уткин решил посмотреть, куда он пойдет. Это был, можно считать, чисто спортивный интерес. Если он и потеряет связника, контейнеры окажутся в тайнике, откуда он их и возьмет...

Проверившись, незнакомец с плащом двинулся в сторону железнодорожного вокзала. Выходит, нездешний. Уткин начал понемногу успокаиваться.

На вокзале незнакомец направился к кассе, взял билет и, посмотрев на часы, сел на стоявший в углу свободный диван.

Прежде чем подойти к нему, Уткин, как положено, осмотрелся, а потом приблизился и сказал:

— Вы не знаете, есть ли в кассе билеты?

Незнакомец поднял голову, улыбнулся и тут же переложил плащ с правой руки на левую.

— Могу предложить вам лишний билет, — последовал ответ.

— У вас на какой сеанс?

— На ближайший.

— Извините, мне нужно на вечерний. И не один, а два.

Разговор, уместный возле кинотеатра, но не на вокзале. Однако таков пароль... Не сказав больше ни слова, Уткин пошел к выходу. Он держал путь к кафе, слыша за спиной неторопливые шаги. Толкнул дверь, оглядел пустой зал, выбрал столик подальше от кухни, сел.

Минутой позже появился Павел Синицын, он же Бузулуков. Уткин крикнул ему:

— Алло, Саша!

— Кого я вижу! — обрадовался Павел, сворачивая к нему.

Разыграли они эту сценку просто так, на всякий случай.

— А как тебя зовут на самом деле? — спросил Уткин, когда Павел уселся, положив предварительно портфель и плащ на свободный стул.

— Кирилл. Кирилл Бузулуков.

— Я — Володя.

Закурили, помолчали.

— Скажи, пожалуйста, Володя, что за спектакль тогда получился?

— Так надо, — не очень-то убедительно объяснил Уткин.

— Ну, тебе видней. Устроился?

— Вроде бы неплохо. Давно оттуда?

— Откуда?

— Не морочь голову.

— Сегодня ровно сорок дней.

— Где ж перебивался?

— А у меня сестра. Я к ней приехал. По вызову.

— А потом обратно?

— Ясное дело.

— Счастливчик.

— Да оно как знать... — Павел поглядел на Уткина искоса. — Но ты успокой мне душу, объясни: что такое случилось тогда?

— Да черт бы побрал эту неврастеничку! Ей, видите ли, померещились чекисты.

— Такая мощная дамочка — и нервы... — Павел покачал головой. — А если не померещились?

— Пока все шло гладко. — Уткин трижды постучал по деревянной спинке стула.

— Смотри, не забывай наставления Себастьяна: если наш брат перестанет думать об опасности, его неотвратимо ждет провал.

— Веселый ты парень, позавидуешь. Но я ничего не забываю.

— Почему все же не сам вышел на явку?

— Так было безопаснее.

— За это Себастьян не похвалил бы.

— Можешь доложить по возвращении. Положишь на книжку лишний рубль.

— Ты хотел сказать — марку? Стоит ли мараться? Мне больше нравятся доллары, — шепотом сказал Павел.

Уткина покорило. Бузулуков кольнул его в больное место. Он собирался что-то ответить, но к столику подошел официант. Они заказали бутылку сухого болгарского вина, салат, сосиски и ветчину.

— А неплохо здесь, — сказал Павел.

Уткин не расположен был к лирическим отступлениям. Он как будто начинал испытывать нетерпение.

— Ты что-то должен мне передать.

— Должен, но не передам, — улыбаясь, ответил Павел.

— Нашел время веселиться. В чем дело?

— Шучу. Получишь, но не сейчас. Не повезу же я товар обратно.

— Спрятал?

— А ты как думал? После заветного свиданья с собой таскать буду, что ли?!

— Правильно сделал. Где?

— Вот здесь отмечено. — Павел вынул из портфеля сложенную гармошкой туристскую схематическую карту, отдал ее Уткину. — На ней есть несколько отметок. Нужная тебе — на двадцать третьем километре.

Уткин убрал карту в карман.

— Спасибо.

— Сам возьмешь или, может, мне привезти? — спросил Павел.

— Пусть пока там полежит. — Уткин отодвинул пустую тарелку, уперся локтями в стол. — У меня к тебе просьба будет. Помоги в одном деле...

— Смотря какое дело.

— Не очень трудное.

— Мне по инструкции положено тебе помогать, — сказал Павел. — Но учти — время подпирает. Я ведь торчу здесь уже сорок дней.

— Это много времени не займет.

— Тогда говори.

Уткин сунул в рот сигарету.

— Подари зажигалку.

— Понравилась? Последняя модель — пьезоэлектрическая, — не без гордости сказал Павел, вынимая из кармана зажигалку.

Павел тоже закурил.

— Так вот какая штука,— начал Уткин. — У меня сосед есть, в горжилуправлении работает. Мы с ним вроде бы неплохо подружились. И на рыбалку ходим, и о политике толкуем, и в картишки перебрасываемся... Он из тех, знаешь, без страха и упрека, хотя и простоват немного... Так вот, в последнее время не нравится он мне. Исчезла естественность в общении, а это знак плохой. Такое впечатление, что он меня одного в своем доме не оставит — побоится, украду что-нибудь. Скажем, телевизор... — Уткин замолчал, раздумывая.

Бузулуков вставил слово:

— В таких ситуациях надо уходить на запасную базу.

— Легко сказать... Столько труда стоило легализоваться! — Уткин загасил окурок. — Нет, сначала надо убедиться. Может, мне только мерещится?

— Понимаю.

Павел отметил про себя, что, по всей вероятности, запасной базы Уткин себе заложить пока не успел.

Было невооруженным глазом видно, что агент очень неспокоен. От Павла не укрылось, как его передернуло, когда были помянуты рубли и марки. У Павла это вырвалось почти непроизвольно, он даже на миг испугался, что слишком много себе позволил, но Уткин проглотил горькую пилюлю как привычное, хоть и противное лекарство. Значит, давняя оговорка гложет его постоянно, словно незалеченная язва.

По правде говоря, наблюдать душевные терзания врага было, с одной стороны, интересно, а с другой — не очень-то приятно. Какой-то осадок образовывался. Или что-то вроде оскомины...

— Ну, ладно,— сказал после долгого молчания Уткин,— ты не мышка, я не кошка, нечего играть. Слушай дело...

Он снова закурил, повертел зажигалку.

— Значит, обставим так. Ты напишешь мне письмо примерно такого содержания: «Дорогой Володя! У меня к тебе большая просьба. Мама очень просит достать ей пуховый платок, ее старенький износился. Я слышала, в ваших краях платки в магазинах бывают. Если можешь, купи. Деньги я вышлю. Жду ответа. Целую. Твоя Катя».

— Может, лучше Катюша? — без улыбки подковырнул Павел.

— Не веселись,— осадил его Уткин.— Сходи-ка на вокзал, купи в киоске конверт и бумагу.

— Прямо сейчас?

— Не завтра же.

Павел сходил на вокзал, купил конверт с бумагой, вернулся.

К тому времени народу в кафе поднабралось, но свободных мест оставалось еще много. К их столику никто не подходил.

Уткин начал диктовать, Павел писал.

— «Твоя Катя». Точка.— Уткин сделал паузу.— Теперь постскрипtum... Знаешь, что такое постскрипtum?

— Ну, как же, не в лесу родился.

— Тогда ставь пэ-эс и пиши: «Посылаю тебе обещанное семечко, о котором ты просил». Теперь все.

Уткин взял листок, прочел, сложил, заклеил конверт.

— Нацарапай адрес.— Он продиктовал Павлу название улицы, номер дома, а квартиру назвал третью — не свою, а Бориса Петровича.

— Все правильно? — спросил, написав адрес, Павел.

— Правильно, правильно,— сказал Уткин.

Павел только после его слов сообразил, что выдал себя, ибо из его замечания с очевидностью явствовало, что ему понятна комбинация, затеянная Уткиным, так как комбинация эта строилась на неверно указанном номере квартиры. Замечание свидетельствовало о том, что Павел знает настоящий номер квартиры Уткина, а ведь Бузулукову в центре адрес не сообщали...

Павел ждал, что тут-то все оно и закончится. «Финиш»,— сказал он про себя...

Но ничего не произошло. Невероятно, но факт: Уткин не обратил на промах Павла никакого внимания...

— Не понимаю, в чем соль,— сказал Павел, стараясь не выдать голосом волнения.

— Чему ж тебя учили? — как будто удивился Уткин.— Просто и надежно. Письмо придет в третью квартиру, к этому моему соседу. Если он его вскрыет, чтобы прочесть, то долго будет искать на полу, куда закатилось семечко. И не найдет. И положит свое. Он у нас знатный цветовод... Не дошло?

Павел улыбнулся, и ему самому показалось, что он никогда еще не улыбался так искренне и так облегченно. Пронесло! Он сказал:

— Действительно просто, а я бы не додумался.

Он, конечно, давно додумался и сейчас благодарил судьбу, что Уткин ничего не заподозрил. Совсем размагнитился на сидячей работе... Видели бы его Марков с Сергеевым!

— Есть и другие способы.— Уткин говорил инструкторским тоном. Он, кажется, отдыхал и оттаивал, слушая себя.— Например, скажем, вложим в письмо песчинку, но тогда надо особенно тщательно заклеивать конверт.

— Меня таким вещам не учили,— сказал Павел.

— Напрасно.

Уткин замолк, а Павел ждал, катая по гладкой пластиковой поверхности стола хлебный шарик.

Наконец Уткин прервал молчание.

— И вот что еще. Надо заодно и хозяйку проверить. На это тебе понадобится не больше часа. Сейчас пойдешь ко мне, адрес знаешь, только квартира номер четыре, не три. Хозяйку зовут Домна Поликарповна. Скажешь, что ты мой сослуживец, работаем вместе на телефонном узле. Меня вызвали в военкомат, а военный билет я оставил в гардеробе, в нижнем ящике, где белье. Скажи, прислал тебя за билетом.

— Ну, а если она не даст?

— Неважно. Мне интересно, как она себя вести будет.

— Прямо сию минуту отправляться?

— Именно. Но встретимся мы не здесь, а в кафе «Снежинка». Это на улице Герцена. Спросишь — покажут. Портфель и плащ я заберу. Все ясно?

— Ясно.

— Садись на шестой троллейбус, сойдешь на остановке «Теплоприбор». Письмо в ящик бросить не забудь.

Павел ушел.

Расплатившись, Уткин взял портфель и плащ и тоже покинул кафе.

...Павел сошел с троллейбуса на остановку раньше, забежал на почту, опустил в ящик письмо, затем отыскал возле одного из новых домов будку телефона-автомата.

— Антонов?

— Да,— услышал он знакомый голос.

— Это Синицын. Слушай и запоминай. Борис Петрович получит письмо на имя Уткина. Ни в коем случае не вскрывать, понял?

— Понял.

— Письмо опущено сегодня, значит — завтра придет. Или у вас почта не торопится?

— Если сдать письмо в почтовое отделение адресата, вечером уже придет.

— Я так и сделал. Пусть Борис Петрович сразу отнесет Уткину или его хозяйке.

— Есть.

— Все. Пока. Остальное — по плану.

— Понял. Привет.

Опасаясь, что Уткин может ехать в следующем троллейбусе, Павел дальше пошел проходными дворами — расположение он успел изучить раньше.

Он размышлял, для чего понадобился Уткину этот фокус с военным билетом. Кого таким образом Уткин проверяет — хозяйку или его? Похоже, что не хозяйку.

Позже Павел узнает, что напрасно он думал, будто Уткин пропустил мимо ушей и марки, и замечание Павла о точности адреса. Уткин только не показал вида, но у него уже в кафе зародилось недоверие к Бузулукову. А все дальнейшее только укрепило его в этом недоверии...

Минут через десять Павел стоял на площадке перед квартирой Домны Поликарповны и нажимал на кнопку звонка.

— Кто там? — спросил за дверью низкий голос.

Павел даже растерялся, он подумал, что голос принадлежит мужчине, и решил, что не туда попал.

— Я от Владимира. Откройте, пожалуйста, — сказал он.

Дверь приоткрылась настолько, насколько позволяла цепочка...

— Вы Домна Поликарповна? — как можно любезнее осведомился Павел.

— Да. Я вас слушаю.

В квартиру она его пускать явно не собиралась.

Павел боялся этой очной ставки. К тому же они были в неравных условиях: он видел лишь одну половину лица Домны Поликарповны, она могла разглядеть Павла всего, с ног до головы. Чтобы уравнять условия, Павел приблизился вплотную, прижался к косяку грудью.

— Домна Поликарповна, я от Володи. Он забыл военный билет, в гардеробе лежит, под бельем. Прислал меня. Пожалуйста, принесите.

Она не верила ни одному его слову.

— Придумайте что-нибудь более правдоподобное, молодой человек.

Честное слово! Его вызывают в военкомат, а там нужны документы.

— Почему же он сам не пришел?

— Работы у него — во! — Павел провел ребром ладони по горлу. — Так что, пожалуйста, Домна Поликарповна.

— У соседа внизу есть телефон, — сказала Домна. — Мог бы позвонить.

Она знала свое дело и была непреклонна.

— Да поймите, наконец, ему некогда. Что вы за человек!

— Не кричите. И убирайтесь отсюда, иначе я позову милицию — тут, между прочим, недалеко.

Дверь закрылась, щелкнул замок. Павлу ничего не оставалось делать, как поскорее убраться. Он готов был голову дать на отсечение, что такие хладнокровные люди, как Домна Поликарповна Валуева, вряд ли когда-нибудь теряют самообладание настолько, чтобы не запомнить внешности человека, к которому идут на важное деловое свидание. То, что она панически бежала с первой явки, кажется, еще ни о чем не говорило. И от этого Павлу было не по себе.

Когда он встретился с Уткиным в кафе «Снежинка» и подробно рассказал о своем неудачном походе, Уткин обронил сдержанно:

— Молодец баба. — И больше ни слова.

Павел налил себе из заказанной Уткиным бутылки стакан сухого, потягивал его, курил, молчал.

Теперь, если его расчеты верны, Уткин должен назначить ему встречу, например, на завтра. Придя домой, он спросит у хозяйки, узнала ли она в человеке, приходившем за военным билетом, того, от кого бежала с первой явки. И все станет на место. Или — или... Но Павел, как и полковник Марков и генерал Сергеев, не знал, что Уткин имеет в запасе абсолютно надежный способ проверки личности Бузулукова. Об этом предусмотрительно позаботился разведцентр...

Расчеты Павла не оправдались.

— Ты где остановился? — спросил Уткин.

— Пока нигде. Но думаю, по моему заграничному паспорту в гостинице место дадут. — Павел наивничал.

— А что по этому поводу сказал бы Себастьян? — подколол Уткин.

— Квиты, — согласился Павел. — Но мне по моему положению можно и в гостинице остановиться. И потом,

ваш город значится в маршрутах для иностранцев...

— Ладно, сейчас идем ко мне,— объяснил Уткин.

Это было неожиданно. Павлу идти к Уткину никак не хотелось: будет устроена настоящая очная ставка.

— Но ты еще не проверил своего соседа,— попробовал он возразить.

— Ничего, Борис Петрович на работе, он тебя не увидит... Посидим, поговорим...

— Что так рано? — удивилась Домна, выйдя в коридор навстречу.

— В военкомате был. На работу не стал возвращаться. Вот, познакомьтесь, однополчанин мой, с Дальнего Востока.

— Да мы уже знакомы,— сказал Павел.— Меня зовут Кирилл.

Домна перевела взгляд с Уткина на Павла, с Павла на Уткина и спросила:

— Вы присылали за своим воинским билетом?

— Да. Но обошлось и без этого.

Домна опять пристально посмотрела на Павла.

Надо было брать инициативу в свои руки, и Павел подмигнул Домне, чуть наклонившись к ней.

— Надеюсь, сейчас вы от меня не убежите?

У Домны округлились глаза, она невольно отступила на шаг.

— Позвольте... — Она ничего не понимала.— Это вы ведь только что приходили?

— Он, он,— сказал Уткин.— Сварите-ка нам кофе.

Уткин распахнул перед Павлом дверь своей комнаты.

— Прошу. Располагайся.

Домна пошла на кухню, куда вскоре заглянул и Уткин.

— Похож на того, у аптеки?

Домна в смущении пожала плечами. Она была слегка растеряна.

— Понимаете... мне кажется...

— Не кажется. Говорите точно. Вспомните все по порядку, восстановите детали.

— Я должна еще на него посмотреть.

— Хорошо. Принесите нам кофе в комнату. И себе тоже. Посидите у меня.

Домна, сварив кофе, принесла сначала две чашки. Уткин пригласил ее составить им компанию, она сходила на кухню, а потом села в старое продавленное кресло, так как третьего стула в комнате не было.

Уткин с Павлом плели какую-то вялую беседу, якобы вспоминая службу на Дальнем Востоке, и все это походило на пошлый фарс, хотя именно в эти минуты решался главный вопрос.

Домна разглядывала Павла исподтишка, но очень внимательно.

Наконец кофе был выпит, разговор о Дальнем Востоке исчерпан, и Домна собрала чашки, ушла на кухню, предварительно включив свет, потому что уже темнело.

Вслед за ней в кухню вошел Уткин.

— Ну как?

— Не знаю... Не могу разобраться...

— Да поймите же вы,— зашептал Уткин раздраженно.— Это очень важно.

— Но что я могу поделать? — взмолилась Домна.— Я плохо помню. Мне кажется, что тот был полнее и старше.

— Кажется, кажется,— передразнил Уткин.— Идите лучше погуляйте.— Он достал из кармана пятерку.— Купите бутылку водки.

Когда он вернулся в комнату, Павел сказал:

— Что это твоя хозяйка с меня глаз не сводит?

Уткин посмотрел на него в упор.

— Ей кажется, что на первую явку приходил не ты...

«Вот так, — сказал про себя Павел. — Пошло в открытую».

— Что я должен сделать? — спросил он.— Рассказать про то, как она была одета? Про зеленое платье и серую шаль?

— Не надо. — Уткин отвел глаза.— У нее просто склероз.

Зеленое платье и серая шаль не значили ровным счетом ничего: Домна носила их с мая до первых холодов, и если Уткин всерьез почуял неладное, знание таких примет не снимет с Павла подозрений.

— Посиди, я сейчас,— сказал Уткин и исчез.

Павел услышал, как хлопнула в коридоре наружная дверь.

Несколько минут он сидел, внимательно прислушиваясь. Хотел было подняться со стула, но вдруг до его обостренного слуха донесся тихий шорох за дверью комнаты. Или ему просто показалось? Затаив дыхание, Павел поднялся, на цыпочках быстро подошел к двери и дернул

ручку на себя. Перед ним как ни в чем не бывало стоял Уткин с бутылкой водки в руке.

— Хозяйка принесла. Давай-ка раздавим.

— Не хочется что-то, — честно признался Павел.

— Давай, давай, идти тебе никуда не надо, переночуешь здесь.

— Как скажешь. Ты не решил еще с тайником?

— погоди, все решим. Открывай, я чего-нибудь закусить принесу.

Когда Уткин вернулся со стаканами и закуской на глубокой тарелке, Павел сидел за столом, подперев голову рукой.

— Что загрустил? — спросил Уткин.

— Устал немного.

Уткин налил граммов по сто, положил перед Павлом вилку.

— Давай-ка за удачу.

— Не сглазь.

Они выпили, не чокнувшись.

Павел вслед за хозяином выудил из тарелки шпротину.

Он еще жевал, когда Уткин неожиданно попросил:

— Покажи-ка паспорт.

— Не доверяешь, значит?

— Скажешь тоже... Никогда не видел, какие паспорта выдают там для законной поездки сюда.

— Ради бога! — воскликнул Павел, доставая паспорт.

Уткин молча взял его, открыл обложку, скользнул быстрым взглядом по фотокарточке, начал медленно переворачивать страницу за страницей. Потом пролистал в обратном порядке и долго смотрел на фотокарточку.

— Что, не узнаешь?

— Где фотографировался? — не поднимая головы, спросил Уткин.

— Наверное, там, где и ты, — у Пирсона. Не похож? — Павел продолжал жевать, но на всякий случай чуть отодвинулся от стола.

— Пирсон — отменный мастер.

— Всякому свое.

— С официальным документом можно спать спокойно. Бери свою паспортину. — Уткин, вздохнув, возвратил Павлу паспорт и предложил: — Давай еще по одной.

— По-моему, хватит.

— Хватит — так хватит.

Тут в квартире раздался звонок.

— Кто бы это? — сказал Уткин, вставая из-за стола. — Сосед разве...

Он медленно, словно нехотя, пошел открывать. Комнатную дверь притворил за собой плотно, поэтому Павлу пришлось встать и приложить ухо к замочной скважине.

— Кто там? — услышал он голос Уткина. И глухой ответ:

— Это я — Борис Петрович. Открой, Володя.

Щелканье замка, скрип двери, и тот же голос, но уже погромче:

— Понимаешь, по ошибке в моем почтовом ящике оказалось твое письмо. Возьми, пожалуйста!

— Благодарю.

Сосед ушел.

Павел отпрянул от двери.

Войдя в комнату, Уткин осторожно надорвал письмо, приговаривая:

— Посмотрим, посмотрим...

Над столом потряс конверт за уголок, вынул лист, исписанный Павлом.

— Скажите, пожалуйста, не вскрывал, не читал, семечко не подложил, — без особого удивления констатировал Уткин. — Напрасно я на него грешил...

— Тем лучше, — сказал Павел.

— Ну, конечно, конечно... — Уткин разорвал письмо, бросил клочки в тарелку. — Так, говоришь, контейнеры положил в тайник?

Он говорил, как в полусне. Павлу это не нравилось: Уткин что-то задумал.

— Да. На двадцать третьем километре.

— А что, если нам съездить за ними прямо сейчас, а? Кстати, подстрахуешь меня.

Павел пожал плечами.

— Поздно уже, десятый час. К чему такая спешка?

— Понимаешь, когда они будут у меня — спокойнее. Вдруг там кто-нибудь невзначай наткнется? А сейчас время самое подходящее. Видишь, и дождь пошел. Махнем, а? За окном и правда был слышен шум дождя.

— Смотри, дело хозяйское, — сказал Павел без всякого энтузиазма. — Но я бы не порол горячку... Выпивши мы... Мало ли что может случиться в дороге. И машину не найдешь.

— Ерунда. Сколько мы выпили, подумаешь! А такси нам ни к чему, доедем на электричке до станции Цемент-

ный завод, а там до шоссе рукой подать. Поехали! — Это было уже не предложение, а приказ.

Отказываться Павел не мог.

— Что ж, поехали. — Он встал.

— Только вот оружие оставить надо, а то, упаси господь, еще нарвемся на милицию. — Это тоже был приказ.

— Оружия у меня нет, — вздохнул Павел. — Я ж турист, к сестренке приехал. Зачем оно мне?

— Ну и хорошо...

Они надели плащи, вышли на улицу и зашагали к троллейбусной остановке. Дождь шел мелкий, нудный.

Троллейбуса долго не было — в этот час они ходили редко.

Уткин с Павлом стояли под козырьком газетного киоска рядом с остановкой, курили, молчали.

Наконец, шестой номер, ярко освещенный, подкатил, разбрызгивая лужи. Они вскочили. Уткин достал книжечку билетов, отделил два, пробил на компостере. Пассажиров было человек пять.

И всю дорогу до вокзала Уткин не вымолвил ни слова.

Входя в вокзал, он пропустил Павла вперед — похоже, боялся, что тот улизнет от него.

В пригородных кассах он купил два билета до шестой зоны, хотя им достаточно было взять до четвертой.

Электричка отошла в 22.37. В вагоне Уткин молчал, глядя в иссеченное косыми линиями дождя темное окно.

В 23.15 они сошли на станции Цементный завод.

Уткин спрыгнул с платформы на пути в сторону, противоположную станционному зданию и заводскому поселку, махнул Павлу рукой, тот последовал за ним.

— Шоссе там, — сказал Уткин, кивнув перед собой.

— Тут я плохо ориентируюсь, — ответил Павел. — Надо выбраться на асфальт.

Они шагали под дождем по глинистому полю, ноги вязли, казалось — вот-вот оторвутся подошвы. Вдали, куда они направлялись, возникали и пропадали сдвоенные огоньки — это пульсировало шоссе, пульс его был очень редким.

Уткин все время держался позади. Павел пытался прикинуть, чем все это может кончиться, но ничего придумать он не мог.

Отмерили по вязкой, размокшей глине километра полтора и ступили на твердый асфальт.

— Где? — нетерпеливо спросил Уткин.

— Подожди, дай осмотреться, — проворчал Павел, с силой притопывая то одной, то другой ногой, чтобы отряхнуть налипшую землю. — Тут недалеко должен быть дорожный знак — поворот указывает... По-моему, это ближе к городу.

Через пять минут они нашли знак.

— Вот, — сказал Павел. — Отсюда в сторону леса сто шагов. Там пень. Справа от пня пять шагов.

— Веди.

— Может, один сходишь? Я ноги промочил, — сказал Павел.

Уткин опешил:

— Ты что, псих?

— Мне свое здоровье дороже, — канючил Павел.

— А ну вперед! — приказал Уткин.

Павел сошел на обочину, перепрыгнул через кювет и зашагал к лесу. Тут идти было легче: хоть и мокрая, но трава. Он уверенно вышел к тайнику, нагнулся, снял кусок дерна и, взяв из ямки заклеенную в целлофановый мешок кожаную сумку с длинным наплечным ремнем, какие носят фоторепортеры, только чуть поменьше размерами, протянул ее Уткину.

— Вот они, бери.

В следующую секунду Уткин выхватил пистолет, направил его в грудь Павлу, просто, как будничное «Здравствуйте», произнес:

— А теперь, голубчик, прощайся с жизнью.

Он нажал на спусковой крючок, Павел рванулся вбок, влево, и одновременно раздался выстрел. Уткинский пистолет стрелял бесшумно, и потому выстрел так ошеломил его, что в первую секунду он даже не почувствовал боли в руке, которая сжимала оружие...

Глава одиннадцатая **ЭХО 23-ГО КИЛОМЕТРА**

Звук, оглушивший Уткина настолько, что в первый момент он не почувствовал боли в правой руке, был пистолетным выстрелом. И звук этот прогремел не так уж сильно, и эхо после него не перекатывалось по окрестностям, потому что шел мелкий дождь, до того мелкий, что у земли он обращался в туман, а туман, как известно,

душит звуки подобно вате. Эхо выстрела на 23-м километре было громким только в фигуральном смысле слова. А то, что Уткин не почувствовал боли в руке, — вполне естественно и не противоречит общему правилу. Кому доводилось получать пулю, те знают, что она может, скажем, ударить в ногу и сбить человека, как дубиной, а заболит нога лишь через минуту, через пять, а то и через полчаса. Вероятно, тут мы имеем дело с парадоксом: удар пули оказывает анестезирующее действие, продолжительность которого прямо пропорциональна силе удара. Но оставим это медикам...

Павел выстрелил одновременно с Уткиным. Его задача была сложнее, чем задача Уткина, ибо ему требовалось попасть в руку, а не в грудь. И он попал, и Уткин выронил свой бесшумный пистолет, а Павел, бросив кожаную сумку, мгновенно схватил с земли блеснувшую изящную штучку, которая была на удивление легка. Когда разгибался, понял, что ранен в левое плечо, но, кажется, не очень серьезно, так как сустав работал нормально. Он отпрянул на два шага, и лишь тогда в плече возникла саднящая, щиплющая боль, словно оцарапался о гвоздь.

— Тихо, голубчик! — Павел воспользовался словечком, с которым секундой раньше обратился к нему Уткин.

Тот стоял, чуть подавшись вперед, как перед броском. Но правая рука висела у него плетью.

— Возьми сумку, надень на плечо, руки на затылок, — приказал Павел деловитой скороговоркой.

Уткин повиновался. Похоже, он все еще был оглушен выстрелом и не соображал, что происходит.

— Теперь к дороге.

Они зашагали по мокрому травянистому полю к шоссе. Из-за поворота, со стороны города возникла пара белых размытых лун. По мере приближения луны сблизились, слились в одну, сплюснутую с боков, а потом растаяли: автомобиль промчался и исчез в туманной мгле.

Когда, перепрыгнув через кювет, встали на обочине, Павел спросил:

— Как рука?

— Ишь, заботливый! — неожиданно окрысился Уткин.

— Я за тебя головой отвечаю, — сказал Павел. — Так что не выпендривайся. Куда попало?

— Ниже локтя.

— Кость?

— Не знаю.

— Болит?

— А пошел ты!

— Ну-ну, полегче, шустряга,— оборвал его Павел.—
Прошу прощения, я вас, кажется, задел... А вообще-то ты
сам виноват.

Вдали замаячило белесое овальное пятно — машина
в сторону города.

— Не остановится ведь, чертяка. Место темное, два
мужика,— сказал Павел самому себе и повторил: — Нет,
не остановится...

Пятно раздвоилось. По хрустящему шороху рубчатых
шин можно было определить, что приближается грузовая.

— Ну-ка, давай на середину.— Павел встал на полу-
стершуюся осевую. Уткин стоял чуть сбоку. Левую руку
он держал на затылке.

Фары надвигались быстрее, чем можно было ждать.
Казалось, машина не успеет затормозить, сомнет их. Со-
щутив глаза, чтобы не ослепнуть, Павел вытянул левую
руку, показывая ею на Уткина, а правую вскинул вверх
и нажал на спуск. Грохнул выстрел. Грузовик остано-
вился.

Вот, молодец, ничего не боится,— с удовольствием
сказал Павел и, не выходя из полосы света, крикнул
шоферу: — Слушай, милый, я из Комитета госбезо-
пасности.

— А зачем палишь?

— Думал, не остановишь.

— А второй кто? — Лица водителя, высунувшегося из
кабины, Павел различить не мог, но голос принадлежал
молодому парню.

— Мой гость.

— Это который проглотил кость? — спросил шофер.

— Вот насчет костей пока не знаю.

— А что вы тут делаете?

Гуляем.

— Ага... Тогда сигайте в кузов. В кабине места нет.

— Ему помочь надо,— сказал Павел.— Ты бы вышел...

Щелкнула дверца, в лучах фар появилась ладная не-
высокая фигура. Шофер шел вразвалочку. Подошел, по-
глядел на Уткина и хмыкнул:

— Что это он так чудно стоит?

— А ему так удобней,— ласково объяснил Павел.—
И мне тоже.— Павел сунул пистолет в карман брюк.—
Сейчас мы его, извините, обыщем. Некультурно, конечно...

— Во дела! — восхитился шофер. — Завтра ребятам скажу — не поверят.

Павел проверил воротники рубашки и плаща, быстро ощупал ноги и тело Уткина, похлопал по карманам. Ничего не обнаружив, сказал шоферу:

— Сажай его.

Проходя мимо кабины, Павел увидел за стеклом белое девичье лицо.

— Небось жена? — подначил он шофера. Ему все-таки надо было как-то разрядиться после долгого напряжения.

— Это еще разобратся надо, — сказал шофер. — А вообще ее благодарите, она остановиться приказала.

— Ты давай в кузов, — уже серьезно сказал Павел. — Втяни его, только потише, у него рука ранена. И поддержи, пока я не влезу.

— Разобрались!

Через несколько секунд Уткин сидел в кузове, привалившись спиной к кабине, а Павел — в углу у заднего борта.

Шофер перемахнул через боковой борт на дорогу, и Павел громко спросил:

— Ты из города?

— Эге.

— Управление Комитета госбезопасности знаешь?

— Найдем.

— Тогда газуй, да не очень тряс.

— Это не мы трясем, это дорожное управление! — отозвался шофер уже из кабины.

На половине пути Уткин начал постанывать.

— Ничего, потерпеть надо, — сказал Павел. Голос у него дрожал, потому что машина подскакивала на выбоинах.

Уткин промолчал. Привыкнув к темноте, Павел видел, какое у него серое, перекошенное от боли лицо.

Минут через тридцать грузовик затормозил перед зданием областного управления КГБ.

Шофер помог Уткину спуститься на тротуар. Павел, поставив пистолет на предохранитель, спрыгнул, сказал шоферу:

— Спасибо, старина. От лица службы.

— Всегда пожалуйста! В следующий раз можно в кабине. — Шофер был веселый парень.

— А что ты там про кость говорил? — спросил Павел, как будто придавал этому вопросу важное значение.

— Да стихи есть такие. В журнале где-то читал. Не помню автора.

— А что за стихи?

— Ну, значит, так: приходил гость, проглотил кость — больше не ходит в гости, переваривает кость на погосте.

— Тоже красиво, — одобрил Павел, кивавший в такт стихам головою. И шепнул шоферу на ухо: — Только про гостя ты уж ребятам не рассказывай, ладно?

Шофер подмигнул ему.

— Разобрались. Съел язык! — Видно, глагол «разбираться» был опорным в лексиконе водителя.

— И ей скажи.

— Об-язательно.

— Ну, тогда еще раз спасибо. Тебя как зовут?

— Саша. Александр Потапов.

— Будь здоров, Александр Потапов.

Еще через десять минут в управление явился старший лейтенант Антонов, вызвал машину, и они вдвоем повезли Уткина в городскую больницу.

Сделали и проявили снимки. Посмотрев их, хирурги посоветовались, положили полусонного пациента на стол, упаковали его руку в печто, состоящее из деревянных планок, проволочных сеток и бинтов и объявили, что раненый теперь вполне транспортабелен.

И лишь когда Уткин был приведен в порядок, Павел попросил хирургов посмотреть его плечо.

Хирург возмутился:

— Что же вы до сих пор молчали?!

— Да у меня пустяк.

Ему предложили раздеться до пояса и на левом плече увидели длинную узкую ссадину, которая совсем не кровоточила. Было такое впечатление, что Павел прислонился голой кожей к раскаленной струне.

— Чем это вас? — спросил хирург.

Павел достал из кармана пиджака пистолет-зажигалку с дульным отверстием, в которое могла войти только игла.

— Вот из этой штучки.

Хирург вздохнул, промыл царапину, смазал марлевую салфетку белой мазью, наложил ее на рану и заклеил пластырем. Затем, как ни отнекивался Павел, ему сделали антигангренозную и антистолбнячную инъекции и велели повторить антистолбнячную еще трижды в течение суток, как и Уткину. С тем и покинули больницу Павел, Уткин и Антонов.

Из кабинета Антонова Павел позвонил в Москву, Маркову, доложил о происшедшем. Выслушав, полковник помолчал немного и не очень-то одобрительно сказал:

Молодец.— Еще помолчал и добавил: — Дуэлянт. Зачем до стрельбы доводил?

Так ведь, Владимир Гаврилович, думал как лучше...— Но Марков перебил его:

— Ладно, обсудим на месте, когда доставишь сюда. Валуеву возьмите. Насчет остального — соображай сам.

— Слушаюсь, Владимир Гаврилович.

— Самолет будет у вас в восемь утра.

— Есть.

...Домну Поликарповну арестовал старший лейтенант Антонов, предварительно получив ордер на арест и обыск квартиры, для чего пришлось будить прокурора и везти его в прокуратуру, показывать ему заведенное на Валуеву дело. Арест она приняла спокойно, словно давно ждала этого.

Пока Антонов занимался своими делами, Павел попытался допросить Уткина, но безуспешно.

— Отстань, ничего я тебе не скажу,— заявил Уткин вялым голосом. Он все еще был как оглушенный.

Павел не испытывал удовлетворения от того, что свершилось. Наоборот, его донимала досада.

Конечно, он мог и не доводить до обмена выстрелами, если бы раньше, до поездки на 23-й километр, сумел понять, что Уткин его раскрыл. Но он этого не понял, не уловил момента. И в этом состояла его единственная, но очень большая ошибка, которую он себе никогда не простит, если даже простят старшие товарищи по работе.

Глядя на полусонного Уткина, сидевшего в старом, продавленном кожаном кресле, Павел так и эдак перебирал часы и минуты своего короткого пребывания в роли Бузулукова и, восстанавливая в памяти детали разговоров и поведения, старался угадать, где именно он промазал. Но как ни вертел, ничего такого, что могло бы послужить для Уткина безусловным, бесспорным свидетельством подмены, Павел ни в своих словах, ни в поступках не обнаружил.

Решив не ломать понапрасну голову, так как об этом лучше будет поразмыслить вместе с полковником и генералом, Павел предался вообще-то несвойственным ему рассуждениям в сослагательном наклонении — рассужде-

ниям, которые начинались с «если бы». Если бы да кабы...

Планируя комбинацию «под Бузулукова», они исходили из того, что цепь не прерывается на Уткине, и рассчитывали размотать ее до конечного звена. И если бы Уткин не обнаружил подмены, как знать, куда бы привел след...

Да, но если Уткин — конечное звено? Тогда беда не так уж велика — при том условии, что он даст правдивые показания и раскроет цель своего пребывания в Советском Союзе...

Это могло бы продолжаться без конца, но тут в кабинет вошел старший лейтенант Антонов. Павел увидел у него в одной руке пластиковый пакет и черный портфель, а в другой — «Спидолу». Антонов аккуратно положил все это на стол. Уткин, казалось, не проявил к собственным вещам никакого интереса.

Павел посмотрел на часы — было начало третьего. В четыре надо сделать антистолбнячный укол Уткину — таково предписание хирургов. Да и самому Павлу не отвертеться, хотя он терпеть не мог шприца...

— Валуеву привез? — спросил Павел.

В камере.

— Вещички смотрел? — Павел кивнул на принесенное Антоновым.

В портфеле двадцать тысяч. Я нашел их в диванном матрасе. Транзистор подозрительный. Обычная «Спидола» не такая тяжелая, — аккуратно, по порядку выкладывал Антонов. — В пакете батарейки.

Павел взглянул на безучастного Уткина и сказал, раскрывая пакет:

— И зачем столько батареек? Они же садятся, стареют. — В пакете лежало полтора десятка сухих батареек «элемента 373», в точности такие же, как изъятые у Бузулукова. Только на тех бумажная обертка сине-желтая, а на этих — зелено-малиновая. Павлу было известно, что и в магазинах продают эти элементы в обертках различных цветосочетаний.

Уткин на это замечание не прореагировал. Павел подавил зевоту, сказал Антонову:

— Слушай, не мешало бы поспать часок-другой.

— Ты располагайся, вон диван. А его я в камере устрою, там удобно.

Павел шепнул, скосясь на дремавшего Уткина:

— Его одного оставлять нельзя.

— Само собой. Я при нем буду.

— В четыре надо второй укол сделать.— Это Павел сказал уже громко.— Ты позвони в больницу, извинись, попроси приехать, а?

— Все в порядке будет. Отдыхай.— И к Уткину: — Гражданин, прошу со мной.

Уткин встрепнулся, поглядел на свою упакованную в шину руку и поднялся.

Когда они были в дверях, Павел сказал Антонову:

— Разбуди меня в шесть и приготовь машины. В восемь будет самолет.

— Все сделаю.

— В квартире кто?

— Там мой помощник, лейтенант Земцов.

— Ну и ладно.

Павел погасил верхний свет, зажег настольную лампу, загородил ее портфелем, чтобы свет не падал на диван, и лег, накрывшись плащом. Боялся — не уснет, но незаметно задремал и как провалился в темную яму...

В одиннадцать утра Павел раскрыл дверь кабинета полковника Маркова.

Пока Домна Поликарповна обживала новую, уже московскую камеру, а Уткина в военном госпитале осматривал профессор, Марков и Павел вели деловой разговор.

— Так в чем же наша ошибка? — уже в третий раз спрашивал Марков.

Марков взял лежавший на столе паспорт, с которым Бузулуков приехал, и точную копию паспорта Бузулукова, которую Павел показывал Уткину.

— Может быть, в этом? — спросил Марков.— Ты говоришь, он долго рассматривал...

— Да, Владимир Гаврилович, сейчас мне кажется, что на фотокарточку Уткин смотрел особенно внимательно. Но там, когда я сидел у него, мне ничего такого не казалось.

— Давай как следует разглядим,— предложил Марков.— У тебя глаза лучше, иди-ка сюда.

Павел, облокотясь на стол, склонился над паспортами.

— Наши специалисты сразу обратили внимание на две еле заметные точки,— сказал Марков, разглядывая через лупу фотографию на подлинном паспорте.

— Вот они,— подтвердил Павел,— одна на мочке уха, другая около носа.

— Специалисты сочли это дефектом бумаги,— продолжал Марков,— но все-таки воспроизвели точки на твоём фото.

— Да, вот они,— снова подтвердил Павел.

— Тогда в чем же дело? Костюм тут черный, и у тебя черный. Рубаха белая, и тут белая. Галстук одинаковый, и вывязан так же.

— А может, не в фотографии ошибка?

Марков отложил лупу.

— Все остальное исполнено в точности. Но, вероятно, что-то мы проглядели. Надо послушать Уткина.

— Не очень-то он разговорчивый,— мрачно заметил Павел.

— Ничего, одумается. Дадим ему отдохнуть, прийти в себя, осмыслить все. Потом объяснишь ему, что чисто-сердечное раскаяние облегчит ему не только душу, но и дальнейшую судьбу...

— Понимаю.

— Ну, а сейчас давай-ка и сам отдохни.

На следующий день из лаборатории сообщили, что в пятнадцати батарейках Уткина, также представлявших собою замаскированные контейнеры, содержится три разных вещества, химически инертных каждое в отдельности. Были проведены опыты, и в реакции с порошком из контейнеров Бузулукова эти вещества образовали три вида сильно действующих ядовитых соединений. Проще говоря, налицо было химическое оружие.

Чтобы подвести черту, оставалось лишь получить правдивые показания у Уткина Второго (Уткина Первого, обитавшего в Челябинске, решили не трогать, ибо он мог еще пригодиться; Павел сравнивал его с поплавком, по которому рыбак сразу видит поклевку).

Между тем с Уткиным творилось нечто непонятное. Из больницы, где ему окончательно наладили руку, заключив ее в лубок, Уткина врачи не выпустили. Только перевели в другое отделение. Он впал в состояние полной прострации — не ел, не пил, не реагировал ни на свет, ни на звук, ни на другие внешние раздражители. Психиатры определили ступор, явившийся результатом глубокого потрясения и депрессии. Были основания опасаться самого худшего, но на третий день Уткин пришел в себя и сделал попытку выброситься из окна. Находившаяся при нем нянечка помешала ему, подняла крик. Уткина утихомирили

с помощью пациентов из соседних палат. После этого в палате Уткина Второго Марков установил постоянное дежурство. Одну из вахт, чаще вечернюю, нес Павел Сидицын.

От разговоров Уткин упорно отказывался. Он никак не мог примириться с тем, что все кончено, что не будет карьеры, не будет денег, на которые он рассчитывал открыть собственное дело. И самое горькое — такой конец...

Он лежал на спине, глядя в потолок, и вновь и вновь перебирал в памяти последние дни своей подготовки перед заброской. Чаще других вспоминались два эпизода.

Год назад он сделал контрольную поездку в Советский Союз и в качестве матроса посетил батумский порт. «Надо, чтобы ты ощутил местный климат собственной кожей. О своих впечатлениях подробно доложишь рапортом», — сказал ему Себастьян.

Он долго бродил тогда по городу. Заходил в магазины, посидел в кино, заглянул в кафе, в городской парк, потолкался на вокзале и даже успел посетить музей. Ходил и слушал русскую речь, присматривался к советским людям, к их манере поведения, одежде и даже походке, а потом в порту долго разговаривал с грузчиком, который в конце разговора похвалил его за отличное знание русского языка. «Никогда бы не подумал, что вы иностранец», — заметил его случайный собеседник. И это было для него наивысшей похвалой. По возвращении он написал пространную докладную записку, в конце которой сделал вывод о своей полной готовности выполнить любое задание центра. Ему не терпелось скорее пойти в дело, скорее получить уже обещанное за выполнение задания крупное вознаграждение...

И вот на полпути к цели он схвачен.

Где же он просчитался? Когда именно попал в поле зрения советской контрразведки? Уткин, стараясь быть объективным, прослеживал свое поведение с момента вступления на советскую территорию, мысленно реконструировал обстановку и свои действия. Моментов, за которые он давно упрекал себя, было два: в ресторане, когда ввязался в скандал, и случай с соседом, когда у него вырвались «марки» вместо «рублей». И все. Больше он до последнего времени решительно ничего не находил. Но, во-первых, Бузулуков мог привести «хвост», а во-вторых, не исключено, что хозяйка квартиры была у контрразведки на крючке.

А может, все началось с момента переброски? Он вспомнил, с каким недоумением посмотрел на него капитан «Одиссея» Ксиадис, когда они совершенно случайно встретились у автобусной остановки. Но руководивший заброской Имант говорил, что на капитана можно положиться.

Вот и разберись и пойми, какой из возможных вариантов сработал на его гибель...

Уткин лежал на койке и думал, думал. Он совсем перестал спать. Ел ничтожно мало, и если бы ему не делали вливаний крови и глюкозы, он умер бы от истощения. Тех, кто дежурил в палате, в том числе и Павла, он просто не замечал.

Однако врачи предсказывали, что могучий инстинкт жизни в конце концов возьмет свое, и не ошиблись. На исходе второй недели, вечером, когда дежурство нес Павел, произошел перелом. Уткин глубоко вздохнул и вдруг спросил отчетливо:

— Какое число?

— Двадцать первое октября, — ответил Павел.

Кажется, Уткин узнал его голос — он повернул голову.

— Значит, с возвращением? — сказал Павел. — Издалека вернулись, издалека.

Павел больше, чем кто бы то ни было, желал этого возвращения. И был искренне рад. Кроме всего прочего, его ведь тоже неотступно преследовал вопрос: где он оступился? Как Уткин сумел раскрыть его?

Скорее по какому-то наитию, чем с расчетом, Павел сказал то, что думал:

— А ведь нас с тобой одно и то же мучает — на чем упался?

— Ну-у? — едва шевельнув подернутыми белым налетом губами, произнес в ответ Уткин.

— Я скажу, но в обмен ты тоже должен мне кое-что объяснить. Как говорится, баш на баш. Идет?

— Посмотрим.

Павел решил, что полезнее будет немного потянуть, поиграть, чтобы заинтриговать и расшевелить собеседника.

— Твои хозяева выдали паспорт на несуществующую серию. Так что благодари их.

Уткин повернул голову, посмотрел на Павла, как тому показалось, с состраданием. И голос звучал растерянно:

— Нн-е-е может быть... Меня заверили... Имант, Себастьян... Нет, нет, не может быть... — Уткин закрыл глаза.

Он мог предположить все, что угодно, только не это. Выходит, из-за чьей-то небрежности его послали сюда с грубой липой и тем самым заранее обрекли на провал! А теперь он должен расплачиваться жизнью?

Впервые за две недели Павел видел на лице Уткина осмысленное выражение. Не требовалось особой проницательности, чтобы прочесть на нем озлобление и досаду. Павел не мог определить лишь одного: к кому они относятся?

— Значит, не та серия... — наконец сказал Уткин. Хрипотца пропала, голос его окреп. Он открыл глаза.

— Не только это, — словно спеша оправдать свою ложь (которая во благо), сказал Павел. — Есть и другой, более важный фактор, который действует постоянно.

— Именно?

— Люди, советские люди.

— Дай пить, — попросил Уткин.

Павел налил воды из графина, поднес стакан к пересохшим губам Уткина.

Утолив жажду, тот долго лежал молча, наконец медленно произнес:

— Значит, сосед... Так я и думал... Значит, правильно...

— Конечно, ты прав, что ищешь причину провала. Я тоже вот мучаюсь, на чем попался.

— Сравнил!

— Но, может, ты скажешь? Уговор дороже денег.

— Подумай сам.

— Да уж думал. Ничего не придумал. Может, две точки на фотокарточке?

— Нет.

— Так что же?

Уткин ответил не сразу, словно набирался сил. И действительно, он за две недели так ослаб, что каждое слово давалось ему с трудом. Помолчав, он произнес целую речь:

— Мы говорили: Пирсон — большой мастер фотографии. Бузулукова он должен был снять так, чтобы зрачок левого глаза, угол рта и уголок воротничка у рубашки находились строго на одной вертикальной линии. Об этом меня предупредили. Я тогда хотел выйти на кухню с твоим паспортом, приложить к карточке что-нибудь вместо линейки. Газету, спичку... Но и так было видно, что условие не соблюдено... Проверь сам — убедишься...

— Неплохо придумано. Но сейчас не это главное. Те-

перь надо думать не о прошлом, а о настоящем, о своей судьбе.

— А это значит — рассказать все чистосердечно. Не так ли? — перебил его Уткин с едва заметной усмешкой.

— Допустим.

— Многого захотели.

— Ты прав. Но на тебе и висит много. И ты же русский. Или это уже ничего для тебя не значит?

— Не трать порох. Я знаю наперед все, что ты можешь мне сказать.

— Допустим. Но тогда ты должен понимать и то, что твоя судьба зависит от тебя самого.

— Очистить свою совесть и тем облегчить свою участь?

— Совершенно верно.

Уткин отвернулся к стене.

— Сейчас уже, пожалуй, не облегчишь.

Он вновь закрыл глаза и облизал пересохшие губы.

— Ты, наверное, знаешь законы. И тем не менее все зависит от тебя. Только от тебя, — повторил Павел.

— Дай воды, — снова попросил Уткин.

Павел напоил его. Уткин сказал:

— Устал я... Приходи завтра...

После этого разговора в состоянии и поведении больного произошла существенная перемена. Он заметно оживился, стал общительным и больше не отмалчивался при врачебных обходах. Вскоре Павлу удалось установить с ним прочный контакт. Беседы между ними были хотя и короткими, но довольно частыми, и беседы эти оставляли в душе Уткина след.

Вскоре он быстро пошел на поправку, а когда стал чувствовать себя хорошо, его перевели в тюремный лазарет. Терпение Павла было, как говорят в таких случаях, вознаграждено. На следствии Уткин сказал все...

СТАРЫЕ РАНЫ

Глава первая

В конце июля 1954 года подполковник Николай Васильевич Дружинин, получив очередной отпуск, ехал из Москвы в гости к другу, жившему в Белоруссии, в районном городке близ большого живописного озера. Друг приглашал его с семьей если не на все лето, то хотя бы на месяц отпуска, но заболела мать жены Дружинина, и ему пришлось поехать одному, и всего на неделю.

Впрочем, для него, заядлого охотника, это была не просто неделя. Это были первые, самые раздольные семь зорь охотничьего сезона.

К поездке на знаменитое дикой красотой и охотой лесное озеро Николай Васильевич начал готовиться задолго до отпуска. Готовился обстоятельно, с чувством, не торопясь. И спроси кто-нибудь, что больше волнует его и радует: сама охота или подготовка к ней, он, пожалуй, не смог бы определенно ответить.

В дверь постучали. Металлически щелкнул большой никелированный замок — в купе вошла проводница в берете, за нею два новых пассажира. Один, болезненного вида, сразу полез на верхнюю полку и молча лег там, положив под голову сложенный плащ. Другой, шумный, что-то рассказывал проводнице, громко смеялся. Был он среднего роста, широк в плечах и груди, с полным, несколько грубоватым лицом. На вид ему можно было дать лет сорок, если бы не совершенно седые волосы, густая прядь которых свисала на загорелый лоб.

— Будем знакомы,— с бесцеремонной приветливостью протянул он руку Дружинину, как только проводница вышла из купе.— Воронеж, Иван Тимофеевич.

И они как-то сразу разговорились, хотя вообще Дружинин с людьми быстро сходиться не умел. Кивнув на окно, за которым мелькал освещенный солнцем лес, он задумчиво сказал:

— В этих местах, немного южнее, довелось наступать...

— В сорок четвертом?

— Да. Был ранен под Глинском.

— Под Глинском? — переспросил Воронеж и, помолчав, добавил: — Это мой родной город.

— Вот как! Домой едете?

— В Глинск-то? — Воронеж вдруг помрачнел.— Нет, я там теперь не живу...

Из дальнейшего разговора Дружинин узнал, что его попутчик живет в Минске, по профессии шофер, работает на автозаводе по снабжению, в настоящее время в отпуске, возвращается из Лосихи — районного центра, где наводил справки об одном человеке.

— Что за человек, если не секрет? — улыбаясь, спросил Николай Васильевич.

— Секрета тут никакого. Это мой бывший комдив Мишутин... Случайно не слыхали о таком?

— Нет. А что?

— Длинная история...— Воронеж вздохнул и, помолчав, негромко продолжал: — В сорок девятом году, летом, повстречалась мне в Минске на улице жена Мишутина. Приехала погостить к сестре из Москвы — там она живет с дочерью и зятем. Как увидела меня, припала к плечу и заплакала: «Пропал, говорит, мой Павел Семенович без вести. Не знаю, где и могила его... Как же так?! Разве мог он без вести?!» А я до этого и понятия не имел, что генерал Мишутин не вернулся с войны. Думал, где-нибудь служит или в отставке уже. Что я мог сказать вдове? Никакие слова не заглушат ее горя. Ну, а когда расставались, пообещал: попытаюсь, мол, найти след комдива.

— И стали искать? — спросил Дружинин, заинтересовавшись рассказом.

— Да... Начал с писем. Направил запрос в Главное управление кадров Министерства обороны. Ответ пришел скоро: «Генерал-майор Мишутин П. С. значит пропавшим без вести». После этого написал некоторым знакомым

и друзьям комдива. А они все ответили: с сорок первого года никаких известий.

Куда же, думаю, еще обратиться? Послал письмо в Центральный архив Советской Армии. Ответ тоже неутешительный: о комдиве Мишутине в архивных документах ничего найти не удалось. Тогда по совету одного офицера из горвоенкомата засел за старые подшивки газет — стал читать сводки Совинформбюро. На это ушло несколько недель: в читальном зале я мог бывать только по вечерам, после работы. Фамилии Мишутина не упоминалось ни в одной из сводок.

К этому времени я раздобыл еще несколько адресов знакомых комдива. Снова разослал письма. Отозвался генерал-лейтенант Михайлов — помог связаться с бывшим начальником оперативного отделения штаба мишутинской дивизии полковником в отставке Гущиным. Тот написал, что в бою у одного хутора (названия он не помнил) генерал Мишутин с небольшой группой офицеров штаба и солдат был отрезан от остальных своих подразделений прорвавшимися немецкими танками. Что стало с этой группой, Гуцин не знал. Скорее всего, она погибла в бою с гитлеровской пехотой, сопровождавшей танки.

— И что же потом?

— Я все больше и больше думал о том самом хуторе. Там, казалось, должны завершиться мои поиски. В июле взял отпуск, сел в поезд. Доехал до узловой станции, названной в письме Гущина, пересел на местный поезд, или «рабочий», как его называют. Он тащил меня еще часа четыре. Потом от разъезда я добирался попутными машинами и пешком — по проселку, лесными тропами. В общем, обошел за две недели больше десятка деревень. И ни в одной из них не помнили боя с немецкими танками, в котором бы участвовал генерал в брезентовом плаще поверх гимнастерки... Так и вернулся домой ни с чем.

— Куда же девался тот хутор, Иван Тимофеевич?

— Хутор-то? — Воронеж усмехнулся невесело. — Нашел я его все-таки. Да что толку...

Он с минуту молча курил, жадно затягиваясь. Потом как-то нехотя, без прежнего воодушевления заговорил:

— Как только я приехал в Минск, домой, решил написать Гущину: не напутал ли он чего из-за давности лет? Так и вышло! Оказывается, от железнодорожного разъезда, где я сходил с поезда, надо было идти в другую сторону.

— И снова поехали туда?

— Не сразу. Весной я шибко простудился в рейсе. Открылась старая рана. Кость на ноге загноилась. Больше двух годов, можно сказать, полуинвалидом был. И лишь нынешним летом, как только подошел отпуск, опять двинулся тот хутор искать.

— И долго на сей раз искали?

— Сразу нашел. В первый же день приезда в район. Домов двенадцать, все как один новые, после войны срубленные, стоят на пригорке, зажатые с двух сторон лесом.— Воронеж чуть помедлил.— В общей сложности пробыл я в районе одиннадцать дней. За это время нашел одну старуху, которая мне такое брякнула, что весь мой поиск, считай, насмарку.

— Что же она вам сказала?

— Говорит, что действительно был там, поблизости от них, где-то у Кривого оврага, бой с немецкими танками. Помнит она его. И генерала в брезентовом плаще тоже помнит... Так вот, этот генерал, по ее словам, в плен к немцам попал.

— Захватили его или как?

— Этого она не знает, не видела. А вот, говорит, сын ее должен знать, он все видел.

— Ну, а сын что?

— С ним я не мог встретиться. Он в армии служит. Адресок взял у старухи.

— Н-да,— задумчиво протянул Дружинин.— Выходит, могилы генерала Мишутина, которую вы искали, на нашей земле нет.

— Вы так считаете?!

— Факты об этом говорят, Иван Тимофеевич.

— «Факты», «факты»!.. — с неожиданной резкостью произнес Воронеж.

Дружинин удивленно вскинул свою крупную голову, коротко стриженную бобриком, потом, как бы не заметив происшедшей вспышки, негромко спросил:

— Ну, а сами-то вы на этот счет что думаете?

— Не верится мне в эти факты, вот что.— Воронеж уже овладел собой, говорил спокойно.— Мне кажется, тут какая-то путаница... Буду дальше искать!

Дружинин остановил на нем внимательный взгляд, улыбнулся:

— Сдается мне, что у вас есть какая-то ниточка?

— Угадали, Николай Васильевич,— сказал Воронеж,

как-то сразу повеселев.— Имеется одно соображение. Как только свободное время выпадет, поеду на место.

— И далеко?

— По соседству с районом, в котором я искал.

— Что же вас влечет туда?

— Тут вот какое дело. Когда я вчера уходил с хутора, мне на выгоне встретился один мужик, немолодой уже, попросил закурить. Разговорились. Я ему и скажи про старуху, которая будто бы знала, что генерала в плаще в плен взяли. Мужик почесал бороду и говорит: «Брешет она, твоя старуха! Никакой это был не генерал. В тот раз немцы захватили агронома Генералова — из совхоза, что в соседнем районе. Кто-то донес о его связи с партизанами. А вот, говорит, командовал этими партизанами в лесу за Холодным ручьем действительно генерал, какой-то большой командир Советской Армии». Я мужику вопрос: «Что за командир, как его фамилия?» Отвечает: «Это мне неизвестно. Об этом надо у районных властей справиться».

— Ну и как, справлялись у властей?

— Некогда уже. Отпуск кончился. Приеду домой — письмо пошлю.

Они помолчали. За окном прогрохотал встречный поезд. Когда все стихло, Дружинин спросил:

Иван Тимофеевич, насколько я понял, вы войну начали вместе с Мишутиным?

— Правильно поняли.

— А что же вас разлучило?

Воронец отбросил седую прядь, упавшую на лоб, перевел дыхание.

— Так уж вышло...

— Вам тяжело об этом говорить? Тогда не надо. Извините.

— Да нет, отчего же... Не подумайте чего плохого. Просто дело случая... Я ведь все время находился рядом с комдивом, такая уж была моя служба — шофер на его «эмке». Вместе с ним и в Глинском госпитале оказался — я сам привез туда Мишутину с его адъютантом. Думал, и оттуда вместе выйдем, опять бок о бок воевать будем. Не получилось...

— Вас, видимо, в разное время выписали?

— Не в том дело. Несчастье произошло...

Воронец положил на столик тяжелые руки с потухшей папиросой в мелко дрожавших пальцах. Немного помолчав, заговорил глухим голосом и как-то торопливо, будто хотел

поскорее выговориться, освободиться от давившей на сердце тяжести. Говорил он долго. Взволнованный рассказом, Дружинин не перебивал слутника. Откинувшись всем своим большим телом к стенке в углу купе, он внимательно слушал, отчетливо представляя себе не только общую картину тех трудных летних дней сорок первого года, но и связанные с ней события в жизни нескольких людей, близких друг другу...

Глава вторая

В Минске на многолюдном перроне Дружинин, вышедший проводить Воронца, вдруг предложил ему свою помощь в поисках следов комдива. Это вырвалось у него как-то неожиданно, уже перед отходом поезда, когда он на прощание пожимал руку Ивана Тимофеевича. Неожиданно потому, что Дружинин, человек сдержанный, сам умевший оберегать в себе то, что дорого было одному ему, и понимавший это в других людях, до последнего момента не решался заговорить об этом с Воронцом из-за боязни нарваться на отказ: вы, дескать, посторонний в этом деле. Но это предложение услуг не было для Дружинина чем-то случайным, слетевшим с языка в минутном порыве: он не мог не уважать человека, добровольно и бескорыстно взвалившего на свои плечи тяжелейшую ношу.

Предлагая свою помощь, Дружинин исходил из того, что он, сотрудник органов государственной безопасности, располагает большими возможностями, чем Воронеж, ведущий поиск чуть ли не в одиночку. Однако при этом Дружинин не хотел преувеличивать своей роли: дело казалось ему малоперспективным. Он не разделял оптимизма Воронца, который из-за неопытности в подобного рода вещах с какой-то мальчишеской увлеченностью верил в непременный успех поиска.

Но Дружинин не мог согласиться и с тем, третьим пассажиром в купе, который почти всю дорогу молча лежал на верхней полке и вступил в разговор лишь после того, как Воронеж кончил свой рассказ. «Вы извините, что я вмешиваюсь,— сказал тот, третий пассажир, обращаясь к Ивану Тимофеевичу.— Но, ей-богу, мне кажется, вы гоняетесь за призраком. Кому это нужно?» Воронеж поднял на него недоуменные глаза: «Как так?» Болезненного вида пассажир свесил голову с полки. «Если бы ваш комдив

погиб как герой, о нем давно было бы известно, — пояснил он свою мысль. — Скорее всего, сгинул где-нибудь в плену или того хуже...»

Эти жестокие слова потом не раз всплывали в памяти Дружинина — когда ехал в поезде, продолжая свой путь от Минска, и позже, во время отпуска, на охоте, и по возвращении домой, в Москве. Было в них нечто такое, чего не мог Дружинин отбросить, исключить, хотя бы теоретически, безотносительно к судьбе генерала Мишутина: слишком много он повидал за свою жизнь, работая в разведке и контрразведке.

И все-таки Дружинин не мог до конца принять этих слов, так как понимал: войну выиграли не одни герои. К тому же, одно дело погибнуть героем на людях и другое — безвестным, как многие погибали в том страшном сорок первом. Впрочем, сами они едва ли считали себя героями. Они выполняли свой солдатский долг, и только...

Так рассуждал подполковник Дружинин в тот день, когда впервые после отпуска вышел на работу. Расстегнув пиджак и расслабив галстук, он сидел за столом в своем небольшом, в одно окно, кабинете — ожидал сотрудника, которого вызвал для разговора по хотя и не принятому официально к производству, но, можно считать, уже начатому делу о генерале Мишутине.

Дружинин выдвинул боковой ящик стола, достал простенькую папку из желтого картона. Отныне в ней будет собираться все, связанное с поисками следов комдива. Дело это Дружинину придется вести самому, не передавая никому из подчиненных, а лишь поручая им частные задания: оно не соответствовало профилю работы отдела.

Наконец пришел вызванный сотрудник. Это был лейтенант Строгов, или Веня Строгий, как называли его в отделе отчасти из-за фамилии, но больше потому, что это прозвище как нельзя лучше отвечало обычному выражению его смуглого тонкого лица. Прозвище прочно пристало к лейтенанту, несмотря на то что всем было известно: неулыбчивый Веня вообще-то весьма добродушный и застенчивый человек.

Когда Веня Строгий, поздоровавшись, сел за приставной полированный столик, Дружинин сообщил ему о цели вызова, а затем стал рассказывать, как завязалось дело Мишутина, поведал со слов Воронца об обстоятельствах, предшествовавших событиям, при которых генерал Мишутин пропал без вести.

Обстоятельства эти были таковы.

В июле 1941 года пехотная дивизия Мишутина, с тяжелыми, кровопролитными боями отходившая почти от самой границы, получила приказ принять участие в массированном контрударе во фланг прорвавшейся крупной немецкой механизированной группировке. Ночью полки стали сниматься со своих оборонительных участков и двигаться на запад, в район сосредоточения. В этих лесистых, заболоченных местах, по которым шли все три походные колонны дивизии, начиналась родная область Мишутина, где он жил до восемнадцати лет.

На полпути до исходных позиций для контрудара правогофланговая колонна, с которой ехал сам комдив, на рассвете внезапно была атакована немецкими танками. На широкой луговине завязался бой.

Разорвавшимся поблизости снарядом Мишутин был контужен — потерял сознание. Пришел в себя уже по дороге в Глинск, в армейский госпиталь, куда его везли сержант Воронеж и адъютант лейтенант Дорохин.

На другой день, когда состояние Мишутина несколько улучшилось, он вызвал к себе в палату Воронца и Дорохина и стал их расспрашивать о последнем бое. Из мелких подробностей, деталей боевой обстановки, о которых рассказывали ему адъютант и шофер, генерал пытался создать цельную картину окончившегося без него боя, чтобы сделать более или менее верное предположение о состоянии и местонахождении своих полков.

Дорохин развернул на койке перед генералом карту и карандашом показал направление отхода разбитых в неравном бою подразделений дивизии, блокированных немецкой танковой группой.

Мишутин долго молча смотрел на карту, потом тяжело вздохнул и обычной для него скороговоркой сказал:

— Что ж, ясно. Заболотский лес...

Затем он спросил, многим ли удалось пробиться через вражеское кольцо в сторону Глинска. По прикидке Дорохина и Воронца выходило, что на восток пробилось не более двух-трех рот, в основном из тыловых служб дивизии.

Через три дня после этого разговора комдив, которому врачи уже разрешили ходить, снова встретился с адъютантом и шофером. На этот раз не в переполненной до предела палате, а на одинокой скамейке в госпитальном саду. Здесь он им и поведал о своем замысле перейти линию фронта, чтобы искать дивизию в Заболотском лесу.

— А где мы сможем туда проскочить, товарищ генерал? — спросил Воронеж.

— «Проскочить»? — Мишутин усмехнулся. — Нет, на авось мы действовать не должны. Мы обязаны пройти на-верняка. — Он достал из планшетки карту, развернул ее на коленях. — Вот, глядите! — Палец Мишутина остановился сперва на деревне Морошке, затем на Дубовке — обе они значились занятыми противником. — Между ними, как видите, лежит Змеиное болото... Кстати, земляк, тебе не приходилось бывать там? — спросил Мишутин Воронца.

— А как же, бывал я на Змеином, — сказал Воронеж. — За клюквой ходили.

— По первым заморозкам?

— Топко. До морозов туда не доберешься.

— Можно, — сказал Мишутин. — Тропа есть. Про Змеиный язык слыхал?

Воронец почесал затылок.

— Верно. Припоминаю...

Переход линии фронта было решено осуществить в ночь на послезавтра. Чтобы получить разрешение на это, комдив с адъютантом тут же поехали в штаб армии, находившийся на противоположной окраине Глинска. А Воронца генерал отпустил домой, в пригородную деревню, навестить семью.

Воронец должен был вернуться ровно через сутки, чтобы не опоздать к ночной операции. Но тут произошло непредвиденное трагическое событие.

Доехав на попутной машине до своих Вишняков, Воронец узнал, что большинство его односельчан, наскоро собрав пожитки, подались на восток. За ужином, посоветовавшись с женой Дарьей, Воронец решил тоже увезти ее с ребенком из Вишняков. Куда? Конечно же, к тетке в Заозерье — самый глухой угол в области, удаленный от больших дорог, по которым надвигалась война.

Но Воронцу так и не удалось уберечь свою семью. На другой день по дороге в Заозерье грузовик, на котором они ехали, попал под бомбежку «юнкеров». Жена Воронца и годовалый сын погибли у него на глазах.

Враз поседевший Воронец не только опоздал к ночному выступлению на Змеиное болото, но и вообще на некоторое время оказался физически непригодным для боевой службы. Его положили в госпиталь. Вылечившись, он узнал, что в тыл к немцам комдив ушел с адъютантом Дорохиным и радистом, которого ему дали в штабе армии. С тех пор

до случайной встречи с женой Мишутина Воронец о своем генерале ничего не слышал...

Когда Дружинин рассказал все это Вене Строгову, то по обилию вопросов, которые посыпались на него, понял, что многолетней давности история по-настоящему заинтересовала лейтенанта. Николаю Васильевичу пришлось по душе, что его молодой сотрудник так близко принимает судьбу неизвестного ему комдива.

— А теперь давай-ка прикинем, куда для начала направить стопы свои?

Загибая по очереди пальцы на своей большой руке, Дружинин начал перечислять, что предстоит сделать, куда и кому послать письменные запросы о Мишутине, какие материалы в архиве Министерства обороны разыскать в первую очередь.

— Мне кажется, нельзя ограничиваться чисто военными архивами, — сказал Венья. — Стоит, например, покопаться в архиве партизанского движения в Белоруссии.

— Правильно, — согласился Дружинин.

Лейтенант что-то записал себе в блокнот, потом спросил:

— А что, если действительно Мишутин в плен попал, как рассказывала Воронцу та старуха с хутора?

— Источник не ахти.

— Ну, а все-таки, товарищ подполковник?

— Тогда дело сложное. — Дружинин с минуту помолчал. — Придется как следует порыться в материалах, связанных с антисоветскими зарубежными организациями и формированиями. Вроде НТС или власовской РОА. Может, и промелькнет где случайно фамилия Мишутина.

— Как члена одной из этих организаций?

— Почему же? Просто пленный советский комдив, по моему, не мог не попасть в орбиту внимания этих изменников.

На столе зазвонил телефон. Дружинин взял трубку. Его вызывал к себе начальник. Разговор с лейтенантом пришлось отложить.

Выкроить время в течение дня им не удалось. Встретились только вечером, после службы. Дружинин понимал: по-настоящему свободного времени для этой работы у них не будет никогда. Заниматься ею придется урывками между основным делом.

В тот вечер они засиделись в кабинете Дружинина почти до одиннадцати. Им никто не мешал, не отрывал

телефонными звонками. Составили обстоятельный план поиска, по которому на другой день и началась их длительная совместная работа.

Глава третья

Как бы ни был редок посев, рано или поздно приходит жатва.

Первый ответ был получен из Главного управления кадров Министерства обороны. Маленькая форменная бумажка:

«На Ваш запрос сообщаем, что по учетным данным ГУК МО СССР генерал-майор Мишутин Павел Семенович, 1900 года рождения, числится пропавшим без вести летом 1941 года на Западном фронте...»

Два момента в этом документе не могли не обратить на себя внимание. Они заключались в словах: «пропал без вести летом 1941 года на Западном фронте», то есть не было указано ни точной даты, ни места, где это произошло. Небрежность писаря, заполнявшего бланк? Нет, разумеется. Неконкретность бумаги, видимо, была следствием отсутствия таких данных вообще.

Вскоре после этого пришло письмо из архива Министерства обороны в Подольске. Дружинина извещали, что он может ознакомиться там с документами любой воинской части и соединения, принимавших участие в Великой Отечественной войне.

Николай Васильевич дважды съездил в Подольск. Первый раз вместе с лейтенантом Строговым, потом один. К сожалению, ничего нового там найти не удалось.

Дружинин через Министерство иностранных дел установил связь с находящимся в длительной заграничной командировке Андреем Михайловичем Дорохиным — бывшим адъютантом комдива Мишутина. В своем письме подполковнику тот писал, что в ближайшее время должен приехать в Союз в отпуск, и тогда они смогут обстоятельно поговорить по интересующему обоих вопросу.

В начале ноября Дружинин получил весточку от Воронца. Собственно, от него самого была лишь приписка на последней странице адресованного Воронцу письма.

«Здравствуйте, Иван Тимофеевич! Пишет Вам тракторист Матвей Лыков, в настоящий момент рядовой Советской Армии. По интересующему Вас вопросу напишу толь-

ко то, что видел самолично и слышал собственными ушами, как Вы сами в письме просили.

В то время я был пацаном восьми лет и со своими друзьями возвращался из лесу, куда мы ходили за хворостом, так как все запасы дров сгорели. А сгорели они потому, что дня три или четыре назад в нашем хуторе был бой и его сожгли дотла, до последней избы. И вот, когда мы возвращались из лесу, вдруг кто-то крикнул: «Пленных ведут!» Мы побежали к выгону и стали смотреть. Пленных было человек шесть или семь. Двое из них кого-то несли на самодельных носилках, укрытого с головой шинелью. Впереди всех шел пленный в длинном брезентовом плаще. А чуть позади — другой, в распахнутой телогрейке, на груди у него был орден.

Вскоре откуда-то приехал грузовик, пленных посадили в кузов и увезли. А наши хуторяне — бабы и старики, которые стояли с нами у выгона, — начали разговаривать между собой. Тут-то я и услышал, что один из пленных был генерал. Или фамилия у него была такая — Генералов. Этого я по малолетству тогда не понял. Потом все разошлись, и больше ничего интересного для Вас не было.

С солдатским приветом — Матвей Лыков».

Ниже была приписка Воронца:

«Дорогой Николай Васильевич!

Кто же все-таки был этот человек в брезентовом плаще — генерал Советской Армии или агроном Генералов, о котором я Вам рассказывал? И находился ли в этой группе Мишутин?

А что, если комдива вообще не было среди этих пленных? Помните, я Вам говорил о мужике, которого встретил, покидая хутор? Он мне тогда рассказал о неизвестном генерале — командире партизанского отряда, действовавшего в соседнем районе. Такой отряд, как я выяснил, действительно был. И командовал им генерал. Так вот, этот погибший в конце сорок первого года генерал по некоторым данным схож с Мишутиним, хотя и носил другую фамилию. Вернее, это была не фамилия, а, скорее всего, вымышленное имя, прозвище, или, по-книжному — псевдоним: «Мститель».

Но об этом раньше времени, пожалуй, не стоит распространяться. Продолжаю наводить справки.

Крепко жму руку. И. Воронец».

Письмо Лыкова с припиской Воронца Дружинин показал лейтенанту Строгову. Прочитав его, Веня по при-

вычке запустил пятерню в свои черные кудри, сказал:

— Интересно, а кем мог быть этот пленный с орденом?

— По-моему, самое интересное не это,— заметил Дружинин.— А то, что Воронеж об этом человеке с орденом вообще не упоминает в своей приписке. Хотя, если мне не изменяет память, Мишутин был награжден орденом еще в тридцать девятом году. Воронеж рассказывал.

— Почему же так могло получиться?

— Такой уж человек Иван Тимофеевич,— сказал Дружинин.— Он и мысли не допускает, что его комдив мог попасть в плен, хватается за любой довод, опровергающий это предположение. Сейчас Воронеж, видимо, весь в поиске следов «Мстителя», других версий для него не существует.

— Но это же явная предвзятость, товарищ подполковник,— сказал Веня, строго насупив брови.

— Я тоже так считаю,— раздумчиво проговорил Дружинин.— А впрочем, быть может, Иван Тимофеевич не так уж и неправ.

— Не понимаю вас.

— Все очень просто, мой сердитый лейтенант. Чтобы узнать человека, гласит пословица, надо с ним пуд соли съесть. Воронеж два с лишним года служил вместе с Мишутиним. А что мы с тобой?

После этого разговора Дружинин решил послать письмо в наградной отдел Министерства обороны. И вскоре оттуда получил такое сообщение:

«На Ваш запрос сообщаем, что Мишутин Павел Семенович за участие в боях на р. Халхин-Гол против японских захватчиков и проявленный при этом героизм награжден в сентябре 1939 года орденом Красного Знамени...»

Перед тем как эту форменную бумажку приобщить к другим, лежавшим в его желтой папке, Дружинин снова подумал, что, быть может, тот пленный с орденом и был генерал Мишутин. А в брезентовом плаще — агроном Генералов.

Так ли это было в действительности, Дружинин не мог сказать, по крайней мере до беседы с человеком, который в ту пору был ближе всех к комдиву,— с его бывшим адъютантом Дорохиным. И Дружинин с все возрастающим нетерпением ожидал приезда Дорохина в Москву.

Но встреча так и не состоялась. Дня за три до назначенного срока почтальон принес на дом подполковнику письмо. Дружинин, придя с работы, хотел вскрыть лежавший на его письменном столе пухлый конверт, но увидел,

что он порван с одного угла и весь помят. Жена объяснила, что это дело рук Саши и Витьки: подрались, не могли миром решить, кто должен вручить отцу письмо.

Письмо было от Дорохина. Андрей Михайлович писал, что, к его великому сожалению, не может в ближайшее время приехать в Союз — непредвиденные обстоятельства мешают ему провести очередной отпуск на Родине.

Далее Дорохин мелким четким почерком на восьми страницах подробно описывал поход с генералом Мишутинным в тыл немецких войск.

«Линию фронта мы переходили, как вы знаете от Воронца, по Змеинному болоту, — писал Дорохин. — Представьте себе: раннее утро, густой белый туман. И в этом мутном месиве, меж бочагов застойной, гнилой воды и зыбких островков, поросших седоватым мхом и ползучими жгутиками кукушкина льна, тянется узкая, не шире одного-двух метров, полоска относительно твердой земли — Змеинный язык, по которому мы идем почти по колено в торфяной жиже.

Болото преодолели благополучно. Но потом нам не повезло — в лесу наткнулись на немецкий патруль. В завязавшейся стычке (мы отбивались гранатами) был убит наш радист.

Вдвоем с Мишутинным мы пошли дальше. Блуждали по Заболотскому лесу около двух суток, пока не встретили первого солдата нашей дивизии. С окровавленной повязкой на голове он вышел к нам ночью, когда мы сидели у костра. Под утро к огню подошли два сержанта... А потом к нам все чаще и чаще стали примыкать отбившиеся от своих подразделений одиночки и небольшие группы солдат и офицеров. Всего в район сосредоточения своей дивизии Мишутин привел более тридцати человек.

На первом же совещании комсостава генерал отдал приказ, чтобы каждый появившийся в Заболотском лесу красноармеец направлялся на сборный пункт. На лесных дорогах, тропинках и просеках были выставлены специальные посты. В результате за короткое время нам удалось собрать значительные силы. Правда, многие из числа собранных таким образом солдат и офицеров прежде не имели никакого отношения к нашей дивизии. Собственно мишутинских в Заболотском лесу оказалось, не считая штаба, только три крупных подразделения: стрелковый полк, неполный батальон другого стрелкового полка и арtdивизион. Было еще несколько небольших групп, после

неудачного боя с немецкими танками отколовшихся от других частей дивизии, которые отошли через Заболотские топи куда-то южнее.

Зато к Мишутину в Заболотском лесу присоединился отряд полкового комиссара Баградзе — более двух батальонов из частей соседней армии, которые Баградзе вел через немецкие тылы почти от самой границы.

На первом же смотре своей возрожденной дивизии генерал выступил с краткой речью.

— Запомните все,— сказал он,— мы не в окружении! Мы боевая часть, на родной земле выполняющая свой воинский долг. А он у нас один: бить врага! Бить беспощадно до нашей полной победы!

Мишутин стоял рядом с Баградзе перед общим строем на лесной поляне. Полы его брезентового плаща были распахнуты — на гимнастерке тускло блестел орден Красного Знамени. И пожалуй, только в эту торжественную минуту я понял, что не напрасно генерал рисковал, пронося через фронт этот свой боевой орден.

Одновременно с комплектованием подразделений Мишутину приходилось много заниматься разработкой предстоящей операции по выводу дивизии из окружения. Дело осложнялось тем, что большинство опытных офицеров штадива, в том числе и сам начальник штаба, были выведены из строя в последних боях. Их место заняли недостаточно искушенные в штабной работе молодые офицеры во главе с майором Гуциным. Мишутину приходилось во все вникать самому — контролировать, направлять, помогать советами.

Каждый день он напоминал командирам частей и своему штабу:

— Учтите, если мы потеряем время, то потеряем все: тактическая обстановка, выгодная теперь для прорыва, может измениться в любой момент!

К сожалению, случилось именно то, чего опасался Мишутин. Из-за недостатка артиллерии наша подготовка к прорыву через фронт затянулась, а в это время немцы перешли в наступление. Фронт стал отодвигаться от нас все дальше и дальше на восток. Наша подготовительная работа прошла впустую. Все надо было начинать сначала.

Мишутин собрал командиров на совет, в заключение которого объявил свое решение:

— Будем двигаться по ночам лесными дорогами парал-

лельно оси наступления немцев. Как только достигнем линии фронта, пойдем на прорыв...

Дивизия шла по белорусским лесам семнадцать суток. Точнее, не просто шла, а пробивалась, ведя непрерывные бои против немецких гарнизонов и карателей, пытавшихся преградить ей путь на восток, к своим. За время движения по тылам противника подразделениями дивизии было истреблено более двух тысяч гитлеровских солдат и офицеров, взорвано восемь складов с боеприпасами, уничтожено четыре вражеских штаба и много боевой техники.

На восемнадцатый день многотрудного, кровопролитного похода мишутинской дивизии разведка донесла: наступление немецких войск остановилось! И куда бы в последующие дни комдив ни бросал одну за другой разведывательные группы, всюду результат был одинаков: фронт впереди недвижим, немцы ведут оборонительные работы, зарываются в землю.

В бревенчатый клуб леспромхоза, где разместился штадив, Мишутин вызвал начальника разведки и в присутствии начальника штаба майора Гущина сказал ему:

— Самим нам, в одиночку, прорваться через фронт трудно. Подразделения дивизии обескровлены до предела, плохо с боеприпасами. Кроме того, если не предупредим наших, можем попасть под их же огонь. Надо немедленно связаться с войсками Красной Армии, действующими на этом направлении.— Мишутин немного помолчал и заключил: — Сегодня же объявите в разведроту: нужны добровольцы на ту сторону!

На другой день из числа изъявивших желание идти через фронт для связи с нашими войсками Мишутин отобрал двоих: старшего сержанта Ремнева и меня. Сверхсрочник Максим Ремнев считался лучшим разведчиком дивизии. Ну, а мне эта честь была оказана потому, что я неплохо владел немецким языком.

Под вечер после обстоятельного инструктажа мы с Ремневым, переодетые в форму унтер-офицеров вермахта, покинули штаб. На крыльце Мишутин крепко обнял, поцеловал нас обоих.

— Помните, друзья,— сказал он,— вы идете на такое дело, от которого зависит судьба дивизии...

Это были последние слова, которые мне довелось услышать от генерала Мишутина. На обратном пути, после успешного выполнения задания комдива, в перестрелке с немецким дозором я был тяжело ранен. Ремнев и сопро-

вождавшие нас автоматчики были вынуждены оставить меня у местного лесника. А когда мои раны зажили, этот лесник переправил меня в партизанский отряд, в котором я и воевал до самого освобождения Белоруссии...»

Глава четвертая

Седьмого ноября, в первый день праздника, Дружинин дежурил в комитете. И во время этого дежурства, когда выпала свободная минута, решил написать письмо Гущину.

Начавший службу у генерала Мишутина начальником оперативного отделения и выросший до начальника штаба, Гущин, несомненно, должен был хорошо знать своего комдива, а главное, как теперь Дружинину стало окончательно ясно, Гущин находился вместе с Мишутиным в тот период движения по вражеским тылам, когда произошел решающий бой дивизии, быть может, ставший для ее командира последним.

Написав и в тот же день отправив письмо, Николай Васильевич ожидал ответа. Но так и не дождался.

Однажды, уже в середине ноября, Дружинина вызвал его начальник и сказал, чтобы он подобрал сотрудника в командировку в Краснодар.

Выяснив, что там за работа, Дружинин попросил направить в Краснодар его самого.

— Не вижу в этом никакой нужды,— заметил начальник.— Там справится любой сотрудник.

— У меня в Краснодаре дело есть, Илья Кириллович.

— Дело? Какое?

Дружинин сказал, что в одном из районов Краснодарского края живет полковник в отставке Гущин, с которым ему надо обязательно встретиться.

— Уж не опять ли по делу того комдива? — спросил Илья Кириллович.— То в Подольск, теперь в Краснодар...

— Раз уж взялся за гуж...— Дружинин улыбнулся. Но улыбка вышла какая-то виноватая, потому что начальник разговаривал с ним явно неодобрительным тоном. Дружинину стало неловко за эту улыбку, он почувствовал, что краснеет, а от этого разозлился на себя еще больше и закончил в несвойственном ему резком тоне:— В общем, надо это дело довести до конца!

Илья Кириллович сложил на животе пальцы, привычно покрутил ими, примирительно сказал:

— Ну что ж, надо так надо...

Через три дня Дружинин уже был в Краснодаре. В понедельник приступил к своей работе в УКГБ, закончил эту работу в субботу вечером. А на другой день выехал в район, где отставник Александр Платонович Гуцин возглавлял один из зерносовхозов. Они встретились в директорском доме на краю поселка. Гуцин оказался загорелым худощавым человеком лет сорока пяти. Один, пустой, рукав его пиджака был аккуратно заправлен в карман. Приветливо улыбаясь, он поздоровался с московским гостем левой рукой, сказал:

— А я только вчера вам письмо отправил.

Они несколько минут беседовали о разных пустяках, а когда жена Гуцина оставила их наедине, начали свой главный разговор.

— Так что вас, Николай Васильевич, больше всего интересует? — спросил Гуцин.

— Как я уже писал в письме — обстоятельства последнего боя Мишутина.

Гуцин какое-то время молчал, собираясь с мыслями, затем положил в пепельницу потухшую папиросу и, откинувшись на спинку плетеного кресла, начал рассказывать.

И вот что Дружинин узнал из его рассказа.

...Отправив разведчиков Дорохина и Ремнева через линию фронта для связи с войсками Красной Армии, Мишутин с нетерпением ждал их возвращения.

Наконец один из разведчиков, Ремнев, возвратился. Он доложил, что удалось установить связь с командованием Западного фронта, которое обещало мощную артиллерийскую поддержку в день решающего боя дивизии.

И вот этот день настал. Накануне всю ночь не переставая лил дождь. И всю ночь под дождем шли войска. Ведомые надежными проводниками из местных жителей, они двигались двумя длинными колоннами через лес к фронту, к переднему краю немцев.

К рассвету движение войск в лесу прекратилось.

Генерал Мишутин в мокром окопе на КП, который спешно оборудовали саперы, взглянул на часы, дал радиисту команду:

«Восемьсот!» — Это означало: «Дивизия вышла на исходный рубеж — начинайте артподготовку».

Прошла минута. Вторая. Третья. Пятая. Но артиллерия на той стороне молчала.

— В чем дело?! — Мишутин строго глянул на молоденького радиста, прибывшего вместе с Ремневым из штаба фронта: не напутал ли чего юнец?

Но не успел тот ответить, как в лесу, впереди, что-то обрушилось, загудело, тяжело и гулко замолотило.

Артиллерийская подготовка продолжалась пятнадцать минут. Все это время земля в лесу дрожала, от страшного гула упруго сотрясаясь воздух.

И вдруг сразу все смолкло. На мгновение стало необычно тихо. Было слышно, как дождевые капли стучат по деревянной коробке телефона в окопе у связистов. И в ту же минуту, приглушенное сырой толщей лесного массива, послышалось раскатистое красноармейское «ура».

— Вот оно, началось... — чуть слышно сказал Мишутин, вытирая платком выступивший на лбу пот.

Бой длился больше трех часов. Особенно упорно немцы сопротивлялись в хуторе, на безымянной высоте, через которую вел спасительный путь на восток.

Наконец комиссар Баградзе, возглавлявший решающую атаку, доложил по телефону:

— Немцы из хутора выбиты!

Мишутин опустился на глинистый бруствер рядом с телефонным аппаратом, хрипло сказал в трубку:

— Спасибо, Шота! — И минуту спустя, справившись с волнением, приказал Гущину: — Начальник штаба, смениь КП!

— Саперы и связисты уже посланы, — доложил Гущин. В тот момент он и подумать не мог, что докладывает генералу в последний раз.

Гущин скатал в трубку карту, рассовал по карманам шинели карандаши, циркуль и компас, лежавшие на бруствере, и, забрав с собой ординарца и двух телефонистов, быстро зашагал с ними через мокрый лес вдоль потемневшего, набухшего от влаги телефонного провода. Мишутин с небольшой группой командиров и бойцов штаба пока оставался на старом КП, чтобы оттуда управлять боем до того момента, как начальник штаба оборудует новый командный пункт и переключит связь с подразделениями на себя.

Новый КП был на лесной опушке, в обшитом досками длинном немецком окопе. Пока телефонисты налаживали

связь, Гуцин изучал в бинокль только что занятый, почти весь разрушенный, сожженный хутор.

— Танки идут! — вдруг донеслось до него. — Слева немецкие танки!

Гуцин повернул голову. Из леса, с запада, с той стороны, где находились тылы дивизии, двигались по луговине рассыпным строем вражеские танки, сопровождаемые пехотой. Гуцин, бросив бинокль на бруствер, подбежал по траншее к телефону в нише, оттолкнул связиста, стал вызывать артдивизион.

— Передайте командиру, — прокричал он в трубку, как только удалось соединиться, — все орудия на прямую наводку! С западной стороны немецкие танки!

А танки приближались. Их снаряды с сухим треском стали рваться на опушке леса, у полуразрушенной зигзагообразной траншеи, где находились Гуцин с телефонистом. Но вот в дело вступил артдивизион, и немецкие танки вынуждены были перенести огонь на его позиции. Завязалась короткая артиллерийская дуэль. Потеряв несколько машин, гитлеровцы резко изменили курс, отошли к лесу, откуда начали свою неудавшуюся контратаку.

И только тут Гуцин вспомнил о комдиве. Он подошел к телефону, начал торопливо крутить ручку, чтобы вызвать старый КП. Но телефон молчал, сколько Гуцин ни кричал и ни дул в трубку. Тогда он вызвал начальника связи, находившегося неподалеку, в другом окопе, чтобы узнать, не снята ли старая линия. Оказалось, линия еще не снята, но почему-то не действует, и он, начальник связи, обеспокоен этим.

«Уж не случилось ли чего с Мишутиным?» — подумал Гуцин, с ужасом припоминая, что курс немецких танков пролегал именно по тому участку леса в районе Кривого оврага, где находился старый КП комдива.

Гуцин начал звонить в подразделения. Мишутина нигде не видели. После этого Гуцин приказал начальнику связи взять с собой комендантское отделение (все, что оказалось у него под рукой) и идти к месту старого командного пункта на розыск штабной группы во главе с комдивом.

Розыск ничего не дал. И когда к исходу дня дивизия наконец пробилась к своим, генерала Мишутина с ней не было.

По дороге домой, сперва в автомашине, потом в вагоне скорого поезда, Дружинин то и дело мысленно возвращался к своему визиту к Гущину, прикидывая, что же он дал и что теперь необходимо предпринять.

Собственно, о предстоящей работе во всем ее объеме они уже договорились с Гущиным, который просил Николая Васильевича отныне считать его в этом деле своим первым помощником, и проводить дальнейший поиск решили по таким основным направлениям.

Прежде всего, выяснить, кто был в действительности командиром партизанского отряда «Мститель», о котором писал Воронеж, предполагая, что этим погибшим в конце 1941 года партизанским вожаком мог быть генерал Мишутин. Во-вторых, уточнить обстоятельства возможного пленения комдива. Для этого полезно встретиться с Матвеем Лыковым и его друзьями, которые видели, как немцы увозили пленных. Быть может, они вспомнят, как эти пленные выглядели. Стоит также сделать объявление через местную газету, чтобы выявить других людей, возможно, встречавших в те дни в лесу близ хутора небольшую группу бойцов и командиров во главе с генералом. Наряду с этим попытаться разыскать бывшего начальника связи мишутинской дивизии, который был послан на розыск штабной группы (Гущин обещал уточнить фамилию этого офицера). Не исключено, что это даст новую ниточку для дальнейшего поиска.

Чтобы все это осуществить, требовалось побывать в памятном крае, на месте последнего боя Мишутина. Переписка по почте сейчас помочь уже не могла, она лишь затягивала дело. Поэтому Дружинин и Гущин решили: будущим летом или, скорее всего, в начале осени, когда у директора зерносовхоза минует страда, взять отпуска и, пригласив с собой Ивана Тимофеевича Воронца, поехать к Матвею Лыкову, который к тому времени уже вернется из армии. А пока суд да дело, Дружинин с лейтенантом Строговым будут продолжать поиск через архивы.

С этими планами Дружинин и вернулся в Москву, не подозревая, что вскоре их придется поломать, даже полностью от них отказаться из-за одного непредвиденного события, которое всему этому делу дало совершенно новый, неожиданный поворот.

В один из дождливых дней в конце ноября Дружинин

сидел у себя в кабинете и беседовал с сотрудником. Их разговор подходил к концу, когда на столе зазвонил телефон. Дружинин взял трубку.

— Товарищ подполковник! — услышал он взволнованный голос Вени Строгова. — Есть интересные новости.

— Что такое?

— Новые сведения о генерале Мишутине.

— Не с бородой? — недоверчиво усмехнулся Дружинин.

— Абсолютно новые, серьезно вам говорю.

Ну что ж, серьезный Венья, — сказал Николай Васильевич, взглянув на часы, — жду тебя через пятнадцать минут.

Точно в назначенное время лейтенант был в кабинете Дружинина. И прямо с порога громко сказал:

— Откровенно говоря, подобного я никак не ожидал! — Черные глаза Вени сверкали гневом.

Однако не суровость лица лейтенанта (она была привычной) подсказала Дружинину, что произошло нечто из ряда вон выходящее, а то, что стеснительный, сдержанный по натуре Венья вел себя в кабинете начальника с несвойственной ему вольностью: забыл поздороваться, шумно высказывал собственные заключения по делу, не доложив его сути.

— Не мельтеши! — строго сказал Дружинин лейтенанту. — Сядь и расскажи все по порядку.

И только тут Венья как бы пришел в себя.

Извините, товарищ подполковник, — проговорил он тихо, сел и начал рассказывать.

Из его короткого торопливого рассказа Дружинин узнал, что Комитетом государственной безопасности одной из закавказских республик недавно арестован агент иностранной разведки некто Сологубов, который на допросе назвал Мишутину в числе других руководителей разведцентра, забросившего этого агента на территорию Советского Союза. И что названный Мишутин, по словам Сологубова, в прошлом советский генерал, командир стрелковой дивизии.

Услышав это, Дружинин с минуту сидел молча. Потом встал, подошел к окну, за которым шумел затяжной осенний дождь, долго стоял, рассеянно наблюдая, как ползут по стеклу мутные капли. После этого прошелся по кабинету и опять сел на свое место. Достал из стоявшего рядом сейфа желтую картонную папку, куда собирались сведе-

ния о Мишутине, стал перебирать лежавшие там бумаги.

«А почему, собственно, это известие так огорошило меня? — подумал вдруг Дружинин. — Ведь в тот день, когда была заведена эта желтая папка, я сам дал задание Строгову проверить по нашим, комитетским, каналам, не имеется ли чего о Мишутине».

Да, такое задание лейтенанту он действительно давал. Но, откровенно говоря, давал на всякий случай, для успокоения совести, чтобы потом можно было сказать себе: проверено все и везде, по всем линиям. Тогда он и мысли не допускал, что может открыться нечто подобное, хотя в его памяти еще свежи были слова того, третьего пассажира в купе поезда, подходившего к Минску: «Вы гоняетесь за призраком. Кому это нужно! Может, давно сгнил где-нибудь в плену или того хуже...»

Дружинин закрыл желтую папку, завязал тесемки. Негромко сказал:

— Все это, Венья, надо проверить. Позвони на Кавказ, попроси, чтобы прислали протокол допроса этого Сологубова.

Через несколько дней протокол допроса уже лежал на столе у Дружинина. Точнее, не весь протокол, а только часть его — запись с показаниями арестованного агента о Мишутине. Начиналась она вопросом об учебе Сологубова в разведывательной школе перед его заброской в Советский Союз:

«— Вы сказали, что проходили обучение в разведшколе под Мюнхеном и что, кроме этой школы, на территории Западной Германии имеется еще ряд подобных школ и разведцентров некоторых других буржуазных государств?»

Сологубов: Да, это так.

— Расскажите об этом более конкретно.

Сологубов: На территории Западной Германии действует несколько десятков американских разведывательных органов. Наиболее крупными из них являются: разведка сухопутных сил (Ми-Ай-Эс), разведка военно-морских сил (Оу-Эн-Ай), контрразведывательная служба (Си-Ай-Си), служба специального расследования (Оу-Эс-Ай). Агентурную работу проводят и некоторые организации, которые маскируются под вывесками различных научно-исследовательских институтов. К их числу, в частности, относятся

так называемая «Американская федерация фундаментальных исследований» и «Лаборатория по определению правильности заключения договоров с промышленными предприятиями». Первая из этих разведывательных организаций находится в Мюнхене с филиалами в ряде других городов. Вторая — во Франкфурте-на-Майне и ведет экономическим шпионажем против социалистических стран.

— Как осуществляется руководство деятельностью всех этих разведывательных организаций?

Сологубов: Насколько мне известно, работой всех американских шпионских организаций и центров в Западной Германии руководит европейский штаб ЦРУ. Находится он во Франкфурте-на-Майне, в здании фирмы «И. Г. Фарбен».

— Теперь расскажите об американском разведоргане «Служба-22» и его школе, где вы обучались.

Сологубов: Разведорган «Служба-22» официально, по вывеске, значится как «Посредническая контора транзитных перевозок». Это ее прикрытие. Занимается же она вербовкой, обучением и засылкой в СССР шпионской агентуры из числа антисоветски настроенных эмигрантов, так называемых перемещенных лиц, изменников Родины и прочих.

— Кто является руководителем «Службы-22»?

Сологубов: Генерал Генри Кларк.

— А его заместителем?

Сологубов: Первый заместитель полковник Даутон. Должность же второго зама в последнее время была вакантной. Но мне известно, что скоро она будет занята. На эту должность назначен какой-то Мальт. Говорят, он русский. Настоящая его фамилия Мишутин, бывший генерал Советской Армии, в войну командовал стрелковой дивизией...»

На этом протокольная запись обрывалась. В конце ее, перед подписью следователя, было сделано примечание, из которого Дружинин узнал, что в процессе дальнейшего допроса Сологубова фамилия Мишутина им больше не называлась. Допрашивать же его еще раз специально о Мишутине в республиканском Комитете государственной безопасности не стали, отчасти из-за срочности запроса из Москвы, а главным образом по той причине, что им неизвестны намерения и дальнейшие планы подполковника Дружинина, который заинтересовался личностью Мишутина.

Право решать, нужен ли вторичный допрос Сологубова в отношении Мишутина, оставалось за Дружининым. И он принял это решение, как только прочел протокольную запись. Она не дала Дружину того, чего он ожидал. Неясность по-прежнему оставалась неясностью. Помочь теперь мог только разговор с самим Сологубовым.

— Всего дня на два, не больше, Илья Кириллович, — сказал Дружинин.

Он сидел в глубоком кожаном кресле возле стола начальника отдела в его просторном светлом кабинете.

— Два дня там да четыре на дорогу, — недовольно заметил начальник.

— Если самолетом — сутки в оба конца.

— Вот я и говорю...

Немного помолчав, Илья Кириллович по-обычному негромко, отделяя, как бы взвешивая, каждое слово, предложил Дружину: пусть следователь республиканского комитета сам допросит Сологубова по вопроснику, высланному из Москвы.

Дружинина такое решение не устраивало. Ему надо было видеть Сологубова собственными глазами, лично говорить с ним, чтобы знать, что представляет этот человек, какова истинная цена его слов и показаний. И об этом Дружинин прямо сказал начальнику.

Илья Кириллович откинулся грузным телом на спинку кресла, сложил на животе пальцы, покрутил ими.

— Я тебя понимаю, но...

Это «но» означало, что полковник против поездки своего зама в Закавказье, потому что у него мало людей, дорог каждый человек, а работы очень много — не посторонней, своей работы, за которую строго спрашивают.

Дружинин понимал это и в какой-то степени даже оправдывал точку зрения начальника. Однако полностью согласиться с ним Николай Васильевич все же не мог. Хотя дело Мишутина и являлось для отдела «посторонним» (за него никто не взыщет), но занимался-то им Дружинин не ради собственного удовольствия.

Некоторое время они молчали. И когда это молчание для обоих стало тягостным, Дружинин вдруг предложил:

— А что, если об этом деле поговорить с нашим генералом?

— Ты думаешь, оно его обрадует?

— Что значит обрадует? Дело есть дело!

— У него и своих дел хоть отбавляй.

Опять замолчали. И чтобы как-то заполнить гнетущую паузу, Дружинин стал докладывать об одном старом деле, которое ему было поручено проанализировать перед оперативным совещанием послезавтра.

Илья Кириллович остался доволен и анализом, и тем, что он сделан раньше установленного срока. Его рыхлое бледное лицо даже чуть порозовело.

Дружинин снова вернулся к делу Мишутина:

— Может, мне самому поговорить с генералом? А Илья Кириллович?

Полковник снял очки, устало потер переносицу.

Что ж, это твое право.— Голос его прозвучал сухо, почти официально.

Илье Кирилловичу было неприятно упрямство зама, отвергнувшего его совет прибегнуть к помощи следователя республиканского комитета. И это неприятное, обидное чувство долго не оставляло полковника даже после того, как Дружинин, решив все служебные вопросы, покинул его кабинет. От волнения, а может быть, просто от усталости к концу рабочего дня (так обычно у него бывало в последние полтора-два года) сердце у Ильи Кирилловича заныло и во всей левой стороне груди сделалось тяжело. Достав из кармана трубочку с валидолом, он вытряс из нее таблетку, положил под язык. Потом подошел к окну, пошире открыл форточку и снова сел за стол, где лежала целая кipa бумаг, которые надо было обязательно просмотреть сегодня.

Сологубов был выше среднего роста, темно-русый мужчина с белым полным красивым лицом. На вид ему можно было дать лет тридцать пять—тридцать семь. И когда Дружинин, решив проверить свое предположение, заглянул через руку следователя в лежавший перед ним анкетный лист протокола допроса, то увидел, что ошибся ненамного. Больше всего запоминались глаза Сологубова — сине-холодные — и еще, пожалуй, рот — упрямо сжатые, четко очерченные губы.

За годы службы в органах госбезопасности, особенно в войну, Дружинин достаточно насмотрелся на подобных этому, сидевшему сейчас посреди комнаты на табурете со сложенными на груди руками. Одни из них сразу начина-

ли с трусливых просьб о помиловании и пощаде, заискивали, по-собачьи ловили каждый взгляд следователя, готовые на любую подлость ради спасения собственной шкуры. Другие юлили, умышленно путали в показаниях, стараясь сбить следствие с истинного пути, признавали себя виновными по мелочам и начисто отрицали предъявляемые им тяжкие обвинения. Третьи вообще отказывались отвечать, исподлобья глядели на следователя злыми, ненавидящими глазами людей, выброшенных за борт «настоящей жизни», которая у них ассоциировалась с той, что была в России до большевиков, до установления Советской власти. Это были идейные враги. Таких Дружинину попадалось немного... Глядя теперь на Сологубова, он подумал, что этот плотно сбитый красавец в темно-синем грубошерстном костюме и кирзовых сапогах, пожалуй, не похож ни на кого из тех. Держался он спокойно, ровно, на вопросы отвечал не спеша, тщательно обдумывая то, что хотел сказать. А сказать он умел. Это было видно и по отточенности формулировок, и по содержанию ответов. Складывалось впечатление, что человек он с образованием.

Дружинин опять заглянул через руку следователя в анкетный лист. Так и есть, незаконченное высшее — четыре курса института иностранных языков... Но дело, конечно, не в образовании. Главное здесь — характер, натура. И не последнюю роль, надо полагать, играют обстоятельства, которые привели его в эти стены. Сологубов — не арестованный после разоблачения шпион, а агент иностранной разведки, добровольно явившийся в органы КГБ с повинной. Отсюда, видимо, и его относительно спокойное поведение на допросе, обстоятельная неторопливость в показаниях.

Дружинин внимательно всмотрелся в небритое лицо Сологубова и увидел, что оно блестит от обильно выступившего пота. Скорее всего, спокойствие этого человека только кажущееся, внешнее — результат вышколенности, умения держать себя.

Не теряя нити разговора между следователем и подследственным, Дружинин подошел к окну, где стоял стол, накрытый зеленым сукном. На нем лежали предметы шпионского снаряжения: портативная рация в кожаном чехле, длинноствольный пистолет бесшумного боя, обычный пистолет иностранной системы, неизвестной Дружинину, нож-финка, специальный карандаш с элект-

трической лампочкой для записи в темноте, большая пачка советских денег, паспорт и военный билет на имя Сашкова Петра Константиновича, отпечатанная на машинке справка о том, что он является техником московской табачной фабрики «Ява» и находится в очередном отпуске.

Не спеша осмотрев все это, Дружинин (он только час назад приехал с аэродрома и прямо попал на допрос) вернулся на свое место рядом со следователем, который как раз перешел к новому вопросу. И Сологубов уже начал отвечать на него:

— В «Службу-22», как я писал об этом в собственноручных показаниях, меня направили из разведшколы НТС. Эта школа находится в Бад-Гомбурге, близ Франкфурта-на-Майне. Там я проходил предварительную разведывательную подготовку и всестороннюю антисоветскую обработку. Ну, и само собой, проверку — ко мне присматривались, годен ли я для этого дела.

После трехмесячной подготовки в Бад-Гомбурге руководитель шпионской группы НТС белоэмигрант Околович передал меня американскому капитану Холлидзу. С ним я и приехал в Мюнхен для продолжения учебы в школе повышенного типа разведоргана «Служба-22».

Кстати, об Околовиче. Это тот самый Георгий Околович, который во время войны на территории оккупированной Белоруссии работал вначале резидентом немецкой контрразведки «Зондерштаб-Р», а затем начальником политического отдела разведывательного органа «Ингвар»...

Слушая, как живо, без задержки Сологубов разматывает свои воспоминания, Дружинин подумал: «Неужели этот фрукт из идейных? Якшался с главарями НТС. Сам Околович направлял его в американскую «Службу-22». В таком случае, что же привело его через границу в этот наш дом? Какие побуждения руководили им, когда он предпринимал столь решительный шаг? А может быть, тут иное?»

И Дружинин невольно опять вспомнил тех, с кем сводила его судьба в годы войны, когда он работал в армейской контрразведке. Среди тех, кого ему довелось допрашивать в особом отделе, попадались и такие, что приходили с той стороны, прикидываясь своими, пострадавшими от гитлеровских оккупантов, они только и ждали, чтобы им поверили, отпустили, дали возможность делать их черное дело.

Эти мысли Дружинина были прерваны очередным вопросом следователя:

— Теперь, Сологубов, расскажите о вашем задании.

— У меня, по сути, было двойное задание,— сказал Сологубов.— По линии «Службы-22» я должен был посетить ряд районов Урала, чтобы выявить там заводы, которые, по мнению американской разведки, выполняют заказы атомной промышленности СССР, и вскрыть систему ПВО этих заводов. Кроме того, мне было приказано добывать советские документы: паспорта, военные билеты, трудовые книжки, удостоверения личности. Причем добывать любыми путями, вплоть до убийства их владельцев.

— Это все? — спросил следователь.

— Нет. Я имел еще задание от НТС, в частности от Околовича.

— Расскажите об этом задании.

— Я должен был собирать данные об образе жизни, связях, поведении в быту видных партийных и советских работников, офицеров и генералов Советской Армии, их адреса.

— С какой целью?

— Это делается для компрометации советских людей. На основании таких данных НТС совместно с американской разведкой фабрикуют тексты клеветнических и провокационных анонимных писем в руководящие советские органы.

Следователь посмотрел на часы, потом перевел вопросительный взгляд на Дружинина, и тот понял, что капитан приглашает его продолжить разговор в нужном ему направлении.

— Скажите, Сологубов,— начал Дружинин, по привычке постукивая карандашом по столу,— что, на ваш взгляд, отличает кадровый состав разведшколы, где вы обучались, и в целом «Службы-22» в смысле конспирации?

Сологубов внимательно посмотрел на Дружинина. Несомненно, он принял его за начальника, которому был подчинен сравнительно молодой следователь. Однако ничто в его поведении не изменилось, и он по-прежнему на вопросы отвечал обстоятельно и не спеша, без тени заискивания. Дружинину это понравилось.

К числу отличительных черт конспирации в «Службе-22» Сологубов прежде всего относил ее общий высокий уровень. В частности, он сослался на то, что при работе широко используется схема «кто кого знает»: на каждого

агента и резидента заводится карточка, где сказано, кого из агентов и резидентов он знает. Чтобы не допустить проникновения в свою агентурную сеть агентов противника, «Служба» в контакте с органами контрразведки (отдел безопасности) ведет постоянное изучение собственных агентов, устанавливает слежку за курьерами и резидентами. Что касается самих сотрудников «Службы-22», то они, как правило, имеют по несколько псевдонимов, каждому сотруднику присваивается порядковый номер, которым пользуются в служебной переписке, общение между сотрудниками не поощряется.

— Значит,— сказал Дружинин, когда Сологубов закончил ответ,— каждому сотруднику «Службы-22» мало что известно о других?

— Да,— подтвердил Сологубов.

Однако, вопреки такому утверждению, сам Сологубов, судя по его показаниям, знал о «Службе-22» и заведенных в ней порядках не так уж мало, хотя был связан с нею всего около года. И Дружинин сказал, что это обстоятельство кажется ему противоречивым, нуждается в дополнительном пояснении.

Сологубов вскинул голову. В его больших синих глазах на мгновение вспыхнули злобные огоньки, уступившие место растерянности, которая, впрочем, тоже не была продолжительной — он скоро овладел собой, и голос его прозвучал по-прежнему твердо:

— Со мной — особая статья.— Он чуть помедлил.— Но если вы думаете, что меня специально снабдили секретными сведениями, чтобы заинтересовать вас, то вы ошибаетесь. Моя осведомленность иного рода.

— А именно?

— Я сам стремился узнать то, что не положено было знать никому из лиц моего круга. И узнать как можно больше.

— Зачем?

— Затем, чтобы прийти к вам сюда не с пустыми руками.

— Резонно,— заметил Дружинин.— В таком случае я хотел бы воспользоваться вашей осведомленностью для разрешения еще одного вопроса. Меня интересует Мальт, о котором вы показали на одном из первых допросов.

— Мальт? — Сологубов взял из пачки, лежавшей на столе, сигарету, закурил.— К сожалению, о нем я почти ничего не знаю.

— Ну, а все же?

— Мне лишь известно, что он русский, настоящая его фамилия Мишутин, бывший генерал Советской Армии, в войну переметнувшийся на сторону немцев.

— А как зовут этого Мальта — Мишутина? Его имя, отчество?

— Не могу сказать. Впрочем, постойте... — Сологубов прикрыл ладонью глаза, что-то припоминая. — Незадолго до моего отъезда из Мюнхена Мальт во главе группы инспекторов проверял постановку учебы в школе «Службы-22». Я в то время выполнял функции помощника инструктора и в числе других инструкторов и преподавателей школы был ознакомлен с замечаниями проверочной комиссии — страниц пятнадцать, отпечатанных на машинке. На последней странице внизу стояла подпись Мальта: имя, фамилия, звание... Нет, хоть убейте, не помню.

— Ну, бог с ним, с его именем, — махнул рукой Дружинин. — Лучше расскажите, как выглядит Мальт внешне. Дайте словесный портрет.

— К сожалению, и этого не смогу сделать.

— Почему?

— Мне ни разу не приходилось видеть Мальта.

— Да-а? — удивленно протянул Дружинин. И, не скрывая своего разочарования, добавил: — Жаль! Очень жаль.

Питать такие надежды на этот разговор и не получить от него самого важного и нужного! Стоило ли в таком случае лететь сюда из Москвы, доказывать необходимость этой поездки генералу?!

Немного помолчав, Дружинин начал расспрашивать Сологубова об обстоятельствах, при которых ему стало известно, что Мальт является бывшим генералом Советской Армии Мишутиним.

Оказывается, все это Сологубов слышал от преподавателя школы «Службы-22», изменника Родиной, члена НТС Жменькова. Разговор об этом в комнате для преподавателей зашел в связи с поступившими в школу замечаниями комиссии Мальта по учебному процессу. Жменьков был не согласен с некоторыми из этих замечаний и сказал, что их мог сделать только сугубо военный человек, не знающий по-настоящему, что такое агентурная разведка. В подтверждение своих слов он сослался на известные ему факты из биографии Мальта, который, прежде чем стать разведчиком, много лет был кадровым военным, дослужившимся

в Советской Армии до генерала, командира стрелковой дивизии. Настоящая его фамилия не Мальт, а Мишутин, и он, по словам Жменькова, в ближайшее время должен занять вакантную должность заместителя начальника «Службы-22», одновременно став шефом ее школы.

Этот запомнившийся Сологубову разговор в преподавательской комнате происходил примерно неделю спустя после его возвращения из Западного Берлина, где Сологубов был на стажировке. По времени стажировка как раз совпадала с инспекторской миссией Мальта в школу. Поэтому Сологубову и не довелось видеть его лично.

— У меня пока все,— сказал Дружинин следователю.

— Сделаем перерыв! — объявил капитан и снял телефонную трубку, чтобы вызвать конвоира.

Через несколько минут пришел сержант.

Сологубов встал, пошел впереди сержанта к дверям... И вдруг остановился, повернулся к Дружинину, сдержанно улыбаясь, сказал:

— Вы знаете, я, кажется, вспомнил.

— Что такое?

— Мальта зовут Пауль... Пауль Мальт.

— Хорошо,— кивнул Дружинин.— Можете идти.

Как только за Сологубовым закрылась дверь, следователь нетерпеливо спросил:

— А как имя вашего Мишутина?

— Его звали Павел Семенович,— задумчиво сказал Дружинин.

Глава шестая

По возвращении из Закавказья Дружинин решил посетить семью Мишутина — поговорить с его женой и домочадцами. Со слов Воронца, он знал, что жена бывшего комдива живет вместе с дочерью и зятем в Москве, в Текстильщиках. По телефону Дружинин договорился с ней о встрече.

Когда Дружинин в воскресенье приехал к ней, в двухкомнатной квартире она была одна. Небольшого роста, подвижная, приветливая и разговорчивая. Пока Дружинин в прихожей снимал пальто и причесывался, она расспрашивала его о Воронце — давно ли знаком с ним, когда виделись в последний раз? Говорила она быстро, почти без пауз, и медлительный Николай Васильевич едва успевал отвечать.

Вслед за хозяйкой он прошел в скромно обставленную, чисто прибранную комнату.

— Может, чайку выпьете? — предложила Анастасия Владимировна.

Поблагодарив, Дружинин отказался. И тут же заговорил о цели своего визита. Но до конца рассказать не успел. В коридоре раздался звонок, хозяйка пошла открывать дверь. Это вернулись с лыжной прогулки дочь и зять Мишутин.

— Знакомьтесь, дети, — сказала Анастасия Владимировна, как только они вошли в комнату. — Товарищ Дружинин... приехал поговорить насчет нашего отца... Он из КГБ...

— Из КГБ?! — громко переспросила дочь. В ее больших черных глазах вспыхнула недобрая настороженность. — Опять папаша!

И она как-то пехорошо, нервно засмеялась.

— Лиза! — с укоризной заметила мать.

Но дочь даже не посмотрела на нее, досадливо махнула рукой и ушла в смежную комнату.

Анастасия Владимировна вспыхнула всем лицом, губы у нее задрожали, вот-вот заплачет. Дружинину стало неловко, он встал из-за стола, подошел к висевшему на стене эстампу, начал подчеркнуто внимательно его рассматривать.

— Да вы присядьте, Николай Васильевич, — сказала Мишутина после длительной тягостной паузы.

— Спасибо. — Дружинин пододвинул к себе стул, сел. — Может, мне лучше прийти в другой раз?

— А зачем в другой раз?! — Из соседней комнаты вышла Лиза. Теперь на ней вместо грубого свитера было нарядное темно-синее платье; в нем она особенно была похожа на мать. — Инцидент местного значения.

— Но мне кажется, его вызвал я, — сказал Дружинин.

— Лично вы? Не совсем так... — Лиза резко повернула голову в сторону прихожей, откуда ее муж, коренастый блондин, возившийся с лыжами, делал ей рукой какие-то знаки. — Ну, чего ты там фокусничаешь?

— Лиза! — умоляюще посмотрела на нее Анастасия Владимировна.

— Что Лиза?! — зло сказала дочь. — Трусы несчастные! Вот нарочно возьму и все расскажу товарищу Дружинину.

И она опять громко рассмеялась нервным смехом.

— А вы действительно расскажите, что тяготит вас, — вдруг запросто предложил Николай Васильевич. — Может, я и помогу вам.

Лиза внимательно посмотрела на него из-под длинных ресниц, потом подошла к столу, взяла из пачки сигарету, закурила и снова прислонилась к стене, скрестив на груди руки.

— На словах все готовы помочь, — с вызовом проговорила она, — а чуть до дела — в кусты. Да еще потом наизнанку перед тобой выворачиваются, чтобы ты о них плохо не думала, правыми хотят выглядеть. — Ее губы скривила горькая усмешка. — Есть байка такая, про попа, который вот так же ко всем с пряничком. Хотите расскажу?

— Что ж, расскажите, послушаю.

— Однажды к попу пришла баба, жаловаться на своего мужа. Выслушал он ее и сказал: «Ты, баба, права!» Через некоторое время приходит к попу ее муж и в свою очередь жалуется на жену. Поп выслушал его и говорит: «И ты, мужик, прав!» Тогда попадья, слышавшая все это, спрашивает батюшку: «Как же так: жена поносила мужа, ты ей сказал, что она права; муж наговаривал на жену, ты ему сказал, что он прав?» Поп подумал, почесал в бороде и заключил: «А знаешь, матушка, и ты права!»

— Выходит, все правы, а правды нет, — усмехнулся Дружинин. — Глупая сказка. И вредная.

— Глупая, говорите? — Лиза посмотрела на часы. — К сожалению, времени у меня нет, в гости надо идти, а то разъяснила бы вам, что к чему.

Через несколько минут, когда муж Лизы в маленькой комнате тоже сменил свитер на выходной костюм, они, попрощавшись, ушли.

— Вы уж извините ее, — сказала Мишутина. — После больницы совсем невозможная стала.

— После больницы?

Четыре месяца. Нервное истощение.

Что так?

— Сорвалась на учебе. Диссертацию писала, да, видеть, не по силам.

— Мне кажется, Анастасия Владимировна, тут дело не только в диссертации, — задумчиво сказал Дружинин. — Впечатление такое, что Лизу кто-то сильно обидел.

— Она считает, что диссертацию не вытянула потому, что ее не допустили к секретным материалам.

— Вы сказали: «Она считает». А ваше мнение?

— Я что ж... Зять говорит, что Лиза не права, ошибается. Все дело в ее болезни. Поэтому ее и в научно-исследовательский институт не взяли после аспирантуры.

— А Лиза, значит, не согласна с этим?

— Не только не согласна, она решила, что ей не доверяют, скрывают от нее настоящую причину отказа.

— Что за причина, если не секрет?

— Лиза думает, что ей не дают ходу из-за отца.

— Из-за отца? — удивленно переспросил Дружинин. — Не понимаю.

Мишутина вдруг часто-часто заморгала и, не в силах сдержать слез, беззвучно заплакала.

Дружинин подошел к старинному громоздкому буфету, налил из графина в стакан воды.

— Успокойтесь, Анастасия Владимировна.

Она отпила глоток, смущенно улыбнулась:

— Простите.

Решив, что расстроенной женщине тяжело продолжать прежний разговор, Дружинин заговорил о погоде, — первом, что пришло на ум. Но Мишутина не приняла новой темы — начала негромко рассказывать о своем муже. Вернее, не о нем самом, а о том, что ей пришлось пережить из-за него уже спустя несколько лет после того, как он на войне пропал без вести.

Из ее взволнованного, сбивчивого рассказа Дружинин узнал, что в 1947 году, незадолго до переезда в Москву, к только что вышедшей замуж дочери, Анастасию Владимировну вызывали к следователю для допроса о муже — генерале Мишутине, который, насколько она поняла из вопросов следователя, имел отношение к делу одного из власовцев-главарей, осужденных Верховным судом СССР в августе 1946 года.

Для Дружинина это сообщение опечаленной женщины было большой неожиданностью. И хотя он приехал к ней, чтобы услышать слова, что-то конкретно подтверждающие или отрицающие в полученных от Сологубова скудных сведениях, то, что он услышал сейчас, его сильно озадачило. Дружинин хотел, чтобы Анастасия Владимировна подробно рассказала о жизни мужа, советского генерала, комдива — в его биографии он думал найти подтверждение своим предположениям о том, что показания Сологубова о Мишутине, если и не являются полностью результатом

случайного стечения обстоятельств, то все же далеки от истины. Биография Мишутина, в основе своей уже известная Дружинину со слов Воронца и Гущина, была обычной для командира Советских Вооруженных Сил, начавшего службу в годы гражданской войны. Он прошел в армии все ступени от рядового до комдива. И пожалуй, ничто в его биографии не могло вызвать сомнений. Правда, имелся в ней один не совсем ясный момент, о котором Дружинин намеревался сегодня обстоятельно расспросить Анастасию Владимировну. Из рассказа Гущина он знал, что один из братьев Мишутина в 1930 году был раскулачен и выслан в Сибирь. Мишутин был очень огорчен этим, считал, что с братом поступили неправильно.

Но об этом разговор впереди. Сейчас же Дружинина прежде всего интересовало взволновавшее его известие о причастности генерала Мишутина к следствию по делу изменников Родины — власовцев.

В результате расспросов Анастасии Владимировны он выяснил, что генерал Мишутин с одним из высокопоставленных приспешников Власова в 1943 году ездил по лагерям советских военнопленных и там проводил вербовочную работу, выискивал добровольцев для службы в так называемой РОА.

Но Дружинину этих сведений было недостаточно. Ему хотелось знать (чтобы потом проверить по старым архивным материалам следствия), с кем конкретно из власовцев Мишутин ездил по лагерям. И он спросил об этом Анастасию Владимировну.

Она, припоминая, потерла пальцами изборожденный морщинами лоб. Растерянно пожала плечами:

— К сожалению, забыла фамилию.

— Ну, а кем этот власовец был по должности? Об этом следователь в разговоре с вами не упоминал?

— Кажется, говорил. Если не ошибаюсь, этот человек был из самого власовского штаба... А вот фамилии его никак не припомню.

Извинившись, Мишутина встала из-за стола, вышла на кухню. Через несколько минут принесла два стакана чаю, сахар, печенье.

— Разговор, я смотрю, у нас еще долгий, — с грустной улыбкой сказала она. — Выпейте-ка чайку.

— Спасибо. — Дружинин помешал в стакане ложечкой. — Еще к вам такой вопрос, Анастасия Владимировна...

— Да, пожалуйста.

— О том, что вы сейчас мне рассказали, знал Иван Тимофеевич Воронец?

— Нет, не знал.

— Странно.

— Почему вы это находите странным?

— В сорок девятом году, по рассказу Воронца, при встрече с ним в Минске вы сообщили ему, что ваш муж пропал без вести. И Воронец дал вам слово попытаться найти след своего комдива...

— Да. Иван Тимофеевич мне часто пишет. Хороший он человек.

— Но ведь получается, что Воронец ищет не там, где нужно. Если хотите, вы, Анастасия Владимировна, его дезориентировали.

— Тем, что умолчала о моем допросе в сорок седьмом году?

— Именно. Мне кажется, вы должны были рассказать ему все, что сейчас рассказали мне.

— А зачем? — Мишутина сложила на груди руки, тяжело вздохнула. — Зачем я должна была кому-то рассказывать, если сама до сих пор не могу этого сердцем принять. Умом вроде постигла: произошло что-то страшное. А душа не принимает: не может такого быть!

Ее поблекшие губы, как давеча, после ссоры с дочерью, мелко задрожали, лицо сморщилось. Но на этот раз Мишутина не заплакала, пересилила себя.

— А обиднее всего то, что тебя не поддерживает самый близкий тебе человек, — тихо проговорила она минуту спустя. — Вы слышали, как Лиза сказала, когда вы пришли: «Опять из-за папашки!» Господи, сколько в ней зла.

Видимо, для Мишутинной это было самое болезненное место — отношение дочери к отцу, точнее, к памяти его. И Дружинин поспешил перевести разговор в другое русло — начал расспрашивать Анастасию Владимировну о раскулаченном брате Мишутина.

Улицу окутывали серые декабрьские сумерки, и в окнах домов уже зажигались вечерние огни, когда Дружинин покинул квартиру Мишутинной. До автобусной остановки он шел медленно, заложив руки за спину, целиком отдавшись своим мыслям. С этими мыслями потом он

долго качался в переполненном автобусе, на котором ему предстояло пересечь едва ли не пол-Москвы.

Сопоставляя сведения, полученные от Сологубова и от Мишутиной, Дружинин все больше склонялся к выводу, что его искомая, так сказать, главная истина находится где-то на пересечении двух частных. В одном случае — американский разведорган «Служба-22», в котором ныне орудует Малыт — Мишутин, в другом — сотрудничество, быть может, того же лица во время войны с изменниками Родины — власовцами. Платформа, безусловно, общая — антисоветская. К тому же надо иметь в виду, что многие из власовцев в последний период войны, спасаясь от возмездия, бежали в зону действий американской армии, где и нашли себе приют. Так что дорога из РОА до «Службы-22» могла быть если и не совсем прямой, то достаточно накатанной, а главное — не столь уж длинной. Что касается территориального расположения «осинового гнезда», то оно после допроса Сологубова тоже известно. Туда, наверное, и должен быть нацелен дальнейший поиск.

Но это дело будущего. Теперь же надо как следует разобраться в составных частных данных — насколько они соответствуют действительности? И прежде всего проверить, уточнить сведения, полученные от Мишутиной.

За эту работу Дружинин взялся на другой же день, в понедельник. В обеденный перерыв, прежде чем пойти в столовую, он спустился на первый этаж, в библиотеку, попросил подшивку «Известий» за август 1946 года. Полистав пожелтевшие от времени страницы, нашел нужное сообщение.

«На днях Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дела по обвинению Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. И., Трухина Ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меандрова М. А., Мальцева В. И. Зверева Г. А., Буянченко С. К., Корбунова В. Д. и Шатова Н. С. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза. Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях...»

Дружинин переписал фамилии в записную книжку. О некоторых из этой группы предателей он кое-что помнил — об одних больше, о других меньше. Это в сущности были разные люди. И мотивы предательства у каждого были свои. Одни сдались гитлеровцам из-за трусости, дро-

жа за собственную шкуру. Другие считали себя обиженными Советской властью — ее сознательные враги. С кем же из этих двенадцати изменников ездил по лагерям советских военнопленных генерал Мишутин?

Вот Власов — кулацкий сын, выдававший себя перед немецкими хозяевами за помещичьего отпрыска. Или начальник штаба РОА Трухин, которому, кстати сказать, незачем было хитрить: его отец до Октябрьской революции имел богатое поместье в Костромской губернии. Обе эти фамилии Дружинин называл Анастасии Владимировне, она решительно отвергла их.

По той же причине из списка были вычеркнуты два других ближайших подручных Власова — Малышкин и самозванный генерал Жиленков. Что касается еще одного сомнительного генерала, произведенного Власовым из бывшего подполковника, начальника санатория в Ялте Мальцева, то тут Дружинин не сразу решил, оставить его в своем реестре или нет: «подполковник-генерал» в РОА ведал авиацией и, хотя самолетов у него было, что называется, кот наплакал, надо полагать, имел прямое отношение к пополнению подчиненных ему подразделений. А вот еще памятная фигура — Зверев Григорий, бывший комендант Харькова. У Власова он командовал частью и, следовательно, непосредственно занимался делами войскового комплектования...

Так Дружинин перебрал всех названных в сообщении Верховного суда и в итоге оставил в своем списке семь фамилий. По ним он должен затребовать следственные дела из архива, чтобы проверить, кто же из этих семи изменников дал показания о генерале Мишутине и к чему сводились сами показания.

Но прежде чем делать заявку в архив, Дружинин после обеда решил позвонить Мишутинной: не вспомнит ли она сейчас из целого перечня фамилий нужную — ту, что следователь называл при допросе.

И вдруг неожиданная удача. Наверное, потому, что Мишутина была не так взволнована, как накануне, во время трудного разговора у нее на квартире, а может, помог сам список — ослабевшей памяти женщины было за что зацепиться. Когда Дружинин назвал ей по телефону фамилию, стоявшую в его перечне под третьим номером, она уверенно воскликнула:

— Вот он!

Да, этого власовца вчера, пытаясь расшевелить память

Мишутиной, Дружинин пропустил — сам запомнил о нем.

— Не ошибаетесь, Анастасия Владимировна?

— Нет, нет, он самый!

На другой день Дружинин дал заявку в архив, и в среду, как только удалось выкроить немного времени, уже сидел в читальном зале и просматривал нужное следственное дело. Оно было довольно пухлым: чтобы даже бегло ознакомиться с ним, потребовалось несколько часов.

Долистав дело примерно до середины, Николай Васильевич наконец нашел то, что искал. Жадно впился глазами в потускневшие от времени строчки протокольной записи. К сожалению, данные о генерале Мишутине оказались скудными. Даже очень скудными.

В одном месте дававший показания власовец сообщал, что зимой 1943 года он вместе с генералом Мишутиным и майором Копытовым ездил в Норвегию, где находился один из лагерей советских военнопленных. С большим трудом там удалось завербовать семнадцать человек, в основном бывших уголовников, четверо из которых по дороге сбежали. Через несколько страниц Мишутин был предположительно назван в числе изменников Родины, которые в конце апреля 1945 года сдались в плен генералу Петчу — командующему 7-й американской армией, вступившей к тому времени на территорию Чехословакии, где находились власовские части.

Когда Дружинин, просмотрев дело до конца, убедился, что больше нигде на его страницах генерал Мишутин не проходит, он снова вернулся к последнему, предположительному, сообщению власовца о бегстве Мишутина к американцам. Именно здесь, по-видимому, надо было искать ответ на неясный пока вопрос: почему во время следствия по делу группы власовских главарей Мишутину не было уделено должного внимания? Ограничились лишь допросом его жены, чтобы выяснить, что представляет этот генерал Мишутин, имеет ли он что-либо общее с тем Мишутиным, который в свое время был командиром дивизии Советской Армии и затем пропал без вести. И ничего определенного, похоже, не установили. Да и как было установить, если сам Мишутин бесследно исчез (по крайней мере, для тех, кто вел тогда следствие), **растворился** среди прочих изменников Родины, пособников гитлеровских оккупантов, пригретых под крылом союзнической американской армии. «На нет и суда нет», — говорится в таких

случаях. Эту поговорку в то время можно было применить в самом буквальном смысле.

И все же Дружинин не мог смириться с мыслью, что следствием больше ничего не предпринималось в этом направлении. Зная следователя, который в 1946 году допрашивал власовца, давшего показания о Мишутине, Николай Васильевич выяснил, где он сейчас и чем занимается. Оказалось, два года назад вышел на пенсию по болезни, живет в Москве, в Измайлове.

И в один из дней после работы Дружинин поехал к нему. Но тут подполковнику явно не повезло. Найдя нужный дом и квартиру, Дружинин узнал, что бывший следователь с женой в Ессентуках, в санатории, вернутся только через месяц.

В середине декабря в Москву приехал Иван Тимофеевич Воронец. Первые дни по приезде он, как заводной, с утра до вечера мотался из одного учреждения в другое по своим снабженческим делам и лишь на четвертый день сумел позвонить подполковнику Дружинину.

Час спустя они встретились в служебном кабинете Дружинина. Усадив гостя в мягкое кресло у стола, Николай Васильевич несколько минут беседовал с ним о житейских делах, затем сказал:

— Вы мне писали, будто командир партизанского отряда «Мститель» был чем-то похож на Мишутину. Прояснилось это дело?

— Пока нет.

— А у меня кое-что прояснилось,— сказал Дружинин.

— Да ну?! — удивился Воронец.

— Кое-что есть,— продолжал Николай Васильевич, достав из сейфа желтую папку.— Однако не совсем то, что мы с вами искали.

И он рассказал, что удалось узнать за последнее время о судьбе Мишутина от Сологубова (не называя самого источника) и от жены бывшего комдива.

Внимательно выслушав его, Воронец перевел дыхание, пристукнул тяжелым кулаком по столу.

— Вот это номер! А?

Потом он долго сидел молча, подперев рукой седую голову, не в силах сразу справиться с ошарашившей его новостью. Ему почему-то вдруг припомнился один давний разговор...

В то июльское утро 1941 года, выписавшись из госпиталя, он зашел к своему приятелю и односельчанину Василию Рогалю, работавшему механиком в госпитальном гараже. Рогаль часто навещал его во время болезни. Когда они сели на пожухлую траву в стороне от машин и закурили, Воронеж сказал:

— Если бы я точно знал, где в Заболотских лесах находится наша дивизия, я бы, пожалуй, через Змеиное болото на ту сторону махнул.

— Разве воевать можно только в твоей бывшей дивизии? — заметил Василь.

— Ну, во-первых, наша дивизия не бывшая! — запальчиво возразил Воронеж. — А потом, мне обязательно надо генерала Мишутина найти.

— Хочешь, я тебе его точный адрес дам? — сказал вдруг Василь.

— Чей? — не понял Воронеж.

— Твоего комдива.

— Его адрес известен: на той стороне фронта, Заболотский лес.

Что на той стороне, это правильно, — усмехнулся Василь. — А вот насчет Заболотского леса — бабка надвое ворожила.

Воронец все еще не понимал, куда клонит приятель.

— Жинка-то Мишутина с дочкой где? — продолжал Рогаль. — Тоже на той стороне! Где-то под Брестом или под Кобрином, ты говорил. Так? Вот и делай вывод...

— Ну-ну, договаривай, скотина! — сквозь стиснутые зубы процедил Воронеж и, привстав на колени, схватил Василя за ворот гимнастерки. Но тот вовремя успел вырваться, вскочил на ноги, поспешил дать отбой:

— Тю, сдурел, сивый мерин! Уж и пошутить нельзя.

— За такие шутки морду бьют, — тяжело дыша, сказал Воронеж.

И, закинув за спину почти пустой вещевой мешок, размашисто зашагал к проходной будке. Там, за госпитальными воротами, пролегло пыльное шоссе, по которому на попутном грузовике ему предстояло добраться до западной окраины Глинска, где находился штаб его новой части...

— Вот такие-то пироги, Иван Тимофеевич, — первым прервал длительную паузу Дружинин.

— Да-а... — Воронеж, обычно шумный, разговорчивый, был явно не в своей тарелке, опять надолго замолчал. По-

том, глядя через стол, как Дружинин перелистывает бумаги в желтой папке, спросил:

— Вы сказали, что этот Пауль... ну, который объявился в американской разведке, возможно, связан с НТС. Об этой организации я кое-что слышал, но так, краем уха. В чем ее главный вред?

— Невелика гадина, но ядовита, — сказал Дружинин, продолжая перебирать бумаги. — Этот так называемый Национально-трудовой союз был создан в тысяча девятьсот тридцатом году в Югославии на базе белоэмигрантского «Российского общевойскаского союза». Можно сказать, отпочковался от него...

— Значит, корни белогвардейские, — заметил Воронеж.

— Как и его предок, НТС с самого начала стал не только антисоветским, но и международным шпионским центром, поставлял агентуру разведкам многих капиталистических стран для засылки ее к нам, в СССР.

— Это еще до войны?

— Да. А после нападения Гитлера на нашу страну НТС полностью перешел на службу немецкой разведки. Его штаб-квартира во главе с белоэмигрантом, бывшим врангелевским офицером Байдалаковым обосновалась в самом Берлине и оттуда руководила подрывной работой против СССР.

— Надо думать, напакостили нам немало?

— Они действовали по нескольким направлениям. Во-первых, засылали своих эмиссаров для ведения антисоветской работы на оккупированной территории, а также для шпионажа в тылу нашей армии. Затем помогали карательным органам оккупантов в расправах с советскими патриотами. Наконец, целый ряд активных участников НТС занимался работой среди советских военнопленных с целью вербовки их в эту организацию и использования в дальнейшем против своей Родины — в качестве шпионов и диверсантов.

— Ну, а откуда они кусают нас теперь, после войны? — спросил Воронеж.

— Когда фашисты были разгромлены, главари НТС бежали в Западную Германию, установили связь с американской и английской разведками, а несколько позже и с разведкой ФРГ. Надо сказать, что на территории Западной Германии кроме НТС нашли приют и некоторые другие эмигрантские организации — я имею в виду выходцев из стран Восточной Европы: изменники Родины,

контрреволюционеры, бежавшие от гнева своих народов, те, что во время войны сотрудничали с гитлеровцами.

— А почему Аденауэр терпит их у себя?

— Хм, терпит! Не только терпит, но и субсидирует их, предоставляет им помещения, типографии, радиостанции. Все это делается, конечно, не во имя каких-то благотворительных целей. Эти эмигрантские организации помогают боннским реваншистам в ведении холодной войны против социалистических стран. А главное, они активно используются западногерманской и другими капиталистическими разведками.

— Непонятно. Разве у этих разведок не хватает своих людей, собственных кадров?

— Это не так просто. Обучить немца, англичанина или американца языку чужой страны, воспитать в нем навыки и обычаи чужого народа, дать ему знания деталей быта, без чего не может успешно действовать агент, — все это очень сложно. А главное — долго. Очень долго. А дело не терпит. Как же быть? Использовать выходцев из этих стран — их нужно лишь обучить технике шпионского дела. Это гораздо проще, быстрее и дешевле.

— Да-а,— покачал головой Воронеж.— Выходит, этот Пауль Мишутин и есть один из тех, кого не надо обучать,— готовый подлец.

— Выходит, так...

Дружинин не договорил. Отворилась дверь, и в комнату грузно вошел начальник отдела.

— Знакомьтесь, Илья Кириллович.— Дружинин привстал из-за стола.— Тот самый товарищ Воронеж.

— Очень рад.— Полковник протянул Воронцу руку, с откровенным интересом оглядел его с головы до ног.— Премного о вас наслышан.

Поговорив с Воронцом о его московских впечатлениях, Илья Кириллович начал задавать вопросы о Мишутине: что это был за человек по натуре, воспитанию, привычкам, образу жизни? Насколько близко Воронеж знал его? А в заключение спросил:

— Иван Тимофеевич, а что, по-вашему, могло толкнуть Мишутину на подобный шаг?

— В каком смысле?

— Вообще. Грехов у него немало: в войну служба в РОА и, вероятно, связь с НТС, в настоящее время — активная антисоветская деятельность в одном из органов иностранной разведки.

— Да, грехов хоть отбавляй, — сказал Воронеж. — Только меня сомнение берет: тот ли это Мишутин?

— Сомнение? Что ж, сомнение делу не помеха. На то и поиск ведется, чтобы выяснить, что к чему. А предполагать, взвешивать все «за» и «против» — необходимо. — Илья Кириллович чуть помедлил. — Вчера мы с Николаем Васильевичем долго над этим голову ломали. Прикидывали и так, и эдак. Мы не знаем истинных обстоятельств пленения Мишутина, но у нас есть основания поставить такой вопрос: что могло побудить генерала к измене Родины, когда он оказался во вражеском плену? Разумеется, ответить на этот вопрос определенно, с точностью мы сейчас не в состоянии. Но строить предположение, исходя из известных нам фактов, можем и должны.

— Факты, конечно, некрасивые, — заметил Воронеж.

— Может, все дело в обиде за раскулаченного брата? — спросил Илья Кириллович. — Или повлияло происхождение? А возможно, и то и другое вместе?

— Вы сказали «происхождение». Это как понимать?

— Мишутин же из семьи священника.

— Сын попа? — Воронеж удивленно пожал квадратными плечами.

— Вы разве не знали? — спросил Дружинин.

— Впервые слышу.

С минуту молчали. Потом Илья Кириллович, повернувшись в кресле к Дружинину, тихо, как бы размышляя вслух, заговорил:

— А не допускаем ли мы ошибки, когда в подобных случаях обязательно пытаемся найти связь социальных и личных мотивов как основу преступления?

— Но ведь выявлением подобной связи мы не ограничиваемся, — сказал Дружинин.

— Однако вольно или невольно зачастую отдаем ей предпочтение.

— Видимо, такой подход к оценке явлений не случаен. Скорее всего, он подсказан самой жизнью, практикой.

— Но практика знает примеры и другого рода. Как ни крути, человек прежде всего человек. Биологическая особь со всеми ее природными свойствами. На психику человека можно оказывать то или иное давление и тем изменять ее в желательную сторону. Наконец, человека можно принудить к определенным действиям, сломив его физически... В гестапо это умели делать.

— Вы правильно подметили, — сказал Воронеж, — сло-

мать человека действительно можно. Но только, я думаю, не всякого.

Илья Кириллович пристально, изучающе посмотрел в его открытое, с грубоватыми чертами лицо, в широко поставленные глаза и ничего не сказал. Лишь понимающе улыбнулся. Потом, взглянув на часы, вдруг обратился к Дружинину:

— Через пятнадцать минут мы должны быть у генерала.

Дружинин побарабанил по настольному стеклу пальцами, раздумывая, как ему быть, затем сказал:

— Иван Тимофеевич, а не могли бы вы завтра, в воскресенье, ко мне домой приехать? Там бы и договорили. А?

— Это можно, — согласился Воронец. — Все равно билет заказан у меня только на понедельник.

Пока Воронец на прощанье тряс руку Ильи Кирилловича («Приезжайте летом к нам в Белоруссию в гости — премного довольны будете»), Дружинин убрал в сейф бумаги со стола. Потом пошел проводить минчанина до вестибюля.

Когда он вернулся в свой кабинет, ожидавший его там начальник, стоя у окна под открытой форточкой, сказал:

— Я вот о чем подумал: не затребовать ли все материалы по делу Сологубова в Москву, к нам?

— А я только хотел об этом просить, — улыбнулся Дружинин. — Без Сологубова мне трудно распутать мишутинский узелок.

А завяз ты в нем — дальше некуда! Так что выход один: ставить этот вопрос перед генералом в официальном порядке.

Эта неожиданная поддержка начальника была для Дружинина очень важна. Теперь, надо полагать, генерал разрешит принять мишутинское дело к производству. Но не менее важно было и другое. Отныне Илья Кириллович вынужден будет и сам заниматься этим делом. А при его аналитическом уме и громадном опыте это половина успеха. Только бы здоровье не подвело старика...

Глава седьмая

История Сологубова была одновременно и ординарна, и исключительна. По сути своей она походила на трагедии многих людей, в военное лихолетье оказавшихся на чуж-

бине, разлученных на долгие годы или навсегда с родными и близкими. Однако как каждая из этих человеческих трагедий проявлялась по-своему, в зависимости от жизненных обстоятельств, так и в сологубовской истории была своя исключительность, неповторимость.

В этом убедился Дружинин, когда прочел все материалы следствия, присланные из Закавказья. Несколько объемистых папок с протоколами допросов, лежавших теперь в сейфе подполковника, были незаменимым подспорьем в работе, которую он вел вот уже третью неделю.

Необходимо было проверить, подтвердить или отбросить как несостоятельные все полученные в ходе предварительного следствия в Закавказье данные, полностью и безошибочно разобраться в биографии человека, пришедшего из социально чуждого и политически враждебного нам мира, не оставив в ней ни одного «белого», неисследованного пятна, чтобы в итоге можно было с уверенностью сказать, что из себя в действительности представляет этот человек и годен ли он для дела, на которое его прочат.

Так был предрешен перевод Сологубова из республиканского Комитета госбезопасности в Москву. Когда это совершилось, Дружинин получил возможность видаться и говорить с подследственным столько, сколько было нужно для дела.

При всех допросах Дружинин строго придерживался выработанного опытом правила: кто бы ни был подследственный, допрашивать его лучше так, чтобы сам допрос как можно меньше походил на официальную процедуру, а был близок к живой беседе. Это тем более относилось к Сологубову, поскольку дело его было не совсем обычным, во многом неясным и запутанным, а сам он человеком строптивым, трудным для следствия. Поэтому, допрашивая, Дружинин обычно не торопил его с ответами и не останавливал, когда у Сологубова вдруг являлась охота пространно о чем-либо рассказать, не прерывал его даже в тех случаях, если этот рассказ был не совсем по существу дела, — важно было дать человеку до конца высказаться. Чтобы поддерживать атмосферу откровенного разговора, Дружинин не вел никакого протокола, лишь изредка делал заметки на листке бумаги, лежавшем на его столе, рядом с приставным столиком, за которым сидел Сологубов.

Эти допросы-беседы постепенно стали давать ощутимые результаты. Через некоторое время Дружинин почувство-

вал, что может дать уверенные, хотя, быть может, и не во всем исчерпывающие ответы на основные вопросы дела, в том числе на один из самых важных — при каких обстоятельствах Сологубов оказался во вражеском плену.

Это произошло в 1943 году, в конце апреля. Лейтенант Сологубов, выполнявший задание по доставке медикаментов и коротковолновой радиостанции в одно из партизанских соединений, действовавших в Белоруссии, возвращался на фронтовой аэродром. Где-то на полпути самолет, ведомый летчиком, с которым Сологубов совершал подобные рейсы в тыл противника много раз, внезапно был атакован двумя «мессершмиттами». Летчик был убит, а Сологубов, до того как машина сорвалась в «штопор», успел выброситься с парашютом. Немецкие истребители пытались расстрелять его в воздухе. Во время одного из заходов головной «мессер» прострелил Сологубову кисть левой руки. Неуправляемый парашют потащил его на лес, на острые макушки елей. От сильного удара о дерево Сологубов потерял сознание.

Очнулся он в каком-то сарае, на земляном холодном полу. Было сумрачно. Одна половинка раскрытых ворот, раскачиваемая ветром, тоскливо скрипела на ржавых петлях. Сологубов услышал за стеной приглушенный немецкий говор, потом шаги — и на пороге сарая появились два солдата в угловатых касках, с автоматами на груди...

После нескольких мучительных, с избиениями и отсидкой в холодном подвале допросов с целью дознаться, не диверсант ли он, Сологубов все же заставил немцев поверить, что он всего лишь летчик-наблюдатель, и его направили в лагерь для военнопленных. А так как у него загноилась рана на руке, сразу же поместили в лагерьный лазарет.

Это было гиблое место. Грязь, сырость (начались дожди, а лазаретный барак стоял возле торфяного болота), медикаментов почти никаких, умиравших от тифа и дизентерии едва успевали хоронить. Впрочем, пленные отправлялись на тот свет не только от ран и болезней, но и от голода и тоски.

И однажды Сологубов сказал себе: «Так дальше жить нельзя! Надо что-то предпринимать, иначе пропадешь», — и твердо решил: как только рука заживет — готовиться к побегу, уйти из этого ада во что бы то ни стало!

В начале сентября, уже после выхода Сологубова из лазарета, пленные на железной дороге грузили новые шпа-

лы на платформы. Ровно в двенадцать конвойные объявили перерыв. Было солнечно, жарко. Сологубов завернул за штабель со шпалами, пахнувшими смолой, сел в тени, закурил. И тут к нему подошел Федор Лесников из блока № 2. Сологубов сдружился с ним в лазарете, где Лесников лежал с брюшным тифом.

Поздоровавшись, Федор попросил махорки на самокрутку. Сологубов выскреб в кармане остатки, подал ему вместе с клочком газеты. Лесников закурил и, оглядевшись по сторонам, протянул свой спичечный коробок.

— На досуге, Петя, считаешь.

— Чего? — не понял Сологубов.

— В коробке увидишь, — негромко сказал Лесников.

После работы, когда вернулись в лагерь, Сологубов на нарах сел зашивать свою много раз латанную гимнастерку и открыл коробок. Там было с десятка спичек, а под ними — сложенный вчетверо листок бумаги. Сологубов развернул его, прикрыв лежавшей на коленях гимнастеркой, пробежал глазами. И сразу почувствовал, как зачастило от тревожной радости сердце. Когда справился с волнением, прочитал бумагу еще раз. Это была сводка Советского Информбюро о разгроме гитлеровских войск на Курской дуге. Ее содержание запомнилось Сологубову на всю жизнь: наша армия перешла в контрнаступление! В ходе боев уничтожено тридцать вражеских дивизий! Сбито три с половиной тысячи немецких самолетов! Над Москвой прогремел салют в честь освободителей Орла и Белгорода. Первый салют славы...

Сологубов разглядел сводку в ладонях и внимательно осмотрел с обеих сторон. Она была отпечатана типографским способом на газетной бумаге. Кто же мог это сделать в условиях оккупации?! Подпольный комитет партии? Или партизаны? Каким образом листовка попала сюда, за колючую проволоку?.. Видимо, здесь кто-то специально занимается этим среди пленных, какая-то подпольная организация...

Сологубов не ошибся. В лагере была такая организация. И вскоре по рекомендации Лесникова он вошел в нее.

Одна из основных задач организации состояла в устройстве побегов из лагеря. Сологубову довелось участвовать в подготовке трех побегов, в том числе одного массового, при содействии местных партизан. С этой последней группой должен был бежать и Сологубов. Но за неделю до назначенного дня он вторично угодил в лазарет, подцепив

жесточайшую дизентерию, и пролежал там более месяца.

Вскоре после выздоровления Сологубова весь их лагерь из Белоруссии перебазировали на территорию Германии, в Баварию. Но деятельность подпольщиков продолжалась и на новом месте. И, пожалуй, даже с еще большей интенсивностью. Кроме устройства побегов, они занимались организацией саботажа и диверсий на немецких промышленных предприятиях, где использовался труд военнопленных, давали отпор всяческим провокаторам, проводившим вербовку в так называемую «Русскую освободительную армию» и другие подобные формирования, добывали правдивую информацию о положении на фронтах, используя ее как средство контрпропаганды.

Сологубову, в частности, пришлось заниматься подготовкой крушения воинского состава на местном железнодорожном узле, где он работал с группой пленных своего блока. Диверсия блестяще удалась, и бюро подпольной организации спустя некоторое время решило поручить ему еще более ответственное задание.

Однажды перед вечерней проверкой в курилке к Сологубову подошел Федор Лесников и сказал:

— Ботинки твои починил, можешь завтра забрать.

Никаких ботинок в починку Сологубов не сдавал, видимо, Лесникову, который возглавлял их подпольную «пятерку», потребовалось срочно с ним переговорить.

На другой день, когда большинство пленных было на работе, дежуривший по бараку Сологубов зашел к приятелю в каморку на чердаке, где тот с некоторых пор сапожничал.

— Разувайся! — предложил ему Лесников.

И потом, нацепив ботинок Петра на железную лапу, зажатую в коленях, как бы между прочим поинтересовался:

— Ты на фронт ушел с последнего курса института?

— Да.

— Доброволец?

— Да. А что такое?

— Вопросы, Петя, пока задаю я, — улыбнулся Лесников.

— Ну, валяй, великий конспиратор, — в тон ему заметил Сологубов.

— Когда учился в инязе, основным у тебя был немецкий или английский язык?

— Немецкий.

— Сколько лет занимался в аэроклубе?
— Два года.
— Кто живет в Союзе из твоих родственников?
— Мать, сестра.
— Когда погиб отец? Где?
— В сорок первом, под Москвой.
— Все правильно! — опять улыбнулся Лесников. Но было похоже, что ему совсем не весело и улыбается он — добрая душа, — чтобы взбодрить друга и, быть может, самого себя.

— А что правильно? — спросил Петр.
— Выходит, я ничего не напутал, когда Бородач спрашивал о тебе.
— Сам Бородач?! Зачем это ему?
— Бюро хочет поручить тебе одно задание.
— Ну что ж, выкладывай.
— Это, Петя, особое задание...

Лесников встал из-за верстака, длинный, худющий, прихрамывая, подошел к низкой двери, приоткрыл ее и, убедившись, что на чердаке никого нет, вернулся на свое место.

— Ты помнишь, в лагерь недавно приезжал вербовщик из НТС? Ну, белоэмигрант один, лоб у него с залысинами и взгляд кислый такой, будто с похмелья.

— Поремский?

— Да-да. Так вот, в воскресенье этот Поремский и кто-то еще с ним снова должны приехать. Опять будут агитировать нашего брата в эту народно-трудовую партию.

— И что же?

— Ты должен записаться туда.

— В НТС? — удивленно переспросил Сологубов.

— Да.

— Это как же понимать? То мы срывали вербовки во все антисоветские организации, а теперь?

— Срывали и будем срывать. Тут иное. Бюро располагает сведениями, что в ближайшее время в лагере начнут отбор желающих в школу немецкой военной разведки.

— Так. Но при чем здесь я?

— Бородач предложил в эту школу направить тебя. Как бывшего офицера разведотдела. И вообще наиболее подходящего по всем статьям.

— Допустим. Но что я забыл в НТС?

— Бородач действует наверняка. Дело в том, что нем-

цы отдают предпочтение явным антисоветчикам. Ну, и само собой, чтобы биография была подходящая.

— А у меня она как раз неподходящая.

— Об этом бюро известно. Решили, что ты что-нибудь придумаешь по-умному.

Сологубов на это ничего не ответил. Свернув козью ножку, молча курил.

— Ну так как? — нарушил затянувшуюся паузу Лесников.

— Нет моего согласия на это! — Сологубов встал с табуретки. — Так и передай Бородачу: кишка, мол, у меня тонка для такого дела.

Их разговор на этом кончился: Сологубову пора было идти на дежурство.

Но на другой день они встретились снова. На этот раз в чердачной каморке был и Бородач. Сологубов видел его впервые. Среднего роста, сухонький, все время глухо покашливает. Зная, что Бородач — это кличка, Сологубов думал увидеть человека, заросшего волосом до ушей, а тут бледное, иссеченное морщинами, чисто выбритое лицо. На вид далеко за пятьдесят, но глаза живые, с хитринкой. В прошлом — полковой комиссар, воевал в Испании. «Железный конспиратор!» — с восхищением отзывался о нем Лесников. И больше ничего Сологубову об этом человеке не было известно...

«Железный конспиратор»... Однако сюда, в сапожную чужого блока, пришел сам. Говорит, что важное дело нельзя откладывать. От этого Сологубову было немного не по себе. Выходит, это он вынудил руководителя всей подпольной организации лагеря на такой опасный шаг. И в то же время Сологубов с удовлетворением сознавал, что этот болезненный на вид, но могучий духом человек в нем не только нуждается, но и верит в него. Иначе не пошел бы на риск.

Под влиянием этого сложного чувства Сологубов, вообще-то не робевший перед авторитетами, разговаривал с Бородачом без присущей ему уверенности. К тому же тот как-то сразу обезоружил его, по сути, признав закономерным вчерашний отказ Петра.

— Дураков нет добровольно лезть черту в зубы, — сказал Бородач, зябко запахивая на груди засаленный армейский бушлат. — Но мы будем трижды дураками, если не используем наших возможностей. Бить врага надо в наиболее уязвимое место.

Он изучающе смотрел на Сологубова из-под седоватых бровей.

— Вы идете туда не первым. Чем больше будет наших людей среди агентов абвера, которых засылают в тыл Советской Армии, тем успешнее будет борьба с немецкой разведкой.

— Это я понимаю, — сказал Сологубов.

— Тогда перейдем к главному. — Бородач вдруг улыбнулся: — Я знаю, что вас тревожит. Опасаетесь замарать свою биографию?

— Правильно. Война кончится, меня спросят: как ты попал в абвер?

— Не совсем так. После школы вас должны забросить на советскую территорию. Там вы явитесь к нашим властям и расскажете, что к чему.

— А где гарантия, что мне поверят?

— Надо сделать так, чтобы поверили, — сказал Бородач. — Что касается гарантий, вам их никто, конечно, не даст. Но главное, по-моему, не в этом. Мы не можем бороться против врага с оглядкой на завтра. Его надо бить сегодня и всеми доступными средствами. Я так понимаю. Иначе какие же мы подпольщики!..

Так они разговаривали, наверное, более часа, пока Бородач окончательно не убедил Сологубова идти в школу абвера. Сологубов согласился. В конце концов, дело действительно не в чистоте или замаранности биографии отдельного человека. Решается судьба Родины, в смертельной схватке сошлись миллионы людей. И вправе ли он претендовать на какие-то особые условия в этой жесточайшей борьбе?

Через две недели Сологубов уже был в лагере Вустрау, близ Берлина, где содержались изменники, перешедшие на сторону гитлеровцев и готовившиеся к подрывной работе против Советского Союза. Там можно было встретить новоявленных вояк «остлегионов», за сытый армейский паек готовых напялить на себя немецкий мундир; в ожидании того же мундира, только без орла и свастики, а с трехцветным лоскутом на рукаве, слонялись по лагерю «добровольцы» РОА; в отдельных блоках обретались будущие чиновники оккупационной администрации, коротавшие время до направления их на специальные «курсы остроботников»; ждали своей участи кандидаты в немецкие разведывательные школы.

В числе последних находился и Сологубов. Вместе со

всеми он проходил в Вустрау антисоветскую обработку. Активисты НТС — белоэмигранты Поремский, Редлих, Евреинов, Бевад, изменник Родины Биленкин выступали с лекциями, благословляя свою разношерстную паству «сражаться до победного конца за свободную Россию без коммунистов».

Только там, в Вустрау, Сологубов по-настоящему понял, какая ядовитая гадина НТС. Полностью перейдя на службу немецкой разведки, Народно-трудовой союз занимался консолидацией антисоветских элементов за границей, в частности в лагерях советских военнопленных, склоняя слабых и неустойчивых к измене Родине. Значительная часть рядовых предателей (власовцев, «остлегионцев» и пр.) Сологубову представлялась людьми, сломленными голодом и нечеловеческим режимом немецких лагерей, в которых проводили свою «пропагандистскую деятельность» активисты НТС.

Но неукротимый дух большинства советских солдат и офицеров, оказавшихся во вражеской неволе, не удалось сломить никому. Немецкое командование было вынуждено систематически проводить общеимперские облавы на бежавших из лагерей военнопленных, которые представляли серьезную опасность для тыла вермахта своими диверсиями по всей Германии и особенно на железных дорогах, где все чаще и чаще летели под откос воинские эшелоны. В этих облавах участвовали не только полицейские отряды, но и целые регулярные дивизии, снятые с фронта, а также сотни тысяч гражданских немцев из актива фашистской партии и гитлерюгенд. Только в летней облаве 1943 года участвовало более полумиллиона немцев. Но ни облавы, ни массовые расстрелы, ни травля собаками не могли остановить свободолюбивых людей, неудержимо рвавшихся на Родину, чтобы занять свое место в рядах ее активных защитников.

После непродолжительного пребывания в Вустрау Сологубова с небольшой группой солагерников отправили в старинный немецкий городок на юге Германии, в котором находилась школа военной разведки. Там он пробыл несколько месяцев. Когда курс учебы уже подходил к концу, с Петром произошло несчастье. Прыгая ночью с парашютом, он неудачно приземлился, сломал обе ноги и вместо того, чтобы отправиться с заданием на советскую территорию, угодил на длительное время в немецкий госпиталь.

Это был тяжелый период в его жизни. День и ночь среди чужих. Немцы — и персонал, и лечившиеся в госпитале офицеры вермахта — относились к нему враждебно, озлобленно: шел к концу 1944 год. Советская Армия приближалась к границам Германии. Лечили Сологубова плохо. Левая нога у него трижды срасталась неправильно, и ее трижды ломали перед тем как снова заковать в гипс.

Война уже бушевала в Германии, когда Сологубов покинул госпиталь. До полного выздоровления его направили опять в ту же разведшколу — инструктором.

Там он и встретил обрадовавшее его известие о крахе гитлеровского рейха. Американские войска генерала Петча вступили в город, где находилась школа, и через некоторое время весь ее личный состав на «студебеккерах» был отправлен в Оберурзель, неподалеку от Франкфурта-на-Майне.

В Оберурзеле размещался лагерь американской разведки, куда свозились те, кто имел отношение к гитлеровским секретным службам. Собирали их там, разумеется, не для коллекции, но и не для справедливого суда, как могло показаться непредубежденному человеку. Их предполагали использовать в прежнем качестве — разведчиков, но только уже другой разведки — американской.

Когда Сологубов узнал об этом, он стал настойчиво добиваться, чтобы его немедленно связали с представителем советской администрации в Германии. Американские офицеры в лагерной комендатуре сперва вежливо отговаривали его от этого намерения, потом сдержанно обещали удовлетворить просьбу и, наконец, просто выставили за порог, заявив при этом:

— За кого бы вы себя ни выдавали, для нас вы пленный нацистский разведчик! Мы поступим с вами так, как сочтем нужным...

Сологубов понял, что по-доброму отсюда не уйти, американцы цепляются за гитлеровских пособников — выходцев из Советского Союза, они им нужны. Не случайно лагерная пропаганда изо дня в день твердит: «На родине вас считают изменниками, вы нарушили присягу, родственники ваши сосланы в Сибирь. Подумайте, во имя чего вы жертвуете жизнью, возвращаясь в Россию? Оставайтесь с нами, на Западе вы обретете свое настоящее счастье!»

Сологубов решил бежать в советскую зону оккупации. Приобрел карту Германии, выменял на хромовые сапоги

подходящий штатский костюм, специально научился играть в префферанс, чтобы выиграть денег на дорогу... Но тут произошла одна встреча, которая заставила его пересмотреть планы.

Он не сразу узнал широколобого коренастого человека в расстегнутом немецком мундире со споротыми погонами. Не то бывший власовец, не то из «остлегиона» — не поймешь. И тех, и других в Оберурзеле было предостаточно. Потом вспомнил: в Баварском лагере военнопленных тот жил в соседнем блоке. По прозвищу — Головастик, из уголовников.

Они сдержанно поздоровались, присели на скамейку, стали вспоминать горькую жизнь в лагере военнопленных, перебирать общих знакомых. Оказалось, Головастик находился в одном отделении с Федором Лесниковым.

— Мировой был мужик, душевный, добрый, — сказал он задумчиво.

— Почему был? — спросил Сологубов.

— Как почему? Решку ему немцы сделали.

— Какую решку? — не понял Петр.

— Обыкновенную. Девять граммов свинца в грудь. Перед строем расстреляли.

— Когда? За что?! — Сологубов с побелевшим лицом вскочил со скамейки. Но тут же, овладев собой, сел, тихо попросил: — Расскажи!

И Головастик усталым, равнодушным голосом стал рассказывать, как в сентябре 1944 года гестаповцы каким-то образом напали на след, тянувшийся от местных немецких коммунистов к лагерным подпольщикам. Среди военнопленных начались повальные обыски и аресты. Тридцать три человека было расстреляно. А семерых, в том числе руководителя подпольной организации, бывшего комиссара, повесили. Виселица была устроена на плацу, куда согнали военнопленных из всех пятнадцати блоков лагеря.

Это известие ошеломило Сологубова. Много дней он был всецело под его впечатлением, без конца думал о случившемся. Федор Лесников был его настоящим другом, а комиссар (это, надо полагать, был Бородач) принадлежал к числу людей, которые не забываются и после единственной с ними встречи... Теперь их нет в живых. И вместе с ними ушла из жизни нераскрытой тайна сотрудника немецкой разведки Петра Сологубова. Кто же вместо них может приподнять завесу над его вынужденным перево-

площением? Только он сам. А кто поверит ему?.. Чем он докажет, что это было в действительности, а не выдумка, не мимикрия в целях самозащиты?

Сологубов не знал, что делать. Целыми днями он валялся, не раздеваясь, на койке в бараке, напряженно думал, пытаясь найти выход из создавшегося положения.

И вдруг все разрешилось сразу, в один день. Это произошло примерно через месяц после разговора с Головастиком. Как-то после завтрака Сологубова срочно вызвали к коменданту лагеря. Петр заставил себя побриться, почистить ботинки и пошел.

В приемной ожидали своей очереди человек десять. Сологубову не нашлось места, и он вышел в коридор. Встал у раскрытого окна, закурил. И тут услышал негромкий разговор по-английски. Петр выглянул в окно и увидел внизу, на крылечке внутреннего двора, двух американских майоров, сидевших на перилах с чашками кофе в руках. Они говорили о какой-то «группе русских», которую комендант лагеря должен куда-то отправить по требованию представителя советской администрации в Германии.

— Но как им удалось пронюхать об этом? — спрашивал рыжий майор.

— Ума не приложу, — отвечал другой. — Подняли целый скандал: «Союзники, а скрываете у себя в Оберурзеле военных преступников, которые должны предстать перед судом на Родине!»

— Ну, а что наш шеф?

— Шеф не дурак! Решил передать им разную шваль, что не представляет для нас особой ценности, — пускай на них отыграются.

— А остальные?

— Наиболее нужных нам уже переправили в другой лагерь. А еще одну группу переселим в старый тифозный барак. Туда люди маршала Жукова едва ли решатся заглянуть...

Этот случайно подслушанный разговор не мог не припомниться Сологубову, когда он оказался в кабинете лагерного коменданта.

— Вот видите, вы напрасно волновались, — с улыбкой сказал на чистом русском языке американский полковник. — Все обошлось наилучшим образом. Завтра утром приедут советские представители, и вы, мистер Сологубов, получите долгожданную возможность отправиться на родину.

Уходя от коменданта, Петр уже твердо знал, что делать. Он не станет дожидаться утра, когда за ним и другими военными преступниками, находящимися в Оберурзеле, придут из Берлина специальные машины с железными решетками на дверях...

Ночью, в дождь, он вышел из своего барака и направился в ту часть лагерной территории, где темнела гора каменного угля, заготовленного на зиму. Там в одном месте было удобно подлезть под забор из колючей проволоки. Сологубов нашел это ранее примеченное место и пополз по мокрой холодной траве, стараясь делать это бесшумно, чтобы не встревожились охранники.

Он уже был по ту сторону забора, как вдруг откуда-то из темноты с грозным рычанием на него бросилась здоровенная овчарка. Завязалась борьба. Преодолевая тяжелый, тошнотворный запах псины и режущую боль в плече от укуса, Сологубов изо всех сил старался дотянуться руками до шеи, перехваченной ременным ошейником. Наконец это ему удалось, пальцы сомкнулись на теплом податливом горле. Сдавленный хрип, короткая судорога... И в ту же секунду ночную тишину расколола автоматная очередь. Сологубов вскочил на ноги, побежал в спасительную темень осенней ночи...

Вначале ему повезло. Он устроился подсобным рабочим в крупном магазине во Франкфурте-на-Майне. Думал заработать немного денег, чтобы приобрести документы. На черном рынке можно было купить любые. Но вскоре беспаспортным рабочим заинтересовалась местная полиция. Пришлось покинуть теплое место.

После полутора месяцев безработного прозябания Сологубов завербовался на угольные шахты в Бельгию. Бараки из гофрированного железа, в которых зимой невыносимо холодно, а летом нестерпимо жарко; двухэтажные нары с рядами грязных тюфяков, насквозь провонявших клопами; каторжный труд по десять часов по колено в подпочвенной воде; солонина с «душком» в рабочей столовой при шахте. Он не выдержал, отказался от контракта и возвратился в Западную Германию, снова став рядовым огромной армии безработных.

Однажды зимой на улице в Бад-Гомбурге он столкнулся лицом к лицу со своим старым знакомым — вербовщиком из НТС Поремским. Высокомерный Владимир Дмитриевич выглядел еще более важным, чем прежде: рожа упитанная, холеная — видимо, жилось ему

здесь неплохо, во всяком случае не хуже, чем в Вустрау, где Сологубов видел его в последний раз. Петр рассказал о своем бедственном положении, и Поремский пригласил его в один из лагерей для «перемещенных лиц». Этот деятель, считавший себя «теоретическим умом» НТС, его «философским мозгом», по-прежнему подвизался на ниве пропаганды. Только теперь он служил другим хозяевам — американцам, в чьем ведении находился лагерь. Когда Сологубов позволил себе намекнуть на скоропалительность такой метаморфозы, Поремский недовольно поморщился:

— Пусть это вас не смущает. НТС был и остается независимой эмигрантской организацией революционеров. Но мы, к сожалению, бедны. Поневоле приходится иметь дело с меценатами.

В дальнейшем Сологубов узнал, что этот «независимый революционер» всего лишь мелкий позер, пьяница и абсолютно беспринципный человек, для которого не существует понятие «родина», что он живет только для себя, превыше всего ценит в жизни личный комфорт и готов работать на какую угодно разведку, лишь бы хорошо платили.

Весной, с наступлением теплых дней Сологубов ушел из лагеря. Оборудовав себе место для ночлега в подвале полуразрушенной железнодорожной водокачки, он опять начал искать работу.

После долгих мытарств на трудовой бирже ему наконец удалось завербоваться по контракту на выезд в Марокко. Там он прожил почти три года, был занят на тяжелых монтажных работах на строительстве в городах Касабланке, Сафи, Порт-Леотее, Уед-Земе и Ситате.

Это были трудные, безрадостные годы. Несмотря на то что Сологубов зарабатывал уже неплохо и материальной нужды не знал, жизнь казалась бессмысленной, на душе было пусто, перспективы пугали его. И все чаще и чаще Сологубова одолевали приступы тяжелой, болезненной тоски, от которой он не находил себе места. Это проявлялось по-разному. Иногда просто необъяснимой, беспричинной тяжестью на сердце и полной апатией ко всему окружающему. Но в большинстве случаев чувство тоски вызывал какой-нибудь внешний толчок. Иной раз достаточно было посмотреть с высокого железобетонного каркаса строящегося здания на улицу внизу, чтобы в памяти вдруг осязаемо ясно возникла другая улица — та, что за тридевять земель от этой, но невыразимо близкая, самая

дорогая на свете, по которой когда-то мать водила его, маленького, за руку гулять; а потом, когда он стал побольше, по асфальтовой мостовой этой улицы он сам катался на самокате; затем, уже будучи старшеклассником, в Первомайские и Октябрьские праздники — самые радостные, веселые, шумные — ходил со школой по своей широкой улице на демонстрацию; и там же по ровному тротуару с желобками в асфальте под водосточными трубами вечерами провожал ту девушку, что подарила ему первый поцелуй, но так и не стала спутницей в жизни. Такой девушки он больше не встречал! Она была из тех, с кем, по пословице, и горе на двоих — полгоря и счастье на двоих — два счастья.

Всплывали воспоминания и другого рода. Скажем, та темная осенняя ночь, когда он убежал из лагеря Оберурзель. Этой ночи Сологубов не мог простить себе. Вместо того чтобы искать поддержки и понимания у своих, советских людей, он малодушно бежал к чужим, навстречу туманной неизвестности. Он тогда побоялся, что ему не поверят в горячке первого послевоенного года. А жить на Родине непрощенным не хотел, считал для себя унижительным. (Как будто вся его жизнь на чужбине не была одним сплошным унижением!) В этом, наверное, заключалась его роковая ошибка. Он должен был сделать все, чтобы ему поверили. Надо было настойчиво доказывать свою правоту, требовать перепроверки. Теперь, спустя несколько лет, это уже невозможно. Пыль времени, не умалив его «вины», сделала чрезвычайно трудным, если не невозможным, всякое разбирательство в целях восстановления истины.

До конца контракта оставалось еще несколько месяцев, когда в Марокко вдруг появился белоэмигрант Жедилягин. Действуя от имени НТС, он выискивал молодых, здоровых парней — выходцев из Советского Союза, предлагал им выехать в Западную Германию, обещал материальную поддержку и помощь в устройстве на учебу в специальную школу.

Сологубов сразу понял, какая это могла быть школа... И у него возник дерзкий план. Вначале этот план показался ему абсурдным, нереальным, но, обстоятельно поразмыслив, Петр решил, что перед ним, возможно, открывается наиболее короткий, хотя и рискованный, путь на Родину. Впрочем, риск уже не мог отпугнуть Сологубова. Он теперь был готов на любую опасность, лишь бы избавиться

ся от черной тоски, от иссушающих мозг неотвязных мрачных мыслей.

Вполне возможно, что там, на Родине, и не поверят ему. Что ж, он примет какие угодно испытания, лишь бы обрести окончательное, полное прощение и жить среди своих, ходить по родной, русской земле... Ради этого он сделает все, что в его силах. Он придет домой не с пустыми руками, а как разведчик после длительного, успешно выполненного задания. Это единственное, чем он может оправдать свое возвращение на Родину и помочь тем людям, которые неусыпно оберегают ее безопасность от непрекращающихся происков иностранных разведок.

Сологубов принял предложение Жедиягина. И тот, купив ему билет, через неделю отправил Петра самолетом во Франкфурт-на-Майне, к белоэмигранту Околовичу.

Околович в НТС непосредственно руководил шпионской работой. Но об этом Сологубову стало известно уже потом, а в тот раз он знал только, что этого невысокого человека с продолговатым лицом зовут Георгий Сергеевич.

— Это хорошо, что вы из летчиков, из военных, — сухо заметил Околович после того, как Сологубов рассказал свою выдуманную биографию. — Нам нужны люди дела, а не бумажные писаки, неспособные бороться с коммунизмом практически.

Позднее, вспоминая эти слова, Сологубов понял: то был камень, брошенный «революционером-практиком», как именовал себя Околович, в огород внутрипартийных противников — сторонников Байдалакова, председателя НТС, белоэмигранта старшего поколения. Между группой Околовича — Поремского, выступавшей за самое активное сотрудничество с американской разведкой по всем линиям, и приверженцами Байдалакова шла вражда, усугубляемая обоюдными карьеристскими устремлениями к главенству в НТС. В эмигрантском союзе, похоже, назревал раскол.

Околович беседовал с Сологубовым долго, около трех часов. В заключение, поправив на большом горбатом носу очки в роговой оправе, сказал:

— Предварительную подготовку вы получите на курсах НТС. И если дела пойдут успешно, пошлем вас в разведывательную школу повышенного типа. К нашим друзьям.

С этим напутствием Сологубов и покинул кабинет своего новоявленного шефа.

Потом, как и планировал Околович, он проходил обучение в Бад-Гомбурге, где находился так называемый «Институт изучения СССР», при котором периодически функционировали разведкурсы НТС. По прохождении этих курсов Сологубова направили в Мюнхен, в школу американского разведывательного органа «Служба-22». А оттуда после девятимесячной учебы его путь лежал прямо к заветной цели — сперва по воздуху, на самолете без опознавательных знаков, принадлежавшем ЦРУ, до сопредельного с СССР южного государства, затем на автомашине и пешком до советской границы.

Границу Сологубов перешел ночью... А вечером следующего дня уже сидел в кабинете следователя республиканского Комитета государственной безопасности и рассказывал свою историю. Это было 9 августа 1954 года.

Глава восьмая

Люди неискушенные обычно не видят особой разницы между понятиями «криминалист» и «контрразведчик» — они представляются им в романтическом ореоле почти тождественными. В действительности собственно криминалистика со всеми ее техническими достижениями двадцатого века занимает далеко не главное место в контрразведывательной работе. Основное здесь — знание жизни, способность анализировать факты. Сама же эта работа чаще всего лишена какой-либо романтики, значительная часть ее ведется на таком прозаическом поприще, как архивы, следственные и им подобные дела, различного рода справки... Вот этой будничной прозой теперь, после всех допросов Сологубова, Дружинин с помощью лейтенанта Строгова и занимался.

Как только все данные, полученные в ходе следствия, были проверены, Дружинин вызвал Сологубова на последний допрос. Вернее, это был уже не допрос, а просто беседа по итогам следствия.

Когда Сологубов сел на привычное место за полированным столиком, Дружинин нашел, что его полное красивое лицо бледнее обычного. Видимо, плохо спал и волнуется перед заключительным допросом. Николай Васильевич не стал долго испытывать его терпение и прямо перешел к делу.

— Проверку по вашим показаниям мы закончили.

— И что же в итоге? — глухим голосом спросил Сологубов.

— Итог для вас, откровенно говоря, малоутешительный.

— А именно?

— Нас особенно интересовали несколько этапов вашей биографии. Требовались подтверждения. К сожалению, таковых не обнаружено.

— Так... — Сологубов расстегнул ворот рубашки. — А конкретнее можно?

— Можно и конкретнее. — Дружинин загнул палец на руке. — Во-первых, об обстоятельствах вашего пленения. Никаких доказательств, что было именно так, как вы рассказывали, найти не удалось.

Разрешите нескромный вопрос? Где вы искали эти доказательства?

— Вопрос действительно не совсем скромный. — Дружинин улыбнулся. — Искали через военные архивы, беседовали с несколькими вашими сослуживцами по разведотделу штаба армии — они считали вас пропавшим без вести.

— А командира партизанской бригады, к которому я в тот раз летал на связь, не пробовали разыскать?

— Пробовали. Он погиб в сорок четвертом году.

— Ясно. Извините.

— Теперь дальше. — Дружинин загнул еще один палец. — Ваше пребывание в плену, участие в подпольной организации лагеря военнопленных тоже в сплошном тумане. А самое скверное, нет ни малейших доказательств, что в школу немецкой разведки вас направил руководитель подпольщиков.

— А о нем самом, Бородаче, что-нибудь удалось найти? — спросил Сологубов. И негромко добавил: — Это же был такой человек...

— Ни в трофейных немецких, ни в наших архивах о нем ничего нет.

— И фамилия Федора Лесникова тоже нигде не упоминается?

Дружинин отрицательно покачал головой.

— Значит, все! — Сологубов тяжело вздохнул.

Как ни готовил он себя все эти дни к самому худшему, известие поразило его. Выходит, все, о чем он рассказывал здесь, в этом кабинете, повисло в воздухе, как табачный

дым; все недоказуемо и, следовательно, не принято во внимание. Слова, выброшенные на ветер! И хуже всего было ощущение собственного бессилия изменить это положение, найти доказательства своей правоты. От этого и зрела обида, горьким комом подпиравшая к горлу.

Но вот Сологубов овладел собой, тихо спросил:

— Что же теперь?

— Хочу предложить вам одну работу,— сказал Дружинин.

— Не понимаю.

— У нас есть одно дело, по которому требуется ваша помощь.

— Моя помощь? Но ведь вы же не верите мне.

— Я вам этого не говорил.

— Вы же сами сказали, что нет никаких доказательств.

— Правильно, прямых доказательств нет...

— Но что-то все же, значит, нашли? Да? — Сологубов обрадованно вскинул голову.

— Очень немного.

— А что именно?

— В трофейном архиве германского генерального инспектора по делам военнопленных нам попался один документ.

— Что-нибудь о Баварском лагере? — нетерпеливо спросил Сологубов.

— Да. Там действительно была подпольная антифашистская организация. В сентябре сорок четвертого года гестапо разгромило ее.

— И все? Никаких фамилий?

— Больше ничего. Только несколько строк в сводном общеимперском отчете о «беспорядках» в лагерях военнопленных.

Сологубов потер кулаком крутой подбородок, разочарованно сказал:

— Да, этого, конечно, мало...

— ...для того, чтобы мы поверили вам? — с улыбкой закончил за него Дружинин.

Сологубов неожиданно тоже улыбнулся — впервые за сегодняшний разговор. Он только сейчас начал понимать, что его дело, похоже, идет на лад и что подполковник, по-видимому, всерьез предлагает подключиться к какой-то нужной для них работе. Значит, он ему все же верит!

— Тут вопрос, разумеется, не только в доказательствах, которых нам не удалось получить,— сказал Дружинин после непродолжительной паузы.— Мы основательно изучили всю вашу жизнь. Беседовали с целым рядом хорошо знавших вас людей. Имеем несколько отзывов от ваших сокамерников: все-таки удалось кое-кого разыскать из числа названных вами.

— А вы, Николай Васильевич, не боитесь, что я вас подведу? — улыбнулся опять Сологубов.

— Такого, вроде, быть не должно.

— А вдруг выкину какой-нибудь фортель?

— Если, не дай бог, это случится, меня, конечно, по головке не погладят,— усмехнулся Дружинин.— А в общем, издержки будут не так уж значительны.

— Почему же?

— Введя вас в дело, мы до определенного времени не станем раскрывать перед вами всех карт.

— Следовательно, работа по этому делу явится для меня как бы проверкой?

— В известном смысле да. Но вас это не должно смущать, вы в разведке не новичок. Что касается меня,— продолжал Дружинин,— могу прямо сказать: я вам верю, Петр Константинович. В противном случае не предлагал бы столь ответственной работы.

— Спасибо,— взволнованно сказал Сологубов.— А могу я узнать, в чем конкретно заключается моя будущая работа?

— Обстоятельный разговор о деле у нас впереди. Оно связано с вашим возвращением в разведцентр «Служба-22».

Сологубов посмотрел на подполковника и с нескрываемым разочарованием сказал:

— А я почему-то думал, вы хотите мне дать подходящую работу здесь, в Союзе.

Вы сейчас нужны там, в Западной Германии. Очень нужны!

Сологубов достал сигареты, закурил, долго в задумчивости молчал, потом спросил:

— Николай Васильевич, а отказаться от вашего предложения я имею право?

— Разумеется,— недовольно сказал Дружинин.— Дело абсолютно добровольное.

— В таком случае разрешите мне подумать... хотя бы до завтра.

— Ну что ж, подумайте...

На другой день разговор был продолжен. Сологубов начал его вопросом:

— Как долго мыслится мое пребывание в «Службе-22»?

— Это зависит от вас: до выполнения задания.

— Если это будет разовое, эпизодическое задание — я согласен. Работать же там длительное время отказываюсь, делайте со мной что хотите. Не затем я столько лет рвался домой, чтобы опять возвращаться к чужим. Поймите меня правильно, Николай Васильевич.

— Я понимаю вас, — сказал Дружинин. — Постараемся сделать так, чтобы с заданием вы справились в возможно короткий срок.

Дружинин исключотал для Сологубова двухнедельный отпуск, дал ему денег на дорогу, на покупку пальто и хорошего костюма вместо грубошерстного, в который он был одет соответственно своей легенде (турист-отпускник, сбившийся с маршрута). Затем отправил его на родину, в Воронежскую область, навестить мать и сестру. В ожидании возвращения Сологубова Николай Васильевич вплотную занялся делом генерала Мишутина, чтобы во всеоружии начать активную работу по нему за границей, — выявлял сомнительные места, противоречивые данные, полученные в ходе поиска, различного рода «зацепки», которые помогли бы выйти на след бывшего комдива.

В процессе этой работы перед Дружининым снова стал вопрос об отношении Мишутина к так называемой РОА. Николай Васильевич в начале зимы уже пытался это выяснить через бывшего следователя, жившего в Измайлове, но тот оказался в отъезде. Потом в потоке других неотложных дел Дружинин не мог выкроить время для такой консультации, хотя не раз думал о ней. Теперь встречу со следователем, который в 1946 году вел дело одного из власовцев-главарей, откладывать дальше было нельзя и, Дружинин вызвал его повесткой к себе в комитет.

Внимательно выслушав Дружинина и пробежав глазами несколько страниц архивного следственного дела, старый следователь снял очки, сказал:

— Насколько я помню, скудность сведений о генерале Мишутине объясняется тем, что этот изменник Родины не имел прямого отношения к РОА.

— Как же так? — удивился Дружинин. — А его поездка в норвежский лагерь военнопленных с власовцем, которого вы допрашивали и который дал на него показания?

— То был всего лишь совместный вояж. Генерал Мишутин ездил в Норвегию как представитель командования «остлегионов», а не РОА.

— Вот оно что! — Дружинин сделал заметку в своей тетради. — Кстати, что такое «остлегионы»? Такое крикливое название.

— Вы правы, вывеска, пожалуй, не соответствовала содержанию. Это были небольшие подразделения, каждое примерно с батальон, набранные из наших военнопленных. Использовались они, насколько мне известно, большей частью на охране коммуникаций вермахта на оккупированной территории, в том числе во Франции, Бельгии и других странах. Командовали ими немецкие офицеры. А всю службу «остлегионов» возглавлял, если мне память не изменяет, генерал Кастринг... Таким образом, интересующий вас Мишутин, скорее всего, был одним из подручных этого немецкого генерала.

«Что же, пожалуй, неплохая зацепка для дальнейшего поиска! — подумал Дружинин. — Она пригодится Сологубову для работы за границей». И включил эту «зацепку» в список других, которые ожидали всестороннего обсуждения и разбора по возвращении Сологубова из отпуска.

Он приехал в начале апреля, вечером. И прямо с вокзала позвонил Дружинину:

— Здравствуйте, Николай Васильевич! Куда прикажете явиться?

Поздоровавшись, Дружинин сказал:

— Ждите меня у выхода с вокзальной станции метро. — И быстро спустился вниз, к стоянке автомашин у подъезда.

Через пятнадцать минут он уже был возле Казанского вокзала. Увидев сквозь снежную сетку метели высокую плечистую фигуру в осеннем пальто, с непокрытой темно-волосой головой, остановил «Победу», открыл дверцу:

— Садитесь, Петр Константинович!

Они едва уместились рядом на переднем сиденье — оба крупные, сильные.

— Как съездили? — спросил Дружинин, трогая машину с места.

— Большое вам спасибо, Николай Васильевич... за все! — Сологубов признательно сдвинул локоть Дружинина. — Съездил я хорошо. Дома все в порядке. Мамаша просила передать вам свой низкий поклон — я ей кое-что рассказал о вас. Она у меня чудесная старуха, учительница немецкого языка, сейчас на пенсии.

— За поклон спасибо. Ну, а как ваше самочувствие, настроение?

— Не поверите, будто заново родился! — улыбнулся Сологубов. — Теперь можете запрягать в любой воз — потяну!

— Это хорошо, — сказал Дружинин.

Довольный ответом своего нового помощника, подполковник повернулся к нему и, пока машина, глухо урча мотором, стояла перед светофором, окинул его взглядом с головы до ног. Сологубов посвежел лицом, большие синие глаза смотрели без прежней холодности, и куда девалась его суровая сдержанность, к которой Дружинин уже успел привыкнуть за время следствия.

Он помолчал немного и вдруг спросил:

— Какие у вас планы на воскресенье?

Сологубов неопределенно пожал плечами.

— Хотите со мной поехать на охоту? На глухаря. А, Петр Константинович?

— Я хоть и не охотник, — живо отозвался Сологубов, — но поеду с удовольствием.

Решив отправиться на охоту, Дружинин думал немного рассеяться, отдохнуть от дел на свежем весеннем воздухе в лесу. Начальник Дружинина второй месяц находился в госпитале, и подполковнику приходилось работать за двоих, он здорово заматался. Однако сейчас не это было главное. Дружинин хотел лишний раз побыть вместе с Сологубовым — в иной, так сказать, вольной обстановке, где человек ведет себя не так, как в привычных условиях, и где он может быть виден с новой, еще не известной ранее стороны. А видеть и изучать все новое в этом человеке для Дружинина по-прежнему являлось первостепенной необходимостью, потому что посылал он его туда, где ни проверить лично, ни тем более исправить сделанное уже невозможно.

Охота у них не удалась: на двоих один глухарь, убитый Сологубовым, но вообще отдохнули они неплохо. И между делом обсудили несколько важных для закордонного задания вопросов.

За завтраком у костра Дружинин достал из кармана завернутую в бумагу небольшую фотографию, протянул Сологубову:

— Еще одна карточка Мишутина. Сделана в тридцать девятом году, на Халхин-Голе.

Сологубов внимательно рассмотрел фотографию сперва вблизи, затем в вытянутой руке и озабоченно сказал:

— Это шестая... и все разные.

— Да, по этим старым снимкам трудно составить представление о внешности человека в настоящий момент, — заметил Дружинин. — Видимо, первое, что вы должны постараться сделать по прибытии в «Службу-22», это приличное фото Мальта — Мишутина.

— Согласен.

— Но не надо переоценивать значения и вашего снимка, как бы хорошо он ни получился. Нужно брать все в комплексе. Еще раз внимательно проштудируйте словесный портрет Мишутина, и не только описание черт лица, помните о манерах этого человека, его привычках, походке, характерных жестах.

— Это я четко представляю.

— И еще... Впрочем, хватит! — Дружинин смущенно улыбнулся. — Мы же решили о делах сегодня не говорить...

Они прощались с ружьями по лесу почти дотемна. К Москве подъезжали поздно вечером. Сидя за рулем «Победы», Дружинин думал о том, что срок пребывания Сологубова на советской земле подходит к концу. В мае он должен вернуться в «Службу-22», как было определено заданием. Что ж, можно считать, Сологубов готов к этому. Точнее, почти готов. Осталось доделать кое-какие мелочи перед тем, как вместе с ним пойти к генералу.

Дружинин уже показывал генералу своего помощника. Это было, когда решался вопрос: вводить или не вводить Сологубова в дело, следовательно, доверять или не доверять ему вообще. Тогда генерал долго беседовал с Сологубовым и потом, отпустив его, сказал Дружинину: «Конечно, определенный риск есть. Как, впрочем, и во всяком деле, где приходится принимать решение не только на основе бесспорных, доказанных фактов, но и прислушиваясь к голосу интуиции...»

Сологубов, молча куривший в машине рядом с Дружининым, словно угадал его мысли.

— Николай Васильевич,— негромко спросил он,— а когда вы думаете меня отправлять?

— Поживете с недельку в заданном районе, своими глазами поглядите, что к чему...— сказал Дружинин.

Глава девятая

«Контрразведка является по своей сути защитной, оборонительной деятельностью. Но, хотя цели контрразведки оборонительные, действует она преимущественно наступательными методами, стремясь к раскрытию планов вражеской разведки на самой ранней их стадии, старается проникнуть во внутренние сферы разведывательных служб противника, где отбирают и готовят агентов. И если это достигнуто, то ставится цель привлечь на свою сторону «инсайдеров» из вражеского лагеря...»

Это сказал Даллес, директор ЦРУ. Его слова были процитированы в учебнике, написанном генерал-майором Генри Кларком, шефом «Службы-22». Этот объемистый учебник с грифом «для служебного пользования» имелся в библиотечках всех конспиративных квартир разведцентра, в том числе и той, на которую семнадцатого мая 1955 года прибыл после выполнения задания ее агент 0775 — Петр Сологубов.

То была загородная квартира под Мюнхеном. В сосновом лесу, огороженные высоким глухим забором, стояли два деревянных домика. В одном из них Сологубову отвели небольшую комнату, где он вот уже четвертый день невылазно сидел над своим отчетом для генерала Кларка. Сегодня ему пришла мысль вставить в свою писанину что-нибудь из поучений шефа. Честолюбивый генерал, считавший себя теоретиком разведки, часто выступал с лекциями в закрытых аудиториях, помещал свои статьи в специальных изданиях и обожал, когда его цитировали. Тот, кто умело к этому прибегал, мог рассчитывать на особое внимание и даже покровительство шефа «Службы-22». Пренебрегать подобным в положении Сологубова было бы попросту неразумным.

Он поднялся в мезонин, где находилась библиотека, и в большом стеклянном шкафу, набитом учебными пособиями и детективными романами, нашел книжку генерала в сером переплете, знакомую еще по учебе в разведшколе. Рассуждения Кларка о контрразведке с длинной

цитатой из Даллеса, на которую, раскрыв учебник, на-
ткнулся Сологубов, ему сейчас, разумеется, были явно
не по теме. Однако он внимательно прочел это место и,
покуривая сигарету, с минуту подумал над ним. Подумал
с удовлетворением, хотя ни автор учебника, ни цитируе-
мый им источник были ни при чем. Сологубов продолжал
листать книгу дальше и кое-что подходящее для себя
все же нашел — отметил карандашиком, чтобы затем
выписать. Но тут в мезонине появилась Рут Смирниц —
принесла отпечатанный на машинке очередной раз-
дел отчета и сказала, что готова стенографировать
дальше.

— Вы просто молодец, Рут! — довольно заметил Соло-
губов, пробежав глазами сделанную работу.

Да, генерал Кларк знал, кого прислать, чтобы доклад
агента был готов в минимальный срок. Эта стройная, длин-
ноногая немка с покатыми плечами и пышной прической
была незаменимой помощницей. Стенографировала быст-
ро и без ошибок, на машинке строчила как пулемет. С ней
было приятно работать. Впрочем, и отдыхать тоже. Когда
в глазах начинало рябить от букв, они выходили в садик,
прохаживались по дорожке между цветочными клумба-
ми. Рут сносно разговаривала по-русски и хорошо по-
английски, была остроумной собеседницей, но не болт-
ливой, а, скорее, сдержанной, даже немного застенчивой.
Ее скромность и, видимо, врожденная порядочность боль-
ше всего нравились Сологубову, он терпеть не мог раз-
вязных женщин.

Вечером, ровно в шесть, Рут выводила из гаража свой
маленький синий «фольксваген» и, помахав на прощание
рукой, уезжала домой, в Мюнхен. Сологубову пока было
запрещено покидать виллу, он отправлялся в отведенную
ему комнату и снова садился за отчет. Поработав, шел
ужинать в соседний домик, где жил комендант и находи-
лась небольшая столовая.

Ужинали обычно вдвоем: Сологубов, комендант вил-
лы — пожилой разговорчивый техасец — и его жена. Уго-
щая Петра вином, комендант болтал о разных пустяках,
вызывал его на откровенность, внимательно разглядывал
маленькими хитрыми глазками. Это было не что иное,
как прощупывание в расчете на неосторожно оброненное
по пьянке слово, и Сологубов разыгрывал из себя обижен-
ного Советами, их непримиримого врага: он знал, что
все им сказанное будет передано шефу «Службы-22», пе-

ред которым он должен выглядеть безукоризненным, перспективным агентом.

После ужина, сославшись на срочность работы, Сологубов уходил к себе. Но не работал, а просто сидел в кресле, прислушиваясь к тихому шелесту листвы за раскрытым окном, перебирал в памяти незаметно пролетевшие дни на родной земле.

Его возвращение совершилось тем же путем. В Москве его тепло проводил Дружинин, перед отъездом на аэродром они распили бутылку шампанского за успех начатого дела. До Закавказья Сологубов летел вместе с лейтенантом Строговым. А на другую ночь с рюкзаком за плечами уже шагнул по малохоженной тропе в густом горном орешнике.

На рассвете его задержали два смуглых горбоносых солдата, пограничники, привели на заставу, сдали дежурному офицеру.

Часа через два за Сологубовым приехал американский майор, который провожал его в августе прошлого года.

— С благополучным прибытием, приятель! — шумно приветствовал он Сологубова и, посадив в машину, помчал прямо на аэродром.

Самолет прибыл в Мюнхен ночью. Несмотря на поздний час, его ожидали. Сологубова встретили инструктор Холлидз — добродушный верзила, знакомый ему по разведшколе, и комендант загородной конспиративной квартиры, на которую они втроем сразу же и поехали на служебном «оппеле».

Вскоре туда приехал невысокого роста худощавый человек в плаще. У него были острые, глубоко посаженные глаза и тонкие бледные губы, на которых застыла ироническая усмешка. Пока он раздевался и причесывал темные с сединой волосы, Сологубов внимательно разглядывал его и пришел к выводу, что это, наверное, и есть тот самый Мальт, новый заместитель генерала Кларка.

Сологубов не ошибся. Это действительно был Мальт. Он и повел первый допрос (иначе эту выматывающую процедуру назвать было нельзя) по всем пунктам выполненного агентом 0775 задания. Сидевший рядом с ним за столом капитан Холлидз больше занимался магнитофоном — то включал его, то выключал, чтобы не засорять ленту пустыми, не относящимися к делу отступлениями, на которые Мальт вызывал Сологубова, чтобы сбить его с плавного, продуманного рассказа.

Призывая на помощь всю свою выдержку, Сологубов старался не поддаваться на эти опасные уловки, говорил не спеша, взвешивая каждое слово, иногда дважды повторял сказанное, как бы подчеркивая его важность, а на самом деле для того, чтобы выдержать до конца взятый неторопливый темп рассказа. Спешка могла погубить его, сократив и так мизерное время на обдумывание того, что он должен был говорить согласно выработанной в Москве легенде.

Когда капитан Холлидз по знаку Мальта окончательно остановил бобину магнитофона, было семь часов утра. У Сологубова гудело в голове от двух бессонных ночей и перевозбуждения, вызванного длительным умственным напряжением. Мальт встал из-за стола, надел плащ, сказал:

— Генерал Кларк дает вам пять дней на подготовку письменного доклада. Во вторник он вас примет...

И вот этот вторник настал. В половине девятого у ворот виллы раздался клаксон блестящего черного лимузина, присланного от генерала, и Сологубова повезли в Мюнхен. Плавнo покачиваясь рядом с Холлидзом на упруго-мягких подушках комфортабельной машины, Петр прикидывал, неужели всех агентов «Службы-22», вернувшихся с задания, возят на доклад к шефу в таком роскошном восьмицилиндровом форде? В это не особенно верилось после шестичасового непрерывного допроса с пристрастием, который устроили ему в первую ночь по возвращении. И вообще, насколько он знал, бесцеремонные в своем большинстве офицеры американской разведки тонкостью в обращении не отличались. Может быть, генерал Кларк составлял исключение и был не только теоретиком разведки, к которым он себя причислял, но и неплохим психологом?

Аппарат «Службы-22» размещался в двухэтажном особняке казарменного типа. С фасада у него были две двери — одна наглухо закрытая, другая действующая, с небольшой вывеской из черного стекла: «Контора транзитных перевозок». Особняк стоял на углу, и внутрь его вела еще одна дверь — из узкого, мрачного переулкa. Над нею тоже была надпись на черном стекле: «Только для служащих транзитной конторы». Этим входом и пользовались все сотрудники «Службы-22», включая и ее шефа.

Кабинет генерала Кларка, куда Холлидз провел Соло-

губова, находился на втором этаже, в самом конце длинного коридора с блестящим паркетом и красной ковровой дорожкой посередине.

Кларк поднялся из-за стола — высокий, не по годам стройный, с розовым моложавым лицом и светлыми, расчесанными на косой пробор волосами, — протянул Сологубову руку:

— Рад вас, мой друг, поздравить с благополучным возвращением.

— Благодарю, сэр.

Сологубов сел на предложенное ему место перед массивным столом шефа. Напротив, в таком же мягком, удобном кресле расположился капитан Холлидз. Только что вошедшая Рут Смирниц заняла столик переводчицы и стенографистки.

Справившись о самочувствии Сологубова, генерал без лишних слов перешел к делу.

— К моему великому сожалению, — сказал он, глядя в сторону собеседника, но не в лицо ему, а куда-то выше, — я не смог еще ознакомиться с вашим письменным докладом.

Сологубов вопросительно поднял брови, потом перевел взгляд на Рут, через которую он отправил свой отчет еще два дня назад.

— Нет-нет, госпожа Смирниц здесь ни при чем! — с извинительной улыбкой заметил Кларк. — Просто у меня не нашлось времени для читки вашего доклада. Поэтому вам, любезнейший, придется изложить его основные положения устно. Не возражаете?

— Ну что ж, можно и устно.

Сологубов понял, что это еще один из этапов проверки. Первый его отчет Малът записал на магнитофоне, второй с помощью Рут Сологубов подготовил сам, теперь генералу понадобился третий... Потом все эти доклады, наверное, сличат, чтобы, выявив несоответствия и противоречия, припереть автора к стене. Остается одно — напрягая память, повторить свой доклад без погрешностей и отступлений от прежних двух.

Сологубов перевел дыхание и начал рассказывать вдумчиво и не спеша. Кларк время от времени задавал вопросы, из которых Сологубову стало ясно, что генерал уже ознакомился с его письменным отчетом и, похоже, ознакомился неплохо. Значит, его доклад действительно нужен только в целях перепроверки? Но почему же в

таком случае его никто не записывает? Рут что-то ищет в своей сумочке. Верзила Холлидз, вытянув длинные ноги и сложив на груди руки, близок к дремоте, убаюканный уже знакомым ему рассказом. Расстегнув светло-серый пиджак, Кларк внимательно слушает, однако его холёные руки, лежащие на столе, тоже не притрагиваются к карандашу. Не видно нигде в генеральском кабинете и магнитофона или другого записывающего аппарата. Впрочем, такого аппарата и не должно здесь быть. Генри Кларк, как истинный джентльмен, которым он старается себя показать перед сотрудниками, не может снизойти до грубых, прямолинейных методов Мальта и Холлидза. Если запись третьего отчета Сологубова сейчас и делается, то делается тайно.

Ровно в двенадцать по распоряжению генерала в кабинет подали кофе. После того как все подкрепились, Сологубов продолжил рассказ о своем пребывании в Советском Союзе — месяц за месяцем: что делал, как делал, результаты.

Когда он дошел до характеристики разведанного им района, Кларк засыпал его уточняющими вопросами. Генерала особенно интересовала система ПВО этого района — имеются ли аэродромы, взлетно-посадочные площадки, их длина, ширина, покрытие. Он обстоятельно расспрашивал о наличии там укрытий для самолетов, их местонахождении, где расположены авиационные склады и склады ГСМ, какова система радарных установок.

Среди вопросов шефа «Службы-22» имелось немало и таких, которые не могли быть предусмотрены в Москве. Сологубову приходилось по ходу доклада импровизировать. Это было рискованно, его могли уличить во лжи, тогда достоверность всего доклада была бы поставлена под сомнение.

Сологубов весь взмок от напряжения, сердце стучало часто и тяжело, будто он подымался в гору с непосильной ношей. Казалось, еще немного, и он сорвется, не выдержит потока вопросов. Усилием воли он преодолевал это минутное малодушие и старался отвечать спокойно и неторопливо, чтобы выгадать как можно больше времени на обдумывание.

Доклад Сологубова в общей сложности продолжался два с половиной рабочих дня. В четверг, незадолго перед обеденным перерывом, он закончил рассказ, с волнением

ожидая вывода генерала. В этом выводе была вся его судьба, а может быть, и жизнь.

Заключение шефа оказалось весьма кратким и, к удивлению Сологубова, не окончательным.

Информация, которую вам, мой друг, удалось собрать,— сказал Кларк,— явится существенным вкладом в нашу оценку этого уральского района, его уязвимости при воздушном нападении с помощью специальных видов оружия. Однако окончательный вывод впереди — по ознакомлении с вашим письменным докладом.

Он извиняюще улыбнулся Сологубову и затем, обращаясь уже ко всем присутствующим, закончил:

— Благодарю вас, господа. Вы свободны.

Теперь Сологубов жил в Мюнхене на частной квартире. Ее порекомендовал ему Кантемиров, в прошлом инструктор связи в разведшколе, где Сологубов с ним и познакомился, а ныне сотрудник радиоцентра «Службы-22». Капитан Холлидз предлагал Сологубову другую квартиру, но он вежливо отказался, заявив, что комнаты темноваты, а на самом деле потому, что опасался в лице квартирной хозяйки заполучить домашнего «стукача». Здесь же хозяйка, пожилая немка Марта, доводилась родственницей Кантемирову: он был женат на ее кузине, которая недавно умерла.

В небольшой чисто прибранной квартире Сологубову отвели лучшую комнату. Марта готовила для него, стирала белье, поддерживала в надлежащем порядке его небогатый гардероб.

Разрешив, таким образом, бытовую проблему, Сологубов, казалось, мог вплотную заняться делом, из-за которого он и очутился снова в американской «Службе-22». Ему необходимо было сфотографировать Мальта, составить его словесный портрет, начать всестороннее изучение этого человека... Но как все это осуществить? В здание, где работал Мальт, Сологубов доступа не имел, так же как и в другие помещения разведцентра. Он пока числился всего лишь кандидатом на должность инструктора индивидуального обучения. Так, по крайней мере, однажды называл его капитан Холлидз, посоветовав при этом набраться терпения и ждать — назначение произойдет, надо полагать, не ранее, чем завершится его проверка.

Эта продолжающаяся негласно, неизвестно где и как

проверка сковывает его по рукам и ногам. И хотя формально он свободен, можно сказать, предоставлен самому себе (не выезжая из Мюнхена, делай что хочешь), в действительности, наверное, за ним постоянно ведется наблюдение, фиксируется каждый его шаг, поступок по выходе из квартиры. А может быть, и в самой квартире. Хотя Кантемиров и заверял, что Марта — честный, порядочный человек, в душу к ней не влезешь.

В этих условиях, разумеется, было бы глупо идти на активные действия. Надо выждать, вжиться в новую обстановку, чтобы о тебе перестали думать, как о только что возвратившемся с задания агенте, который подлежит проверке и всестороннему изучению. Единственно, что сейчас, пожалуй, можно предпринять без риска провалить дело, это заняться составлением словесного портрета Мальта.

И Сологубов начал эту работу. По отрывочным наблюдениям за Мальтом на первом, ночном, допросе он старался воскресить в памяти черты лица этого человека. В Мальте было много от Мишутина, каким он представлялся по описанию жены бывшего комдива и по его фотографиям. Однако было и что-то еще, чего не имелось у Мишутина. Но что конкретно, он не мог решить — однажды увиденное лицо Мальта представлялось нечетко, как в тумане. Необходимо было видеть этого изменника хотя бы еще раз.

Сологубов решил подкараулить Мальта по выходе из служебного особняка после работы. С этой целью он дважды покидал свою квартиру, находившуюся в том же районе, где размещался аппарат «Службы-22», как бы для вечерней прогулки. И оба раза смог увидеть Мальта лишь мельком за рулем выезжавшего со двора черного «опеля».

Сологубов пошел в третий раз к знакомому переулку. И опять неудача! На узком мокром после дождя тротуаре ему повстречалась Рут Смирниц.

— А-а, Петер! — Она приветливо улыбнулась. — Добрый вечер.

— Здравствуйте, Рут.

— Как поживаете?

— Да так. Скучаю понемножку, — откровенно признался Сологубов.

— В таком случае проводите меня.

— С удовольствием, — согласился Петр.

Он был рад этой неожиданной встрече, помешавшей ему пройти мимо особняка «Службы-22». Все равно Мальта за стеклом машины как следует не разглядеть, надо придумать что-то другое. А поболтать от скуки с этой симпатичной тридцатилетней женщиной было приятно. Да разведчик и не должен чураться обширных связей, в них его сила.

Они не спеша шли по вечернему городу, разговаривали. Рут жила неподалеку, в переулке с длинным названием, которое по-русски можно было перевести как «Кривоколенный» или что-то в этом роде. Возле старого трехэтажного дома она остановилась,

— Вот я и пришла.

— Уже? — разочарованно сказал Сологубов. Ему не хотелось так рано возвращаться к себе. — Ждет муж?

— Не слишком ли вы любопытны, Петер? — Она улыбнулась и сказала негромко: — Мужа у меня нет. Меня ждет дочка, я должна приготовить ей ванну.

Дочка? Это хорошо! — Сологубову было приятно стоять с этой милой, ласковой женщиной, смотреть в ее красивые, немного усталые глаза. — Как зовут вашу девочку?

— Ани.

— Анна? Хорошее имя, — сказал Петр и неожиданно для самого себя добавил: — У меня мать тоже Анна.. Анна Николаевна.

— Где она живет, ваша мама?

Сологубов чуть замедлил с ответом.

— Моя мать умерла, когда мне было четыре года, — сказал он в соответствии со своей легендой, составленной при поступлении в абвер-школу. — Я воспитывался в детском доме, круглый сирота.

— Извините, Петер, что я навела вас на грустные мысли. — Рут дотронулась до его руки. — Ну, мне пора!

И они расстались, договорившись обязательно встретиться завтра.

Назавтра была суббота, неслужебный день. Сологубов без четверти десять пришел в знакомый переулок. Ровно в десять на крылечке появилась Рут. Высокая, стройная, в нарядном белом, с синей отделкой платье. Она взяла Сологубова под руку и пошла с ним вдоль переулка, который вывел их на бульвар.

— Говорят, сердце Мюнхена бьется на Мариенплац, —

улыбаясь, сказала Рут.— Это любимая площадь мюнхенцев. Хотите туда, Петер?

— С вами хоть на край света,— засмеялся Сологубов. Они сели в трамвай и поехали на Мариенплац.

Посредине небольшой площади стояла мариинская колонна со статуей Богородицы — покровительницы Баварии. Царица неба держала в руках скипетр, благословляя город и живущих в нем людей. На пьедестале колонны четыре крылатых гения в латах и шлемах бились против войны, голода, чумы и ереси.

Склонив пышноволосую голову к плечу Сологубова, Рут со знанием дела (когда-то она мечтала стать архитектором) давала объяснения. Потом она подвела Петра к башне Новой ратуши, и они слушали бой знаменитых курантов, сопровождаемый танцами цветных фарфоровых фигур.

— Красиво! — с восхищением сказал Сологубов.

— А у вас в Москве что-нибудь подобное есть? спросила Рут.

— В Москве тоже много оригинальной архитектуры.

— А какой ваш самый любимый памятник старины?

— Больше всего мне нравится собор Василия Блаженного на Красной площади.

— Надо думать, в эту поездку вы побывали возле него?

— Нет.

— Что так?

— А я не заезжал в Москву.

— Ах, да,— понимающе кивнула Рут. — Вы мне уже говорили об этом.

И она первой двинулась в сторону многолюдной, шумной площади Штакус с воротами Карлстор. Немного побродив там, они прошли на Ленбахплац, где долго стояли перед фонтаном с искусными фигурами людей и зверей.

Вечером они поужинали в ресторане, откуда в половине двенадцатого Сологубов на такси привез Рут в ее кривой переулок. На прощание она приветливо помахала ему рукой из окна своей квартиры.

В воскресенье Сологубов и Рут тоже весь день были вместе. Опять бродили по городу. Потом смотрели американский кинобоевик.

Когда они вышли из кинотеатра и под руку шли по бульвару, любуясь плавающими на пруду черными лебедями, их увидел Каптемиров. Он, разумеется, к ним не

подошел, в этом не было никакой нужды. Но на другой день вечером, заглянув к земляку, чтобы поболтать часок, между прочим предупредил:

— Вы держитесь подальше от этой красотки.

— Это еще почему? — спросил Сологубов.

— Опасная стерва.

— Сам разберусь. Не маленький.

— Ну-ну, глядите.

Больше об этом они не говорили. Сологубов хотел дать понять Кантемирову, что не опасается никакой «подставы», потому что чист перед теми, кому взялся служить и кому служит Рут Смирниц. Но про себя решил (собственно, это решение созрело в нем еще до разговора с Кантемировым) попристальнее присмотреться к Рут. Ее искусно скрытое любопытство к некоторым моментам его биографии казалось подозрительным. Просто ли тут женское стремление, как можно больше узнать о человеке, к которому равнодушна, или профессиональное прощупывание в расчете выудить в интимной беседе интересные сведения? Если Рут причастна к его проверке, специально к нему подставлена, то придется, разумеется, быть с ней осторожнее.

Так рассуждал Сологубов, лежа на койке, пока Кантемиров отлучился на половину Марты. А когда он примерно через час вернулся, Сологубов сразу забыл и о Рут и обо всем, что с нею связано. Кантемиров так ошарашил его неприятным известием об одной находке, что он, сев на кровати, не сразу сообразил, где лежат сигареты, чтобы закурить.

Находка — маленькая полоска синей бумаги. Билет в московский Малый театр с фиолетовым штампом на обороте: 6.IV.55 г. «Волки и овцы».

— А говорили, батенька, в Москве не были, — добродушно усмехнулся Кантемиров, почесывая лысину.

— Где вы это взяли? — хрипло спросил Сологубов.

— Марта нашла, когда чистила ваш пиджак. Билет завалился за порванную подкладку в кармане.

Сологубов наконец разыскал свои сигареты, закурил. Чтобы окончательно овладеть собой, неторопливо прошелся по комнате, с показной беззаботностью попыхивая дымком, заставил себя улыбнуться, даже негромко засмеялся, покачивая головой.

— Надо же! Вот что значит носить вещь с чужого плеча.

Потом он вышел из комнаты. И через минуту вернулся с отутюженным темно-коричневым костюмом в руках, начал выворачивать карманы пиджака, рассматривать дырку в подкладке.

— Я эту пару купил в Челябинске, на толкучке.— Он опять с показным беспечным удивлением покачал головой.— Понимаете, Савва Никитич, стал гладить свой пиджак и прожег. В магазине по размеру не нашел, пришлось ехать на барахолку.

— Бывает...— неопределенно протянул Кантемиров. Было непонятно, поверил он в его объяснение или нет.

А Сологубову надо было, чтобы он поверил. Театральный билет действительно принадлежал ему. В Москве Сологубов смотрел в Малом театре «Волки и овцы». Но при переезде на квартиру к Марте, когда Кантемиров поинтересовался, как поживает Москва-матушка, Петр сказал, что в столице ему побывать не пришлось. Это была вынужденная ложь. На нее Сологубова толкнула одна ошибка, как он теперь считал, допущенная еще на первом, ночном, допросе, который вел Мальт, записывая на магнитофон его рассказ о девятимесячном пребывании в СССР. Мальт то и дело задавал неожиданные вопросы, в частности сказал: «Ну, а как вы проводили свой досуг, будучи в советской столице?» Сологубов понял, к чему клонит Мальт,— он хочет знать, был ли агент 0775 в Москве, а потом начнет выпытывать, что он там делал, зачем ему понадобилось сворачивать с назначенного уральского маршрута. И Сологубов сказал, что в Москве ему быть не довелось... Сказал сгоряча, необдуманно, потому что пребывание в Москве само по себе не могло явиться криминалом для агента «Службы-22», посланного в Советский Союз на сравнительно длительный срок. Сологубов в ту же минуту понял, что таким ответом он невольно сузил рамки своего будущего маневрирования, если в нем позднее возникнет необходимость. А вдруг бы оказалось, что кто-то из агентов «Службы-22» видел его в Москве, где-нибудь на улице, в магазине, когда он покупал себе костюм, или в том же Малом театре? Но слово не воробей, сказанного воротить было нельзя, оставалось одно — впредь придерживаться взятой линии.

И вот этот нелепый случай с театральным билетом. Признаться, он встревожил Петра всерьез. Не так-то уж хорошо ему был известен Кантемиров, чтобы положиться на него. Он, конечно, серьезный человек, но по характеру

далеко не твердокаменный, во всем сомневается, без конца взвешивает, когда требуется принять определенное решение. К тому же, любит поболтать, находясь в подпитии. В таких случаях особенно достается боссам из НТС — зол он на них страшно, считает, что это по их вине он запутался и загубил свою жизнь...

И все же нет, едва ли Кантемиров станет болтать о найденном билете где попало!.. Ну, а если не где попало, а в определенном, строго секретном месте? Например, на конспиративной квартире отдела безопасности местной американской контрразведки? Ведь ее осведомителями на шпигованы все звенья «Службы-22». Или Кантемиров не может быть «стукачом»? Человек, отступившийся от своей Родины, от своего народа, едва ли шепетилен в подобных вопросах. И тут, и там — предательство, разница только в масштабах...

Спал в эту ночь Сологубов плохо, часто курил в постели. Курил и думал: обойдется все это или нет? Днем, на свежую голову, еще раз оценил сложившуюся ситуацию. Опасность, несомненно, была. Но, как человек мужественный, он решил, что в конце концов не так уж страшен этот Кантемиров, даже если он и является агентом отдела безопасности. Театральный билет, найденный в кармане чужого пиджака, — улика все же сомнительная.

Его взяли через два дня, ночью. Он проснулся от сильного стука в дверь и понял: это пришли за ним. Понял, наверное, потому, что все время думал об этом, несмотря на свое решение не придавать особого значения истории с злополучным билетом. Сологубов, надев брюки, подошел к двери. Но не успел ее приоткрыть, как она с силой распахнулась и кто-то в мокром от дождя плаще, ослепив ярким светом карманного фонаря, оттолкнул его в сторону.

В комнату вошли трое. Один из них, высокий, сутуловатый, включил люстру, протянул Сологубову раскрытое удостоверение, назвав себя особо уполномоченным специальной службы ФБР.

Сологубов, со сна зябко поеживаясь, долго рассматривал удостоверение, чтобы собраться с духом, овладеть собой, потом нарочито лениво, с зевотой, спросил:

— Что вам от меня требуется?

— Вы арестованы! — сказал уполномоченный ФБР.— Мы должны произвести у вас обыск.

— Забавно,— усмехнулся Сологубов, хотя ему было совсем не до смеха; он почувствовал дрожь в руках и, чтобы скрыть это, сунул руки в карманы брюк.— Может, все же объясните, в чем дело?

Вместо ответа Петр услышал грубое приказание одеться, а когда он это сделал, у него вывернули карманы, ощупали одежду, потом ему надели стальные наручники и посадили на стул посреди комнаты, в которой начался обыск.

Из прихожей ввалились еще два агента, здоровенные, ростом под потолок. Теперь их стало пятеро. Один охранял арестованного, молча покуривая возле него, а остальные, сбросив плащи, переворачивали в комнате все вверх дном, простукивали специальным прибором, отдаленно напоминавшим миноискатель, стены, косяки дверей, подоконники, ящики и ножки стола. Они перелистали все книги на этажерке, у некоторых вспороли корешки переплетов. Перерыли в гардеробе белье, висевшие на плечиках костюмы и пальто, промяли пальцами каждый их шов. Потом топором отодрали плинтусы, внимательно осмотрели щели между стенами и полом.

На все это Сологубов взирал безучастным, отсутствующим взглядом. Его сейчас занимало другое: какие улики против него имелись в отделе безопасности, кроме доноса Кантемирова о билете в московский театр? Только об этом теперь Сологубов и мог думать, все остальное казалось малозначительным, пустячным, недостойным внимания.

— Следуйте за мной! — прервал его мысли грубый голос, когда обыск закончился.

Сологубова в наручниках повели вниз, к машине, посадили позади шофера. С обеих сторон сели агенты. Машина тронулась. Моросил дождь, временами глухо гремел гром, ослепительные зигзаги молний освещали низкое, набухшее влагой небо.

В здании отдела безопасности Сологубова сфотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки пальцев. Потом по длинному полутемному коридору провели в камеру.

Он осмотрелся. Справа на цементном полу — узкая койка, покрытая серым байковым одеялом. Над ней, почти под самым потолком, небольшое окно с решеткой из стальных прутьев. На стене слева приделаны на кронштейне

откидные столик и стул. Ближе к двери камеры — металлическая раковина с краном, рядом унитаз. Полное современное тюремное благоустройство!

Сологубов сел на кровать, зачем-то пощупал тощий жесткий матрац. Через минуту поднялся, прошелся по камере — пять шагов от стены, пять шагов обратно.

«Разведчик, однажды попавший на подозрение, уже не разведчик, — вдруг подумал Петр. — Это только в плохом фильме заподозренные шпионы благополучно уходят от преследователей и как ни в чем не бывало продолжают свою деятельность. В жизни подозреваемый разведчик уже обречен, его окончательное и полное разоблачение лишь дело времени. Поэтому какими бы самыми ничтожными уликами против меня отдел безопасности ни располагал, можно считать, что я уже выведен из игры, не начав дела, загубил его».

Эта мысль так поразила Сологубова, что он остановился посередине камеры, чувствуя, как жар, идущий изнутри, заливает его лицо. Досада и стыд за допущенную оплошность, из-за которой он не сможет выполнить задания и, следовательно, не оправдает оказанного ему доверия, сразу оттеснили на какое-то время все другие мысли и чувства.

Сологубов опять принялся шагать по камере. Ходил долго, пока не устал и, обессиленный, не повалился на койку. Когда постепенно улеглось волнение и наступила обычная ясность в голове, он снова вернулся к истоку всей этой истории.

Сам по себе театральный билет, найденный у него, — улика, конечно, слабая. От нее, пожалуй, можно отвертеться, если твердо стоять на своем: пиджак чужой, куплен по случаю на барахолке. Но что, если эта улика перекрывается другой, более веской? Тогда дело хуже и ему, разумеется, несдобровать. Однако защищаться надо до последнего, а поэтому быть перед допросом во всеоружии, хотя бы примерно знать, где он мог допустить ошибку.

И Сологубов, напрягая усталый мозг, стал вспоминать содержание своего письменного доклада генералу Кларку — раздел за разделом, от первой до последней строчки. Все вроде правильно, как было прорепетировано много раз с подполковником Дружининым в Москве... А что, если именно там, в Москве, и сделали промашку, скажем, не учли какую-нибудь мелочь при составлении обстановки

по уральскому району, заинтересовавшему «Службу-22»? А эта «мелочь», оказывается, известна Кларку (не один Сологубов, наверное, разведывал этот район) — вот и неопровержимая улика, если не полный провал. А тут еще подоспело донесение «стукача» Кантемирова. Ничего себе земляк, черт бы его побрал!

Сологубов принялся ворошить в памяти все известное ему об этом безобидном на вид, несобранном, опустившемся старикашке. Хотя, какой он старикашка, ему далеко до пятидесяти, только плешив и поседел раньше времени — жизнь потрепала.

В октябре 1941 года Кантемиров со своей частью попал в окружение, бросил в лесу винтовку и пошел на запад, в Смоленск, занятый немцами, где жили его мать и маленькие брат и сестра. Первое время отсиживался дома, потом, чтобы кормить себя и мать с детьми, устроился работать секретарем бургомистра района. При наступлении Красной Армии, боясь ответственности за сотрудничество с немцами, бежал вместе с ними и был определен на службу в соответствии со своей довоенной профессией радиоинженера в немецкий отдельный дивизион связи, где использовался по ремонту радиоаппаратуры. Через некоторое время его произвели в унтер-офицеры.

После капитуляции Германии Кантемиров долго не мог устроиться. Подался в Фюссен, в лагерь для «перемещенных лиц», находившийся в американской зоне оккупации. В конце 1946 года в это пристанище бывших гитлеровских прислужников приехал Околович. Он-то и завербовал Кантемирова в НТС, где тот прошел путь от рядового функционера до штатного инструктора на курсах НТС. Потом в том же качестве работал в американской разведшколе...

В двери вдруг железно закрипел ключ, на пороге камеры появился толстый черноусый полицейский:

— Эй, парень! Приказано тебя к следователю доставить.

Кабинет следователя находился на втором этаже. За столом сидел человек в темном костюме, перелистывая лежавшие перед ним бумаги. Когда он поднял седоватую, гладко причесанную голову, Сологубов увидел, что это был Малют, которого здесь никак не ожидал встретить — думал, что придется иметь дело со следователем из отдела безопасности. Своего удивления Сологубов, разумеется, не

выказал, только молча поприветствовал шефа наклоном головы.

Не ответив на приветствие, Мальт приказал ему сесть и отрывисто спросил:

— Ну, товарищ Сологубов, что вы скажете нам теперь?

Вопрос был задан на русском языке, с ироническим ударением на слове «товарищ».

— Я не понимаю, что вы имеете в виду?

— Ничего, сейчас поймете,— желчно усмехнулся Мальт.— Надеюсь, вы еще помните текст подписки, которую давали перед тем, как вступить в сотрудничество с «Службой-22»?

— Конечно.

— Давая подписку, вы обязались сотрудничать с нами честно, в противном случае вас должен судить неофициальный суд. Так?

— Да, в тексте подписки было сказано примерно так.

Глядя в изборожденное морщинами смугловатое лицо Мальта, Сологубов с ненавистью подумал: «Гнида, тебе ли говорить о честности! И вообще, не кощунство ли произносить это слово в этих стенах, где все построено на лжи и обмане».

Напряжение допроса росло с каждой минутой. Сологубов с нетерпением и боязнью ждал, когда наконец Мальт конкретизирует мотивы обвинения. Но тот еще долго продолжал тянуть из него жилы общими, прощупывающими вопросами.

— Что из доклада о вашей ходке в Россию правда и что ложь? — спросил Мальт, глядя в упор в глаза арестованному, сидевшему по другую сторону стола.

— В моем письменном докладе, как вы могли убедиться, два вида сведений. Первый включает в себя все то, что я видел сам, лично,— это полностью достоверные данные. За точность же второго вида информации, полученной в общении с советскими людьми, сами понимаете, ручаться нельзя.

— Речь идет не об этом,— недовольно поморщился Мальт.— Почему вы от нас утаили, что были в Москве?!

«Вот оно, начинается...— с тревогой подумал Сологубов.— Сейчас он положит меня на обе лопатки».

— Я доложил вам в соответствии с обстановкой...

Сологубов хотел уйти от прямого ответа и тем вызвать Мальта на проясняющие ситуацию дополнительные

вопросы, чтобы лучше сориентироваться, как вести себя, если источником информации является не один Кантемиров.

Но Мальт, видимо, тоже не был намерен раньше времени раскрывать свои карты. Из его дальнейших вопросов ничего полезного для себя Сологубову выудить не удалось. Так они играли друг против друга несколько минут. Наконец Мальт не выдержал, сделал новый ход.

— Вы, Сологубов, напрасно упорствуете! Мы располагаем о вас информацией от нашего человека, которому полностью доверяем.

Он вынул из стола исписанный зелеными чернилами листок, потряс им перед лицом Сологубова, потом снова убрал в ящик. Это продолжалось всего несколько секунд, но Сологубов успел заметить, что донесение (если это действительно было оно) написано явно не почерком Кантемирова с его характерным наклоном букв в левую сторону, а каким-то другим — крупным, размашистым, с обычным наклоном вправо.

«Может быть, Кантемиров вообще не имеет отношения к моему аресту? — вдруг подумал Сологубов. — И улики идут совсем от другого источника?»

Но кто этот другой источник, Мальт никак не хотел открывать Сологубову, продолжая изматывать его окольными, порой не имевшими, казалось, прямого отношения к делу вопросами, чтобы, видимо, расслабить настороженность арестованного, заставить его раскрыться и затем неожиданно поймать на какой-нибудь мелочи. В общем, Мальт оставался верен своему методу, который Сологубову уже довелось испытать на самом первом допросе, в ночь возвращения в «Службу-22».

Избегая ловушки, Петр тщательно обдумывал ответы, старался быть немногословным, где можно, вообще отмалчивался, лишь пожимал, как бы в недоумении, плечами. Когда такое поведение арестованного Мальту надоело, он пристукнул по столу ладонью и гневно сказал:

— Доннер веттер! Перестаньте, Сологубов, крутить! Вы полностью изобличены. Наш человек видел вас в Москве, когда вы...

На маленьком столике зазвонил телефон. Замолкнув на полуслове, Мальт взял трубку. Его лицо сразу сделалось внимательно сосредоточенным, потом на лбу углубились морщины, поползли вверх, отразив удивление:

— Неужели это так срочно? Но вы же знаете, у меня

важный допрос. Что вы сказали? Немедленно отложить? Слушаюсь, сэр...

Допрос был прерван. Когда вызванный полицейский выводил арестованного из следовательской комнаты, Мальт напутственно сказал:

— В вашем распоряжении, Сологубов, несколько дней. За это время хорошенько подумайте, чтобы нам не начинать разговора сначала...

И Сологубов думал. «Наш человек видел вас в Москве, когда вы...» Эта прерванная телефонным звонком фраза Мальта стояла у него в ушах, он варьировал ее на разные лады, стараясь докопаться до заложенного в ней содержания. Какой человек мог его видеть в Москве? Надо думать, кто-нибудь из агентов «Службы-22», знающих его в лицо. Вполне возможно. Гора с горой не сходится, а человек с человеком порой встречаются самым неожиданным образом... Но как понимать вторую часть фразы Мальта: «Когда вы...» Что-то, видимо, делали? Или где-то шли? С кем-то разговаривали? В общем, речь идет, наверное, о каком-то действии, поступке.

Сологубов думал над этим до самого вечера, но так и не пришел к чему-либо определенному.

Вечером на ужин вместо чая ему принесли сироп, бледно-розовый, приятный на вкус. Он с удовольствием выпил его, а потом был не рад: такая разгорелась жажда, что места себе не находил всю ночь. Но это оказалось лишь началом уготованного ему нового испытания. Сологубов несколько раз подходил к крану над раковиной — хоть бы капля упала, воду отключили. И еще не давал ему спать ослепляюще-яркий свет четырех потолочных плафонов — от него резало глаза, ломило в висках.

И так подряд три дня и три ночи. Койку из камеры убрали, есть Сологубову давали только хлеб и соленую рыбу, вместо воды все тот же сладковатый сироп, от которого через несколько минут начинало сохнуть во рту, а язык делался как деревянный.

Спасаясь от нестерпимо яркого света, Сологубов ложился ничком на голый цементный пол в углу камеры, закрывал голову руками. Но от цемента несло холодом, долго не улежишь. Петр присаживался на откидной стульчик, потом начинал ходить по камере, пока усталость опять не валила его на пол.

На четвертый день свет в камере приглушили, койка оказалась на прежнем месте под решетчатым окном, Со-

логубову дали хорошую еду и чистую воду. А после завтрака опять вызвали на допрос.

— У вас, Сологубов, есть неплохой шанс,— сказал ему вместо приветствия Мальт со своей обычной иронической усмешкой. Однако в голосе его прозвучали какие-то заигрывающие нотки.— Генерал Кларк может все уладить без дальнейшего участия ФБР

— Как это понимать?

— Буду с вами совершенно откровенен.— Мальт внимательно всматривался в небритое, опухшее от бессонницы лицо арестованного.— Не в интересах «Службы-22» предавать ваше дело широкой огласке.

— Мое дело? — Сологубов непонимающе пожал плечами.— Я до сих пор в неведении, что конкретно мне инкриминируется?

Вместо ответа Мальт вкрадчиво предложил:

— Вы должны нам рассказать о своем сотрудничестве с органами КГБ.

— Ах, вот оно что!

Сологубов сделал удивленное лицо, а мысль его в эту минуту лихорадочно работала только в одном направлении: последует за этим что-то более определенное, какая-то весомая улика, которой он будет приперт к стене, или нет?

— Перевербовка, двойная игра в разведке — вещь не редкая,— продолжал Мальт.— Если вы чистосердечно расскажете о ваших завязавшихся контактах с Лубянской, мы в долгу не останемся. У вас в этом случае будут весьма интересные перспективы.

— Вы хотите сказать, игра стоит свеч? — улыбнулся спекшимися губами Сологубов.

— Безусловно! — с надеждой подхватил Мальт.

Но Сологубов тотчас погасил эту его надежду:

— К сожалению, не могу воспользоваться столь заманчивым предложением.

— Ваше упрямство неразумно,— сказал уже не так мягко, как прежде, Мальт.— Видимо, вы плохо подумали за эти три дня.

— Нет, я очень много думал...

Так они разговаривали еще с четверть часа, пока Мальт не был вынужден пойти с последнего козыря. Собственно, этот козырь был уже приоткрыт при первом допросе, когда он угрожающе заявил Сологубову, что его видели в Москве.

Достав из ящика стола донесение, написанное зелеными чернилами, Мальт подал его арестованному, пальцем показал, где надо читать.

Когда Сологубов принимал сложенный вдвое листок, его рука слегка дрогнула, чего он особенно опасался, зная, что при сильном волнении руки его могут подвести. Тяжело дыша, пробежал глазами указанное Мальтом место. Смысл размашистых строчек сводился к тому, что «Самарин» (псевдоним Сологубова по разведшколе перед заброской в СССР) был случайно замечен в Москве по выходе из бюро пропусков Комитета госбезопасности на улице Кузнецкий мост. Написано от первого лица, однако — кто источник, из прочитанного было не понять, а читать дальше Мальт не дал, отобрав у Сологубова донесение московского агента. И тут же требовательно спросил:

— Ну?!

Сологубов поднял голову, внимательно посмотрел прямо в острые, глубоко посаженные глаза Мальта, как бы ища там подтверждения осенившей его догадки. За все время пребывания в Москве он ни разу не заходил в бюро пропусков КГБ. Донесение «московского агента», скорее всего, являлось самой настоящей фальшивкой. А если это так, то не была ли вообще вся эта затея с ночным арестом, снятием отпечатков пальцев, иезуитскими допросами Мальта и издевательствами в камере заранее подготовленной провокацией?

Сологубов не вдруг принял эту внезапную догадку. Ему сделалось и легко, словно тяжелый груз с себя свалил, и в то же время трудно было поверить в возможность подобного. Он был почти убежден: «Служба-22» никакими уликами против него не располагает. Однако не укладывалось в голове, что всем мытарствам и издевательствам он, выходит, был подвергнут без каких-либо причин, основанных на действительных фактах, а лишь в целях проверки, не перевербован ли он. Неужели через такое чистилище пропускается каждый агент «Службы-22», возвратившийся из-за границы с первого задания?

Все это промелькнуло в голове Сологубова в какие-то считанные секунды. Надо было отвечать на вопрос Мальта. И Сологубов, глядя ему в глаза, подчеркнуто твердо сказал, что никто не мог его видеть в бюро пропусков на Кузнецком мосту, потому что там он никогда не был. Это, видимо, недоразумение, нелепая ошибка или, быть может, гнусный оговор какого-то мерзавца.

После этого Мальт еще долго донимал его своими прощупывающими вопросами. Но теперь Сологубов уже не боялся их — он понимал: все они дутые, за ними ничего опасного не таится. Да и сам Мальт был уже не тот, что в начале допроса. В его взгляде, которого он почти не сводил с арестованного, все чаще улавливалась какая-то вялость, точно надоело ему все, и вопросы свои он задавал как-то нехотя, словно бы уже не веря, что из всего этого может получиться что-нибудь стоящее.

Глава десятая

Сологубов пробыл под арестом пять суток. В пятницу вечером он вернулся к себе на квартиру. Подавая за ужином его любимый творожный пудинг, искренне обрадованная возвращением своего жильца, Марта сказала:

— Я, Петер, сразу подумала, что это недоразумение.

Так по простоте душевной считала эта постоянно озабоченная домашними делами толстуха, не искушенная в нравах американской разведки, хозяйничавшей в ее родном городе, как на своей заокеанской земле. Сологубов не стал разубеждать Марту, лишь улыбнулся, вспомнив при этом слова другого человека — Мальта, сказавшего ему перед самым освобождением из-под ареста: «Будем считать это печальным недоразумением. Наш московский агент, видимо, ошибся, принял за вас какого-то другого человека».

Да, слова похожие. Но не в них суть. Сологубов теперь не сомневался, что весь спектакль с его арестом был разыгран по заранее сочиненному сценарию. Предусмотрели даже такую деталь, как внезапный телефонный вызов Мальта шефом, в результате чего допрос был прерван в наиболее критических обстоятельствах для арестованного. Не исключено, что Мальт разговаривал по телефону вовсе не с шефом «Службы-22», а с каким-нибудь подставным лицом, или даже это была имитация разговора: нажатием кнопки звонка где-нибудь под столом Мальт вызвал себя к телефону и затем беседовал сам с собой. Что же касается квартирного обыска, то тут, похоже, ~~все было~~ без подделки. Проверили буквально все, вплоть до последнего шва на нижнем белье. Сологубову порою казалось, что именно ради такого досконального досмотра и был за-

теян его арест. Не так-то просто в других условиях обыскать жилище агента, подозреваемого в перевербовке. А тут, надо полагать, расчет был такой: если это разведчик Москвы, при нем должны находиться и доставленные оттуда необходимые разведывательные принадлежности — шифр, средства тайнописи, фотокамера и прочее. Ведь даже самый осторожный конспиратор зачастую хранит их у себя под рукой, где-нибудь в домашнем тайнике. И не вина сотрудников отдела безопасности, что они не нашли этих вещей на квартире Сологубова: связник от подполковника Дружинина еще не привез их, для этого не настало условленное время.

Через несколько дней после освобождения из-под ареста Сологубова по телефону вызвал генерал Кларк и затем принял у себя в кабинете по-обычному любезно, как будто между их первой встречей и этой ничего особенного не произошло и его подвергнутый проверке с пристрастием сотрудник не валялся три ночи в камере на голом цементном полу. Шеф благодушно улыбался всем своим розовым холеным лицом, называл Сологубова «мой друг», угощал дорогими гаванскими сигарами.

Глядя по обыкновению куда-то выше головы собеседника, Кларк сказал, что весьма доволен результатами его поездки в Россию, ценная информация, привезенная им оттуда, кроме всего прочего, свидетельствует о его умении анализировать, отличать существенное от несущественного, делать выводы из мелких на первый взгляд фактов. За проявленное трудолюбие и энтузиазм при выполнении задания господин Сологубов, несомненно, заслуживает вознаграждения и не позже как завтра может получить в банке переведенную на его счет солидную сумму.

После этого шеф заговорил о том, что принято решение зачислить нового сотрудника «Службы-22» на должность помощника инструктора в группу капитана Холлидза, где занимаются подготовкой различного рода учебных материалов, а также документов для конспирации разведчиков, готовящихся к заброске в СССР. Можно надеяться, что на этом поприще найдут полное применение знания господина Сологубова, относящиеся к современной советской действительности...

В этом месте безукоризненную английскую речь генерала прервал звонок одного из четырех телефонов, стоявших на специальном столике слева. Недовольно

поморщившись, он взял трубку, поднес к заросшему серебристым волосом уху. И тут же его лицо приняло обычное самодовольно-приветливое выражение.

— Хэллоу, старина! — Кларк сел в кресло поудобнее, так как разговор предстоял не короткий: с ним говорил из Франкфурта-на-Майне редактор закрытого ежемесячника при европейской штаб-швартире ЦРУ, в которой готовилась к печати статья генерала «О роли разведки в так называемое мирное время».

Внимательно выслушав редактора, Кларк сказал:

— Я все понял, дружище! Ты хочешь, чтобы я уточнил термин «мирное время»? Это понятие выдуманно каким-то недалеким человеком, тешащим себя несбыточной мечтой о вечном спокойствии. Такого состояния, как абсолютный мир, в природе не существует. Когда умолкают пушки горячей войны, главную роль должны играть профессиональные разведчики. Тотальная подрывная деятельность дипломатическими, экономическими, психологическими средствами — вот война так называемого мирного времени...

Пока генерал разговаривал с редактором, Сологубов, сидевший в кресле напротив капитана Холлидза, от нечего делать обзирал стены громадного кабинета. Они были увешаны географическими картами Советского Союза и отдельных его районов: Кавказ, Урал, Дальний Восток. Особенно обращала на себя внимание распластанная от потолка до пола карта в полярной проекции. И только на одной стене, за спиной генерала, не было никакой географии: там на никелированном кронштейне висел флажок со звездами и полосами.

Кларк наконец бросил в трубку: «До встречи, старина», — и обратился к Сологубову:

— Так на чем мы с вами остановились? Ах, да! Мы говорили о вашем временном назначении к Холлидзу.

— Временном? Это как понимать, сэр? — поинтересовался Сологубов.

Генерал пристально посмотрел на него, отшутился:

— Все на этом свете временно, мой друг.

Он еще немного поговорил о будущей работе Сологубова и, перед тем как отпустить его, сказал:

— На днях из Франкфурта мне позвонил Околович — спрашивал о вас, просил приехать к нему как только сможете.

— Ясно. Благодарю вас, господин генерал.

Сологубов почтительно отклонялся и вслед за Холлидзом вышел из кабинета.

Они спустились по широкой лестнице, устланной красной ковровой дорожкой, на первый этаж, в рабочую комнату капитана.

— Пока этот старый лис Кларк упражнялся в красноречии, у меня совсем пересохло в глотке. — Холлидз достал из тумбы письменного стола недопитую бутылку коньяка «дюжарден». — Давайте малость взбодримся!

Он отпил несколько добрых глотков и, вытерев горлышко ладонью, протянул бутылку Сологубову. В комнате было жарко, в пору бы пропустить чего-нибудь прохладительного, но, чтобы не обидеть Холлидза отказом, Петр последовал его примеру.

Капитан открыл окно, забранное решеткой из стальных прутьев, снял пиджак, повесил его на спинку стула, стал доставать из сейфа какие-то бумаги.

— Вот вам работенка на первое время. — Он протянул Сологубову стопочку машинописных листов. — Читайте и думайте, что можно сюда добавить из вашей разведывательной практики.

На первом листе было крупно написано: «Заповеди конспирации». Ниже шли рекомендации разведчику в чужой стране. В частности, говорилось, как должен вести себя разведчик в быту, в общественных местах, что надо делать, чтобы установить, не ведется ли за ним слежка, где выбрать места для тайников...

Прочитав с десятка страниц, Сологубов подумал: «Неужели, черт побери, мне все время придется иметь дело только с подобного рода общими документами?!»

Эта мысль была неприятна. Ведь, кроме задания, связанного с бывшим комдивом Мишутинным, он имел еще и другое: закрепиться в американской «Службе-22», изучить методы ее работы, чтобы можно было контролировать тайные пути ее агентов. Такой сложной задачи никак не решить, если все время сидеть на составлении элементарных учебных инструкций. В общем, не повезло!

А, собственно, почему ты ожидал, почему рассчитывал, что будешь допущен к более ответственной работе? Кто ты в глазах шефа американской «Службы-22», чтобы он доверил тебе секреты государственной важности? Благодаря судьбе, что ты все же сумел попасть в этот дом. Не всегда в подобных обстоятельствах такое удается. Теперь тебе надо основательно закрепиться здесь, поглубже пу-

стить корни. Конечно, помогать капитану Холлидзу готовить учебный материал для индивидуального натаскивания будущих шпионов — далеко не лучшая возможность упрочить свое положение в разведцентре. Работа эта, нудная сама по себе, совсем не богата перспективами проявить свои способности, без чего немислимо продвижение в более осведомленные круги американской разведки. Однако другой пока нет и не предвидится. Поэтому надо работать там, где поставили. Все, что будут поручать, делать с подчеркнутой старательностью, с видимой инициативой, чтобы твое усердие в конце концов заметили и оценили...

Эти размышления Сологубова внезапно прервал Холлидз. Видимо, вспомнив разговор в кабинете Кларка, он спросил:

— А зачем вас вызывает Околович?

— Отчитаться надо, — сказал Сологубов.

— Я бы на вашем месте бросил работу в НТС. — Холлидз повернулся на вращающемся кресле, положил длинные ноги на батарею парового отопления. — Бесперспективное это дело.

— А у вас перспективная для меня работа?

Задавая этот вопрос, Сологубов рассчитывал, что капитан, быть может, проболтается в отношении его дальнейшего использования, приоткроет замысел шефа. Но Холлидз, видимо, был не так прост, как казалось. А может, он по-другому понял вопрос Сологубова и соответственно на него ответил:

— Служба у нас — это совсем иное. Мы в работе против красных стоим на реальных позициях... А что такое НТС? Кого они представляют? Это всего лишь жалкая кучка эмигрантов, которые безнадежно цепляются за прошлое. — Он помолчал, потом лениво добавил: — Я слышал, что у них там произошел раскол...

В НТС действительно произошел раскол. «Буря в стакане воды» — так охарактеризовал это событие Кантемиров в разговоре с Сологубовым, когда они в воскресенье встретились у Петра, чтобы обмыть сделанную им при посредничестве земляка поупку — серый подержанный «фольксваген».

Изрядно выпив, Савва Никитич не стеснялся в характеристиках главарей НТС, передравшихся между собой из-за тепленьких местечек в руководстве эмигрантским

союзом. Впрочем, борьба за власть, за «портфели» была не единственной причиной давно назревавшего в НТС и окончательно завершившегося в январе 1955 года раскола. Захватившая руководство в союзе группа Поремского—Околовича обвиняла бывшего председателя НТС Байдалакова в неспособности возглавлять союз на современном этапе, «в связи с новыми задачами», имея в виду требования американской разведки усилить подрывную деятельность против СССР.

Когда Кантемиров рассказал обо всем этом, Сологубов спросил:

— Значит, верх взяли Поремский и Околович: активная служба американской разведке как средство выполнения своих, энтээсовских задач? Так, Савва Никитич?.. Теперь хотелось бы знать, в чем же конкретно заключаются эти задачи на данном этапе?

Притворяясь сильно пьяным, Сологубов взлохматил волосы, фамильярно пошлепал собеседника по плечу. После досадного случая с театральным билетом, о котором Кантемиров, видимо, никому не рассказал, Петр решил поближе присмотреться к нему. Сологубов давно замечал его недовольство своим положением — пребыванием в НТС и службой в американском разведцентре. Было похоже, что Кантемиров тяготится такой жизнью. Но насколько далеко это у него зашло? Встречаясь с ним в последнее время, Сологубов при удобных обстоятельствах старался навести Кантемирова на такой разговор, чтобы выявить его истинные настроения. Так было и на этот раз.

— Задачей НТС было и остается освобождение России от большевизма, — сказал опьяневший Савва Никитич заплетающимся языком.

— Другими словами — реставрация буржуазного строя.

— Объективно, реставрация... — Кантемиров часто поморгал глазами, пытаясь уяснить, куда клонит приятель.

— Но где у НТС силы для этого? — спросил Сологубов. — Ведь, если вдуматься, всю проводимую НТС подрывную работу против СССР и других социалистических стран нельзя сравнить даже с булавочными уколами. Понимают это наши боссы или нет, как вы считаете, Савва Никитич?

— Я думаю, что вполне понимают.

— Что же тогда получается: свою явную несостоятель-

ность, выходит, осознают, а о походе против большевиков кричат?

— Ничего удивительного, батенька мой,— сказал Кантемиров.— Они отрабатывают получаемые от янки доллары, свой комфорт, обеспеченную, сытую жизнь. Такие, как Поремский, Околович, Романов и кое-кто еще из верхушки НТС, имеют свои личные счета в банке, автомашины, живут в богатых квартирах. В общем, не то, что наш брат, рядовой.

— Ну, вы-то, положим, не рядовой.

— Это, пожалуй, верно. Мы с вами продали свои души дьяволу по имени Генри Кларк. И потому кусок хлеба настоящего для нас не проблема. Что же касается большинства эмигрантов, то им денег едва хватает на еду...

Этот воскресный разговор с Кантемировым Сологубову припомнился в дороге, когда он ехал на своей малолитражке во Франкфурт-на-Майне, к Околовичу.

По сторонам шоссе мелькали синие, красные, желтые бензоколонки различных фирм, настойчиво зазывая рекламными щитами проезжих заправляться только у них и нигде больше. В потоке встречных автомашин часто попадались американские темно-зеленые «джипы» с сидевшими в них военными в фуражках с высокими тульями. Солдатня в армейских беретах и пилотках распевала на открытых грузовиках и бронетранспортерах залихватские песни. Видимо, где-то поблизости происходили маневры американских оккупационных войск.

Когда казавшаяся бесконечной цепочка встречных военных автомашин оборвалась и на шоссе стало просторнее, Сологубов, внутренне готовя себя к предстоящему отчету в штаб-квартире НТС, вспомнил о своем последнем разговоре с Кантемировым. Много нового, интересного рассказал тот ему о главарях НТС, правдой и неправдой добивающихся, чтобы не пссякли для них подачки с хозяйского стола.

Одним из распространенных способов выкачивания денег из американской разведки является «липачество», которое, по выражению Кантемирова, в НТС стало системой. Однажды в интимной беседе за бутылкой «мартини» приятель Саввы Никитича бухгалтер НТС ВеригOFF рассказал ему, что ряд оперативных акций, якобы проведенных силами НТС, обошелся американцам в кругленькую сумму. В частности, акция «Поток» стоила 100 тысяч долларов, а под акцию «Епископ» НТС получил от ЦРУ

75 тысяч. В отчете, направленном в американскую разведку, было сказано, что в результате этих операций на территории СССР удалось создать несколько шпионских резидентур, от которых получена ценная экономическая информация. Но потом произошел конфуз. Анализируя эту «ценную информацию», американцы пришли к выводу, что она составлена путем вырезок из советских газет и журналов. В европейской штаб-квартире ЦРУ, находящейся во Франкфурте, вознегодовали. Туда немедленно были вызваны Околович и Романов, им устроили хорошую головомойку и пригрозили урезать кредиты НТС в связи с его «неэффективной работой».

— И вы думаете, «липачество» прекратилось после этой аферы? — спросил Кантемиров Сологубова. — Черта с два! Все продолжается по-прежнему, американцев надуют где только можно.

Он помолчал немного и потом рассказал о случае, частично уже известном Сологубову из какой-то газеты ГДР или откуда-то еще.

Чтобы похвастать перед американской разведкой своими успехами в создании агентурной сети из числа советских граждан на территории Германской Демократической Республики, член НТС Ольгский сфотографировал ряд портретов на кладбище с памятников погибших советских солдат и офицеров, снабдил эти снимки соответствующими характеристиками и передал американцам как вещественные доказательства создания новой резидентуры среди военнослужащих Советской Армии. Шпионские донесения от имени вымышленных агентов этой резидентуры Ольгский сочинял сам, пока об этом не узнали в западноберлинском филиале ЦРУ.

— В общем, блейфуют по-разному. — Кантемиров что-то вспомнил, улыбнулся, покрутил лысой головой. — Вот вы, Петр Константинович, недавно были в Советском Союзе и, выходя со своей рацией в эфир или просто по обычному приемнику в домашних условиях, могли слышать, как здешний радиопередатчик регулярно посылает на территорию СССР условные радиограммы. Примерно такого содержания: «Слушай, Рослый (это кличка агента, якобы действующего где-то в России), слушай, Рослый! Почему до сих пор нет Марии (т. е. радиосообщения от агента); почему запаздывает Мария? Дай знать через Альберта (надо понимать — письмом), когда Мария прибудет на место...» Приходилось вам слышать такое?

— Да, слышал, и не раз, — сказал Сологубов.

— Так вот, батенька, знайте, что это сплошной блеф. Почти все такого рода сообщения радиопередатчик посылает несуществующим агентам.

— Чтобы дезориентировать органы КГБ!

— Отчасти да. Но главное, чтобы создать видимость активной деятельности НТС и выудить у американцев побольше денег. Это мне точно известно, как бывшему помощнику Околовича по подготовке закордонной агентуры.

— Савва Никитич, а почему вы ушли от Околовича?

— Не я... а меня ушли, — сказал Кантемиров и, допив виски, добавил: — Пришелся не ко двору.

После этого он как-то сразу помрачнел, потерял интерес к беседе и вскоре, опрокинув «посошок на дорожку», распрощался и, тяжело пошатываясь, отправился к себе...

Глава одиннадцатая

Франкфурт означает «брод франков». В древности этим бродом на Майне пользовались различные народы, в том числе и франки...

Об этом почему-то подумал Сологубов, когда переезжал один из мостов, соединяющих части города. Был уже вечер, на душных после дневной жары улицах ярко светились витрины магазинов, разноцветные огни рекламы наперебой зазывали франкфуртцев и приезжих туристов на ярмарку мехов, в выставочный салон автомобилей, в рестораны и другие места, где можно опорожнить кошельки.

Из всего этого рекламно-огневого неистовства Сологубов выбрал то, что ему сейчас было нужно, — отель, сравнительно недорогой, с уютным рестораном на первом этаже, в котором, как ему помнилось, неплохо кормят. Главное же достоинство облюбованного им отеля состояло в том, что он находился поблизости от тех мест, где Сологубову предстояло заниматься своими делами.

Этих дел было два. Кроме доклада в НТС, ради чего, собственно, генерал Кларк и отпустил его на три дня, Сологубову требовалось побывать у одного своего знакомого по плену, служившего потом в немецком «остлегионе». Фамилия его была Бочаров, но среди эмигрантов и «перемещенных лиц» из числа бывших советских граждан, осевших на жительство в этом городе, он больше был известен по своей довоенной воровской кличке — Головастик. После

совместного пребывания в Баварском лагере военнопленных Сологубову еще дважды довелось случайно встретиться с этим человеком — в Оберурзеле в первый послевоенный год и здесь, во Франкфурте, когда Петр учился в бадгомбургской школе НТС. Теперь предстояла третья встреча, но уже не случайная — Сологубов давно думал о ней.

В отеле Петр задержался недолго. Договорился с портье о номере, прошел туда, почтительно сопровождаемый мальчиком-боем в лиловой ливрее, достал из портфеля туалетные принадлежности, умылся, потом спустился вниз, наскоро поужинал в ресторане. Уже на улице, садясь в машину, вспомнил: у Бочарова четверо детей, надо купить гостинцев. В ближайшем магазине набрал целый ворох свертков со сладостями, вином и закусками. Теперь можно было ехать.

Головастик жил недалеко от Кропбергерштрассе. Его квартира в подвале старого четырехэтажного кирпичного дома единственным своим окном выходила в узкий, плохо освещенный переулок.

Вся семья была в сборе, ужинала за столом, застеленным протертой на углах, тусклой клеенкой. Появление неожиданного гостя удивило хозяина и даже, пожалуй, испугало — это было заметно по его растерянными глазам и нервным, суетливым движениям рук, которые он то складывал на широкой квадратной груди, обтянутой синей застиранной майкой, то подсовывал под себя, сидя на скрипучем венском стуле. И только когда Сологубов объяснил, зачем пришел, Головастик наконец-то перестал нервничать.

Отослав жену с детьми за ситцевую занавеску («Марш на кухню») делить гостинцы, он налил из бутылки, привезенной Петром, в два стакана и тут же жадно осушил свой до дна. Потом еще себе налил, выпил и сразу опьянел.

— А я было труса дал, — откровенно признался Головастик. — Думал, тебя из НТС, от начальства ко мне прислали.

— Зачем?

— Опять прорабатывать.

— А что, уже было такое?

— Раза два приходили. «Вы, говорит, пассивничаете, Бочаров, балласт в НТС, зачем же к нам вступали?» Разозлился я — тут и без них тошно, никак концы с концами не сведешь — и отвечаю напрямик: «Вступил я к вам

в плену, по зелености своей, обижен был на Советскую власть за то, что в тюрьму меня посадила. Хотя, если по-настоящему разобраться, пожалуй, и правильно сделала: не воруй народные деньги, не вспарывай, медвежатник, банковских сейфов!.. Что же касается моей пассивности, говорю, не я один такой, к примеру, все мои здешние знакомые не больно притки. Если, скажем, выпадет случай, на дармовщинку пожрать, попить в ресторане, где обедают советские туристы, — за это мои дружки могут им подсунуть по пачке листовок — не страшно, все равно никто не верит в эту неумную писанину. Но когда доходит до какого-нибудь серьезного дела, каждый норовит поскорее смотать удочки...» — Головастик неожиданно по-мальчишески озорно улыбнулся. — А я что, рыжий?! Тоже делаю что-нибудь по мелочи, чтобы отвязались... Одно время я долго, года, наверное, полтора, был без работы. Ну и случись такое, дал согласие поехать в Западный Берлин. Там, на Гогенцоллерндамм, тебе, конечно, известно, находится квартира филиала НТС. Собрали нас человек десять со всей Западной Германии, поставили задачу: отправляться в Данию, куда прибудет с дружеским визитом отряд советских военных кораблей, вести там антисоветскую агитацию, склонять к невозвращению на Родину наших моряков, когда они будут находиться на берегу. А за это нам дармовая жратва, выпивка и бесплатный проезд в оба конца... Но я не поехал. К едрене фене!

— Почему? — спросил Сологубов.

— Стоит раз окунуться в это болото, потом завязнешь... — Бочаров пододвинул к себе пачку сигарет «Виргиния», лежавшую перед Сологубовым, закурил и, подперев рукой нескладную, с выпирающим лбом голову, задумчиво продолжал: — Мне такой хомут ни к чему. Хватит с меня одной глупости, когда я дал себя завербовать в «остлегион», будь он проклят! Испугался, что в лагере с голодухи подохну, а о совести-то позабыл...

В его негромком, глуховатом голосе слышалась неподдельная тоска.

— Как-то раз мне отец приснился. И будто узнал, что я у немцев служил. Покачал головой и говорит: «Как же так, Митька, сукин ты сын?!» А мне и ответить нечего.

— А где сейчас твой отец?

— Умер давно. У меня вообще никого из родных в Советском Союзе нет, круглый сирота.

Они помолчали. Потом Сологубов поинтересовался:

— Чем же кончилась история с твоим отказом поехать в Данию?

— Пошумели, пошумели и дали другое поручение. Пу-
стячок один...

— Что за поручение?

— Они там, наверху, задумали альбом завести: «Русские герои, павшие за освобождение Европы от нацизма». Дело, по-моему, хорошее, стоящее. Вот для этого-то альбома меня грешного и послали собирать фотографии наших солдат и офицеров.

— Собирать? Где?

— А в Берлине же, на кладбище. Дали мне «лейку», и стал я щелкать, перефотографировать снимки на могильных памятниках.

— А кто тебе поручал это? — с живостью спросил Сологубов. Ему припомнился рассказ Кантемирова о мошеннических проделках белоэмигранта Ольгского, сфабриковавшего с помощью таких фотографий целую «резидентуру» для американской разведки.

Фамилии не помню. Он тогда вместе с Околовичем был. Обходительный такой, в круглых очках.

— Сколько ему примерно лет?

— Годов так пятьдесят или чуть побольше.

«Да, похоже, это Ольгский, — решил Сологубов. — Как мерзавец! Несмотря на свое прозвище «плюшевый», это страшно хитрый, коварный человек. В годы войны был резидентом германской контрразведки «Зондерштаб-Р», помнится, в Минске и Слуцке».

— Ну и как, составили они этот альбом?

— Наверное, составили. — Головастик неопределенно пожал плечами.

«Темнота ты дремучая, Бочаров!» — хотел сказать Сологубов. Но не сказал, а только молча выпил свое вино и стал расспрашивать собеседника о его службе в «остлегионе», где, по данным подполковника Дружинина, в годы войны мог находиться бывший комдив Мишутин.

Сологубов протянул Головастику небольшую, пожелтевшую от времени фотокарточку Мишутина в штатском и при этом пояснил:

— Мой дядя по матери. Были слухи, что он тоже в «остлегионе» служил. Но точно — неизвестно.

Бочаров, прижмурив глаза, долго рассматривал фотографию и наконец решительно сказал:

— Нет, мне такого не приходилось видеть.

— А сама его фамилия — Мишури́н — тебе ничего не говорит?

— Мишури́н? — Головастик раза три прошептал это слово толстыми губами. — Не слышал.

— Ну, а сходные, похожие на эту фамилии, например, Мишу́лин, Мишу́кин или Мишу́тин?

Бочаров в непривычном умственном усилии закатил под лоб глаза, пытаясь расшевелить свою память, потом отрицательно помотал головой. А минуту спустя, как бы извиняясь перед гостем, что не мог ему помочь, сказал:

— Ведь «остлегион» был не один. Тот, в котором я служил, совсем небольшой, использовался немцами на западном фронте для охраны железной дороги в прифронтовой полосе.

— А инспектировать, проверять вас сверху кто-нибудь приезжал?

— Само собой. Немецкие офицеры приезжали. В «осте» все командиры были из немцев.

— Тебе не приходилось слышать, в разговоре друг с другом немецкие офицеры не упоминали этой фамилии?

— Затруднительно сказать. — Бочаров поскреб щетинистый, давно не бритый подбородок. — Времени-то с тех пор сколько прошло!

Сологубов задал ему еще с десяток вопросов. Но в ответ ничего интересного не услышал, если не считать совета, как разыскать в Западном Берлине двух бывших сослуживцев Головастика по «остлегиону».

На этом их разговор и кончился. Прощаясь, Петр сунул в карман Бочарову лиловый полусотенный билет («Ребятишкам на гостинцы») и вышел из душевной комнаты на улицу.

Приехав в отель, он долго не ложился спать, сидел у себя в номере перед раскрытым окном и напряженно думал, по каким направлениям надо теперь действовать, чтобы добиться ощутимых результатов по делу Мальта — Мишутина.

Помня настоящий наказ Дружинина воздерживаться от активного изучения Мальта до приезда связника из Москвы, Сологубов все это время собирал по крупицам сведения для его словесного портрета. Но, странное дело, чем больше он занимался такой работой, тем меньше у него было ясности в представлении об этом человеке. Данные о внешности, манерах, привычках Мишутина, полученные Сологубовым в Москве, подтверждались на Мальте лишь

частично. Было много сомнительного и противоречивого. Разговор с Бочаровым тоже ничего не дал, надежды не оправдались... Что же предпринимать теперь?

Ресторанчик был по-воскресному полон. Гул пьяных голосов в душном, насыщенном запахами кухни воздухе смешивался с пронзительными всхлипываниями саксофонов. На крохотной эстраде, за синеватой кисеей табачного дыма, кривлялась безголосая певичка с полуобнаженным пышным бюстом.

Сологубов прошел к столику в дальнем углу у окна. Романов, не вставая, протянул ему мягкую влажную руку, пригласил сесть. Перед ним стояли четыре кружки с темным пенистым пивом, в тарелке золотисто желтела солоноватая соломка на закуску.

— Угощайтесь, Петр Константинович,— сказал он и тут же в один прием опорожнил свою толстого стекла посудину.

Эта их встреча была не первой. В пятницу Сологубова должен был принять Околович. Но тот неожиданно заболел, и секретарша отвела Петра в кабинет к Романову.

Что собой представляет этот ближайший подручный Околовича, Сологубов немного знал от Кантемирова. Настоящая его фамилия Островский, сын польского шляхтича, подполковника царской и полковника белой армий. В годы Отечественной войны Островский — Романов в оккупированном немцами Днепропетровске редактировал профашистскую газету, был агентом гестапо. После разгрома гитлеровцев бежал в Западную Германию, вступил в контакт с разведкой США, стал ее активным прислужником.

«Этот прохвост, вот увидите, далеко пойдет,— сказал о нем Кантемиров.— Дай срок, и Поремский, и Околович еще будут у него на побегушках. И не потому, что он семи пядей в лбу, нет — это заурядный корыстолюбец. Тут причина другого рода. У Романова есть влиятельный американский покровитель, имеющий прямое отношение к руководству НТС, один из генералов в европейской штаб-квартире ЦРУ. С ним Романов сблизился на почве гомосексуализма. Вот этот американский генерал и тянет своего друга сердца в самые верха НТС»¹.

¹ В 1963 году Романов занял пост смещенного Околовича, стал главным доверенным лицом ЦРУ.— Автор.

Первая встреча Сологубова с этим человеком, как уже было сказано, состоялась у него в служебном кабинете. Сологубов увидел вышедшего к нему из-за стола высокого мужчину средних лет, с кругловатым холеным лицом и невыразительными глазами. По жирной груди, обтянутой белой рубашкой, тянулся модный полосатый галстук. Говорил Романов тихим, каким-то вялым голосом. А когда умолкал, принимался жевать резинку, заложенную за гладко выбритую щеку.

Перед тем как засадить Сологубова за составление письменного доклада о выполненном задании, Романов долго расспрашивал его, стараясь выудить побольше конкретных фактов, которые не нашли отражение в отчете американской «Службе-22», но представляли определенный интерес для разведки.

Поняв это, Сологубов подумал, что преподаватель разведшколы Жменьков, выходит, не врал, когда однажды в баре, подвыпив, рассказал ему о «сортировке информации» в НТС. Делается это, по словам Жменькова, так. Весь полученный разведывательный материал группируется в нескольких вариантах. Первый, наиболее полновесный, идет американцам. Второй, пожиже — англичанам. Западногерманской разведке Гелена продаются «отдельные факты». Но на этом дело не кончается. Переработав поступившие от НТС сведения, англичане и западные немцы, в свою очередь, не указывая источника, направляют их главному партнеру по НАТО. Изучив донесения союзников, американская разведка убеждается, что ранее полученная ею информация от НТС заслуживает «полного доверия». Круг замкнулся... А сейф ЦРУ для очередной подачи на содержание этой шайки мошенников открылся. Что и требовалось!

От вопросов, связанных с заданием Сологубова, Романов неожиданно перешел к общим, видимо, наболевшим, иначе едва ли у него прорвалось бы такое. Протирая кушочком замши очки, он заговорил о трудностях в НТС с кадрами, затем о мерах, которые принимаются, чтобы выправить это положение.

— Наши американские друзья, — сказал он, — разрешили нам широко использовать в антикоммунистической работе немцев, англичан, французов и австрийцев. Но мы не станем органичиваться лишь этими национальностями. Мы будем приобретать своих людей там, где целесообразнее. Только при таком условии возможно разрешить дву-

единую проблему: чтобы наши американские друзья были довольны нами и всегда ощущали нужду в реальной помощи от НТС...

После этого разговора в пятницу Сологубов полтора дня писал отчет. Сегодня с утра Романов прочитал его.

Вытерев платком блестящие от пива красные чувственные губы, босс сказал:

— Я доволен вашим докладом. И вообще всей поездкой в Советский Союз. Чувствуется, вы основательно поработали там.

Потом Романов как-то вдруг (видимо, это была его манера вести разговор) стал предавать анафеме каких-то неизвестных Сологубову «опасно щепетильных демагогов», которые отрываются от земной действительности и ставят под сомнение моральность отношений НТС с иностранными разведками, в частности с американской. Похоже, речь шла о некоторых рядовых членах НТС, начинавших понимать, куда их затянули по политической слепоте главари этой антисоветской организации.

— Чистоплюи безмозглые! — цедил сквозь зубы Романов, багровея мясистым лицом. — Они бы не то запели, если бы знали, например, что из всех затрат нашего издательства «Посев» лишь около двадцати процентов окупается выпускаемой печатной продукцией, а остальное ежемесячно нам ассигнуют американцы. Без их денежной помощи мы даже простой листовки отпечатать не можем. Не па что! Это я вам, Петр Константинович, доверительно говорю, как человеку, умеющему здраво думать и давно сжегшему мосты за собой. — Романов отпил глоток из кружки. — Всем этим моралистам-демагогам пора бы усвоить элементарную истину: кто платит, тот вправе и распоряжаться нами по своему усмотрению.

Сологубов все еще не понимал, куда тот клонит и вообще зачем об этом говорит. Оказалось, неспроста. Минутой позже Романов предложил ему поехать в Лондон в качестве представителя центра НТС при школе английской разведки, где будет обучаться небольшая группа недавно завербованных энтэсовцев.

— Евгений Романович, а почему вы решили туда направить именно меня? — спросил Сологубов с затаенной тревогой. Эта поездка сейчас ему была ни к чему.

— Буду с вами до конца откровенен: из тех функционалов, кому мы по-настоящему верим, мало кто знает английский язык.

— И что в Лондоне я должен делать?

Сологубов уже начинал догадываться, в чем будет состоять его миссия. За годы скитаний на чужбине, общаясь с эмигрантами и «перемещенными лицами», попавшими в орбиту НТС, он давно понял, что житейское благополучие главарей этой антисоветской шайки зиждется на гнусном обмане ее рядовых участников — типы, подобные Головастику, влачат жалкое существование. Зная, что прямая передача, а точнее, продажа иностранным разведкам людей, завербованных в НТС под демагогическим лозунгом «независимости от иностранных сил и идейного служения родине», может привести к нежелательным последствиям, «пастыри» сего союза делают все, чтобы их «заблудшие овцы» как можно дольше не разобрались в истинном положении вещей. В частности, с этой целью практикуется прикомандирование к американским и английским разведшколам, где обучаются энтэсовцы — будущие шпионы, наиболее надежных в идейном отношении членов организации. Сологубову было известно, что в одну из таких разведшкол, находящуюся в США на территории лесной фермы в 37 милях к югу от Вашингтона, в апреле этого года был направлен его знакомый Осип Жменьков. А теперь, выходит, дошла очередь и до него самого.

— Ваша задача в Лондоне, — сказал Романов, — будет заключаться в том, чтобы всячески поддерживать у наших людей мнение, что они выполняют задание организации и что не англичане или американцы используют НТС и его членов в своих целях, а мы пользуемся доверчивостью богатых иностранных дураков и выколачиваем из них нужные нам средства.

«Неужели ты, жирная свинья, думаешь, что все глупее тебя и поверят в подобную чушь? — подумал Сологубов. — А впрочем, по-другому ему нельзя: поставщик обязан доставить свой товар до того, как он окончательно испортится, иначе за него не заплатят».

— А почему вы посылаете меня в английскую школу? Мне кажется, было бы целесообразнее, если бы я поехал в Штаты.

Это не имеет существенного значения. В вашингтонской школе у нас уже есть такой человек. Что касается английской разведки, она самая старая, наиболее опытная и изворотливая — там есть чему поучиться. Кстати, такого же мнения и ваш шеф.

— Генерал Кларк уже в курсе этого?

— Да, в принципе он согласен относительно вашей кандидатуры.

Теперь Сологубову стало ясно, почему его назначение в группу капитана Холлидза было названо временным. Что ж, ему ничего другого не остается, как с показной покорностью вымолвить:

— Я готов к выполнению вашего задания, Евгений Романович!

— Ну, вот и договорились. — Босс довольно потер пухлые руки.

— И когда я должен отбыть к берегам туманного Альбиона?

— Примерно через месяц-полтора. Как только закончим проверку отобранных в школу людей.

У Сологубова сразу отлегло от сердца. Он думал, что ехать придется немедленно, до прибытия в Мюнхен связника от Дружипина, — тогда выполнение задания по изучению Мальта затянулось бы надолго.

— Олл райт! — сказал он весело.

Романов, завсегдатай ночных клубов, эту его внезапную веселость истолковал по-своему:

— Новое место — новые ощущения! — Он многозначительно покашлял в кулак. — Скучать там не будете, есть где развернуться в свободное время.

Когда все вопросы по предстоящей командировке Сологубова были рассмотрены, Романов покровительственно похлопал собеседника по крутому плечу и без обиняков высказал пожелание отметить как следует успешно завершившуюся его «ходку» в Советский Союз, за которую он, наверное, получил от американцев кучу денег.

Сологубов тотчас подозвал кельнера, чтобы босс сделал заказ по своему выбору. Через несколько минут подали французский коньяк, шампанское, черную икру, семгу в салатных листьях, жареных цыплят, апельсины и кофе.

К концу ужина Романов настолько опьянел, что не мог подняться из-за стола. Сологубов взял его сзади под мышки и, лавируя между столиками, повел на улицу. На стоянке Романов долго не мог найти своей машины, потом, потирая рукой затылок, вспомнил, что ее там и быть не могло: он пришел пешком. После этого Сологубов кое-как затолкал его в свой «фольксваген» и повез на Энгельбахштрассе, где Романов жил вдвоем с матерью.

В последний четверг сентября, как было условлено,

в Мюнхене состоялась встреча Сологубова со связником от Дружинина.

Вечером, в половине седьмого, Петр приехал на улицу, где находился магазин, торговавший патефонными пластинками. Оставив машину на стоянке за углом, он взял в левую руку большой черный портфель с круглыми застежками из нержавеющей стали и не спеша зашагал по тротуару. Пока шел, все время внимательно наблюдал за публикой, без конца сновавшей взад и вперед. Ничего подозрительного вроде не замечалось. Можно было переходить улицу и идти на условленное место.

Место это находилось напротив выхода из музыкального магазина, на широком тротуаре. Едва Сологубов подошел туда, как увидел нужного ему человека.

То был статный молодой блондин в темно-сером костюме с точно таким же, как у Сологубова, черным кожаным портфелем в левой руке, а в правой — веточкой каштана, которой он беспечно помахивал на ходу. Все приметы палицо. Долгожданный момент настал!

Сологубов был не сентиментален и не робок, но в эту минуту его сердце застучало чаще обычного, а вдоль спины пробежал колкий холодок. Овладев собой, он достал из кармана носовой платок в красную клетку. Заметив это, блондин слегка улыбнулся и, докурив сигарету, прошел в музыкальный магазин. Сологубов еще несколько минут походил по тротуару, осматриваясь, потом направился вслед за связником.

Он нашел его в толкучке недалеко от прилавка, где покупатели выбирали пластинки и тут же пробовали их на радиоле. Сологубов притиснулся вплотную к блондину, рука к руке.

Немного подождав, не выпуская из руки своего портфеля, он положил пальцы на тепловатую ручку портфеля связника. То же самое проделал блондин. Несколько секунд постояв так, они разошлись: связник с пустым портфелем Сологубова стал протискиваться к прилавку, а Петр, ощущая в руке изрядную тяжесть, вышел из магазина.

Поколесив с полчаса по вечернему Мюнхену и убедившись, что «хвоста» за собой не ведет, он поехал домой, с нетерпением ожидая минуты, когда, запершись на ключ в своей комнате, выложит на стол содержимое полученного из Москвы портфеля. Он был почти уверен, что среди необходимых принадлежностей разведчика найдет там и нечто еще более дорогое для него, человека, вынужден-

ного длительное время жить на чужбине, — письма от матери, Николая Васильевича Дружинина и, может быть, от той милой, застенчивой учительницы Веры, с которой мать познакомила его в Воронеже.

Но едва он успел войти к себе и поставить под письменный стол портфель, как на пороге появился Кантемиров.

— А я вас, батенька, битый час жду!

Сологубов с досады хотел было послать земляка ко всем чертям и выпроводить, сославшись на головную боль, но что-то необычное в облике Саввы Никитича, какая-то взволнованность, даже взбодораженность в глазах, движениях, голосе заставила спросить:

— Что такое?

— Ну, скажу я вам, новости! — Кантемиров быстро прошел к столу, достал из кармана какую-то помятую немецкую газету, разгладил ее ладонью, протянул Сологубову. — Вот, вчера один мой знакомый из Восточного Берлина привез!

Петр, опершись кулаками о стол, стал читать то место в газете, куда ткнул пальцем Савва Никитич. Это была перепечатка Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны».

«...Руководствуясь принципами гуманности, — говорилось в Указе, — Президиум Верховного Совета СССР считает возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

В целях предоставления этим гражданам возможности вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества Президиум Верховного Совета постановляет...»

Далее указывалось, кто подлежит освобождению из мест заключения, кому сокращается срок наказания и на кого амнистия не распространяется. Последнее касалось карателей, осужденных за убийства и истязания советских граждан.

— Вы особенно внимательно прочтите седьмой параграф, — сказал Кантемиров, нетерпеливо заглядывая в газету.

Сологубов читал все подряд, по обычному неторопливо, запоминая надолго. Дошел он и до седьмого пункта:

«Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной...»

— Ну, каково?! А? — воскликнул Кантемиров, как только Петр кончил читать.

— Да, здорово. — Сологубов еще раз пробежал глазами седьмой параграф Указа.

— Гуманность и великодушие, на мой взгляд, самый верный признак силы и прочности государства, — подытожил Савва Никитич минуту спустя и в возбуждении заходил по комнате. — А в нашем здешнем болоте, между прочим, делают вид, что ничего не произошло. Я сегодня звонил во Франкфурт, рядовые члены НТС, оказывается, и не слышали об этом Указе, хотя с момента его опубликования прошло несколько дней.

— Не удивительно. Нашим боссам не с руки распространяться о подобных вещах.

— Шила в мешке не утаишь! Вот увидите, батенька, это будет страшным ударом по НТС. Он поползет по всем швам.

Сологубов не разделял столь оптимистических прогнозов своего приятеля, помня, что в НТС немало мерзавцев, которым не может быть прощения и которые сами об этом знают. Но он согласился, что удар получится сильный, чувствительный, подумав при этом об эмигрантах и «перемещенных лицах», вроде Головастика, которые после амнистии, надо полагать, тронутся на Родину.

— А вы сами, Савва Никитич, не думаете поставить крест на своем прошлом? — вдруг спросил Сологубов.

Кантемиров сразу перестал ходить по комнате. Посмотрел на Петра, сидевшего за столом, долгим изучающим взглядом. Потом, почесав плешь на макушке, неожи-

данно засмеялся каким-то неестественным веселым смехом:

— И рад бы в рай, да грехи не пускают.

Что это — попытка уйти от ответа на прямой вопрос? Или желание скрыть свою растерянность, неготовность обсуждать данную тему? А может быть, и того хуже: сам о себе не собирается распространяться, а весь этот разговор затеял с целью выведать, что думает, как оценивает советский Указ он, Сологубов? Впрочем, последнее предположение едва ли имеет под собой почву. По всему видно, взволнован этим известием Савва Никитич по-настоящему, до глубины души и, надо думать, не случайно сегодня трезвым пришел побеседовать.

— А что все-таки вам мешает сделать решающий шаг? — спросил Сологубов, предварительно погромче включив радиоприемник.

Да о чем вы, батенька, говорите? — Кантемиров не совсем умело разыграл удивление.

Сологубов невольно подумал, что не только он сам все еще остерегается своего земляка, но и тот, похоже, его побаивается. В этом не было ничего удивительного. Каждый в здешнем антисоветском, шпионском логове находился под наблюдением.

Они плутали вокруг да около еще несколько минут, пока не дошли до критической точки, когда или совсем надо было прекратить разговор, или подбросить ему новой пищи.

— Все это, Петр Константинович, не так просто, как кажется на первый взгляд, — задумчиво сказал Кантемиров, присаживаясь в кресло у зашторенного окна. — Я слишком много знаю из подноготного этой шайки, чтобы меня отпустили подобру-поздорову. Они уже пытались однажды покончить со мной.

— За что?

— За все сразу! За то, что у меня открылись глаза на продажность наших главарей и в целом всего НТС, служащего нескольким разведкам одновременно. За то, что я осознал вину перед своим народом. За то, что меня терзает тоска по родине, по оставшимся там близким. Обо всем этом я в открытую (вы же знаете мой дурной характер) говорил с приятелями, знакомыми. А они, эти друзья в кавычках, оказывается, доносили на меня в «особую группу» — охранку НТС, где, как я потом узнал, уже готовились свести со мной счеты... — Кантемиров немного помолчал и, закинув ногу на ногу, обхватив руками колено,

мрачно продолжал: — Повод рассчитаться со мной подвернулся такой. Однажды, когда я еще жил во Франкфурте, мне случайно на Брудергримштрассе повстречался мой бывший однокурсник по институту. Он приезжал в Западную Германию от советского Министерства внешней торговли. Об этом я сдуру сообщил Околовичу. Вы же знаете, какой у нас порядок: о каждой встрече с советским человеком член НТС обязан доложить руководству. На другой день Околович предложил мне продолжить и упрочить контакт с моим советским знакомым. «Зачем?» — спросил я. «В нем заинтересованы наши немецкие друзья», — ответил Околович и назвал мне номер телефона, по которому я как можно скорее должен был обратиться.

В тот же вечер после моего телефонного звонка на конспиративной квартире западногерманской разведки меня принял майор Велинг. Вначале он предложил мне написать обстоятельный доклад о положении в НТС. При этом заметил: «Мы хотим, чтобы вы у себя в НТС навели порядок: пусть будет совсем немного членов, но крепких и преданных нам. Тогда мы полностью возьмем вашу организацию на свое содержание». После этого Велинг перешел к главному: я должен был подготовить компрометацию моего знакомого, с тем чтобы можно было обвинить его в шпионаже и затем поднять антисоветскую шумиху вокруг этого дела. Требовалось, чтобы я вручил «подарок» моему знакомому, а захват с «поличным» и все прочее должны делать сами немцы. Правда, в финале этой акции меня ждала отсидка в тюрьме, и Велинг старался рассеять мою озабоченность: «Это не будет тяжело, всего каких-нибудь 2—3 месяца. Зато по выходе из тюрьмы деньги, положенные в банк на ваше имя, вы можете расходовать как вам заблагорассудится...» — Кантемиров положил в пепельницу потухший окурок. — Короче говоря, я наотрез отказался от этой авантюры. А через два дня, поздно вечером, когда я возвращался из аптеки с лекарством для жены, в темном переулке на меня напала «группа пьяных хулиганов», как об этом потом писалось в местной вечерней газете. Одного из них, который сзади набросил мне мешок на голову, я узнал по голосу. Это был неизвестный вам мерзавец Осип Жменьков... Словом, около двух месяцев я отлежал в больнице.

— Из-за этой истории вы, видимо, и сюда, в Мюнхен, переехали?

— Да. Надо было что-то предпринимать, пока меня «случайно» где-нибудь на улице не задавила автомашина, как это не раз бывало с «отступниками». На мое предложение уехать в Советский Союз, явиться с повинной жена ответила категорическим отказом, закатила истерику. А я любил эту женщину. Что оставалось делать? Где было найти безопасное место? В Мюнхене мы вначале жили у Марты. Как-никак двоюродная сестра жены, помогали в трудные дни друг другу. А потом в одной пивнушке встретил я американского инженера Никтона — он меня неплохо знал как радиоспециалиста еще по фюссенскому лагерю «перемещенных лиц». Рассказал я ему кое-что из своей печальной истории, попросил устроить на работу. Оказалось, им нужны радиоинженеры для ремонта и профилактики аппаратуры на здешней радиостанции. Выбора не было, я согласился... А через некоторое время меня перебросили на радиоцентр «Службы-22».

— И после этого боссы НТС оставили вас в покое? — спросил Сологубов.

— Представьте, да. Совсем другое отношение, даже, мне кажется, немного опасаются меня: а вдруг наклепаю что-нибудь на них американцам? — Савва Никитич певесело усмехнулся. — Одако мне от этого не легче. Говоря откровенно, служба в филиале ЦРУ, пусть даже на чисто технической должности, для меня не лучший выход из положения.

— Стало быть, надо искать другой, — твердо, со значением сказал Сологубов. И, помедлив, добавил: — Если хотите, могу помочь.

— Вы это, батенька, серьезно?

— Разумеется. У меня есть кое-какие возможности.

Кантемиров подсел к столу, уставился на Петра настоящим взглядом.

— Что? Сомневаетесь в моих возможностях? — улыбнулся Сологубов.

Савва Никитич продолжал в упор его разглядывать, словно впервые видел. Потом сказал:

— Вы знаете, я, кажется, начинаю кое о чем догадываться.

— Ну и слава богу! — почти весело заметил Сологубов, хотя внутренне напрягся, опасаясь, как бы разговор не вышел из нужного русла. — Давайте решим, с чего нам начать.

Кантемиров растерянно пожал плечами:

— Я, право, затрудняюсь что-либо предложить...

— Начнем вот с чего. Хотите, я попытаюсь разыскать ваших родных в Советском Союзе, чтобы вы наладили с ними переписку?

— О, Петр Константинович, это было бы просто замечательно! — Глаза Кантемирова подернулись влагой.

— В таком случае, дайте мне биографические сведения о ваших родственниках. Доставайте бумагу, авторучку и пишите. А я пока соображу что-нибудь насчет ужина...

Их разговор продолжался долго. Савва Никитич ушел в половине второго.

Глава двенадцатая

Как-то поздним осенним вечером Дружинины вернулись из театра.

— А у нас гость! — встретила их в прихожей теща.

И тут же из комнаты появился широко улыбающийся седоголовый Иван Тимофеевич Воронец. Одернув тесноватый ему пиджачишко, он поздоровался с Еленой Капитоновной («А мы тут с вашей мамашей в подкидного перебросились»), потом дружески потряс руку Дружинина («Давненько не виделись, Николай Васильевич, есть о чем покалякать»). Затем все прошли в большую комнату, где их ждал ужин.

Дружинин всегда был рад гостям. Они вносили приятное разнообразие в утомительно привычный ритм будней. Но этому гостю Николай Васильевич был рад вдвойне. Он даже собирался специально пригласить к себе Воронца на Октябрьские праздники, чтобы показать ему сделанные Сологубовым фотографии Мальта — Мишутина и вообще посоветоваться.

Подумав об этом сейчас, за ужином, Дружинин вдруг понял, почему так смутно было у него на душе весь сегодняшний день — даже проведенный в Большом театре вечер не поправил настроения. Причина — в неопределенности и неясности последних сведений, полученных от Сологубова. Было похоже, что дело Мальта — Мишутина может затянуться надолго. Кроме всего прочего, эта задержка отрицательно сказывалась на решении другой задачи, поставленной перед Сологубовым: выявление и контроль тайных путей, по которым американская «Служба-22» пы-

тается направлять свою агентуру в СССР. Это не могло не огорчать Дружинина, хотя в целом работу, сделанную Сологубовым, он оценивал положительно.

О новых данных насчет Мишутина Николай Васильевич сразу же после ужина, когда их оставили вдвоем, и решил рассказать Воронцу — не все подряд, разумеется, а лишь то, что было необходимо для дела и что позволялось спецификой работы органов госбезопасности.

Всего от Сологубова за последнее время поступило три сообщения. В первом из них вместе с просьбой о розыске родственников Кантемирова была фотопленка с пятнадцатью снимками, сделанными микрокамерой, вмонтированной в наручные часы: Мальт в различных положениях и обстановке, большей частью крупным планом.

— Крупный план — это то, что нам требуется! — одобрительно сказал Веня Строгов, когда принес из лаборатории Дружинину глянцеви́то блестящие фотографии.

Их разговор происходил в недавно отремонтированном кабинете Ильи Кирилловича, должность которого с прошлого месяца, после его ухода на пенсию, занимал Дружинин.

Продолжая рассматривать снимки, Веня вдруг заметил:

— А ракурсы-то явно не те: ни одно положение Мальта не схоже с положением Мишутина на имеющихся у нас фото. И это, товарищ подполковник, здорово затруднит их сопоставление.

— Да, есть такая заковыка, — согласился Дружинин. — Но сие, как говорится, от нас не зависит. И от Сологубова тоже: позировать ему Мальт едва ли пожелал бы. А?

Разложив на одной стороне все пятнадцать фотографий Мальта, а на другой — шесть небольших карточек Мишутина, Николай Васильевич подумал, что сопоставление их между собой осложняется не только несхожестью ракурсов. Крупный план фотоснимков Мальта, которым восхищался лейтенант, для этой цели оказался не совсем подходящим... Во всяком случае, от такой разнокалиберности специальная экспертиза по атрибуции в восторге не будет.

После изучения фотографий Дружинин пришел было к выводу, что скорее всего сняты разные люди. Однако при детальном сопоставлении отдельных частей того и другого лица обнаруживалось очевидное сходство. И Дружинин

стал сомневаться в правильности своего первоначального мнения. Спросил, что думает по этому поводу его молодой помощник.

— Что-то общее между этими лицами, несомненно, имеется, — решительно сказал Веня.

К такому же заключению пришли и другие сотрудники отдела, которым, без посвящения в суть дела, были показаны снимки Мальта и Мишутина.

Теперь свое слово должен был сказать человек, лучше которого никто не знал Мишутину, — его жена. Заодно Дружинин решил ознакомить ее с данными словесного портрета Мальта, вскоре полученными от Сологубова.

Эти данные тоже оказались неопределенными и двойственными. Многие во внешнем облике Мальта напоминало Мишутину: небольшого роста, худощавый, глубоко посаженные глаза, прямой нос, тонкие губы, гладко причесанные на косой пробор, темные, с сединой волосы... Однако на этом, пожалуй, сходство и кончалось. Мишутин был бледнолиц, а у Мальта кожа смугловатая, и не от загара, как подчеркивал Сологубов, а скорее всего от природы. Для Мишутина была характерна энергичность, подвижность, быстрота в движениях, в частности разговаривая, он любил ходить по комнате. У Мальта такой привычки нет, в движениях он сдержан — прямая противоположность его хлесткости на язык. («В выражениях не стесняется, иронически-желчный субъект».) Мишутин говорил быстро, скороговоркой, а у Мальта говор слегка гортанный, неторопливо-четкий, хотя и не медлительный. По-русски Мальт разговаривает чисто, без какого-либо акцента, но в его речи иногда проскальзывают слова и выражения, едва ли свойственные Мишутину, вся сознательная жизнь которого прошла в Советской стране. Мальт, например, никогда не скажет «СССР» или «Советский Союз», а всегда — «Россия». И не «советский народ», «советские люди», а — «русские» или «эти русские». Во время допроса Сологубова, который Мальт вел на русском языке, у него раза два вырвалось: «Доннер веттер». На этот счет Сологубов сделал такое примечание: «Мне кажется, что люди, знающие несколько языков, ругаются, как и думают, в большинстве своем все же на родном языке, исключая, разумеется, случаи, когда ругань не результат эмоционального взрыва, а намеренно обдуманна».

Дружинин нашел примечание существенным: определение национальной принадлежности Мальта явилось бы

решением доброй половины задачи. Но до этого было еще далеко: отрывочные факты, годные как строительный материал для предположений, не давали цельной, законченной картины.

Ознакомив со всей этой информацией приглашенную в комитет жену Мишутина, Дружинин выложил перед нею на столе сделанные Сологубовым снимки Мальта.

Побледневшая от волнения маленькая женщина сперва окинула эту необычную фотовыставку беглым взглядом усталых, прищуренных глаз, потом стала брать слегка дрожавшей рукой по очереди каждую карточку и подолгу ее рассматривать. Через какое-то время на столе образовалось две стопочки снимков: в одной их было одиннадцать, в другой — четыре.

— Что это значит, Анастасия Владимировна? — спросил Дружинин.

— Вот на этих фотографиях, — она указала на меньшую стопку, — кое-что вроде есть от Мишутина. Но очень немного.

— А на остальных?

— В них я не нахожу сходства с мужем.

— Но ведь вы его не видели более четырнадцати лет

— Да, конечно, за такой срок он мог сильно измениться. И все же...

— Вы хотите сказать, это не Мишутин?

— По-моему, нет.

Суждение было слишком авторитетным, чтобы его игнорировать. Можно считать, именно с этой минуты чаша весов с доводами, говорившими, что Мальт — не Мишутин и даже вообще не русский человек, начала заметно и убедительно перевешивать. И Дружинин, мысленно выверяя родившуюся версию, полагал, что этот перевес прочный и окончательный...

Но сегодня утром было получено еще одно донесение от Сологубова. Оно-то и омрачило Николая Васильевича. Сологубов сообщал из Англии, где в разведшколе обучались шестеро его подопечных энтээсовцев, опознавательные данные на этих шпионов, готовившихся для заброски в СССР. А в конце была небольшая приписка: «На днях на лондонском аэродроме я встретил возвращавшегося из США Осипа Жменькова. В беседе со мной он подтвердил свое прежнее высказывание о Мишутине, известном ему еще с военных лет по лагерям военнопленных. Подробности сообщу дополнительно».

Итак, круг опять замкнулся на Жменькове. Дружинин отыскал в своей желтой папке выписку из показаний Сологубова после его явки с повинной. Там говорилось:

«Однажды в преподавательской комнате разведшколы, где я оказался как исполнявший обязанности помощника инструктора, зашел разговор о будущем заместителе шефа «Службы-22». Преподаватель Жменьков назвал Мальта. При этом охарактеризовал его: «До того как стать разведчиком, он был кадровым военным, генералом Советской Армии, командовал дивизией, потом перешел на сторону немцев. Настоящая его фамилия не Мальт, а Мишутин...»

— Как же все это понимать, Николай Васильевич? — озадаченно спросил Воронеж, когда Дружинин закончил рассказ о результатах поиска. — Может, какая-нибудь путаница, ошибка?

— Ошибка? Чья?

— Ну хотя бы этого преподавателя разведшколы, о котором вы сейчас говорили.

Вообще-то, конечно, не исключено, — задумчиво сказал Дружинин. — Но факты есть факты. От них никуда не денешься.

— И что же теперь?

Как что? Будем во всем разбираться до конца, до полной ясности.

— Николай Васильевич, а мне можно на фотоснимки этого Мальта взглянуть? — с не присущей ему робостью поинтересовался Воронеж.

— Ну, разумеется, — улыбаясь, пробасил Дружинин. — Я вам их завтра покажу, они у меня в служебном сейфе... А что у вас новенького, Иван Тимофеевич?

Воронец по-обычному шумно, с жестикующей стал рассказывать. В Москве он проездом. Путь держит в Горький, где уже около месяца бригада его земляков с Минского автозавода трудится вместе с волжскими автомобилестроителями — обмениваются опытом. В столице остановился на денек, чтобы повидать Николая Васильевича, поговорить об общем деле и показать одну недавно найденную вещицу.

— Что за вещица? — спросил Дружинин.

Воронец живо поднялся из-за стола, принес из прихожей свой небольшой фибровый чемоданчик, раскрыл и протянул Дружинину тускло блеснувшую в свете лампы солдатскую алюминиевую флягу, слегка погнутую у горлышка, с несколькими вмятинами по бокам.

— Где вы ее нашли?

— А там,— махнул рукой за окно Воронеж,— на месте последнего боя Мишутина.

Снова туда ездили? — Дружинин покачал головой.— Однако упрямый вы человек. Ведь мы с вами, кажется, договорились: след Мишутина надо искать на той стороне, за границей. И мы это делаем.

— Вам, конечно, виднее, Николай Васильевич.

— Так в чем же дело?

— Как вам объяснить...

Собственно, объяснять ничего не требовалось. Дружинину и так все было ясно. До определенной поры у Ивана Тимофеевича была в руках ниточка, которая вела его в поиске: не генерал ли Мишутин возглавлял партизанский отряд «Мститель»? Весной этого года выяснилось, что командиром отряда был другой генерал. Об этом Воронеж тогда же сообщил Дружинину. И тот ему в ответ написал, что уже начал новый этап поиска — за границей. Но Иван Тимофеевич, видимо, не особенно верил в это начинание и продолжал действовать по-своему. Он никак не мог примириться с предположением, что Мишутин попал в плен, изменил Родине, встал на путь сотрудничества с ее врагами. Это не укладывалось у него в голове, противоречило тому, что он знал о бывшем своем комдиве. Ему хотелось, чтобы все скверное, что услышал он о Мишутине, обернулось недоразумением, дурным сном.

Дружинин не только понимал своего товарища по поиску, но и сочувствовал ему в душе. Оказавшись с некоторого времени в центре всей поисковой работы, став как бы ее движущей пружиной, он, подобно Воронцу, тоже был в затруднении, когда пытался представить себе человека с биографией, взглядами и характером Мишутина изменником Родины. Но в отличие от Воронца он не мог себе позволить произвольно обращаться с «нежелательными» фактами, которые так упорно игнорировал Иван Тимофеевич.

— А фляга, похоже, трофейная,— сказал Дружинин, продолжая внимательно рассматривать находку Воронца.

На одном боку баклажки была выцарапана полукругом надпись: «Смерть немецким оккупантам!» Ниже, под двумя перекрещенными автоматами: «Н. Сережин».

— Интересно, кому она принадлежала? Кто такой был этот Сережин?

— Не иначе как из штабных,— убежденно сказал Воронеж.

— Почему вы так думаете?

— Эту флягу мы откопали на бывшем КП Мишутина.

— А вы уверены, что это был именно командный пункт и именно Мишутина?

— Само собой. Мы искали по плану, который прислал мне Гуцин.

— С кем искали?

— С Матвеем Лыковым. Помните?

— Это тот тракторист с хутора?

— Он самый. Недавно из армии вернулся. Мы с ним весь район последнего боя мишутинской дивизии облазили.

— И что же вы намерены делать со своей находкой? — спросил Дружинин после небольшой паузы.

— Думаю Гуцину послать.

— С какой целью?

— А чтобы выяснить, был ли у него штабной по фамилии Сережин.

— Вы полагаете, Гуцин это помнит?

— Вполне возможно. Ведь он у Мишутина в то время весь штаб возглавлял,— горячо сказал Иван Тимофеевич.— Да и сама немецкая баклажка должна расшевелить его память: не каждый штабист такой трофей имел.

— Ну, допустим, Гуцин припомнит этого Сережина. А дальше что?

— Что дальше? — переспросил Воронеж, искренне огорченный, что обычно такой понятливый Николай Васильевич никак не может по достоинству оценить его затею.— А вдруг Гуцину что-нибудь известно о судьбе Сережина? А этот Сережин, может быть, во время последнего боя находился вместе с Мишутиним. Вот, глядишь, и выяснится, что стало с комдивом — или погиб он, или...

В этом наивном замысле была своя логика. Хотя с таким же успехом можно искать иголку в стоге сена. Расчет на счастливую случайность. Но чтобы не обидеть Ивана Тимофеевича, Дружинин согласился:

— Ладно, давайте проверим это через Гуцина.

Он все еще вертел в руках флягу. Один ее менее памятный бок был несколько темнее другого. Отчего бы? Вернее всего просто дефект металла. Остановившись на этой мысли, Дружинин негромко спросил:

— А что вы можете сказать о последнем командном пункте Мишутина?

Воронец тотчас перенесся в осенний лес в районе Кривого оврага, где они с Матвеем Лыковым две недели тому назад вели свой поиск. Лесная опушка неровными желто-зелеными зубцами выходила на луг. Один из зубцов переметнулся через малонаезженную проселочную дорогу. Там, на глинистом пригорке, между редкими деревьями, было несколько окопов и щелей — теперь уже не глубокие, около метра, — на дне их под ногами шуршали опавшие желтые листья. В верхней части оползавших окопных стенок, словно обнажившиеся жилы, проступали корявые корни берез, ниже все было обложено изумрудно-зеленым мхом — плотным и мягким, как плюш. Возле трухлявого пня, на изгибе одного из окопов, в лиственном перегное, из которого вымахал зеленый разлапистый папоротник, и нашли алюминиевую флягу. А возле нее — несколько потемневших от ржавчины патронных гильз... Воронец и Матвей Лыков молча постояли над памятным местом. Было тихо вокруг. Только слышалось, как печально шелестят рядом на кусте малины листья — зеленые сверху и серебристые внизу.

Много перечувствовал и передумал в тот раз Иван Тимофеевич, а вот рассказать об этом сейчас толком не мог. И на вопрос Дружинина ответил маловразумительно:

Да как вам сказать... Обыкновенный окоп, старый, почти весь зарос...

2 ноября 1955 г.

Уважаемый Николай Васильевич!

Ваше письмо и находку Воронца получил. Вы правильно сделали, прислав мне эту флягу. И хотя сего алюминиевого трофея я прежде никогда не видел, владельца его припоминаю. Если не ошибаюсь, Сережина звали Никита, по званию сержант или младший сержант, служил телефонистом на узле связи штадива. Но самое главное, что этот Сережин в числе небольшой группы командиров и бойцов штаба в злополучный момент интересующего всех нас боя действительно мог находиться вместе с генералом Мишутиным на КП у Кривого оврага, в полосе контратаки немецких танков, сопровождаемых пехотой. Так что навести справки об этом человеке, попытаться разыскать его, по моему, просто необходимо. Собственно, я уже приступил к этому — вчера послал запрос в ГУК Министерства обороны. Там, как я недавно узнал, служит мой однокашник

по военному училищу, полковник, думаю, он мне посодействует в смысле оперативности сей проверки. Если вскрыется что-нибудь новое, сразу же Вам напишу.

Примите наши семейные наилучшие пожелания в связи с наступающим Октябрьским праздником.

Ваш А. Гуцин.

7 января 1956 г.

Дорогой Николай Васильевич!

Поздравляю Вас и Ваших домочадцев с Новым годом, всяческих Вам благ, а главное — отменного здоровья.

У меня интересные новости. Сегодня, буквально два часа тому назад, я разговаривал лично с самим Сережиным! Правда, пока только по междугороднему телефону, но тем не менее... Однако давайте по порядку.

Направляя в ноябре прошлого года запрос в Министерство обороны, я, признаться, не особенно надеялся, что из всей этой затеи с розыском Сережина что-нибудь получится. Помните, я так же пытался найти след бывшего начальника связи дивизии, посланного на поиски исчезнувшей штабной группы во главе с комдивом, — результат был полевой. Слишком мало имелось фактического материала для розыска, слишком много времени минуло с тех пор, как все это произошло... Но, видимо, в жизни раз на раз не приходится. Бывает, рыбаки вытаскивают пустым широким бредень, а рыболов-любитель на удочку берет немалый улов. Как кому повезет!

На этот раз с помощью сотрудников Министерства обороны я вначале вышел на родителей Сережина, на его родину, в Омскую область. Завязав переписку с его отцом, я узнал, что Никита Сережин почти всю войну был в плену, домой вернулся летом сорок пятого с туберкулезом легких, долго лечился, в настоящее время живет в Астрахани, у родственников жены.

В конце декабря я послал ему письмо, сообщил свой адрес. И вот сегодня сижу в своем директорском кабинете, вдруг телефонный звонок: вызывает Астрахань!

За пять минут, конечно, много не наговоришь, тем более в такой волнующей обстановке. А суть краткого рассказа Сережина сводится к тому, что в плен он попал вместе с генералом Мишутинным под известным Вам хутором. Однако вскоре они оказались в разных местах, поэтому о дальнейшей судьбе комдива, который был направлен

в какой-то лагерь для пленных офицеров, Сережину ничего не известно... Он обещал мне описать все подробно в письме в самое ближайшее время. И, мне кажется, было бы неплохо с ним встретиться. Как Вы смотрите на это? Воронцу я напишу особо, думаю, он тоже согласится.

С уважением А. Гуцин.

Глава тринадцатая

Был на исходе шестой месяц, как Сологубов находился в Англии. Приехал он туда в начале октября.

В понедельник, когда съехались все шестеро подопечных Сологубова, начались занятия по расписанию. Руководил обучением агентов, прошедших предварительную краткую подготовку в бадгомбургской школе НТС, веселый толстяк майор Чарльтон. Кроме него, конспиративную квартиру посещали еще несколько английских инструкторов, которые обучали будущих шпионов радиodelу, шифровке, гайнописи, ведению разведки со специальной практикой составления донесений по оборонным объектам. Программа обучения была рассчитана на девять месяцев, по июль 1956 года включительно. Затем Сологубову предстояло пропустить через школу Чарльтона еще одну группу энтэ-эсовцев, тоже из 5—6 человек, которую Романов обещал скомплектовать и переправить в Англию к первому августа.

Но тут произошло непредвиденное. В один из дождливых, туманных дней в середине апреля в рабочую комнату Сологубова заявился Чарльтон. Время было послеобеденное, и по своему обыкновению майор находился в легком подпитии.

— Хэллоу, Пит! — весело приветствовал он Сологубова, сидевшего за столом над очередным месячным отчетом руководству НТС. — Получен приказ сократить срок обучения ваших парней ровно на месяц.

— Для данного выпуска или вообще? — спросил Сологубов.

— Этот ваш выпуск будет последним.

— Вот как! Но почему, мистер Чарльтон?

— Наша разведка порывает с НТС.

— Ничего не понимаю. — Сологубов пожал широкими плечами.

— Мы не так богаты, чтобы без конца субсидировать

вас, не получая должной отдачи. Отныне НТС будут содержать одни американцы, у них бюджет не чета нашему.

— А как было прежде?

— Вскоре после войны ЦРУ и СИС для более эффективных контактов с НТС образовали объединенный комитет. Расходы на содержание вашей организации мы и американцы несли на паях. Но теперь на такой практике наше руководство решило поставить крест.

— И как давно принято такое решение?

— Совещание представителей двух разведок по вопросу об НТС происходило в конце февраля. Выработан специальный документ на этот счет. Что касается приказа о сокращении срока обучения ваших подопечных, то я получил его от своего шефа лишь сегодня.

— Что же конкретно мы должны сделать во исполнение этого приказа?

— Чтобы не комкать финал учебы, которую мы теперь обязаны завершить к тридцатому июня, нам с вами велено переработать учебную программу — выбросить из нее все второстепенное, сосредоточив внимание курсантов в оставшееся время на самом для них необходимом.

В тот же день они приступили к этой работе.

Малоразговорчивый, сдержанный Сологубов, получив от Чарльтона неожиданное известие, стал еще более молчалив и сосредоточен. Любивший поболтать майор, перелистывая брошюру с программой, старался расшевелить его!

— А по-моему, Пит, то, что произошло, рано или поздно должно было случиться. — Он засмеялся, перешел на русский язык. Как это у вас в песне: «Была без радости любовь, разлука будет без печали...» Так, кажется?

— Правильно, — улыбнулся Сологубов. — Из песни слова не выкинешь.

И он опять склонился над столом, стоявшим поодаль от стола Чарльтона, делая вид, что пишет. Но он ничего не писал, а просто чертил на бумаге завитушки, весь отдавшись своим мыслям. У него не выходили из головы слова Чарльтона о документе об НТС, принятом на совещании представителей ЦРУ и СИС, — вот бы заглянуть в него хоть краем глаза! Надо полагать, там немало интересного для подполковника Дружинина. Но как заглянешь, если неизвестно даже, где, у кого из чинов английской разведки хранится этот важный документ. Остается одно — попытаться побольше выудить о нем, о его содержании

у Чарльтона, который во всем, что связано с НТС, бывает хорошо осведомлен. Надо пригласить майора вечером поужинать в ресторане, благо предлог есть: предстоящее расставание. Впрочем, Чарльтону предлог не важен, было бы дармовое угощение — это проверено не раз. А когда он как следует захмелеет, у него появляется охота показать себя персоной, имеющей доступ к важной информации, майор становится настоящим хвастунишкой, и, если умело задавать вопросы, из него можно выудить немало интересного.

Над этим сейчас и размышлял Сологубов — как и с чего лучше начать вечером застольную беседу с Чарльтоном? Подобная внутренняя подготовка, как и сама встреча с Чарльтоном в ресторане, конечно, была бы излишней, если бы он знал, что через некоторое время упомянутый важный документ попадет к нему в руки и он сможет его прочесть от начала до конца.

В первых числах июля, после завершения сокращенного курса обучения в школе английской разведки, шестеро новопеченных шпионов НТС поодиночке были переправлены Сологубовым в Западную Германию, во Франкфурт-на-Майне, где их ожидал последний инструктаж перед заброской в Советский Союз. (Все эти агенты в войну активно сотрудничали с гитлеровцами на оккупированной советской территории. В их неизбежном теперь разоблачении Сологубов почти не сомневался: о каждом из шести он сообщил в Москву достаточно наводящих сведений.) Через день после отъезда своих подшефных покинул Лондон и сам «представитель центра НТС».

Отчитавшись во Франкфурте перед Околовичем и Романовым о проведенной в Англии работе, Сологубов наконец мог отправиться к месту своей основной деятельности — в американскую «Службу-22», в Мюнхен. На свою квартиру, к Марте, он прибыл десятого июля вечером.

А на другой день его повестил Кантемиров. Они давно не виделись, и встреча была очень теплой. После разговора за ужином о разных житейских мелочах Кантемиров с радостным волнением сообщил, что ему с помощью некоторых лиц, известных Петру Константиновичу, удалось наладить переписку со своими родственниками в Советском Союзе — братом и сестрой, которые зовут его вернуться на Родину.

— Хорошие, душевные письма прислали! Я их вам завтра обязательно принесу, — заключил свой рассказ Сав-

ва Никитич. И затем, расстегнув пиджак, стал доставать из внутреннего кармана какие-то разрозненные бумажные листки и складывать их на столе перед Сологубовым.— А сейчас я вам нечто совсем иное хочу показать.

— Что такое?

— Фотокопия с одного интересного документа. Думаю, вам пригодится.

Сологубов взглянул на заголовок на первом листке и не поверил своим глазам. Перед ним лежало то самое решение об НТС, принятое в Лондоне, о котором рассказывал майор Чарльстон.

— Где вам удалось это достать?!

— В хозяйстве самого Околовича.

— А если точнее?

— Там есть один многим обязанный мне человек... — Кантемиров вдруг озабоченно посмотрел на часы, встал из-за стола.— Петр Константинович, мне сейчас надо к Марте пенадолго, пока она не легла спать. А вы тем временем читайте. Потом обстоятельно об этом поговорим.

Все было, казалось, по-прежнему: чужая страна и чужие люди; чужой язык, непривычные нравы и обычаи. Но в этой тоскливо-знакомой обстановке, прежде обрекавшей Сологубова на внутреннее одиночество, он теперь чувствовал себя по-другому. Он как бы обновился душой. Это обновление шло от сознания того, что он здесь не сам по себе, а служит делу, важному и нужному для его родной страны, для своего народа. И поэтому он больше не испытывал той изнурительной страшной тоски, ощущения неприкаянности и отрешенности, которые сопутствовали его былым скитаниям на чужбине.

Эту новизну чувств Сологубов отметил в себе сразу же по возвращении в американскую «Службу-22» с заданием из Москвы в мае прошлого, 1955 года. С тех пор эти чувства постоянно жили в нем, давали ему зарядку энергии и инициативы — едва ли не самых важных качеств разведчика, без которых он даже при высоком уровне профессионализма просто балласт, ничто.

По приезде из Англии Сологубов снова был зачислен в группу капитана Холлидза. Вернее, прикомандирован туда. Из разговора с капитаном он понял, что в перспективе, вероятно, ему предстоит новая разведывательная «ходка» в Советский Союз. А пока Холлидз в первый же день засадил его за разработку очередной инструкции для разведчиков, дав ему отпечатанный на машинке набросок,

исходные тезисы, которые надо было развить в небольшое учебное пособие с поучительными примерами из разведывательной практики.

Некоторые тезисы будущей брошюры Сологубову показались знакомыми.

«В разведке не существует соображений морали. Цель должна быть достигнута любыми средствами...

Не доверяйте никому. Не забывайте, что лишь тот разведчик гарантирован от провала, который неукоснительно следует этому правилу. В разведке тот, кто живет один, живет дольше...

Будьте осторожны. Следите даже за собственной тенью. Помните, что каждый из окружающих вас может подслушивать и наблюдать за вами...»

— У меня, капитан, такое впечатление, что все это я уже где-то читал, — сказал Сологубов.

— Вполне возможно, — невозмутимо отвечивал Холлидз. — Это мы содрали с немецкого «Кодекса разведчика».

Так вот оно что! Теперь Сологубов вспомнил: этот «Кодекс» он сам штудировал, когда был в абвер-школе во время войны.

— Генералу Кларку эта шутка здорово понравилась, — продолжал Холлидз. — Он сказал, что в ней заложено именно то, что нам нужно... А дал мне эту немецкую писанину Мальт. Между прочим, сам он знает ее наизусть. Я даже удивился, как он начал шпарить эти заповеди по памяти у себя в кабинете.

«Вот это интересно, черт возьми! — подумал Сологубов. — Откуда Мальт, бывший советский генерал Мишутин, мог столь досконально знать немецкое учебное пособие по разведке? К чему ему было вызубривать эти анахронизмы — наследие гитлеровских времен?»

Сологубов хотел было осторожно порасспросить на этот счет Холлидза, но ему помешали. Сперва пришла, покачивая бедрами, туго обтянутыми тонким платьем, Рут Смиргиц — принесла капитану переводы каких-то срочных материалов. Потом Холлидз неожиданно вызвал сам генерал Кларк. А когда он минут через двадцать вернулся, по его кислой, озабоченной физиономии Сологубов понял, что с разговором о Мальте лучше повременить.

— Ну и продувная же бестия этот Генри! — в сердцах сказал Холлидз. Обычно этого добродушного, высокого, нескладного парня трудно было вывести из себя. Но если

такое случалось, он не стеснялся в характеристиках: сын богатейшего скотопромышленника из Чикаго, не в пример остальным сотрудникам «Службы-22», позволял себе говорить то, что думал о своем начальнике. — Из любой воды, шельма, сухим выйдет!

— Стряслось что-нибудь, Джон? — спросил Сологубов.

— Мальту в Будапешт, оказывается, не ту липу сработали, — все еще не остыв, в гневе объяснил капитан. — А теперь, чтобы оправдаться перед штаб-квартирой, этот старый лис Кларк всю вину свалил на меня.

«Значит, Мальт сейчас в Венгрии», — отметил про себя Сологубов, вспомнив другой утренний разговор с Холлидзом, между прочим сказавшим ему об отъезде в заграничную командировку заместителя начальника «Службы-22».

Наконец капитан успокоился, сел за свой стол, из боковой тумбы достал бутылку коньяку.

— Давайте, Питер, промочим глотки.

Выпив по рюмке, они молча принялись каждый за свою работу.

Рассеянно перелистывая страницы с выписками из «Кодекса разведчика», Сологубов думал о Мальте, который, оказывается, все эти заповеди, сочиненные в абвере, знает наизусть... Что же собой в действительности представляет этот человек? Каково его истинное прошлое?.. Если Мальт по национальности немец, как об этом говорят некоторые данные, то откуда Осип Жменьков взял, будто Мальт и бывший советский генерал Мишутин — одно и то же лицо?

Вспомнилась последняя встреча с Жменьковым в Лондоне в октябре прошлого года. Служебная необходимость свела их на аэровокзале — Осип возвращался из США в Западную Германию. После того как с деловыми вопросами было покончено, Жменьков спросил:

— Как там житье-бытье в «Службе-22»? Что нового?

— У генерала Кларка новый зам, — сказал Сологубов.

— Мальт? Он еще при мне пришел... Здорово допекает?

— Въедливый немец. Но дело знает.

— Немец? — Жменьков усмехнулся. — Мальт такой же немец, как я француз или вы португалец.

— А кто же он? — с деланным равнодушием спросил Сологубов, отпив глоток кофе из чашки.

— Тонкая штучка. Это, было бы вам известно, наш с

вами соотечественник. Бывший советский генерал Мишутин.

Что вы говорите?! — удивленно-недоверчиво поднял брови Сологубов.

Худое нервическое лицо Жменькова передернулось. — Что ж я, по-вашему, вру?

— Я этого не сказал. Просто ошибаетесь.

Отпрыск известной на всю Сибирь семьи богатеев золотопромышленников был самолюбивым, вспыльчивым, быстро терявшим самообладание человеком. Зная это, Сологубов, не располагавший временем для обстоятельной беседы, начал сознательно ее форсировать, ставя такие вопросы, которые бы вынудили Жменькова вспылить, взорваться, — тогда из него все, что нужно, выскочит само по себе. И он достиг своего. Уязвленный недоверием Жменьков, брызгая слюной, то и дело нервно подергивая жилистой шеей, будто ворот белой рубашки был ему тесен, стал выкладывать все, что знал о Мальте — Мишутине.

Оказывается, впервые он увидел этого человека еще в войну, в конце 1942 года, в лагере советских военнопленных в Польше, где содержался сам Жменьков, сдавшийся в плен под Ростовом, во время летнего немецкого наступления. В этот лагерь Мишутин (в форме советского генерала, но без знаков различия на петлицах шинели и без кокарды на фуражке) прибыл в большом черпом «хорьхе» вместе с несколькими офицерами вермахта, к которым затем присоединился лагерный комендант. Когда пленных поблочно выстроили на белом от свежеевыпавшего снега плацу, комендант объявил, что к ним желает обратиться генерал Мишутин, герой Халхин-Гола, бывший командир пехотной дивизии, порвавший с большевиками и добровольно перешедший на службу в германскую армию. Затем стоявший в первом ряду своего блока Жменьков увидел, как генерал вскочил на большой, перевернутый вверх дном ящик и стал говорить, призывая пленных красноармейцев и командиров последовать его примеру — навсегда порвать с коммунистической диктатурой и, встав под знамена победоносной германской армии, нести новый порядок в Россию. А закончил свою короткую речь Мишутин примерно так: «Я по-солдатски советую вам: чем умирать здесь, в лагере, медленной смертью от хронического недоедания, тифа и дизентерии, записывайтесь на службу в «остлегионы», там вы будете иметь сытый паек, табак, теплую одежду и даже деньги на мелкие расходы...

Вторично с генералом Мишутиным судьба свела Жменькова в 1943 году. Жменьков тогда был пропагандистом в изменнической армии Власова, и в составе небольшой группы таких же «просветителей» его командировали в Норвегию — там находился большой лагерь советских военнопленных — для вербовки добровольцев в РОА. В это же время генерал Мишутин как представитель командования немецких «остлегионов», только что посетив тот же лагерь, возвратился в Осло, в ту самую гостиницу, в которой вместе с другими власовцами остановился Жменьков.

После этого он ничего не слышал о Мишутине до конца войны. И только в 1950 году, будучи функционером «особой группы» НТС, по делам которой Жменькову случилось однажды побывать в здании европейской штаб-квартиры ЦРУ, во Франкфурте-на-Майне, он там опять увидел этого человека. Но уже не в форме советского генерала без знаков различия, а в элегантном штатском костюме. И, как Жменьков тогда же узнал, фамилия у него теперь была другая — Мальт.

Прошло еще несколько лет, и жизненные дороги этих людей, по существу, незнакомых, не сказавших друг другу и двух слов, снова пересеклись. В конце 1954 года Мальта из Франкфурта перевели в Мюнхен в «Службу-22», где около двух лет подвизался и Жменьков.

Такова в общих чертах была история, услышанная на лондонском аэровокзале Сологубовым. Ее убедительность для него заключалась в двух неоспоримых фактах. Это, во-первых, поездка Мишутина в Норвегию. И во-вторых, вербовка им добровольцев из числа советских военнопленных в немецкие «остлегионы». Оба эти факта подтверждались данными из другого источника, о котором Жменькову было неизвестно. А Сологубов знал о них со слов подполковника Дружинина, изучавшего материалы следствия осужденных в 1946 году власовцев.

Путь к окончательной разгадке Мальта — Мишутина лежал через дальнейшее, более основательное изучение прошлой жизни заместителя шефа «Службы-22». Теперь это Сологубову было ясно. Но он долго был в затруднении, не представлял себе, как вплотную подступить к этому суровому, замкнутому человеку, стоявшему намного выше его на служебной лестнице. Он примерял то один, то дру-

гой варианты — все они при обстоятельном, детальном рассмотрении оказывались непригодными: либо очень сложными, связанными с риском загубить все дело, либо малоэффективными в перспективе, требовавшими слишком много времени. И Сологубов день за днем, неделя за неделей настойчиво продолжал искать...

Однажды в конце июля, после работы, он спустился в служебный буфет выпить пива и поиграть на бильярде. Обстановка располагала к этому. На улице стояла жара под тридцать по Цельсию, а здесь, в небольшом, уютном полуподвальном холле, было прохладно, успокаивающе мягко жужжали вентиляторы. Сологубов заходил сюда и прежде — в обеденный перерыв или, как сейчас, по окончании рабочего дня. И не только ради того, чтобы перекусить и что-нибудь выпить, а просто потолкаться среди сотрудников «Службы-22», послушать их болтовню у буфетной стойки или за столиками, уставленными холодными закусками и бутылками с кока-колы, пивом и вином. И уже кое-что интересное ему удалось почерпнуть в этом холле — едва ли не единственном месте более или менее широкого общения работников всех отделов аппарата генерала Кларка.

Заказав пива, Сологубов одну кружку выпил тут же, у стойки, а вторую взял с собой в смежный с буфетом бильярдный зал. Оба бильярда были заняты, пришлось занять очередь.

С наслаждением потягивая холодное пиво из высокой кружки, Сологубов стал следить за игрой двух американцев, одного из которых ему предстояло сменить. Они, не торопясь, разыгрывали «пирамидку» и при этом негромко разговаривали, время от времени сдержанно посмсивались.

— ...В общем, Стив по-настоящему влюбился в эту длинноногую красотку, решил на ней жениться, — рассказывал высокий сухопарый американец, выискивая глазами подходящий шар на зеленом поле. Это был Кребс, инспектор европейской штаб-квартиры ЦРУ, на днях приехавший из Франкфурта. — Жених и невеста начали готовиться к свадьбе, уже обручальные кольца заказали. И вдруг Стив получает письмо. Он вскрывает конверт: незнакомый почерк, незнакомая подпись — какой-то Пауль Мальт...

Тут Сологубов сразу насторожился, стал внимательно вслушиваться в разговор.

— И что же было в письме? — нетерпеливо спросил партнер Кребса, курносый майор из технического отдела.

— Мальт предлагал Стиву отступить от невесты, потому что, писал он, Рут Смиргиц много лет является его невенчанной женой. И в доказательство приложил с десятков веселеньких фотографий.

— Представляю себе физиономию племянничка филаделфийского банкира! — коротко хохотнул майор. — Свадьба, конечно, поломалась?

— Все лопнуло, как мыльный пузырь. — Кребс с треском вогнал шар в угловую лузу. — Вскоре после этого Смиргиц из Франкфурта перевелась сюда, в Мюнхен. А на прощание, говорят, устроила Мальту хорошенькую сцену, будто бы даже влепила ему пощечину.

— Я ее понимаю, — засмеялся майор. — Упустить такого жениха!

Из дальнейшего разговора американских офицеров Сологубов понял, что эта история с Смиргиц и Мальтом произошла в 1953 году, а близкие, интимные отношения между ними завязались еще в войну, в период их совместной службы в Летцене, в штабе «остлегионов» генерала Кастринга.

Доиграв «пирамидку», Кребс и курносый майор допили свои бокалы с вином, стоявшие на окне, и ушли. Сологубов тоже не стал играть — ему было не до бильярда. Расплатившись с барменом, он вышел на улицу, чтобы ехать домой и на досуге обдумать услышанное. А подумать было над чем.

Итак, Рут Смиргиц близка с Мальтом, точнее, была близка. Теперь Сологубову стало ясно, почему он потерпел неудачу, когда еще до поездки в Англию дважды пытался завести с нею беседу о новом заместителе шефа «Службы-22». В первый раз она уклонилась от разговора, найдя подходящий предлог. А во второй определенно дала понять, что не желает говорить на эту тему. И Сологубов больше не возвращался к ней, опасаясь показаться навязчивым. Тем более что поведение самой Рут, ее попытки сблизиться с ним с некоторых пор казались Сологубову далеко не бескорыстными: он считал, что Смиргиц специально подставлена к нему, что все это двойная игра, тайно продолжающаяся проверка. Он начал умышленно уклоняться от встреч, потом уехал в Лондон, и их связь окончательно оборвалась.

Но теперь обстоятельства резко изменились. Прерван-

ные отношения с Смирниц, пожалуй, придется восстано-
вить, сделать их более близкими и доверительными. Что
касается старых подозрений, то они полностью остаются
в силе. К этому надо быть готовым. Предстоит, можно
сказать, единоборство на равных: чья возьмет?

Наладить бывшие отношения, как Сологубов и предпо-
лагал, оказалось делом несложным. Рут и до этого, встре-
чая его в коридорах служебного здания, была неизменно
приветлива, мило улыбалась. А тут подвернулся удобный
предлог для встречи: капитан Холлидз попросил Сологу-
бова отнести переводчице один документ. Это было в пер-
вую пятницу августа. В крохотном кабинетике с кактусами
на подоконнике Рут работала одна. После нескольких
минут непринужденной пустой болтовни Сологубов как бы
между прочим пригласил ее на субботу в кино. Рут охотно
согласилась.

Однако прошло немало дней, прежде чем он почувст-
вовал себя готовым к решающему разговору. Ему каза-
лось, что без достаточной предварительной подготовки из
этой затеи ничего не получится — Рут или отвергнет, как
прежде, предложенную тему о Мальте, или просто про-
пустит мимо ушей. И тогда считай, все пропало — вновь
возвратиться к этому разговору будет уже невозможно.
Надо было действовать наверняка.

Наконец подходящий момент представился. Рут была
в прекрасном расположении духа, много шутила, смея-
лась. Они только что пообедали в ресторане и теперь си-
дели на скамейке в Ботаническом саду, под могучим ста-
рым каштаном. Тут-то Сологубов и сказал, что с некоторых
пор его мучительно беспокоит одно обстоятельство.

— Я слушаю тебя, Петер.

Закинув светловолосую голову, сложив на высокой
груди руки, Рут с закрытыми глазами благодушествовала
под мягким, рассеянным густой листвой солнцем.

— Скажи мне: Мальт приехал из Франкфурта сюда,
в Мюнхен, из-за тебя? — требовательно спросил Сологу-
бов.

Блаженное оцепенение сразу покинуло Рут. Она от-
крыла глаза, удивленно повернула к нему тонкое заго-
ревшее лицо.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

И Сологубов рассказал ей все, что слышал в бильярд-
ной служебной буфета. Потом спросил:

— Это правда?

— В основном, да.

— Меня интересует не прошлое, а твои отношения с Мальтом теперь.

— Неужели ревнуешь, Петер? — Рут улыбнулась.

Когда она спросила об этом, Сологубов сразу проникся уверенностью, что разговор попал в нужное русло. По крайней мере, теперь он твердо знал, в каком направлении надо вести сегодняшнюю беседу и строить свои отношения с Смиргиц впредь.

— По-моему, для ревности нет оснований, — уже без улыбки, задумчиво продолжала Рут. — Хотя похоже, что Мальт действительно ищет сближения.

— А ты?

— Я его ненавижу. Он поломал мне жизнь.

— Но он любит тебя?

— Если бы любил по-настоящему, не женился бы на американке, которая старше его почти на десять лет.

— Почему он это сделал?

— Эта плоскогрудая леди из влиятельной семьи. Она помогла бешеному нацисту прижиться у американцев и сделать карьеру.

— Значит, Мальт в прошлом фашист?

— Да, прежде был фашист, — она мрачно усмехнулась, — а теперь, как это квалифицировали бы русские, реваншист.

— А кто в таком случае ты?

— А что я? Я была только техническим работником. Стучала на своей машинке в штабе сухопутных сил вермахта, стенографировала, делала переводы... А теперь служу самодовольным мужланам янки — они хорошо платят. Но, если быть откровенной, мне они противны, в душе я презираю их.

— За что же такая немилость?

— Хотя бы за то, что на нас, немцев, они смотрят как на рабочую скотину, которую можно купить за деньги и заставить делать для них любое грязное дело. Это я испытала на собственной шкуре. К тому же они спят и видят, как бы опять нас сравнить с Россией, не приведи боже дожить до такого дня. — Рут достала из сумочки сигареты, закурила. — А впрочем, все это не моего ума дело. Если называть вещи своими именами, я просто одинокая красивая баба, которая устала от жизни, от окружающей и собственной подлости, хочет разбогатеть, чтобы до конца дней своих не скопидомничать, не трястись над каждой

маркой, а тратить их не считая. И еще я хочу найти себе хорошего мужа...— Она засмеялась, поправив пышную прическу, посмотрела Сологубову в глаза.— Петер, бери меня замуж! А? Ты мне нравишься. Я буду верная жена и хорошая хозяйка. Я все умею: готовить, шить, стирать...— Она помолчала, потом, как бы сразу протрезвев, тихо закончила: — Я конечно, шучу. Мне нужен муж солидный, с положением. Да и тебе, пожалуй, я не гожусь в жены. Ты еще сравнительно молодой, сильный, красивый. Найдешь женщину и без ребенка...

— Кстати, твоя Ани — дочь Мальта?

— Нет. У меня был муж.

Уже после твоего знакомства с Мальтом?

— Дался тебе этот Мальт! — недовольно заметила Рут. — Ладно, так и быть, ревнивец несчастный, поедem ко мне пить кофе, и я все тебе расскажу.

Домой Сологубов вернулся поздно ночью. Он чувствовал себя усталым, хотелось спать. Но лечь ему сейчас было нельзя. Требовалось мысленно восстановить весь сегодняшний разговор с Смирниц, отсеять ненужную шелуху, касающуюся ее личных отношений с Мальтом, и записать наиболее существенное из того, что удалось узнать об этом человеке, чтобы завтра, в очередной сеанс радиосвязи, сообщить в Москву подполковнику Дружинину «выжимку» из этого материала. Обстоятельный же доклад о Мальте, видимо, придется переслать через связного в ближайшую встречу с ним.

Сологубов прошел в ванную, принял холодный душ, потом до красноты растер тело махровым полотенцем. В голове сразу просветлело. Вернувшись в комнату, он запер на ключ дверь, сел за стол, положил перед собой несколько листов чистой бумаги, авторучку и, с минуту подумав, с чего начать, стал набрасывать биографию Мальта — в общих чертах, конспективно:

«Пауль Мальт (подлинная фамилия — Мальген) родился в Москве, в богатой семье владельца ткацкой фабрики, выходца из Саксонии.

В начале 1918 года семья Мальген, не принявшая Октябрьской революции, бежала на юг, подальше от большевиков: Крым, Одесса. Конечный пункт — Германия, Дрезден, где жили богатые, влиятельные родственники.

Благодаря этим родственным связям молодой Мальген через некоторое время поступил в военное училище. Окончив его, несколько лет упорно тянул лямку незаметного армейского офицера и терпеливо ждал своего часа.

В 1936 году Мальгена назначают помощником военного атташе при германском посольстве в Москве. Это важное назначение было связано не только с тем, что он являлся уроженцем России. Главная причина крылась в другом: Мальген полностью разделял нацистскую программу, а гитлеровцы в то время остро нуждались в офицерах, обращенных в фашистскую веру.

В 1941 году, за три месяца до нападения Германии на СССР, Мальген был отозван из Москвы и получил назначение в абвер. Там он впоследствии занимался оперативным «обслуживанием» штаба сухопутных сил вермахта. Имел непосредственное отношение к «остлегионам»...

Сологубов отложил авторучку, задумался. Ог Смиргиц ему было известно, что штаб-квартира сухопутных сил (ОКХ) вермахта находилась в Восточной Пруссии. Там же, в Летцене, был штаб «остлегионов» генерала Кастринга, в котором Мальген ведал вопросами безопасности. Кроме того, в Летцене размещался лагерь советских военнопленных. Не на этом ли «пяточке» в Восточной Пруссии и пересеклись жизненные пути абверовца Мальгена и советского комдива Мишутина?

С точностью ответить на собственный вопрос Сологубов не мог. Это было лишь предположение, основанное на одном высказывании Смиргиц относительно «работы» Мальгена с пленными советскими офицерами. Он участвовал в их истязаниях и расстрелах. В частности, лично руководил расстрелом двух советских генералов. (К сожалению, их фамилии Сологубову выяснить не удалось. Разговор с Смиргиц сложился так, что повторно расспрашивать ее об этом было рискованно.) И теперь Сологубов решил: при первом же подходящем случае в беседе с Смиргиц еще раз навести ее на эту тему. Наверное, только тогда можно будет сделать сообщение по данному вопросу подполковнику Дружинину. А пока, чтобы не вносить путаницу в дело, остается довести до конца биографию Мальгена — Мальта.

«Дальнейшая судьба этого человека, — продолжал писать Сологубов, — тесно связана с матерым фашистским разведчиком Рейнгардом Геленом, возглавлявшим отдел

«Иностранные армии — Восток» в верховном командовании сухопутных сил вермахта. Этот разведывательный орган был создан весной 1942 года, после того как гитлеровский план блицкрига потерпел крушение. Одной из причин затянувшейся «русской кампании», по мнению фашистских стратегов, явилось то, что генштаб располагал недостаточной, а зачастую неверной информацией о военном, экономическом и политическом положении Советского Союза. Ни военная разведка Канариса, ни политическая Гиммлера и Гейдриха не справилась со своими задачами. Поэтому Гитлер решил, что генштаб должен иметь свою собственную разведку.

Новый отдел «Иностранные армии — Восток» не ограничивался сбором и оценкой шпионской информации. Перед ним была поставлена задача всеми способами «обрабатывать» советских военнопленных, выжимать из них разведывательные сведения, вербовать шпионов и диверсантов, принуждать наиболее неустойчивых вступать в так называемые «остлегионы», созданные из белогвардейцев, перебежчиков и уголовников.

Опекал этот отдел сам глава абвера Канарис, который, по сути, сделал Гелена своим доверенным лицом и главным наследником. Они договорились о разделении функций между двумя органами германской военной разведки. Оба должны были работать параллельно, тесно взаимодействуя между собой. Однако, если абвер Канариса отчитывался перед Гитлером и командованием вермахта, то отдел Гелена — только перед генеральным штабом. Этот ушедший от непосредственного контроля фюрера новый разведывательный орган целиком сосредоточивал усилия на ведении борьбы против Советского Союза и его вооруженных сил. Гелену была передана часть архива абвера: картотека и все досье агентуры в Восточной Европе, а также материалы по операциям, проведенным на советской территории. Целый ряд сотрудников абвера (и в их числе полковника Мальгена) направили в отдел «Иностранные армии — Восток» для укрепления его кадров. Канарис, как стало известно впоследствии, будучи одним из наиболее информированных людей, раньше, чем другие, начал понимать неизбежность краха гитлеровского рейха и, спасая свою жизнь, стал заранее готовиться к сепаратному сговору с Западом. Отдел Гелена должен был облегчить ему этот «ход конем».

Но Канарису не удалось осуществить свой замысел

Он кончил жизнь в гестаповской петле. А вот генерал Гелен явно преуспел — не только спас свою шкуру, ускользнув от заслуженного возмездия, но и сделал новую блестящую карьеру. Одним из тех, кто непосредственно помогал ему в этом, был Пауль Мальген.

С Геленом он был знаком давно, когда тот еще ходил в полковниках. Попав к нему в отдел, Мальген сумел близко сойтись со своим новым шефом. Большую роль сыграло то, что он являлся выходцем из России, считался знатоком советской действительности. Генерал поручал ему наиболее ответственные задания, особенно в последний период войны, начиная с середины 1944 года.

Именно к этому времени относятся первые распоряжения Гелена Мальгену о «приведении в порядок архивов». Под этим предлогом шеф приказал собирать в особые папки разведывательные документы о Советском Союзе, а также списки агентуры по всей Восточной Европе. Потом последовал еще приказ: со всех этих материалов сделать три фотокопии и спрятать в тайниках, которые были оборудованы в разных местах Баварских Альп.

Несколько позже Гелен с помощью того же Мальгена разработал план консервации своей службы. Этот план начал активно осуществляться, как только советские войска, вступив на территорию Германии, форсировали свое продвижение в сторону фашистской столицы. Часть сотрудников Гелена должна была продвигаться на Запад и сдаваться в плен американцам. Другие объявлялись «героически погибшими за фюрера, народ и родину», а затем с поддельными документами бесследно исчезали, чтобы вновь вынырнуть на поверхность по тайному приказу шефа, когда это будет нужно.

В апреле 1945 года полковник Мальген, бросив на произвол судьбы свою «невенчанную жену» Рут Смирниц, с небольшой группой самых доверенных помощников Гелена, которого фюрер незадолго до этого произвел в генерал-лейтенанты, сопровождает своего начальника в сверхсекретном «путешествии». Цель: отыскать надежное убежище для самих себя и наиболее важных архивов. Маршрут: от бранденбургской деревни Цосен до Альп.

Вначале они ехали недлинной колонной на автомашинах. Миновав Мюнхен, Гелен отпустил шоферов, приказал остальным продолжать путь пешком. Нагруженные тяжелой кладью, они гуськом шли по горным тропам на

юго-восток, к горе Вандельштейн. У ее подножия оставались. И тут Гелен сказал, ни к кому персонально не обращаясь: «Если машина несется навстречу своей гибели, самое главное — спасти то, что она везет». Но всем было ясно, что предавший своего «любимого фюрера» вновь испеченный генерал-лейтенант прежде всего заботится о спасении самого себя.

Весь конец апреля и начало мая Гелен просидел в маленьком лесном домике в местечке Элендзальм. Он с нетерпением и трусливым беспокойством ждал появления передовых частей американских войск. Нетерпение его было так велико, что по утрам он взбирался на гору Вандельштейн и подолгу смотрел в бинокль на запад, ожидая своих спасителей. Когда они наконец показались, гитлеровский генерал в штатском дорожном костюме покинул свое убежище и направился им навстречу.

Летом 1945 года Гелен с наиболее ценными досье и ближайшими сотрудниками, среди которых находился и Мальген, на специальном самолете был доставлен в Вашингтон. Он предложил американской разведке буквально тонны секретных материалов: все архивы, относящиеся к работе абвера против СССР. И не только это. Американцы, по сути, получили в свое распоряжение сотни фашистских военных разведчиков, сотрудников гиммлеровской службы безопасности и гестаповцев, нашедших приют в Западной Германии.

Так возникла геленовская организация для подрывной работы против Советского Союза — под крылом американской разведки и на ее средства.

Из Вашингтона генерал Гелен возвратился уже не как военнопленный. Он снова стал влиятельной персоной, главой своего рода американского филиала абвера, с которым считались даже самые крупные руководители оккупационной администрации США в Германии.

На этот раз Пауля Мальгена вместе с ним не было. Он и еще трое из ближайшего окружения Гелена по просьбе тогдашнего руководителя европейского отдела УСС Аллена Даллеса были временно оставлены в Вашингтоне в качестве советников американской разведки. Там, в Вашингтоне, Мальген сделался Мальтом. И там же в 1947 году женился на родственнице шефа тактической разведки «Джи-2».

Прошло еще два с половиной года, и Мальт вновь оказался в Германии, во Франкфурте-на-Майне, в европей-

ской штаб-квартире ЦРУ, официально именуемой «Управлением специальных армейских подразделений». А оттуда в конце 1954 года по его собственной просьбе был переведен в «Службу-22», в Мюнхен...

Глава четырнадцатая

Почти весь сентябрь Сологубов вместе с капитаном Холлидзом и сотрудником его группы Глиссоном был в командировке в Графенвере, близ которого находилась американская учебная база по подготовке диверсантов. Собственно, эта база не имела прямого отношения к «Службе-22», так как агенты генерала Кларка специализировались в основном на разведке, а совершению диверсий обучались постольку поскольку. Но тут, видимо, сложились какие-то особые обстоятельства, требовалось в срочном порядке подготовить несколько групп диверсионной агентуры, и поэтому в Графенвер, кроме трех инструкторов «Службы-22», прибыли еще шестеро из двух других американских разведцентров, тоже расположенных на территории Западной Германии. А через день к ним присоединились трое немцев — сотрудников организации Гелена, приехавших из Пуллаха.

Все инструкторы жили в небольшом домике на усадьбе, обнесённой забором из колючей проволоки. Тут же, сразу от забора, начинался учебный плац, а за ним аэродром, на котором стояло несколько транспортных самолетов без опознавательных знаков. Ночные погрузки с полной боевой выкладкой, а затем затяжные прыжки на парашютах с большой высоты являлись одним из важных элементов подготовки курсантов. Кроме этого, они изучали тактику уличных боев в условиях многонаселенного города, способы определения наиболее уязвимых мест на промышленных предприятиях с целью совершения там диверсий. Отрабатывали правила пользования бикфордовым шнуром, толовыми шашками, электрической подрывной машинкой. Будущим диверсантам демонстрировался специальный кинофильм о технике поджога промышленных и жилых зданий.

Руководил всем этим обучением полковник Мальт, который регулярно два раза в неделю приезжал в Графенвер, чтобы проверить, как его подопечные усваивают ремесло разрушения и убийств из-за угла. В каждый свой

приезд он инспектировал одну группу. Он давал общую вводную и, заложив руки за спину, с застывшей иронически-желчной усмешкой на худощавом лице нездорового оливкового цвета по очереди выслушивал ответы курсантов. Затем, сделав краткий разбор занятий, садился в свой черный «ошпель» и уезжал в Мюнхен.

Между наездами Мальта в Графенвер всеми делами на учебной базе ведал капитан Холлидз. Сологубов, живший с ним в одной комнате, несколько раз пытался выспросить у него о причинах непонятной спешки, изнуряющей интенсивности, с которой проводилась подготовка агентов. Но флегматичный верзила, по несколько раз на день «взбадривавший» себя крепчайшим коньяком, вместо того чтобы ответить на вопрос, начинал поносить последними словами свое начальство, по милости которого ему приходится мокнуть под дождем в этой баварской дыре, обучая каких-то подонков из мадьярских эмигрантов. Холлидз или не хотел говорить о цели скоропалительной подготовки диверсантов, или ничего толком не знал сам, что было вернее всего. Так Сологубов и оставался в неведении до самого своего возвращения в конце сентября в Мюнхен.

Оказавшись в привычной обстановке, он решил продолжить прерванное командировкой в Графенвер изучение прошлой жизни Мальта через Рут Смиргиц. Петр опять начал часто встречаться с ней, почти все вечера они проводили вместе.

Сложные завязались у них отношения. Сологубов понимал, что нравится Рут, да она и сама не раз говорила ему об этом. Он, в свою очередь, тоже был к ней неравнодушен. Но иногда ловил себя на горькой, отрезвляющей мысли: эта женщина по существу его недруг, чтобы не сказать — враг, она, наверное, приставлена следить за ним, изучать его поведение, фиксировать разговоры, взвешивая каждое сказанное им слово.

И в то же время донимали сомнения: а так ли все это? Ведь Рут хорошо к нему относилась, была заботлива, мила, комично-ласково именovala его «Пэтрусь» — на белорусский лад, только с ударением на первом слоге. Когда он бывал у нее дома, Рут, как добрая, гостеприимная хозяйка, старалась упредить каждое его желание. Не избалованному домашней заботой, немолодому уже холостяку было приятно ощущать это внимание и окружающий его уют.

В такие минуты Сологубову не хотелось плохо думать о ней. Он старался не вспоминать ни о предупреждении Кантемирова («Будь осторожен с этой красоткой!»), ни о своих былых подозрениях насчет коварного любопытства Смиргиц к некоторым моментам его биографии. А если и вспоминал, то с осуждением собственной профессиональной настороженности: «Стоит ли изводить себя напрасной подозрительностью? Не может быть, чтобы Рут была чем-то вроде подсадной утки»...

Как-то в четверг, после службы, Сологубов позвонил Смиргиц домой: нельзя ли сейчас приехать к ней?

— Лучше, Петрусь, завтра, — сказала она. — Я плохо себя чувствую, хочу пораньше лечь спать.

Он пожелал ей спокойной ночи и поехал к портному: давно собирался, да все недосуг. А от портного вздумал опять позвонить Рут.

Но она к телефону не подошла. Легла спать? Едва ли: было без четверти восемь. Скорее всего, вышла в аптеку купить себе лекарства. Потом Сологубов отверг и это предположение, вспомнив некоторую растерянность Смиргиц и какую-то неестественность, фальшь в ее голосе, которая ощущалась даже в разговоре по телефону. Она куда-то спешила. Но куда?!

Подумав, Сологубов решил поехать в переулок, неподалеку от Ленбахплац, где недели две назад, тоже вечером и тоже в четверг он случайно, проезжая на машине, увидел Рут. Он тогда не придавал этой встрече особого значения, потому что еще не знал, что находится в том переулке. Об этом ему стало известно от Кантемирова только позавчера. И вот теперь, в крохотной мастерской у портного, Сологубов спросил себя: а не там ли, близ Ленбахплац, надо искать Рут?

Через несколько минут он уже был на месте. Оставив машину за углом, не спеша пошел по мокрому от дождя тротуару к двухэтажному кирпичному дому в конце переулочка, где была москательная лавка. И едва сделал несколько шагов, как увидел: дверь, рядом с входом в лавку, открылась, и оттуда вышла высокая стройная женщина в осеннем пальто и большом черном берете, сдвинутом на висок. Осмотревшись по сторонам, она быстро прошла к стоянке такси и уехала.

Это была Рут! По одежде, фигуре, походке Сологубов

сразу узнал ее. Но чтобы окончательно убедиться, что не ошибся, поехал к Смиргиц домой.

Рут была очень удивлена его неожиданным визитом и недовольно спросила:

— Ты почему так поздно, Пэтрусь!

— Ездил к портному.

— А-а... — Рут замотала пуховым шарфом шею и, как была в халатике, не раздеваясь, легла на софу, под одеяло из верблюжьей шерсти. — А я вот целый вечер валяюсь. Горло болит. Наверное, ангина.

Сологубов на это ничего не сказал, достал из кармана сигареты, закурил.

— Пэтрусь, ты голоден?

— Как волк на святках, — признался Сологубов, переходя с немецкого на русский.

— А что такое святка? — спросила Рут тоже по-русски.

— Не святка, а святки. Это от рождества до крещения — самая суровая зимняя пора.

— В таком случае, не поленись сделать себе яичницу. И, пожалуйста, на мою долю тоже.

Направляясь на кухню, Сологубов заглянул в прихожую. На вешалке висело темно-зеленое пальто хозяйки и ее черный ворсистый берет. Сологубов потрогал их рукой. Они были слегка мокрые, явно побывали под дождем. Сомнений не оставалось! На конспиративной квартире рядом с москательной лавкой была именно Смиргиц. А квартира эта принадлежала отделу безопасности, который «обслуживает» аппарат генерала Кларка. Значит, Рут сотрудничает с американской контрразведкой, является ее осведомителем. Таким образом, худшие опасения на этот счет оправдались.

Сологубов мысленно прикинул, чем конкретно Смиргиц могла навредить ему. Он всегда был осмотрителен и осторожен с ней. Однако как ни осторожничай, неизбежно что-то, наверное, доходило до отдела безопасности. А там (это Сологубову давно было известно) ведется специальная картотека «кто кого знает», заимствованная американской контрразведкой у Гелена и положенная в основу изучения сотрудников и агентов «Службы-22». Фиксируются все служебные и бытовые связи изучаемых лиц, а также их поведение, образ жизни, умонастроение. Материал для этой картотеки (надо думать, за приличное вознаграждение) в числе других осведомителей добывала Рут Смиргиц, пуская в ход свое женское обаяние и красоту.

Та самая «заболевшая ангиной» Рут, которую он сейчас должен кормить яичницей.

Впрочем, яичницу надо еще приготовить. Яйца и масло, наверное, лежат в холодильнике? Сологубов открыл его, и первое, что попало ему на глаза, была початая бутылка коньяку, которую он сам привез вчера. Сологубов налил из нее полный бокал и выпил — иначе, пожалуй, не смог бы вернуться в комнату к Смиргиц, смотреть ей в лицо, в ее нагло красивые глаза.

После этого случая Сологубов несколько дней не появлялся у Рут. Она была неприятна, почти отвратительна ему. Но здесь вступало в силу нечто более важное, чем его личные чувства и переживания, — интересы дела. И он вынужден был продолжить прежние отношения.

Сологубов и Рут встречались почти каждый вечер, подолгу гуляли по улицам Мюнхена, если была хорошая погода, или ходили в кино, танцевали в дансинге при ближайшем ресторане; в воскресенье ездили за город, на Остерзеенские озера. Однако прежнего радостного чувства от связи с этой красивой женщиной у Сологубова не было. Теперь в нем постоянно жила мысль, что он и Смиргиц ведут тайную игру друг против друга. И оттого, что не было искренности в их отношениях, они не доставляли настоящей радости.

Да, это была обоюдная тайная игра. Но с существенной разницей в положении сторон. Если Сологубов в конечном счете вел эту игру против военного преступника Мальта, то Рут — непосредственно против самого Сологубова. И этим усложнялась его задача. Он теперь в общении с Смиргиц был осторожен вдвойне, руководствовался правилом: стремясь получить необходимую информацию, давать как можно меньше сведений о себе. Это было непросто. Это сковывало его, тормозило выяснение нужных для дела вопросов.

В частности, ему требовалось как можно больше узнать о службе Мальта в штабе «остлегионов» в Летцене: в чем конкретно состояла его «работа» с пленными советскими офицерами, о которой однажды упомянула Смиргиц, кто были те два расстрелянных им русских генерала? Хотя бы какие-нибудь наводящие биографические данные об

этих людях — вот что хотел знать Сологубов. И еще: почему Мальт присвоил себе имя советского генерала Мишутина, зачем это ему было нужно?

Ответы на эти вопросы Сологубов рассчитывал постепенно выудить у Смиргиц. К этому были направлены все его усилия. Но вскоре обстоятельства сложились так, что он отказался от своего первоначального замысла и принял совсем другое решение.

Однажды в субботу Смиргиц пригласила Сологубова поехать вместе с ней к ее дочери, которая жила у родственников в деревне. Рут навещала ее каждый месяц, успевая на своем «фольксвагене» обернуться за двое суток. Но сейчас машина Смиргиц была в ремонте, и она попросила Сологубова, чтобы он свез ее на своей малолитражке.

Они выехали в середине дня. Октябрьское солнце светило ярко, словно летом.

Рут была в прекрасном настроении. Рассеянно любуясь осенним лесом, она не переставая болтала о всякой всячине. Сидевший за рулем с сигаретой во рту Сологубов лишь время от времени вставлял свои замечания.

Смиргиц заговорила о служебных делах, припаялась перемывать косточки сотрудникам, начальству. Сологубов сразу оживился, начал задавать ей вопросы и постепенно добился того, что разговор незаметно, как бы сам по себе, перешел на Мальта. Немного поболтав о служебной придирчивости, вьедливости Мальта, Рут вдруг сказала:

— Пэтрусь, ты только не ревнуй! — Она озорно улыбнулась. — Представь себе, Мальт вчера мне в любви объяснился.

— Значит, дала ему повод.

— А если без всякого повода? — Рут игриво повела плечом, засмеялась. Было видно, что ей доставляет удовольствие говорить об этом, как женщине, знающей себе цену. — Старый грешник пригласил меня к себе в кабинет, вроде как для стенографирования.

— И что же дальше?

— Начал расспрашивать, как мне живется в Мюнхене, как здоровье моей дочки, — жалостливым, мерзавец, прикинулся. А потом и говорит: «Ты, Рут, единственная женщина, которую я любил по-настоящему и люблю до сих пор. Если можешь, прости меня...»

— Ну, а ты?

— Я хотела сразу же уйти, но он запер дверь на

ключ, полез было ко мне с поцелуями. Я разозлилась, оттолкнула его, сказала, чтобы он не смел ко мне подходить. Тогда он опять начал умолять меня, чтобы я простила его. «Не надо,— говорит,— быть столь жестокой. В понедельник я вылетаю в очень опасную командировку: из таких, бывает, не возвращаются...»

— Опасная командировка? — с улыбкой переспросил Сологубов.

— А-а, чепуха все это! — пренебрежительно махнула рукой Смиргиц. — Единственная опасность, которая реально ему угрожает, — это протереть, сидя за столом, штаны.

Сологубов подождал немного, думая, что Рут добавит о командировке Мальта что-нибудь еще. Но она больше ничего не сказала. Тогда он спросил:

— И чем же у вас все кончилось?

— А ничем. Я отперла дверь и ушла.

Смиргиц вдруг заговорила о ремонте своей квартиры, который она затеяла и который, видимо, ей дорого обойдется.

Сологубов, делая вид, что ему близки хозяйственные заботы Рут, вынужден был поддерживать ее болтовню, хотя мысли его в это время были заняты совсем другим. У него не выходила из головы новая командировка Мальта, о которой упомянула Смиргиц. Почему эта командировка «очень опасная»? Или все дело лишь в сентиментальности Мальта, пытавшегося разжалобить свою прежнюю любовницу, чтобы помириться с ней? А если это не так? Тогда Мальт действительно вылетает в понедельник на какое-то опасное задание. Куда?

И тут Сологубову припомнился один разговор, свидетелем которого он оказался в своей служебной комнате. Это было примерно неделю назад. Капитан Холлидз, ведавший изготовлением фальшивых документов для разведчиков «Службы-22», по внутреннему телефону докладывал Мальту, что подобрал ему надежный паспорт. А в заключение заверил: «Будьте спокойны, полковник, мадьяры не подкопаются...»

Теперь в это отрывочное воспоминание как-то само по себе вплелось еще одно. Перед взором Сологубова в туманной сетке сентябрьского ненастья встал Графенвер — учебная база американской разведки: десантные самолеты без опознавательных знаков на аэродроме, форсированная подготовка диверсантов, большинство которых бы-

ли из венгерских эмигрантов — бывшие члены фашистской организации «Скрещенные стрелы», офицеры жандармерии и прочие реакционные элементы. А руководил обучением всего этого отребья Мальт, перед этим дважды за сравнительно небольшой промежуток времени побывавший в Будапеште.

Логично было предположить, что и на этот раз маршрут новой командировки заместителя начальника «Службы-22» ведет в Венгрию, где, судя по сообщениям прессы, обстановка сейчас какая-то смутная, напряженная. Немного поразмыслив, Сологубов вдруг проникся уверенностью, что дело обстоит именно так. Хотя ему по-прежнему было неясно, что за нелегкая несет туда Мальта, какого дьявола ему там делать с такой оравой диверсантов? Ведь их подготовлено в Графенвере несколько десятков... Или замышляется нечто очень серьезное, какая-то крупная диверсионная операция?

Ответа на собственный вопрос Сологубов не находил. Но он в эту минуту уже решил: о подготовленной американской разведкой какой-то гнусной провокации необходимо сообщить в Москву. И как можно скорее, чтобы Москва успела связаться с Будапештом для принятия срочных контрмер!..

«Прежде оба раза Мальт летал в Будапешт на пассажирском самолете, — прикидывал про себя Сологубов. — Надо полагать, такой же вид транспорта он изберет и на сей раз. Это безопаснее, чем ночью прыгать с парашютом вместе с диверсантами с десантной машины. Рисковать Мальту ни к чему, не в таком он чине. Тем более что Холлидз сделал ему надежную «липу». Кстати, кем может сойти Мальт на венгерскую землю, под какой личиной? Иностранным коммерсантом? Корреспондентом западной газеты? В составе миссии Красного Креста или другой международной благотворительной организации? А может быть, просто вольным, путешествующим туристом?

Нет, так не пойдет! Это равносильно гаданию на кофейной гуще. «Крыша», под которой Мальт будет действовать в Венгрии, неизвестна — из этого и надо исходить. А что же известно? Только то, что Мальт вылетает в понедельник (надо полагать, с мюнхенского аэродрома, через Вену) и приземлится в Будапеште в час икс...»

— Петер, ты чего там бормочешь? — прервал размыш-

ления Сологубова голос Рут. — Я смотрю, ты чем-то взволнован.

«Этого еще не доставало!» — мысленно проклиная наблюдательность спутницы, подумал Сологубов. И, поморщившись, сказал:

— зуб болит, мочи нет.

— Большой зуб — хуже всего, — посочувствовала Смирниц. И на некоторое время оставила Петра в покое. Сологубов получил возможность без помехи подумать над тем, как лучше «встретить» Мальта на аэродроме в Будапеште.

«Придется проверять самолеты всех рейсов из Мюнхена. В сутки их приходит не так уж много. Во всяком случае, взять под наблюдение одного из прибывающих на будапештский аэродром пассажиров этой линии — задача, пожалуй, вполне осуществимая. Но при обязательном условии: венгерские органы безопасности должны заранее располагать хорошими фотоснимками Мальта».

Теперь Сологубову стало ясно, какая огромная ответственность ложится на него. От того, как скоро он сможет сообщить в Москву о новой командировке Мальта, зависит успех контрмер по срыву диверсионной операции американской разведки в Венгрии.

Сологубов наотрез отказался почевать в деревне, куда уже в сумерках он наконец доставил Смирниц. Сказал, что страшно болит зуб, необходима неотложная врачебная помощь. Рут, похоже, поверила и с миром отпустила его. Сологубов помахал ей из машины рукой и чуть ли не с места дал полный газ. Навстречу замелькали огни деревень и маленьких городишек.

Примерно на полпути Сологубова застал проливной дождь и сопровождал почти до самого Мюнхена. Шоссе стало скользким, на поворотах машину сильно заносило. Но Сологубов почти нигде не притормаживал, гнал «фольксваген» на предельной скорости. «Только бы не ослепила встречная машина, тогда недолго налететь на какой-нибудь грузовик, застрявший на дороге: сразу посадить на тормоза малолитражку на мокром асфальте нечего и думать».

И случилось как раз то, чего Сологубов боялся. Путь уже был близок к концу, впереди в сплошном разливе вечерних огней показался Мюнхен, и вдруг с бокового ответвления шоссе неожиданно вынырнул «мерседес». Он неслся прямо на Сологубова с неприглушенным светом фар.

Сологубов рванул свою машину вправо. «Мерседес» со страшным завыванием проскочил мимо, исчез в темноте. И в ту же секунду Сологубов увидел, что его «фольксваген» на полной скорости мчится на что-то темное. Это был громадный прицеп от грузовика, стоявший на краю шоссе. Сологубов резко нажал на тормоз. Но было поздно. Машина юзом пролетела еще с десятков метров по скользкому асфальту, с треском ударилась о деревянный борт прицепа, перелетела через него вверх колесами и тяжело упала в кювет.

От сильного удара дверца «фольксвагена» раскрылась, и Сологубова выбросило на землю. Сгорая он тут же вскочил, рванулся было к искореженному, сплюснутому капоту машины, но не сделал и трех шагов, как резкая, стреляющая боль в правом боку повалила его наземь, рядом с опрокинутым прицепом грузовика. Петр инстинктивно закрыл глаза, стиснул зубы, поджал ноги под себя.

Полежав немного, Сологубов встал на колени, потом во весь рост. И опять по ребрам полоснула острая боль. Он замер, боясь пошевелиться, сделать глубокий вдох. Постоял так с минуту, как бы привыкая к боли. Потом осторожно ступая по мокрой, скользкой траве, начал подниматься на шоссе. Когда идти стало совсем не вмоготу и перед глазами замаячили, переливаясь, радужные пятна, Сологубов, чтобы не упасть, привалился спиной к рекламному щиту на обочине шоссе и долго стоял, ожидая, что его заметят и подберут.

Рассекая светом фар ночную темноту, мимо то и дело проносились машины. Но ехавшие в них люди или не замечали Сологубова, или опасались его. Тогда он вышел на середину дороги и, широко расставив ноги, встал с твердой решимостью не сойти с места до тех пор, пока его не подберут и не отвезут в Мюнхен.

Наконец ему повезло. В трех шагах от него остановилось такси. Свободное, без пассажиров. Молоденький расторопный шофер помог Сологубову устроиться на заднем сиденье, заботливо спросил:

— Вас в больницу?

Нет, такой вариант исключался. Стоит попасть в больницу — застрянешь там надолго. А ему сейчас дорог не то что каждый час, буквально каждая минута. Потому что арифметика, которой он теперь вынужден был руководствоваться, говорила не в его пользу: чтобы из Мюнхена попасть в Будапешт, Мальту потребуется совсем не-

много времени, примерно столько же, как при перелете из Москвы в Ленинград, а чтобы организовать ему надлежащую встречу на будапештском аэродроме, нужно сначала дать радиogramму в Москву, там ее расшифруют, передадут подполковнику Дружинину, а поскольку дело это необычное, важное, Дружинин обязан доложить о нем выше, где и будет принято окончательное решение. После этого кто-то из чекистов должен доставить фотографии Мальта в Будапешт, в органы безопасности, самолетом, так как передача снимков по бильдаппарату не гарантирует от искажения. На все это уйдет уйма времени...

Когда шофер такси повторил свой вопрос, Сологубов сказал:

— Домой, на Мариенплац.

Но это был вовсе не его домашний адрес. В районе Мариенплац жил Кантемиров, который с минувшего лета стал его добровольным помощником. И теперь Сологубов ехал к нему. Всю дорогу он боролся с болью, до крови искусал себе губы, чтобы избежать обморока, который, казалось, был совсем близок.

По приезде на Мариенплац Сологубов позволил услужливому шоферу проводить себя под руку до подъезда ближайшего дома, который он ему указал. А как только таксист уехал, вышел из подъезда и проходным двором тяжело зашагал на соседнюю улицу. Нашел дом Кантемирова, стал подниматься по узкой лестнице на четвертый этаж.

Эти несколько лестничных пролетов показались ему длиннее крутых маршей парашютной вышки. Рвущая боль в правом боку сделалась невыносимой. Сцепив зубы, чтобы не застонать, тяжело дыша и обливаясь потом, Сологубов шел медленно, делая остановки на каждой площадке. И все время его донимала беспокойная мысль: дома ли хозяин квартиры, до которой он добрался с таким трудом, не напрасны ли были все его усилия?

На счастье, Кантемиров оказался дома. Только в первую минуту, со сна, несколько растерялся, был удивлен, что Сологубов, пренебрегая им же самим установленным жестким правилом, вдруг пришел к нему домой, да еще ночью. Обычно они встречались на квартире у Марты, которую Кантемиров мог посещать, не вызывая подозрений, как ее близкий родственник.

— Что случилось, Петр Константинович?! — испуган-

но спросил он, увидев запекшуюся кровь на виске товарища.

— Потом расскажу.— Сологубов подошел к радиоприемнику, включил его, морщась от боли, опустился на заскрипевший под ним стул.— Дайте попить.

Кантемиров побежал на кухню, принес стакан холодной воды. А когда Сологубов напился, хотел было снять с него пальто. Петр остановил его:

— Не надо, Савва Никитич. Садитесь за стол, необходимо срочно передать сообщение в Москву.

И как только Кантемиров сел, положив перед собой бумагу и авторучку, Сологубов, полузакрыв обведенные синевой глаза, начал диктовать ему текст радиограммы. Потом попросил прочитать написанное, заключил:

— Все правильно. Теперь зашифруйте и быстро передавайте.

— Быстро не получится,— сказал Кантемиров, озадаченно почесав затылок.— Здесь, на дому, я работаю только на прием. Для передачи обычно выезжаю с рацией за город.

— Это слишком долго.— Сологубов, раздумывая, помолчал.— Придется, пожалуй, один раз рискнуть. Передавайте прямо отсюда.

Кантемиров пошел доставать из домашнего тайника шифровальные таблицы. Но вдруг остановился, только теперь хорошенько рассмотрев, как неузнаваемо за одни сутки изменилось, осунулось и постарело красивое лицо Сологубова.

— Сначала я должен отправить вас в больницу, Петр Константинович.— Кантемиров стал торопливо, не попадая в рукава, надевать свой пиджак.

— Занимайтесь своим делом! — строго сказал Сологубов, тяжело подымаясь со стула.— До больницы я доберусь сам, без вашей помощи.— И, подойдя к двери, добавил: — Не провожайте меня, Савва Никитич. Ваши соседи не должны видеть нас вместе.

Благополучно спустившись вниз, Сологубов от подъезда повернул влево — по асфальтовой дорожке, вдоль мокрого газона к стоянке такси на улице. Там, под синеватым люминесцентным светом высоких фонарей, тускло блестел вымытый дождем одинокий «оппель» с шахматной полоской на дверце.

Сологубов направился к нему. Шел он медленно, с трудом передвигая отяжелевшие ноги. И только подошел

к такси и хотел попросить шофера, чтобы открыл дверцы, как вдруг потемнело в глазах, голова закружилась и он ничком упал возле машины.

Когда шедший на некотором удалении Кантемиров подбежал к нему, Сологубов был уже без сознания.

Глава пятнадцатая

Дружинина разбудил телефонный звонок. Часы со светящимся циферблатом, лежавшие на ночном столике, рядом с телефоном, показывали без четверти четыре. Дружинин взял трубку. Дежурный из комитета просил его срочно приехать на службу.

— Что стряслось? — сонным голосом спросил Николай Васильевич.

— Получено важное сообщение, — сказал дежурный.

Сон как рукой сняло. Дружинин стал быстро одеваться, стараясь не разбудить жену. Но она все равно проснулась. Надев халат, пошла на кухню сварить ему кофе, пока собирается.

Через полчаса подполковник уже был в комитете и читал расшифрованную радиogramму из Мюнхена. Она была сравнительно невелика, но содержательна. Замысел Сологубова попытаться взять Мальта в Будапеште понравился Дружинину (о происшедшей автомобильной катастрофе и ее последствиях Николай Васильевич еще не знал, сообщение об этом от Кантемирова получил только на следующий день, в понедельник).

Прочитав радиogramму еще раз, Дружинин позвонил дежурному, чтобы выяснить, когда отправляется из Москвы в Венгрию ближайший по расписанию самолет. Потом попросил срочно вызвать лейтенанта Строгова.

Живший за городом Веня приехал примерно через час. Дружинин уже получил санкцию на командировку лейтенанта в Будапешт. Вручая ему перед отъездом на Внуковский аэродром пакет с фотографиями Мальта, Николай Васильевич сказал:

— Для нас очень важно, чтобы операция по захвату Мальта не бросила ни малейшей тени на источник информации о нем. Позиции Сологубова в американской «Службе-22» должны быть прочными. Поэтому передайте нашим венгерским друзьям, чтобы Мальт, по возможности, был арестован не один, а с теми из своих сообщников, с кем он

будет в Будапеште встречаться, и как бы по их вине...

С этим напутствием Веня и покинул Москву. Это было ровно в десять, в воскресенье, двадцать первого октября.

Дружинин с нетерпением ожидал его возвращения. Прошел один день, второй, третий. И тут радио известило о чрезвычайных событиях в Венгрии.

Дружинин услышал это сообщение перед сном и сразу подумал: дело Мальта, по которому лейтенант Строгов оказался в Будапеште, видимо, надо рассматривать в прямой связи с происходящими там событиями. Эта мысль всю ночь беспокоила Дружинина, из-за нее он плохо спал. А утром, как только почтальон принес свежие газеты, он нетерпеливо набросился на них. На четвертой полосе было напечатано:

«Попытка контрреволюционного путча в Будапеште.

Будапешт, 24 октября (ТАСС). Вчера поздно вечером подпольные реакционные организации предприняли попытку вызвать в Будапеште контрреволюционный мятеж против народной власти. Эта вражеская авантюра явно готовилась в течение длительного времени, причем силы зарубежной реакции систематически подстрекали антинародные элементы к выступлению против законной власти.

Нападениям подвергся ряд государственных и общественных учреждений и предприятий. Распоясавшиеся фашистские молодчики начали грабить магазины, бить стекла в жилых домах и учреждениях, пытались разрушать оборудование промышленных предприятий. Отряды бунтовщиков, которым удалось захватить оружие, и диверсанты вызвали в ряде мест кровопролитие...»

«Да-а,— сказал себе Дружинин, прочитав сообщение.— Дело, выходит, намного серьезнее, чем предполагал Сологубов. Тут уж не локальной диверсией пахнет, не те масштабы».

Но истинные масштабы мятежа в Венгрии, подготовленного подпольными фашистскими организациями при поддержке американской, западногерманской и английской разведок, раскрылись перед ним значительно позже, когда он в конце 1956 года вплотную приступил к следствию по делу арестованного в Будапеште и доставленного специальным самолетом в Москву Пауля Мальта.

В Венгрию Мальт прибыл с паспортом корреспондента западногерманского телеграфного агентства. Но это выяснилось уже потом. А в первый момент он был обнару-

жен по фотоснимку, когда спускался по трапу из самолета на будапештском аэродроме. Его взяли сразу под наблюдение, установили гостиницу, в которой он снял номер. Вернуться туда ему не пришлось. В тот же день, поздно вечером, его арестовали на конспиративной квартире в районе Восточного вокзала вместе с небольшой группой «боевиков» — руководителей диверсионных «семерок», созданных для последнего инструктажа.

На следствии Мальт показал, что подготовка контрреволюционного путча велась по двум основным направлениям: во-первых, формирование подпольных контингентов в самой Венгрии, во-вторых, обучение диверсионно-террористической агентуры американскими и западногерманскими разведцентрами на территории ФРГ.

Всего в Западной Германии для участия в мятеже было заблаговременно подготовлено и обучено более одиннадцати тысяч венгерских контрреволюционных эмигрантов. В частности, кадры мятежников готовились в Траунштейне (Верхняя Бавария), откуда они группами перебрасывались в Австрию, а затем на санитарных самолетах и автомашинах Красного Креста — в Венгрию. В Баварии же, близ Графенвера, была другая учебная база, с которой по ночам стартовали американские самолеты без опознавательных знаков. На их борту находились агенты, специально обученные тактике уличных боев и диверсионно-террористической деятельности. Они сбрасывались на парашютах над Венгрией.

Обо всем этом Дружинин прочел в следственном деле, которое было прислано вместе с самим Мальтом из Будапешта. В высшей степени интересные в определенном аспекте эти факты, однако, для Дружинина могли служить только в качестве вспомогательного подсобного материала. Объектом его следствия была другая сторона дела: все то, что касалось отношений Мальта и генерала Мишутина в годы войны. Этим он и продолжал теперь заниматься.

Вначале, перед тем как приступить непосредственно к допросу Мальта, Дружинин еще раз просмотрел все относящиеся к нему донесения Сологубова, и особенно внимательно те из них, где говорилось о пребывании Мальта в Летцене, в штабе «остлегионов».

Кроме этого, Николай Васильевич располагал материалами немецких архивов. По счастливой случайности, в руки ему попало личное дело абвер-офицера Мальгена. Наряду с другими документами там имелось несколько

характеристик на него. В одной из них было написано:

«Пауль Мальген является преданным сторонником национал-социализма, закаленным в беспощадной борьбе с врагами рейха. В работе проявил себя большим мастером своего дела. В порочных связях не замечен. Неоднократно отмечался наградами фюрера. Обладает стойким нордическим характером...»

На первом же допросе в Венгрии этот человек с «нордическим стойким характером» предложил свое сотрудничество против американской разведки, в которой служил с первого послевоенного года. Ради спасения собственной жизни Мальт был готов на все. Отчасти именно этим объяснялась его «полная откровенность», как он сам выражался, и на последующих этапах следствия. Своим демонстративным «раскаянием» он зарабатывал снисхождение.

Но это, пожалуй, являлось не главной причиной покладистости Мальта на допросах. Дружинин препирал его к стенке фактами, от которых было трудно увильнуть. Через ГУК Министерства обороны подполковник разыскал несколько бывших советских военнопленных, в 1942—1943 годах находившихся в лагерях на территории Польши и Норвегии, где Мальт вербовал добровольцев в «остлегионы», и устроил им очную ставку с ним. Аналогичным путем Дружинин сумел доказать преступный, варварский характер «работы» Мальта с пленными советскими офицерами в самом Летцене, где он «обслуживал» штаб «остлегионов» генерала Кастринга.

Так, постепенно сужая кольцо неопровержимых улик, Дружинин шаг за шагом шел к цели: прояснить обстоятельства, при которых имя советского комдива Мишутина в гнусных целях было использовано врагом. Следствие длилось более пяти недель. Наконец настал день, когда Дружинин смог сказать себе, что сделал все, чтобы пролить свет на трагическую историю в Летцене.

Вот как она произошла.

Летцен находился недалеко от Растенбурга, в глубоких подземельях которого размещалась ставка Гитлера — «Вольфшанце» («Волчья яма»).

Это соседство генерал Кастринг считал не особенно удачным для себя: вызовы в ставку, по его мнению, были неоправданно частыми. А впрочем, он, может быть, ошибался. Причин для его систематических приглашений в Растенбург, пожалуй, имелось достаточно. С тех пор

как после провала расчетов на молниеносную кампанию в России фюрер издал приказ об активном использовании советских военнопленных в формированиях вермахта, Кастринг ни дня не знал покоя. Привыкший работать планомерно, размеренно, с вышколенным, хорошо обученным контингентом, он теперь был вынужден большую часть своего служебного времени непроизводительно тратить на разрешение бесконечных вопросов, связанных с комплектованием подчиненных ему «остлегионов»: желающих служить в них находилось мало, явно недостаточно для выполнения тех задач (по охране коммуникаций и тыловых объектов вермахта), которые были поставлены перед этими подразделениями.

Чтобы выполнить приказ фюрера, принимались все меры. В ход были пущены испытанные приемы — обман и провокация. Советских военнопленных одной национальности натравливали на другую, организовывались различные националистические, религиозные союзы и комитеты — все для того, чтобы вызвать, разжечь антисоветскую активность этих людей. В лагерях пленным создавали невыносимую обстановку, старались поставить их перед выбором: или умереть от голода и болезней, или идти служить немцам. Ставка делалась прежде всего на лиц, враждебных Советской власти. Комплектование «остлегионов», в частности, шло за счет белогвардейских и кулацких недобитков, бывших уголовников, подонков, шкурников. Однако эта разношерстная недисциплинированная публика не могла решить проблемы. Требовалось расшевелить, активизировать основную массу военнопленных. А это, несмотря на все потуги и старания, гитлеровцам никак не удавалось.

При каждом вызове в ставку генерала Кастринга начинала бить дрожь, он терял самообладание, бывал настороженно мрачен всю дорогу, пока ехал из Летцена в Растенбург в своем черном «хорьхе» и потом спускался по витой длинной лестнице в гулкое бетонированное подземелье. Всякий раз после беспардонного разноса за «неразворотливость» фельдмаршал Кейтель напоминал Кастрингу, что о неблагоприятии с комплектованием рано или поздно должен узнать сам фюрер и тогда могут быть сделаны далеко идущие выводы. Попасть в немилость к Гитлеру Кастринг боялся пуще всего и потому из кожи лез, делая все, что было в его силах.

Однажды, в конце лета сорок второго года, после

очередной поездки в ставку Кастринг возвратился в Летцен, в свой штаб, и, пригласив к себе в кабинет с толстыми крепостными стенами Мальгена, сказал ему:

— Полковник, я намерен поручить вам одно весьма ответственное дело. Необходимо подыскать несколько высших советских офицеров в наших лагерях для военнопленных. Эти люди должны быть достаточно авторитетными в Красной Армии. И в то же время...— Кастринг пощелкал длинными сухими пальцами, подбирая нужное слово.— В общем, желательно, чтобы в их биографиях имелось нечто такое, на чем мы могли бы сыграть, чтобы привлечь их на нашу сторону.

Выполняя это задание, Мальген поехал по лагерям. Сперва в местный, в Летцене, затем в Танненберг, тоже в Восточной Пруссии, и, наконец, в Хаммельбургский, офицерский, в долине реки Заале. В результате этого вояжа были отобраны и доставлены в Летценскую крепость, где находился штаб Кастринга, три советских генерала и полковник.

Но на другой день у одного из этих генералов открылось сильное кровохарканье, и его поспешили отправить обратно в Хаммельбург. А заодно с ним и полковника: Кастринг решил, что по чину он не подходит для той роли, на которую его прочили.

Из оставшихся двух генерал-майоров первым в списке значился Павел Семенович Мишутин. В краткой справке на него, составленной Мальгеном для Кастринга, было написано:

«Герой Халхин-Гола; награжден орденом Красного Знамени; довольно известная фигура в Советской Армии предвоенных лет: в сентябре 1939 года в одной из центральных русских газет был опубликован очерк о полковнике Мишутине, как об одном из особо отличившихся офицеров в боях с японцами, и напечатан его портрет. Окончил военную общевойсковую академию. Последняя должность — командир пехотной дивизии. Захвачен в плен летом 1941 года, когда, пытаясь пробиться из окружения, был контужен и ранен.

Обращает на себя внимание подходящая для нас родословная Мишутина (сын священника), а также то, что его брат был репрессирован Советской властью (раскулачен, т. е. лишен принадлежавшего ему имущества, прав и выслан в отдаленный сибирский край)».

Прочитав эту справку, Кастринг одобрил выбор пол-

ковника Мальгена и приказал ему начать «подготовительную работу».

В тот же день Мишутина из крепостного подвала, в котором он временно содержался, перевели в отдельную большую светлую комнату на втором этаже флигеля, где жил сам Кастринг. Вместо засаленной телогрейки и изношенных, рваных сапог, в которых его привезли из лагеря, ему выдали полный комплект нового обмундирования, положенного советскому генералу, только без петлиц и знаков различия, а также свежее, тонкого полотна нижнее белье. Начали вкусно и сытно кормить три раза в день. К обеду даже подавали французский коньяк «Наполеон»... И так целую неделю.

На восьмой день утром в комнату к пленному генералу в сопровождении Мальгена пришел Кастринг. Чинно поздоровавшись, он сел за стол напротив Мишутина и сказал:

— Генерал, я не дипломат, а солдат, потому буду с вами говорить прямо и предельно откровенно.

Когда Мальген перевел это Мишутину, тот негромко, скороговоркой заметил:

— Я тоже сторонник прямоты и откровенности.

— Тем лучше,— сказал Кастринг.— У меня к вам сугубо деловое предложение. Нам нужен умный, образованный помощник из русских, чтобы заниматься делами комплектования вверенных мне фюрером «остлегионов». Надеюсь, вы слышали о них?

— Да, довелось. И должен сказать, что эти ваши формирования находятся в вопиющем противоречии с Женевской конвенцией, которая запрещает подобное использование военнопленных.

Кастринг пропустил это замечание мимо ушей и продолжал:

— Так вот, эту должность я предлагаю вам, генерал.

Тонкие бледные губы Мишутина дрогнули в иронической усмешке:

— Значит, решили меня в зазывалы?!

— Что есть зазываль? — вдруг заговорил Кастринг по-русски, обращаясь к Мальгену. И когда тот объяснил, Кастринг сдержанно улыбнулся:— О, нет! Мы фам, герр Мишутин, предлагайт быть глафный пропагандист «остлегион».

— Я так и понял,— сказал Мишутин.

— Зер гут,— кивнул Кастринг.— Ви будет софсем

дофольны. Мы сохраняя фам чин генераль и все привилегий. Плюс большой сумма рейхсмарка кажди месьяц. Это есть очшен вигодны фам сделка.

Он немного помолчал и потом заговорил по-немецки — не спеша, назидательно. Мальген стал переводить:

— У вас, господин Мишутин, безвыходное положение. Германские войска стоят под Ленинградом, успешно продвигаются на Кавказ, вышли к Волге. Участь вашей страны предрешена... К тому же лично вам вообще не по пути с большевиками...

— Это как же понимать? — спросил Мишутин.

— Вы выходец из семьи духовного лица, а Советская власть, отделив церковь от государства, поставила ее служителей в положение преследуемых и гонимых.

— Да, я сын священника, — сказал Мишутин, глядя глубоко посаженными глазами в глаза Кастринга. — Но должен вам заметить, господин генерал, священники бывают разные. Мой отец был из бедных крестьян, понал в семинарию благодаря своим выдающимся способностям, учился, можно сказать, на медные гроши. Что касается преследования лиц духовного звания, то это относится лишь к тем из них, кто пошел с контрреволюцией, ее поддерживал. Священники, оставшиеся с народом, получили возможность делать свое дело, хотя оно и не одобрялось Советской властью, которая отделила церковь от государства. Я не помню своего отца, он умер задолго до Октябрьской революции, но, если судить по рассказам матери, он был из тех священников, которые понимали нужды народа.

— При всем этом, господин Мишутин, ваша семья понесла тяжелый урон от большевиков: ваш родной брат был лишен нажитого им имущества, гражданских прав и отправлен в ссылку... Разве родная кровь не взывает к мщению?

— Мой брат был раскулачен по ошибке, отчасти потому, что являлся сыном служителя культа, хотя хозяйство его не было кулацким. Это перегиб местной власти. И это в конечном итоге исправили: брат был восстановлен в правах, он возвратился домой, ему вернули все имущество.

— Ладно, оставим вашего брата в покое и из прошлого вернемся к насущным проблемам, — недовольно сказал Кастринг. — Всякий умный человек должен быть реалистом: положение Советской Армии катастрофическое,

исход войны очевиден. Вы, господин Мишутин, можете непоправимо просчитаться, если пренебрежете открывающимися перед вами спасительными возможностями.

— Благодарю за заботу,—усмехнулся Мишутин.— А если говорить серьезно, вы опасно заблуждаетесь, господин Кастринг.

— В чем именно?

— В ваших пророчествах относительно исхода войны. Запомните, генерал: никогда, ни при каких условиях не победить того народа, который осознал, что, отстаивая Советскую власть, Советское государство, он отстаивает свою свободу, собственное благополучие и счастливое будущее своих детей...

Так они разговаривали около двух часов. А желательных для Кастринга результатов все не было и, похоже, не предвиделось. Кастринг помрачнел, стал резок, даже груб. Мишутин не мог не заметить этой перемены и с иронической улыбкой сказал:

— Вы напрасно нервничаете, генерал. Все равно мы с вами не сторгуемся. И вообще, мне кажется, это не тема для разговора военных людей, для которых верность присяге превыше всего.

— С такой амбицией, господин Мишутин, надо бы сразу себе пулю в лоб! — зло заметил Кастринг.— А вы тем не менее сдались в плен.

— Прошу сообщить вашему генералу, что в плен меня взяли, когда я был в беспамятстве после контузии,— резко сказал Мишутин переводившему Мальгену.

— А то бы, хотите сказать, застрелились? — последовал насмешливый вопрос Кастринга.

— Наверное, да... Правда, это была бы никому не нужная смерть. Пустить себе пулю в лоб — не лучший выход из положения. Это равносильно бегству с поля боя. Ведь если бы я застрелился, то убавился бы на одного солдата строй врагов фашизма, ваших врагов, господин Кастринг.

— Но вы теперь не солдат, а пленный.

— Я коммунист и, пока жив, всегда буду считать себя в этом строю. Впрочем, вам, генерал, этого не понять. Хотя бы потому, что вы сами не испытали той унижительной жизни (если это скотское существование вообще можно назвать жизнью), которую вы создали в ваших лагерях для советских военнопленных.

— Да, там далеко не курорт. И вас, господин красный

генерал, опять ожидает возвращение в лагерь, если вы не примете наших предложений.

— Вы начинаете повторяться, генерал,— сказал Мишутин.— Мне это надоело...

Кастринг понял, что он проигрывает. Но сдаваться было не в его правилах. Этот надменный пруссак был до безрассудства упрям. Он не мог примириться с мыслью, что какой-то пленный, судьба которого полностью в его руках, к тому же бывший намного моложе его, не только не поддается на уговоры, но и держит себя перед ним, старым, заслуженным немецким генералом, как равный, непозволительно гордо и независимо. Кастринг решил во что бы то ни стало сломить его волю, подчинить своей.

Для начала он хотел было посадить Мишутина на несколько суток в крепостной карцер, на полуголодный режим, с лишением условий для сна, чтобы сломить его строптивость перед повторным разговором. А если и это не даст желаемых результатов, применить меры прямого физического воздействия.

Но Кастринг тут же отказался от этого замысла. Он вдруг заметил, как поразительно похожи Мишутин и Мальген. Собственно, это ему бросилось в глаза еще прежде, почти в самом начале разговора. Тогда он не придал подмеченному сходству особого значения. Теперь же у Кастринга возникли вполне определенные мысли, которые навели его на принципиально новое решение относительно дальнейшей работы с пленным советским генералом.

Чтобы проверить себя, Кастринг еще раз бесцеремонно оглядел своих собеседников. Действительно, общего у них было много. Оба невысокого роста, худощавые, у обоих глубоко запавшие глаза под выпуклыми надбровными дугами, прямой нос, тонкие подвижные губы. Но главное было не в идентичности их отдельных черт, а в сходстве общего облика этих двоих людей. Правда, до двойников, которые в жизни встречаются довольно редко, им было далеко, но можно было смело сказать, что они похожи друг на друга, как родные братья. Кастрингу для задуманного им дела этого было вполне достаточно.

Три дня спустя состоялась вторая встреча. На этот раз в служебном кабинете Кастринга, куда пленный был препровожден комендантом штаба гауптманом Лемке.

По обыкновению безбожно коверкая русские слова и перемежая их немецкими, Кастринг спросил Мишутина,

достаточно ли он подумал над своей судьбой и какое принял решение.

— Мое решение остается неизменным,— сказал Мишутин.— И я прошу, чтобы меня отправили обратно в лагерь, где содержатся мои товарищи.

— Это не есть гут,— неодобрительно покачал седой головой Кастринг.— Вы очен глупо думаль.

Чуть помедлив, он строго сказал Мишутину, что спрашивает его в последний раз: согласен ли он сотрудничать с вермахтом?

— Нет! — ответил Мишутин.

— Зер шлехт,— раздраженно пробормотал Кастринг и нажал кнопку на столе.

Тотчас в кабинет вошел Мальген. Он был в мундире советского генерала без знаков различия и петлиц. Точно в таком же, как Мишутин.

Когда Мальген сел в кресло у стола, Кастринг, кивнув в его сторону, сказал:

— Это есть генераль Мишутин. Он будет поезжать в лагери русски пленный и вести вербовка для «остлегион».

Кастринг с минуту помолчал, глядя, какое впечатление этот его новый ход произвел на пленного. Затем резко, с угрозой в дрожащем голосе заговорил по-немецки. Мальген начал быстро переводить:

— Знайте, Мишутин: отказываясь от наших предложений, вы подвергаете смертельной опасности собственную жизнь. В то же время вы все равно не спасете свою репутацию, о чистоте которой столь щепетильно печетесь. Мы постараемся сделать так, чтобы о генерале Мишутине, якобы добровольно перешедшем на службу в германскую армию, узнало как можно больше советских людей: они будут слушать его публичные выступления в лагерях военнопленных, читать листовки с его биографией и портретом, призывающие их к сотрудничеству с вермахтом. Но это не все. Об измене генерала Мишутина станет известно по ту сторону фронта, его боевым товарищам, друзьям, наконец, главному командованию Красной Армии.

Выпалив все это почти на одном дыхании, побагровевший Кастринг вызвал коменданта и приказал посадить пленного в карцер, на строгий режим.

Когда Мишутину, до синевы бледного, со стиснутыми губами, в стальных наручниках уводили из кабинета,

Кастринг, все еще не остыв от гнева, крикнул ему вдогонку:

— Имейте в виду, если вы не измените своего решения, крепостной каземат будет не самым худшим вашим обиталищем. Мы вас упрячем туда, откуда не возвращаются!

— Есть необходимость еще раз вернуться к некоторым вашим показаниям,— сказал Дружинин.

— А что конкретно вас интересует? — вкрадчиво спросил Мальт. После недельного перерыва в допросах, о причине которого он не знал, его снова привели в кабинет подполковника. — Мне, признаться, казалось, что я уже обо всем достаточно основательно рассказал.

— А обо всем ли? — строго спросил Дружинин.

Мальт остановил на подполковнике пристальный вопрошающий взгляд, как бы пытаясь определить по его лицу, что же такое еще может быть известно следователю.

— Напрасно себя утруждаете, Мальт: на мне ничего не написано,— усмехнулся Дружинин. — Лучше начинайте рассказывать все по порядку... Ну, хотя бы с того момента, как генерал Мишутин был заключен в Летценскую крепостную тюрьму.

Николай Васильевич дал знак сидевшему рядом с ним Строгову, чтобы тот включил магнитофон.

Отхлебнув глоток воды из стакана, Мальт начал:

— Примерно через неделю после неудачной попытки привлечь Мишутину на нашу сторону, стало ясно, что и другого советского генерала, Никифорова, который был мною привезен из лагеря одновременно с Мишутиным, нам тоже обработать не удастся. Кастринг был в бешенстве, что называется, рвал и метал. Так продолжалось несколько дней, пока у него не созрел новый план.

Как-то вечером Кастринг пригласил меня к себе на квартиру, угостил кофе с ликером, хорошими сигаретами и сказал: «А вы знаете, полковник, мне кажется, имеет смысл довести до логического конца затеянный нами маскарад с подставным генералом Мишутиним. Думаю, подобное перевоплощение для вас не составит особой сложности. По-русски вы говорите свободно, жизнь советских людей и, в частности, их армейскую жизнь знаете — недаром столько лет служили в военном атташате при нашем посольстве в Москве. Против вас, если вдуматься, не устоит ни один самый красноречивый агитатор из настоящих советских генералов, потому что вы будете ра-

ботать без принуждения, не из-под палки, а добровольно, на благо нашей великой Германии...»

— И что же дальше? — спросил Дружинин.

— После этого я вынужден был поехать в ряд лагерей для советских военнопленных, — сказал Мальт.

— Под именем генерала Мишутина?

— Я выполнял эту работу эпизодически, между основными занятиями в штабе Кастринга.

— Ну и как, это помогло разрешить проблему комплектования «остлегионов»?

— Мои выступления в лагерях перед пленными, несомненно, кое-что приносили. Какой-то небольшой процент антисоветски настроенных людей из числа кулацких и уголовных элементов, ранее репрессированных Советской властью, нам все же удавалось завербовать. Это достигалось в большинстве случаев с помощью угроз, запугивания, создания невыносимых условий жизни в лагерях. Однако в целом эта проблема не была решена. С пополнением личного состава «остлегионов» по-прежнему дело обстояло плохо. По крайней мере, до моего откомандирования от Кастринга к генералу Гелену, в аппарат разведки «Иностранные армии — Восток».

— А как вы расцениваете эти ваши поездки по лагерям и вообще всю вашу работу, связанную с принуждением военнопленных к вступлению в формирования вермахта, в свете норм международного права? — спросил Дружинин. — Ведь то, что вы делали, является преступным попиранием этих норм, а сами вы, Мальт, военным преступником. Не так ли?

— Я был только исполнителем, — невнятно проговорил подследственный.

— В таком случае, и генерал Кастринг только исполнитель, и фельдмаршал Кейтель. Ответчик, выходит, один Гитлер, — усмехнулся Дружинин. — Знакомая песня, Мальт. — Николай Васильевич что-то записал в лежавшей перед ним тетради, затем сказал: — Теперь перейдем к другому вопросу. Расскажите о последних днях генерала Мишутина.

Мальт долго молчал, потом допил воду в стоявшем перед ним стакане, попросил налить еще и наконец начал свой рассказ:

— Как я уже говорил на одном из допросов, генерал Мишутин в крепостном каземате просидел около месяца. Кастринг не терял надежды, что пленный не выдержит

тяжкого, изнурительного режима, запросит пощады и примет наше предложение. Но эти надежды не оправдались. И тогда Кастринг решил отправить Мишутина в Аушвиц.

— Это Освенцим? — негромко спросил лейтенант Строгов у Дружинина.

— Да-да, Освенцим, — услужливо подхватил Мальт, — Особый лагерь. Но генерала Мишутина туда не довезли. По дороге он и еще несколько других русских пленных выломали доску пола в товарном вагоне и на одной из станций ночью пытались бежать. Собственно, они убежали, но их начали искать по следу с собаками и нашли.

— И что же потом? — спросил Дружинин.

Мальт опять жадно отхлебнул из стакана.

— Что же потом?.. Генерал Мишутин был расстрелян в Летцене. Об этом я уже вам рассказывал.

— Да, об этом вы действительно рассказывали, — заметил Дружинин. — Но далеко не все.

— Я к своим прежним показаниям ничего прибавить не могу. — Мальт как бы в недоумении, обиженно пожал плечами. — Как я уже говорил, седьмого ноября сорок второго года, на рассвете, генерал Мишутин в специальной закрытой машине был вывезен из крепости за город, в песчаный карьер, и там расстрелян.

— Кто непосредственно руководил этим?

— Гауптман Лемке, комендант штаба в Летцене.

— Вы опять лжете, Мальт?! — резко сказал Дружинин. — Казню Мишутина, так же как и другого советского генерала — Никифорова, руководили вы лично!

— Ну, знаете ли... — Мальт с видом глубокого возмущения развел руками. — Такими тяжкими обвинениями бросаться нельзя.

— Я еще не все сказал, Мальт. Выслушайте меня до конца, — продолжал Дружинин. — Вчера мы получили из ГДР, из Главной прокуратуры, протокол допроса Лемке, проживающего в Дрездене. Потрудитесь прочесть этот полностью изобличающий вас документ, и вы поймете, что дальнейшее ваше заpiresательство попросту неразумно.

Мальт читал долго. Видимо, содержание протокола не сразу укладывалось в его перевозбужденном мозгу. И все время, пока глаза напряженно скользили по строчкам, он не выпускал из дрожавших пальцев стакана с водой, несколько раз прикладывался к нему, делал мелкие глотки — острый кадык судорожно ходил под выступающим, в седой щетине, подбородком.

Наконец Мальт осилил последний лист протокола, допил остатки воды в стакане.

— Ну, что вы скажете теперь? — спросил Дружинин.

Мальт ничего не ответил. Он тяжело откинулся на спинку стула, уставя взгляд прямо перед собой. В глазах его был смертельный страх.

Через несколько дней следствие по делу Мальта было закончено. Все, что требовалось доказать в соответствии с данными разведки Сологубова и в развитие их, Дружинин доказал. Более того, ему удалось вскрыть ряд новых фактов преступной деятельности Мальта в предвоенные годы, в бытность его помощником германского военного атташе в Москве, весомо дополнявших «послужной список» матерого шпиона.

Теперь, покончив со всем этим, Дружинин, что называется, мог вздохнуть с облегчением и всецело заняться набежавшими делами. Дружинин не имел прямого отношения к следственной работе, и сам он ни за что бы не взялся за дело Мальта, хотя и был достаточно опытен в ведении следствия, если бы оно неразрывно не переплеталось с другим делом — комдива Мишутина.

Вот об этом, другом деле Николай Васильевич и думал сейчас, вернувшись от генерала. Он думал о человеке, который случайно вошел в его жизнь из рассказа другого человека, но занял в ней такое большое место, словно был его близкий друг или лучший товарищ... Дружинин сразу поверил в комдива Мишутина, как только услышал восторженную и печальную повесть о нем от Ивана Тимофеевича Воронца в вагоне поезда. И хотя потом эту веру временами отягощали тяжкие сомнения, Дружинин в глубине души никогда не терял надежды на лучший исход, ощупью идя по отравленному гнусной ложью следу. Вера в доброе имя Мишутина давала ему силы в длительном напряженном поиске. Но не только это. Перед взором Дружинина часто вставала семья комдива. Подполковнику запомнились и невысказанный укор в грустных глазах вдовы Мишутина, и злая истеричность его дочери, несправедливо полагавшей, что все ее беды происходят из-за пропавшего без вести отца. Дружинин не мог равнодушно отмахнуться от этого, и потому продолжал начатое дело.

По-другому поступить он не мог еще и оттого, что твердо был убежден: все мы, живые, в неоплатном долгу

перед павшими на войне, жизнью своей заплатившими за счастье людское, за мирное небо над головой. Безымянных героев не должно быть.

Светлая память о них должна жить в веках, переходя из поколения в поколение. И каждое восстановленное имя героя по праву занимает свое место в строю живых...

Раздумья Дружинина были прерваны лейтенантом Строговым, появившимся на пороге кабинета.

— Товарищ подполковник! Получена радиogramма от Сологубова.

— Вот как! — обрадованно сказал Дружинин. — Значит, наконец, вышел из больницы!

Дружинин начал читать радиogramму. Прочитав, улыбнулся.

— Надо поздравить Петра Константиновича с выздоровлением и сообщить ему, что он представлен к награде.

Когда лейтенант ушел, Дружинин решил, не откладывая, с утра, пока не захлестнула деловая текучка, написать письмо в Минск Воронцу. Иван Тимофеевич первым пошел по следу своего комдива и первым должен узнать о конечном результате поиска. Потом (но это уже завтра, в воскресенье, дома) нужно написать Гущину, Сережину, всем другим, помогавшим восстановить доброе имя генерала Мишутина... А самая деликатная миссия ему предстоит сегодня вечером: встреча с вдовой комдива, его дочерью и зятем. Встреча, надо полагать, нелегкая, волнующая — время хотя и затягивает старые раны, но полностью не властно над ними, как и над человеческой памятью.

Дружинин достал из стола лист бумаги, чтобы написать письмо Воронцу. Но ему помешали. Сперва пришла секретарша, принесла документы на подпись. Затем один за другим, словно по вызову, в кабинете появились три сотрудника, узнавшие, что их шеф приступил к своим основным занятиям, — у каждого из них тоже были неотложные вопросы.

Начинался новый трудовой день, с новыми делами и заботами.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Шевченко	
ВЛАДИМИРСКИЕ «ЯКОБИНЦЫ»	3
Т. Волжина, Н. Прокопенко	
ПЕРСТЕНЬ С РУБИНОМ	42
И. Кононенко, Ф. Кондрашов	
ТАЙНА ЗАПРЕТНОЙ ЗОНЫ	77
Ф. Шахмагонов, Е. Зотов	
ГОСТЬ	91
В. Востоков, О. Шмелев	
ПО СЛЕДУ «ОДИССЕЯ»	165
Л. Тамаев	
СТАРЫЕ РАНЫ	247

Составитель

Илья Иванович Шмелев

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Книга 3-я

Редактор **И. В. Стабникова**

Художник **Н. Б. Старцев**

Худож. редактор **Э. А. Розен**

Техн. редакторы **Т. И. Гончарова,**

И. И. Капитонова

Корректор **В. Л. Данилова**

Сдано в набор 15/VIII-75 г. Подп. к печ.
29/XII-75 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л.
13,0. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 23,36. Изд.
инд. ХД-416. А13144. Тираж 100.000 экз. Цена
91 коп. Бум. № 1 типографская. Зак. 406.

Издательство «Советская Россия»

Москва, проезд Сапунова, 13/15

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, г. Электросталь Московской
области, ул. им. Тевосяна, 25

